Красноярская региональная общественная организация
«Содружество просветителей Красноярья»

ДОРОГА К СОЛНЦУ

*Ненецкие, долганские,
нганасанские сказки*

Красноярск
2018

ББК 84(2=411.2)
УДК 821.161.1
Д-69

Дорога к солнцу : сказки : [для ст. шк. возраста] / составитель Н. П. Копцева [и др.] ; худож. С. Г. Салаткин ; Красноярская регион. обществ. организация «Содружество просветителей Красноярья». — Красноярск, 2018. — 304 с. , ил. — Содерж.: ненецкие, долганские, нганасанские сказки.

Авторы-составители:
Н. П. Копцева, научный редактор,
руководитель авторского коллектива,
К. В. Резникова, Н. Н. Пименова,
А. А. Ситникова, И. А. Бахтина

Художник С. Г. Салаткин

Сборник «Дорога к солнцу» включает сказки на ненецком, долганском, нганасанском языках с переводом, в большей или меньшей степени приближенным к оригинальному тексту, на русский язык. При серьезной трансформации традиционной культуры коренных северных народов подобные издания приобретают особую ценность. Они расширяют языковое пространство и тем способствуют сохранению основ национальных культур, восстановлению традиционной бытовой среды.

Издание предназначено для детей и взрослых, любящих долганскую, нганасанскую, ненецкую культуру, для всех, кто ценит сказки и фольклор.

© Красноярская региональная общественная организация
«Содружество просветителей Красноярья», 2018

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Издание подготовлено с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов по проекту «Сохранение и защита самобытности и языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: создание корпуса текстов современной детской литературы на ненецком, нганасанском и долганском языках».

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, когда традиционная культура коренных народов переживает сложные времена в связи с глобальными трансформациями, значимость детской литературы как средства приобщения к этнической культуре возрастает, поскольку нарушены естественные каналы приобщения к ней, утеряны ее отдельные составляющие. И в такой ситуации естественное непосредственное приобщение к родной культуре сменяется опосредованным — через книгу. При этом в прежние времена взрослые, будучи носителями традиционной культуры, передавали ее своим детям; в настоящее время нередко родители оказываются вне пространства традиций, и детская литература способна приобщить к культуре не только детей, но и их родителей — через совместное чтение.

Малочисленные народы всегда были подвержены влиянию больших сообществ. Особенности современного этапа их взаимодействия заключаются в том, что, во-первых, влияние на культуру малочисленного народа могут оказывать несколько обществ одновременно; во-вторых, как правило, воздействие одного общества на другое происходит внешне незаметно. Постепенное исчезновение самобытных культур малочисленных народов может фиксироваться на разных уровнях — это численность представителей этноса, занятость в традиционных видах деятельности, владение родным языком. Традиционные языки уходят из обихода коренных малочисленных народов. Наблюдается тенденция старения носителей языка: чем старше люди, тем большая их часть свободно владеет родным языком, и наоборот, среди младших поколений владеют родным языком единицы. К тому же у коренных малочисленных народов достаточно остро стоит вопрос с выбором родного языка. Дети коренных малочисленных народов Красноярского края чаще называют родным русский, а не язык своего этноса. Представители старших поколений коренных этносов, наоборот, в качестве родного называют язык своего народа.

Исчезновение отдельного народа, отдельного языка — это удар по культурному разнообразию человечества, потеря доли всемирного смыслового и интеллектуального богатства. Ситуация смены одного родного языка другим обозначается как «языковой сдвиг». Он может произойти в течение одного — трех поколений. Утрату языка обычно сопровождает разрыв связи между поколениями, депрессивное восприятие будущего, отсутствие перспектив в связи с тем, что с языком уходит и традиционный образ жизни, культура.

Воспрепятствовать исчезновению традиционных культур малочисленных народов возможно только комплексно, проводя политику восстановления, сохранения и развития различных элементов родной культуры. В противовес глобальному языковому сдвигу возникло движение «обратный языковой сдвиг»; он выстраивается исключительно на волевом основании — на осознании возникшей проблемы и сознательном ее решении. Исследователи говорят о многих факторах, способствующих сохранению и развитию языков коренных народов, два из которых напрямую связаны с детской литературой — это издание литературы на миноритарных языках и преподавание на них в школах.

Для современного этапа истории детской литературы на языках коренных малочисленных народов Севера характерно, с одной стороны, желание возрождать родные этнические языки, но, с другой, после смены государственной централизации рыночными отношениями издательства, перешедшие в частные руки, практически перестали заниматься выпуском малотиражных нерентабельных книг на родных языках северных народов. Так, по данным Российского статистического ежегодника — 2016, всего за 1990, 2000, 2010—2015 гг. на ненецком языке было выпущено 39 наименований книг и брошюр, в среднем менее пяти в год. К тому же наблюдается сокращение тиражей: если в 1990 году тираж 5-ти изданий в совокупности составил 13 тысяч экземпляров (в среднем 2,6 тыс. экз. на 1 печатную единицу), то в 2015 году тираж 20-ти — 3,3 тысячи экземпляров (в среднем 165 экз. на 1 печатную единицу). И в этих данных нет разделения на литературу для взрослых и для детей.

Ситуация с выпуском книг и брошюр на ненецком языке все же лучше, чем с выпуском изданий на нганасанском и долганском языках: за тот же временной период, по данным Российского статистического ежегодника — 2016, их не было вовсе.

Неудивительно, что в ситуации сокращения численности представителей этносов, владеющих родным языком, и бедственного положения в книгоиздательской сфере, удручающие данные зафиксированы и в сфере знакомства коренных малочисленных этносов Красноярского края с тра-

дициионными сказками: на начало XXI века лишь 13—18 процентов долган, нганасан и ненцев знали больше трех традиционных сказок; 70—80 процентов представителей этих этносов или не знают таких сказок совсем, или слышали, но не помнят их. Здесь важно подчеркнуть, что речь идет обо всей возрастной совокупности долган, нганасан и ненцев; учитывая старение носителей языка, можно предположить, что дети знают свои сказки хуже, чем взрослые.

Когда языкам коренных народов Севера угрожает исчезновение, важным является не только публикация произведений на этих языках, но и соприсутствие текстов аналогичного содержания на русском языке. Сравнивая тексты — слова и предложения, детям легче осваивать строй, особенности родной речи, поскольку в процессе чтения, сравнения образуются логические связки, закрепляющиеся в памяти, их легче актуализировать, вспомнив не страницы словаря, а яркое содержание сказки.

Важной является также публикация адаптированных для детей младших возрастов версий эпических произведений. Адаптированные варианты позволят соприкоснуться с наиболее важными элементами культур коренных народов, нашедшими свое место в эпосе. В них по возможности нивелированы устрашающие, трагические мотивы. Если говорить о старших школьниках, адаптированные версии могут побудить их обратиться к оригинальным текстам, в том числе и для изучения родного языка.

Собрание фольклорных текстов коренных малочисленных народов Севера, в том числе сказок, будет интересно и детям разных возрастов, и взрослым, в которых живо желание ознакомиться с культурным наследием трех коренных народов — ненцев, долган и нганасан, с традиционными языками и их лингвокультурологическими особенностями.

В книге представлены произведения не только ненцев, но и нганасан — одного из старейших среди существующих в настоящее время коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Красноярском крае; а также творчество долган — наиболее молодого коренного народа Севера, сформировавшегося в XIX — начале XX вв.

Издание поддержано Фондом президентских грантов и реализуется в рамках выполнения проекта «Сохранение и защита самобытности и языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: создание корпуса текстов современной детской литературы на ненецком, нганасанском и долганском языках». Участники проекта надеются на обратную связь и сотрудничество со всеми заинтересованными людьми и организациями, которые прилагают усилия для сохранения и воспроизводства уникального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

ДЕВОЧКА-СИРОТКА

Жила-была на свете Маленькая Девочка. Она жила в маленьком берестяном чумике одна-одинешенька. Дни Маленькая Девочка проводила, рассаживая своих куколок и думая о родителях, которых совсем не помнила. Однажды Девочка говорит своим куколкам:

— Совсем нет у меня хорошей еды, как ее мне добывать?

Только сказала так, из дымового отверстия чума послышался голос:

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Легла Девочка спать, как и посоветовал голос. Утром встала, вышла из чумика, смотрит — две оленьи туши лежат. Зажила Маленькая Девочка хорошо, столько оленьего мяса ей одной надолго хватило.

Как-то раз вышла Девочка-сиротка из чумика, смотрит — едет к ней издалека Хозяин на четырех белых оленях. Девочка испугалась и шмыгнула в чумик. Хозяин Четырех Белых Оленей за ней вошел, сказал:

— Я за тобой приехал.

Маленькая Девочка ему отвечает:

— Покуда я жива, никуда не пойду из своего чумика.

Рассердился Хозяин Четырех Белых Оленей и уходя в сердцах сказал:

— А ведь это я тебя кормил, когда у тебя еды не было.

Умчался Хозяин — только пурга из-под оленьих копыт. Девочка же куколкам своим говорит:

— Наверное, погибну я вскоре, одни вы останетесь: еды у меня совсем нет, а вам она и не нужна.

Легла Девочка спать. Наутро вышла из чумика, смотрит — стоит Старик-Великан, опирается на лиственницу, будто на посох. Испугалась Девочка, заскочила в чумик, говорит куколкам:

— Наверное, съест меня Старик-Великан, одни вы останетесь.

Сказала так, выскочила из чумика и побежала куда глаза глядят. Долго бежала, обернулась — Старик-Великан все еще виден. Дальше побежала Маленькая Девочка. Совсем из сил выбилась.

Добежала Маленькая Девочка до большого чума. Вышла из него Пожилая Женщина и спрашивает:

— Откуда ты?

Девочка отвечает:

— Гонится за мной Старик-Великан.

Пожилая Женщина предложила Маленькой Девочке войти в чум, в котором жила она и ее сын — Марендя-Хасава. Марендя-Хасава был хорошим охотником. Пожилая Женщина накормила девочку, дала ей красивую одежду.

Вечером вернулся в чум сын-охотник и спрашивает Маленькую Девочку:

— Узнала ли ты меня?

Девочка отвечает:

— Откуда мне тебя знать? Всю свою жизнь прожила я одна в чумике со своими куколками.

Охотник говорит:

— Ведь это я тебе еду приносил, это я великаном нарядился и выманил тебя. С нами теперь будешь жить.

— Но ведь куколки мои в чумике остались! Наверное, плачут, бедные.

— Куколок твоих я принес.

Обняла Маленькая Девочка Марендю:

— Теперь я от тебя никогда не уйду!

Так до сих пор они и живут.

ТРИ НОХО

Жили-были на земле три брата из рода Нохо, все женатые. У старшего и младшего было по дочери. У среднего брата жил приемыш — Хораля-сиротка. На троих у братьев Нохо было три тысячи оленей.

Однажды сказал старший брат:

— Пора нам в свои земли разъезжаться, весной снова встретимся. Хораля пускай со мной едет.

Средний брат согласился:

— Пусть едет, коли хорошо ему у тебя будет.

Разъехались братья с семьями в разные стороны. Сиротка Хораля со старшим Нохо поехал.

Настали для Хорали трудные дни: все время караулил оленей, спал на поленьях, не было у него ни рукавиц, ни добротной одежды. Хорошо хоть подкармливала тайком жена старшего брата.

Однажды сказал старший Нохо:

— Езжай, Хораля, в лес, привези десять саней дров. Я поеду на охоту. Если позже меня вернешься — я тебя убью. Возьми с собой мой топор.

Дал Хорале топор, да только лезвие затупил.

Приехал Хораля в лес, отыскал огромную лиственницу, принялся рубить, но тупым топором ничего сделать не может. Сел под дерево и заплакал. Видит сквозь слезы — пришла к нему в лес на лыжах жена старшего Нохо, спрашивает:

— Что ты плачешь, Хораля?

— Как мне не плакать, топором этим сделать ничего не могу.

— Я свой топор привезла.

Срубила жена старшего Нохо лиственницу своим топором, раскололa, на сани погрузила.

Приехал Хораля к чуму, распрягает оленей. Тут и старший Нохо подъехал, подошел к Хорале и ударил его по голове костяной колотушкой. Потемнело в глазах Хорали, кровь кругом, вошел он в чум, сел на поленья и не вставал до утра.

Утром приехал к чуму средний Нохо, вошел, спрашивает брата:

— Что за кровь на улице? Оленя убил?

Тот молчит. Сели братья есть. Средний Нохо удивляется:

— Хораля, почему на поленьях сидишь?

— Не хочет он с нами в чуме жить, — соврал старший Нохо. Но средний брат не поверил, он понял, что плохо Хорале живется. Увез сиротку к себе, велел жене накормить и одеть в теплую одежду.

Хорошо они зажили. И вот, спустя две недели, приехал к чуму младший брат Нохо. Стал нахваливать сиротку:

— Каким хорошим оленщиком Хораля стал! Поедем со мной.

Средний брат засомневался:

— У старшего брата плохо Хорале жилось, как бы и у тебя худо не было.

— Да что ты, хорошо будем жить!

Уехал младший Нохо с Хоралей. Дома велел ему переодеться в дырявые обноски и приказал:

— Поешь завтра, а сегодня оленей ступай караулить. Завтра возвращайся пораньше, кочевать отправимся.

Но Хораля в стаде уснул, вернулся, когда младший Нохо уже чум разобрал и нарты стал увязывать. Он уже давно ждал Хоралю и в ярости накинулся на него, ударил по голове костяной колотушкой. Упал на землю Хораля, обхватил голову руками, кричит:

— Ой, ой, ой!

Дочь младшего Нохо поддразнивает отца:

— Слышишь, смеется над тобой Хораля.

Подскочил младший Нохо, снова ударил Хоралю. Тот потерял сознание, а когда очнулся — вокруг никого, только снег кружит. Вдруг оказался возле человек на нарте, поднял Хоралю и с собой увез. Дома, в чуме, сироту согрели, вылечили и спать уложили. Утром проснулся Хораля здоровым.

Спрашивает его хозяин чума:

— Какого рода будешь?

— Я Хораля, а ты какого рода?

— Мой род Тилимбо. Кто ж тебя так бил?

— Есть три брата Нохо, так это младший.

— Слыхал я, что жили давно трое Хоралей, их три Нохо убили, забрали три тысячи оленей и ребенка. Сдается мне, ты тот ребенок и есть.

— Теперь я их найти хочу!

— Я дам оленей и отправлю с тобой дочь.

Утром хозяин чума запряг оленей и проводил Хоралю с дочерью в земли Нохо.

Семь дней кочевали они без остановок и добрались до земли, которая прежде роду Хораля принадлежала. Встретили там они двух девушек — дочерей старшего и младшего Нохо. Не узнали они сироту, дочь старшего Нохо спрашивает:

— Не видали вы Хоралю?

Хораля отвечает:

— Да это я и есть.

Обрадовалась дочь старшего Нохо, поцеловала Хоралю. Поехали они все вместе к чумам Нохо. У чумов братья сидят, не узнали сироту. И тот шепнул тайком среднему: «Я Хораля, и сегодня ночью я убью твоих братьев».

Старшего Нохо легко одолел Хораля — ударил костяной колотушкой по голове. А вот с младшим пришлось бороться всю ночь, но все же победил Хораля; убил он и дочь младшего Нохо.

Среднего Нохо с женой и дочь старшего Нохо пощадил Хораля, стали они все вместе жить. С тех пор хорошо и живут.

СЕСТРА СЕМИ БРАТЬЕВ

Жили-были на земле семеро братьев и две сестры из рода Пялься. Хорошо жили — огромные земли принадлежали им, семьсот чумов были разбиты братьями на берегу моря. Жили не тужили, братья просиживали днями напролет на нартах у своих чумов, вели беседы.

Однажды старшая сестра говорит им:

— Вы все отдыхаете, никаких нет у вас забот!

Братья ей отвечают:

— Разве что-то случилось в наших землях?

Старшая сестра им:

— Уж десять лет прошло, как наш отец отправился в земли Ханглавы и не вернулся оттуда. Нужно поехать за ним!

Братья:

— Пусть пропадает.

Возмутилась старшая сестра:

— Никуда вы не годитесь! И как только заработали себе славу, которая по всем землям ходит? Больше было б толку, если бы я носила мужскую одежду, а не вы. Младший брат, снимай свою одежду, поменяемся, и я отправлюсь искать отца.

Поменялись одеждой брат со старшей сестрою, и отправилась она кочевать в земли Ханглавы, с собой младшую сестру взяла.

Долго ли, коротко ли кочевали сестры, встретили оленщика Ялинзе. Узнал, несмотря на мужскую одежду, Ялинзе старшую сестру из рода Пялься.

— Ты, старшая сестра из рода Пялься, в землях Ханглавы всех оленей потеряешь, еще и сама погибнешь.

Та возмутилась:

— Кто это — старшая сестра из рода Пялься? Не слыхал я о такой. Напрасно ты надо мной смеешься, напрасно меня женщиной называешь. Не только не потеряю своих оленей, но и приумножу их вдвое.

Дернула вожжи, и уехали они с младшей сестрой, а Ялинзе так и остался стоять.

Долго ли, коротко ли кочевали сестры, встретили оленщика Силерако. Узнал он девушку, несмотря на мужскую одежду.

— Ты, старшая сестра из рода Пялься, в землях Ханглавы всех оленей потеряешь, еще и сама погибнешь.

— Кто это — старшая сестра из рода Пялься? Не слыхал я о такой. Напрасно ты надо мной смеешься, напрасно меня женщиной называешь. Не только не потеряю своих оленей, но и приумножу их вдвое.

Дернула вожжи, и сестры двинулись дальше, а Силерако так и остался стоять.

Долго ли, коротко ли кочевали, встретили оленщика Лад-Сэра. Не стала перед ним старшая сестра из рода Пялься притворяться мужчиной, а на предупреждение об опасности ответила, как и раньше:

— Не только не потеряю своих оленей, но и приумножу их вдвое.

Дернула вожжи, сестры тронулись в путь, а Лад-Сэр так и остался стоять.

Долго ли, коротко ли кочевали сестры, увидели семьсот чумов, поставили свой чум неподалеку.

Утром отправилась старшая сестра из рода Пялься к чумам, видит, около них сидят семеро Ханглавы. За чумами — две лиственницы громадные, в семь обхватов. Гибельные деревья — они росли на месте, где людей убивали.

Спрашивает у старшей сестры из рода Пялься Хозяин Ханглавы:

— Кто ты? Не видели тебя прежде.

Та отвечает:

— Я младший брат из рода Пялься.

Хозяин Ханглавы говорит:

— Ребята, позабавьте-ка гостя!

Повели старшую сестру из рода Пялься к лиственницам, с них свисают железные цепи, на цепях железная колыбель подвешена. Вокруг на земле человеческие кости разбросаны.

Посадили старшую сестру из рода Пялься в железную колыбель, стали раскачивать. Так высоко раскачали, что увидела девушка сверху Лад-Сэра, Силерако, Ялинзе и своих семерых братьев. Когда стала железная колыбель опускаться, выпрыгнула из нее старшая сестра из рода Пялься. Колыбель, устремившись вниз, всех собравшихся перебила. Старшая сестра из рода Пялься на землю спрыгнула, вырвала с корнем обе лиственницы, ими все семьсот чумов разметала.

Остались в живых только Хозяин Ханглавы и самый младший Ханглавы с детьми и внуками. Взмолились они:

— Не убивай нас, младший брат из рода Пяльця! Половина оленей будет твоя, дочь Хозяина Ханглавы за тебя замуж отдадим!

Перестала гневаться старшая сестра из рода Пяльця. На следующий день сыграли свадьбу.

Три года прожили вместе молодые, а детей у них все не было. Заподозрил Хозяин Ханглавы, что младший брат из рода Пяльця — женщина, и решил проверить, так ли это. Только стал прокрадываться в чум молодых, схватила его старшая сестра из рода Пяльця и давай трепать. Запричитал Хозяин Ханглавы:

— Не убивай меня, много оленей тебе подарю!

Пощадила его старшая сестра из рода Пяльця.

Через некоторое время решила она к братьям вернуться. Запрягли оленей и отправились кочевать. Долго ли, коротко ли кочевали, подъехали к десяти чумам, перед ними оленщик Лад-Сэр отдыхает. Подошел, узнал гостью.

— Старшая сестра из рода Пяльця, ты вернулась из земель Ханглавы, откуда еще никто не возвращался. Ты не только не потеряла своих оленей, но и удвоила их число. И младшую сестру ты не потеряла. Молодец! Ты очень храбрая!..

И снова в путь. Долго ли, коротко ли кочевали, подъехали к десяти чумам, перед ними оленщик Силерако отдыхает. Хотел он поговорить со старшей сестрой из рода Пяльця, но та не остановилась, только и успел крикнуть вслед:

— Я собираюсь в твою землю прийти!

Долго ли, коротко ли кочевали, подъехали к десяти чумам, перед ними оленщик Ялинзе отдыхает. И здесь старшая сестра из рода Пяльця не остановилась, но услышала за спиной:

— Я собираюсь в твою землю прийти!

Долго ли, коротко ли кочевали, и вот решила старшая сестра из рода Пяльця оторваться от каравана и поехать вперед — посмотреть, как в чумах дела. Дома поменялась с младшим братом одеждой и отправила его по своим следам навстречу аргишу, наказала:

— Будет на тебя дочь Хозяина Ханглавы пристально смотреть, скажи ей: «Что, не разглядела меня за три года?»

Сделал все младший брат из рода Пяльця, как было велено, привез к братьям дочь Хозяина Ханглавы. А она смотрит то на младшего

брата, то на старшую сестру из рода Пяльця и понять ничего не может.

Много или мало времени прошло, приехал младший сын Хозяина Ханглавы сватать младшую сестру из рода Пяльця. Братья Пяльця отвечают ему:

— Это не нам решать, у старшей сестры спроси, она предводительница, она хозяйка.

Старшая сестра согласилась отдать младшую замуж, пригласила:

— По-хорошему в гости приезжайте!

Много или мало времени прошло, приехал оленщик Силерако сватать старшую сестру из рода Пяльця. Отказала ему старшая сестра. Помрачнел Силерако, сказал:

— Не хочешь по-хорошему, я по-плохому приду.

Много или мало времени прошло, приехал оленщик Ялинзе сватать старшую сестру из рода Пяльця. Отказала ему старшая сестра. Помрачнел Ялинзе, сказал:

— Не хочешь по-хорошему, я по-плохому приду.

И вот однажды окружили чумы Пяльця бесчисленные воины. Братья Пяльця в чумах попрятались.

— Ни на что вы не годитесь! — возмутилась старшая сестра. — Напрасно носите мужскую одежду, лучше бы я ее носила!

Достала девушка огромный лук: выстрелит — где были воины, там широкая дорога. Семь дней не опускала лук старшая сестра, всех воинов перебила. Остались лишь Силерако и Ялинзе, пощадила она их и прогнала с позором.

Много или мало времени прошло с тех пор, и вот говорит старшая сестра своим семерым братьям:

— Спокойно мы сейчас живем, если случится беда — я узнаю, а сейчас уйти хочу: оленщик Лад-Сэр, равного которому по силе нет, давно ждет меня. Еще промедлю — рассердится он, тогда нам несдобровать.

Братьям деваться некуда.

— Ты только нас не забывай, — просят, — если что случится. Мы люди слабые.

Добралась девушка до чумов Лад-Сэра.

— Давно тебя жду, старшая сестра из рода Пяльця. Жду тебя давно… — только и сказал он ей.

Потом свадьбу справили. До сих пор так живут.

АТАЛАМИЙ-БОГАТЫРЬ

Давным-давно жила на земле одинокая лошадь. Не знала она, откуда появилась и где родилась. Так и жила весь свой век. Однажды нашла она остатки человеческого жилища и решила там поселиться. На этом месте попался ей топор, им лошадь и стала старый дом восстанавливать. И когда закончила, в прежний вид его привела, стал он восьмиоконным большим домом.

— Домом обзавелась, — сказала лошадь, закончив работать. — Спросить бы у творца-айыы*, как дальше мне жить.

И тогда она правое ухо вверх подняла, левое к земле наклонила, к айыы с песней обратилась:

— Создатель Юрюнг Айыы,
Укажи, как мне, подобно человеку,
Устроить свою судьбу.
Измучилась я в одиночестве,
И прошу тебя:
Надежную судьбу мне пошли.
Устрой так, чтобы душа ребенка
В тело мое вселилась.

Так и зажила в своем доме. На девятый день лошадь вышла во двор, пощипывая траву, и видит — стоит такая высокая трава, какую она никогда в жизни не пробовала. Лошадь подумала: «Наверное, если я такой необычной травы попробую, одно из двух случится — умру или человеком стану». Бережно выкопала она растение, не повредив ни ростков, ни корней, и в доме этой травой отобедала.

И чудесным образом спустя какое-то время родился у нее ребенок. И не обычный, а человеческий — мальчик. Рос ее сын богатырем, а

*Айыы — божества традиционной религии долган, обитатели Верхнего (небесного) мира.

лошадь с любовью за ним ухаживала. Вот однажды наигрался мальчик во дворе, зашел в дом и с удивлением спросил: «Отчего ты не такая, как я, — у тебя четыре ноги, а не две, и шерсть по всему телу».

Мать отвечала ему песней:

— На землю добрый дух айыы коня спустил.
Так конь жил, взял себе из людей жену,
У нее родились две кобылицы.
Как только кобылицы на ноги встали,
В разные стороны разошлись.
Я одна из них, у другой свое предназначение.
Такова история нашего рода.

Шло время, мальчик взрослел и однажды погрузился в мысли, да так, что три дня на постели сидел, не ел, ни слова не произнес, как бы мать его ни пыталась разговорить.

— Что ты задумал? — спросила его мать на четвертый день.

— О разном размышляю, — отвечал ей сын.

— Ладно, сначала поешь, потом мне расскажешь. Не мое дело удерживать сына. Ведь если назначено судьбой тебе от лошади родиться, то твое предназначение — род свой начать.

Впервые за много дней ее сын умылся, причесался, поел. И говорит матери: «Решил я в чужую страну отправиться. Но как приду я к лучшим людям чужого племени, спросят, как меня зовут, — что отвечу? Назови мне имя мое». На что мать ему отвечала: «Будь Аталамии-богатырем, сыном лошади». Обрадовался сын своему имени и попросил: «Тогда и путь мне укажи». Лошадь вышла из дома, повернулась в сторону восхода солнца и говорит ему:

— Вслушайся в эти слова, дитя мое.
Как пойдешь, с солнечной стороны
Будет стоять золотой мыс, вперед выдаваясь.
Со стороны айыы медный мыс стоять будет,
А со стороны смерти — черный мыс.
Там, где сходятся три этих мыса,
Есть город, конца и края которому не видно.
В нем встретится тебе старуха-лошадь, как я,
У нее спросишь, куда тебе дальше путь держать.

Тогда сын еще решил спросить: «Пешком мне идти?». Тут лошадь сбросила шкуру, а сама обернулась женщиной. Велела сыну сесть на шкуру верхом, и она, как только оседлал ее Аталамии-богатырь, в

коня превратилась. И понес его конь галопом. Так мчался он неутомимо, лето по дождю узнавая, зиму — по инею. И стал приближаться туда, где с трех сторон те самые мысы сходятся. Подъехал — верно, там город стоит. Подскакал к нему с солнечной стороны, коня за узду к столбу привязал и вошел, а там старуха сидит.

— Из какой страны ты, дитятко, прибыл? — спрашивает. — Ни один всадник сюда не добирался. Из какого ты рода-племени?

И парень рассказал ей, как мать ему рассказывала об истории своего рода, а в конце добавил: «Я — сын лошади, Аталамии-богатырь».

Тут старуха вскочила: «Так ты, оказывается, моей младшей сестры сын! Скажи, куда путь держишь, я укажу тебе дорогу. Надо осторожным быть, ведь есть в стране айыы опасные места и злонравные люди».

— Еду я состязаться. Говорят, наверху трех небес, на кончике большого пальца есть вращающийся дом, там живет девушка, которой все на свете в волшебстве уступают. Укажи мне дорогу, как отсюда выехать. Я гляжу, эти мысы то сходятся, то расходятся. Что поможет мне их пройти?

— Как поедешь в сторону солнца, к золотому мысу, тебя начнут теснить два других — медный и черный сходиться станут. И между ними будет стоять железный капкан, а по другую сторону медный и каменный богатыри на булатных мечах сражаться будут. Если тебе суждено стать человеком, то эти опасности ты пройдешь.

Выслушал ее богатырь и отправился в путь, не спуская глаз с золотого мыса. Тесно сдвинулись друг к другу два других, и подъехал он к ним со словами: «Мать-страна почитаемая, ослабь свое колдовство для меня; сыну лошади, Аталамии, двери свои приоткрой. Может, зря я еду. Чудесным образом я рожден, и люди из чужих племен смеяться станут, что от лошади я родился. Но если живым вернусь, в этой стране жить стану». Тут расступились мысы, а богатыри замерли, и Аталамии меж ними проскочил. И когда проехал мыс, решил отдохнуть: чтобы незамеченным быть, словами своими превратил он коня в бурелом, восьмихвостую медную плеть — в траву, поводья — в корни. А сам, покатившись по земле, обернулся камнем причудливой формы.

И пока Аталамии отдыхал, на край мыса спустились семь стерхов, белых журавлей, и стали говорить между собой: «Подружки, близится время, когда приедет сын лошади, Аталамии, выкупаемся поскорее».

Подошли семь журавлей к озеру с золотыми берегами, скинули оперение, став девушками — духами из Верхнего мира. Известны они тем, что жизнь вели чистую, говорят, даже при ходьбе земли только пальцами ног касались. Аталамии заметил их, а когда они купаться стали, подобрался к чудесным одеждам и одну из них в свой карман положил, решив пошалить. И притаился.

Вышли девушки из воды, стали одеваться, но нигде одежд одной из них не нашли, как и следов похитителя. Как улететь ей теперь без чудесного оперения? Взялись шесть девушек вместе и на своих крыльях подругу унесли. А Аталамии сел на коня и поехал к тому месту, где земля с небом сходились.

Вот проезжает он мимо одного города, увидели его три хозяйки в одном из домов и узнали в нем сына лошади Аталамии-богатыря, слух о котором до этих мест дошел. Вышли три хозяйки, вежливо приглашая всадника отдохнуть в их доме, отведать угощения, а заодно новости им рассказать. Но Аталамии даже ухом не повел и не взглянул — мимо поехал. Тогда досада взяла сестер, рассердились они, и старшая говорит: «За людей нас не посчитал — доставайте веревки длиной в восемь маховых саженей, попробуем заарканить». Поднялись сестры на свой лабаз и стали Аталамии ловить: одна, бросив веревку, за голову его поймала, другая — за плечи, третья — за талию. Вместе с конем богатыря к лабазу притянули.

— Ты думал мимо проехать, но не знал, что мы — госпожи, никого не пропускающие. И приехавший сюда не может не остановиться у нас. А зовут нас — дочери Лабаз-звезды, — сказали сестры. — Не обижайся, что заарканили, ты сам нас подначил. И если уж ты такой удалой человек — удалью своей освободись.

Рассердился Аталамии, соскочил с коня.

— Хоть вы Лабаз-звезды дочери,
Ваши веревки, из восьми ремней сплетенные,
Восемь лет под дождем находясь, отсыреют.
Не просыхая, сгниют,
Разорвавшись, с меня спадут.

И когда Аталамии закончил свою песню, веревки разорвались и он освободился. Снова оседлал он коня и пустился в путь, не смогли его дочери Лабаз-звезды удержать.

Много ли времени прошло, быстро мчал конь Аталамии-богатыря, и приехал он к дочерям Юргэль-звезды. Обратился он к ним с

великим почтением и попросил: «Старшие сестрицы, помогите, укажите дорогу».

А одна из старух решила его обмануть и говорит: «Этой дорогой езжай, а вон той возвращайся». Распознал Аталамии обман, замахнулся плетью: «Сестрам своим передай, пусть укажут мне дорогу. Когда вернусь — тогда и погощу, а сейчас нет у меня лишней минуты». Тогда на его слова вышла другая из сестер и спросила: «Куда путь ты держишь, Аталамии-богатырь? В какую страну едешь, где твоя суженая? Где ты заприметил ту, что тебе предназначена в жены?»

Отвечал ей Аталамии: «В каком-то краю живет госпожа, которой все на свете в хитрости уступают, — к ней я и еду».

— Живет та госпожа в солнечной стране, к ней вот эта дорога ведет, — указала ему путь дочь Юргэль-звезды.

По той дороге и помчался Аталамии, по пути обогнав шамана-абаасы*. Недолго богатырь ехал — увидел дом, вращающийся будто на кончике большого пальца.

Подъехав, чтобы не быть замеченным, снова богатырь своего коня в бурелом обратил, а сам принял облик самого слабого человека, и так в сени этого дома вошел. Заметил его человек, который очаг раздувал, стал прогонять, но Аталамии не сдался — одним ударом его из дома выгнал, а сам принял его облик и продолжил огонь разжигать. Смотрит, девица из покоев вышла и в окно выглянула, а там шаман к дому подъезжает — некрасивый старик. Остановился он у порога и громко произнес:

— На весть о том, что живет на вершине трех небес
Та, кто ни одному богатырю не покорилась,
Я, лучший из мира, сюда приехал свататься.
Имя мое — Шаман, родом из страны смерти.
Я старше тебя, а старшим нельзя перечить — беру тебя в жены.

В ответ девица запричитала:

— Не скрылась я, хоть и на острове вдалеке от всех проживаю.
Волшебную одежду у меня украли, наверное, по следу сюда и пришел.

---

*Абаасы — злые духи Верхнего, Среднего и Нижнего миров в долганской мифологии, живущие своими родами; хозяева Нижнего мира; противник (антагонист) айыы.

Кто же теперь, каменной став горою, меня защитит?!
Создатель-творец мой, неужто ты в мужья мне назначил
Старика-шамана из страны смерти? Вот горе!
Вошел шаман в дом, а девица продолжает:

— Только недавно трое ко мне сватались. Когда сын солнца сватался, спиной к нему сидела. Когда человек сватался — даже не повернулась. Когда сын месяца сватался — не взглянула, вышивая узор. Нет бы мне с кем-то из них уехать! Не попалась бы тогда старику-шаману из страны смерти.

Делать нечего — пришлось принимать почтенного гостя: накормила-напоила его девица, а сама вышла во двор: «Не думала я, что в эти дни свою судьбу буду оплакивать. Прощай, моя обжитая солнечная страна! Прощай, творец мой Юрюнг Айыы! Прощайте, белопламенное солнце и полмира освещающая луна! Придется отправиться мне в страну смерти навеки. Не думала никогда, что в жены отдана буду старику-шаману. Ведь говорили, что едет сюда чудом рожденный Аталамии-богатырь, его и ждала. А вышло совсем по-другому».

Тут Аталамии-богатырь свой облик изменил — в девицу, перед красотой которой меркнет солнечный свет, превратился, и таким вошел к шаману. Тот от удивления, какая красавица в этой стране родилась, онемел, а богатырь в образе девицы к нему обратился:

— Господин, такой почтенный человек, как ты, долгий путь проделал не ради меня, оказывается?! Лучше мне и не жить, раз уж так!

— Что ты! — говорит шаман. — Красавица, на тебе я женюсь!

— Теперь я за тебя не выйду! — отвечает ему девица-оборотень.

Стали спорить, ссориться, а после завязалась у них драка, тут Аталамии-богатырь свой облик и принял. Силой своей победил богатырь шамана — столкнул его с острова, освободив красавицу. И в дом ее вошел со словами: «К тебе я, Аталамии-богатырь, приехал свататься. Скажи, что думаешь о моей просьбе». Впервые к гостю девица свой стул повернула: «Аталамии-богатырь, ты ради меня приехал и в смертный час меня поддержал — что же ты спрашиваешь?»

Угостила богатыря разными яствами, а он и говорит:

— Тороплюсь я на родину возвратиться — собери скорее, что возьмешь с собой, и поедем.

Стали богатства красавицы укладывать, да так, чтобы в карман поместились, — за три дня управились и двинулись в путь верхом. А вращающееся жилище, на голову поставив, тоже увезли.

Дорога обратная чудом тоже будто в обратном направлении пошла. И так они к дочерям Лабаз-звезды, подругам красавицы, приехали. Погостили, переночевали, а когда в путь собрались, старшая из сестер одарила гостей: мужу вручила золотое кольцо, а жене его — золотой гребень. И сказала:

— Чудесную одежду твою мог украсть только тот, кому ты в жены предназначена. А она у Аталамии в кармане, значит, он и есть твой суженый. Езжай, подруга, будем живы — встретимся.

Так и расстались.

Вскоре до дома дочерей Югрэль-звезды добрались. Чуть было мимо не проехали, но сестры во двор вышли и вслед им крикнули:

— Что же ты, Аталамии-богатырь, мимо едешь, подругу нашу нам не показываешь? Мы ведь с нею как сестры. Погостили бы вы у нас хоть немного.

Вернулись путники — побывали в гостях, а перед отъездом старшая из сестер им подарки вручила: мужу железный лук, а жене его — зеркало в золотой оправе.

Долго ли ехали — приблизились к горам, с трех сторон надвигающимся. Обратился Аталамии к дерущимся богатырям, которых в прошлый раз повстречал:

— Возвратился я из солнечной страны. Если суждено мне обосноваться в этой стране — откройте мне дорогу.

Тут же дорога перед ним и открылась, а по ней Аталамии с женой к тетушке своей приехал. Она, встретив богатыря, так обрадовалась, что все угощенье на стол выставила.

Несколько дней в гостях пробыли, и тетушка говорит Аталамии:

— Стара я становлюсь. Как умру — некому о моем хозяйстве позаботиться. Один ты у нас — сестер-кобылиц, наследник. Поезжай за матерью да тут и живи, пусть мой дом твоим станет.

Поблагодарил ее Аталамии-богатырь, послушался, привез мать свою в этот дом, и так стали они вместе жить — в самом центре Среднего мира. А сколько прожили — никто и не знает.

БРАТ И СЕСТРА

Давным-давно, в ту пору, когда эта обжитая страна была так мала, как шкура головы самца оленя, а простирающееся небо было не больше лица человека, жили в ней старуха со стариком. Как появились тут, они не знали — то ли из земли, корни пустив, то ли с дождем упали с неба. Жили они в земляном жилище-голомо, из имущества у них были только топорик, огниво и кремень. А жилище их стояло на скрепах Среднего мира. Так и жили, детей не имея.

Вот старуха со стариком, каждый про себя, думают: «В Среднем мире прожили, даже имени не имея. Как бы нам оставить после себя имя свое?»

Тут старик спрашивает:

— У кого-нибудь детскую душу нам попросить бы, откуда детская душа берется?

На это старуха говорит:

— У духа небесного айыы спросим.

А старик отвечает:

— Ты у айыы проси, а я у духа-хозяина земли абаасы попрошу.

Так они, посоветовавшись, решили. Старик пошел к берегу моря. Видит — цельный камень стоит, к нему подойдя, прилег.

— Дух-хозяин моря, — говорит, — детскую душу пошли.

Дома старуха молится:

— Айыы, — говорит, — детскую душу пошли.

Старик три дня молился этому камню, старуха у айыы три дня детскую душу просила. На третий день вышел к старику абаасы.

— Три дня ты мне молился, старик, что просишь? — говорит.

Старик ему отвечает:

— Детскую душу прошу.

— Детская душа вот такая бывает, — говорит абаасы и старика до пояса заглатывает. — Отдашь ли ты мне, старик, то, чего не знаешь?

— У меня ничего еще неизвестного нет, — отвечает старик.

Тогда абаасы его до колен заглотил.

— Скрываешь от меня, не скрывай, отдай.

До ступней заглотил.

— Старик, не жалей! Старик, не скрывай! То, чего не знаешь, отдашь ли мне?

Старик уже задыхается.

— Пусти же, — сказал, — если знаешь, что это, — бери, только отпусти меня.

Тогда абаасы старика выплюнул.

— Ну, старик, — говорит абаасы, — домой придешь, старуха твоя сидеть будет, на коленях двух детей укачивая. Если этих своих детей мне и отдашь, тогда отпущу.

— А если меня съешь, детей моих оставишь в живых?

— Нет, я не айыы, я абаасы, не оставлю, — говорит.

— Если детей моих возьмешь, — спрашивает старик, — меня оставишь ли в живых?

— Если дашь, оставлю. Ну, на третий день к тебе приду, жди, — ответил абаасы.

Пришел старик домой, а там жена его сидит, девочку с мальчиком укачивая. Старик посмотрел на них и заплакал.

— Грешно, грешно, — говорит старуха, — ты своим плачем проклинаешь то, что даровано божеством-айыы. Другой бы утешился: когда умрем мы, после нас дети наши останутся. А ты огорчаешься и слезами исходишь. Или от радости плачешь?

Старик, всхлипывая, говорит:

— Три дня я каменной горе молился, на третий день абаасы вышел и стал меня заглатывать, спрашивая: «Отдашь мне то, чего не знаешь?». Три раза спрашивал. Тогда, чтобы не умереть, я согласился. Двух моих детей абаасы я отдал — вот и плачу. Где ты этих детей взяла?

Тут старуха заплакала.

— Сразу тебе говорила: «Помолимся вместе айыы». Не согласился и за эту прихоть свою теперь поплатился. Кого теперь после себя оставим стержневой колышек Среднего мира держать? Как жаль, что пропадут наши дети! На сколько дней со своим абаасы ты договорился?

— Через три дня он наших детей заберет.

Стали об этом старик со старухой плакать, так в слезах и уснули.

А ночью старуха сон увидела. Явилась ей во сне лошадь и говорит:

— Может, потому плачешь, что прокляла детей, дарованных божеством?

— Нет, сестрица моя, вот почему я плачу:

Может, еще суждено было быть человеком,

Поэтому и послал еще тебя айыы.
Если имеешь чуткие уши,
Выслушай мой заветный последний рассказ.
Старик мой три дня каменной молился горе,
Я же три дня молилась айыы, детскую душу прося.
Пока я просила, вдруг оказалось: на коленях моих
двое детей сидят.
Своими детьми признав, я их полюбила.
И этих детей, мне полюбившихся,
Старик мой отдать обещал абаасы.
Если и вправду ты божеством айыы послана, посоветуй мне.
Если своим советом погубишь — погуби!
Если своими людьми считаешь — людьми сделай!
Не отступлю от твоих советов.
Молясь твоему имени,
восемьсот поклонов к твоим ногам кладу я.
На это лошадь говорит:
— Сестрица, детей, айыы дарованных,
Как в пасть абаасы я отдам?!
Если и вправду можешь видеть вещие сны,
Проснувшись, вспомнишь мой совет.
Скажи своему старику: как только проснется,
Пусть роет яму под очагом,
Глубиною в трижды по девять маховых саженей.
Как выроет, пусть обоих детей посадит в эту глубокую яму.
После этого старуха вдруг проснулась, стала плакать.
Старик говорит:

— Баба, — говорит, — почему плачешь? Может, ты ночью увидела во сне, как нам спасти детей?

Тут старуха топорик свой взяла:

— Пока цел, за три дня выкопай скорей яму глубиной в трижды по девять маховых саженей, топориком землю вырубай.

Старик под очагом стал копать, в конце третьего дня закончил, и тогда они детей своих в яму спустили.

Погасла вечерняя заря, и явился огромный абаасы. В дом войдя, уселся и сказал:

— Старик, где же то, чего ты не знал? Готовы ли отдать? Я в условленный день пришел.

— То, чего не знал и век не знаю, у меня нет. Так, не зная, и живу. Теперь как хочешь мучай, истязай — того, чего не знаю, знать не буду! — отвечает ему старик.

— Старик, не обманывай! Ты запрятал, но я все равно найду, — сказал абаасы. — Я самый лучший провидец, знаю, что старуха твоя три дня молилась айыы, получила мальчика и девочку — двоих детей. Не скрывайте, потом все равно найду. Рассказывайте.

На это старуха сказала:

— Не найдешь! Если ты и вправду такой провидец, сам угляди.

Тут абаасы не выдержал: старуху со стариком схватил за волосы и сожрал, а в доме их обосновался. Три дня истекло. Пытался абаасы детей разыскать, три дня напролет искал — не нашел. Все пытался догадаться, да ума не хватило. Надоело это все абаасы.

— Эти дети пусть не думают, что совсем скрылись от меня. Все равно найду, — сказал так и домой пошел.

А дети все это время лежали в земле и так ослабли, что могли только глазами моргать. Трижды девять лет пролежали, только души у них и остались.

И вот братец, который был чуть старше, сестре говорит:

— Так неподвижно лежа и умрем мы, что ли?
Может, айыы-творца, солнце-луну мы спросим?
Как ты сама думаешь?
В век нашего появления, в миг нашего рождения
Юрюнг Айыы-Тойон, наш отец,
Не предназначал нам в начале жизни умереть.
Посоветуй, что делать!
На это она ответила:
— У женщины мысли кос не длиннее, —
Есть такая пословица,
Раз ты мальчик, то сам решишь-посоветуешь.
Если айыы мы созданы,
Если знаешь примету, добрую долю-счастье нам предвещающую,
Попробуй избавить нас от этих мучений.
Тут мальчик в яме лег навзничь и так запел-заговорил:
— Создатель Юрюнг Айыы,
Мой смертный день подошел,
Мой черный последний день
Предстал предо мной.

Так думая, пою я и плачу.
Как суждено мне стать человеком?
Если мне суждено
Главный колышек Среднего мира держать,
Пусть он в течение трех дней
Светлое дыхание мое спасти попытается.
Мы, две живые души,
Только три дня мать свою знавшие,
Мальчик и девочка,
В яме лежим глубиною в трижды по девять маховых саженей.
Если и вправду он наш создатель-отец,
Пусть поспешит, — так скажи-передай.

А на третий день, примерно к восходу солнца, мальчик наверх поглядел, и оказалось, что яма, в которой они сидели, сверху оледенела-заиндевела. А этот иней от солнечного тепла или от света айыы начал оттаивать — вода потекла по стенам ямы. Всмотрелись внимательно: вверху показалось отверстие, в которое они когда-то спустились, и в нем мальчик разглядел лошадиную морду.

Тут вдруг песня послышалась:
— Мои деточки, мои птенчики,
В мною сказанные слова
Чуткими ушами вслушайтесь.
К вам я пришла,
Вы хвостом моим крепко обвязаться попробуйте,
Торопитесь-спешите!»

Так говоря, лошадь стала спускаться. Дети обвязались ее хвостом, а лошадь петь продолжает:
— Если от матери, от отца
Вещи у вас остались,
Ни за что их здесь не оставляйте,
Увидав белый свет,
Ликуя и радуясь, разума не теряйте!
Деточки мои милые,
Не торопясь, не спеша,
Очень надежно со всех сторон старательно обвяжитесь!
Я сейчас прыгну,
Но песня моя еще не кончается.
Думая, что наконец выбрались на солнечный свет,

Рук, хвостом обмотанных, не ослабляйте,
Хвост, за который держитесь, не отпускайте.
Спасу вас или на смерть обреку —
Сама не знаю, но прыгаю!
Теперь моих слов заветных не забывайте,
Говорю для того, чтобы вы стали людьми, мои деточки!
По хвосту, за который держитесь,
Вверх подтягивайтесь, упираясь и цепляясь,
Осторожно старайтесь сесть на меня верхом.

Брат и сестра послушались, за шерсть цепляясь, на лошадь влезли. Так на ней ехали и спали. Спина этой лошади в три маховые сажени, круп — в восемь, длина — в десять, высота — в восемь маховых саженей. Спустившись, лошадь запела:

— Ну, дети мои, внимательно слушайте,
Трижды не стану вас поучать.
Посмотрите назад, на дорогу,
По которой мы ехали.
Как светят солнце и месяц?
Застилает ли их что-нибудь,
Или светят солнце и месяц по-прежнему?

Дети назад оглянулись: дорога, по которой они ехали, темнеет, туманится. Из-за края неба вышло черное облако, в воздухе копоть взвилась.

— Ну, посмотрели? Что-нибудь видно? Черное облако появилось, так ведь?

— Да, появилось.

— Ну, слушайте, дети мои.
За нами следует по пятам абаасы,
Сожравший ваших мать и отца.
Есть ли вещи у вас, оставшиеся от матери?
Если он нас настигнет и схватить вас попытается —
Это огниво свое меж рук его бросить попробуйте
Со словами: «Громадного абаасы пугающим,
Без конца и края огнем полыхающим стань!».

После этого тронулись. Когда так они мчались, огромный абаасы стал настигать, да так быстро, будто по веревке к ним подтягивался. Вот уже на длину мамута приблизился. Вот до них и около шага осталось. Испугавшись, что абаасы их вот-вот схватит, мальчик запел:

— На скрепах Среднего мира
С духом-хозяином,
У главного колышка родившиеся
Старик и старуха,
Весь свой век, пока не умерли,
Искры огня высекая и раздувая, жили.
Наступает час моей смерти,
Я, чтобы перешагнуть мне хотя бы еще один день, бросаю
Бесценную вещь, которой бы никогда не пожертвовал!
Если солнце увидеть мне еще суждено,
По моему слову с неба спускающимся,
Из конца в конец обширного мира
Огнем полыхающим стань!

Огниво свое бросил, и тогда стало оно огнем, с неба спускающимся и из конца в конец обширного мира простирающимся. Огромный абаасы от огня отшатнулся и назад попятился. За этот час беглецы успели дальше уйти. Оторвались на расстояние трех кочевок, переночевали, отдохнули и собрались дальше двинуться. Видят — опять огромный абаасы их настигает. Тогда лошадь, летя, сказала:

— Если есть еще вещи, оставшиеся от матери, то камень-кремень попробуйте бросить.

На это мальчик, горько заплакав, запел:

— Если и вправду тебя мать,
В смертный час завещая, оставила,
Из конца в конец земли протянувшейся
Каменною горою стань!

Тут же этот кремень превратился в такой цельный камень, без щелей, что и мышь не могла бы, скребясь, его прогрызть. Огромный абаасы с ходу так в него врезался, что с первого удара каменную гору до середины пробил. А на середине, истощив всю мощь, превратился в жидкое олово и стек в Нижний мир.

Беглецы дальше поскакали. Долгий путь у них: дети ехали на лошади и все росли, взрослели. Вот заночевали они, и лошадь говорит:

— Если снова абаасы станет нас настигать,
Отцовский топорик,
Затупившийся так, что обуха от лезвия не отличить,
Кинь со словами:
«Восьмипроточным бушующим морем,

Берег которого в песок не рассыплется,
Даже если ступит туда
Именитый волшебник, — стань!».
Вот и все советы мои.

После этого снова в путь отправились, а абаасы снова стал их настигать. Когда он совсем приблизился, человек, сидящий на лошади, запел:

— Ну, главная вещь в наследстве моем,
С тобой мое волшебство кончается.
Если и вправду ты главная вещь моего отца,
С которой он дожил до старости,
Не пережив тебя, то с этими словами моими
Восьмипроточным бушующим морем стань!
Два твоих берега каменными горами булатными пусть станут!
Каменной скользкой преградой стань
С ветром на трижды по девять лет,
Стань преградой для любого, кто ступит на берег, преградой!

Сказав так, он топор свой отбросил. Тут никогда не виданное — без конца и края, неприступное грозное море появилось. На его берег, на солнечную его сторону, лошадь совсем без сил и опустилась.

Тут двое ребят от жалости заплакали. А лошадь им говорит:

— Дети мои, не плачьте, умираю я, но вы вовеки мучений не знающими людьми станете.

Дети до смерти испугались, а лошадь продолжала:

— Когда умру, друг с другом обнявшись, войдите в шкуру мою со словами «Без конца и края, необозримым, восьмиугольным, необъятным-обширным городом стань!». После этого двум стегнам моим скажите: «Вот два наших амбара с продуктами!». После этого двум передним моим ногам скажите: «Кладовками нашими смежными с деньгами станьте!». Двум почкам моим скажите: «Медведем-собакой и волком-собакой станьте, цепями привязанными с левой и правой стороны нашего города!». Сальнику моему скажите: «Красный платок мой шелковый!», и в него завернувшись, усните. Потом четыре копыта моих со словами «Вот богатство мое, мой скот, дыханием своим густым застилающий месяц» в разные края земли разбросайте. После этого моей голове скажите: «Моим конем, айыы дарованным, вещим словом обученным, стань». Моему кишечному жиру скажите: «Серебряными моими поводьями стань». Моим восьми ребрам скажите:

«Медной моей восьмихвостою плетью станьте!». А после этого усните. Вот и все мое завещание вам, дети милые.

Договорила лошадь и умерла. Дети громко заплакали-заголосили. А обессилев от плача, вспомнили завещание и его выполнили — мальчик в точности все сказал, ни слова не изменив. Под конец, войдя в шкуру лошади со словами «Без конца и края необозримое наше жилище!», брат с сестрой уснули.

С наступлением утра мальчик проснулся, осмотрелся: никто во весь свой век в таком жилище не обитал и во сне такого не видел — такой дом предстал перед ним. Обрадовавшись, он сестру свою разбудил и говорит:

— Завещанное сбылось, что же ты сидишь! Вот какая, оказывается, жизнь дана нам айыы.

Девица, умывшись и причесавшись, огляделась: словно по ее желанию, вся одежда ей приготовлена. Парень оделся и вышел, а как только дверь дома раскрыл, медведь-собака и волк-собака стали к нему ласться. Сначала испугался он, но слова лошади вспомнил и перестал бояться. Потом вышел во двор: скот его, своим дыханием, словно туманом, луну застилающий, прямо у снеговой завалины стоит-кормится. Дальше посмотрел: конь его стоит.

С этого дня брат и сестра зажили в Среднем мире счастливо, никакой нужды не зная.

ТРИ ДЕВУШКИ РОДНЫЕ СЕСТРЫ

Говорят, раньше в узорнотравном Среднем мире, в восьмиоконном обширном и раздольном городе-доме жили спущенные божеством Айыы из Верхнего мира три родные сестры. Самая старшая из девиц была работницей, средняя, Симэксин (шаманка), у них — кухарка и дровосек, а самая младшая — охотница-лучница. Так и жили.

Как-то средняя сестра, шаманка, своей сестре-охотнице говорит:

— Сестра, ты ходи охотиться, прошу тебя, только в сторону восхода солнца. В сторону смерти — захода солнца, не ходи. Худо будет.

Сестра ее ни «да» ни «нет» не отвечает, каждый день себе охотится. И вот однажды подумала:

— Что это сестра моя сказала такое дивное да странное? Надо поехать в сторону захода солнца, разузнать.

Подумала так и напрямик на коне помчалась в сторону захода солнца. И вот по дороге повстречала она огромного абаасы Нижнего мира. Тот железного быка запряг, сани у него железные с коробом, и сам он на тех санях, спиной оборотясь, сидит, железным хореем через подмышку железного быка погоняет и едет.

Девушка увидела это, лук свой в руки взяла и с заклинанием ему в спину стрелу пустила:

— От отца с матерью в память оставшаяся стрела моя
с духом-хозяином,
У этого абаасы спину насквозь пронзи,
Легкие с сердцем вырви и с ними ко мне возвратись!

Летит стрела, звеня в воздухе. Только у абаасы спина-то вся железная. Отскочила стрела и рядом упала.

Абаасы вздрогнул и говорит:

— Почему так солнечный мир человека Нижнего мира чурается? Как необычно ломаются твои железные травы.

Девушка еще раз попробовала. Опять произносит заклинание:

— От отца с матерью в память оставшаяся стрела моя
с духом-хозяином,

Почему от абаасы отскакиваешь? Не отступай, не уклоняйся.
Спину абаасы насквозь пронзи,
Легкие с сердцем вырви и с ними ко мне возвратись!
Пустила вновь стрелу, но и та отскочила. А абаасы опять говорит:
— Что с тобой, солнечный мир? Человека-абаасы чураешься? Железные травы-тальники твои, ломаясь, в спину так больно бьют! Вот услышал я, что три девушки из Верхнего мира в узорнотравном Среднем мире живут. Еду старшую из них в жены брать.
Девушка удивленно говорит:
— Что с тобой, моя стрела заветная? — и в третий раз стрелу пускает.
Больнее стрела в спину абаасы ударила, попала, да не пробила. Но абаасы наконец обернулся, видит — на рыжем коне верхом девушка сидит.
Обрадовался абаасы:
— Вот так жена моя! Родную младшую свою сестру для первого угощенья, видно, мне послала!
Вскочил он и, набрав воздуха, дунул так, что с поверхности земли трава, деревья — все прахом вверх поднялось. И девушка с конем упали без памяти. Тут он обратно вдохнул и, все сдутое втянув, их проглотил. Влез абаасы обратно в сани и в сторону солнца дальше потащился.
Тем временем две старшие сестры младшую ожидают, беспокоятся. Шаманка, средняя сестра, ворожит и говорит старшей:
— Ну, сестра, погибли мы.
Охотницу нашу, родную нашу сестру,
Проглотил огромный абаасы.
Останется ли она в живых, неизвестно.
Ты сейчас же беги отсюда,
В сторону солнца иди,
Пищу, одежду с собой возьми:
Еду прощальную и праздничную одежду.
Я остаюсь — пусть уж меня съест.
Старшая сестра, плача и рыдая, прощальную пищу съев и заветную одежду надев, простилась со средней и в сторону солнца пошла.
А шаманка за дело взялась: построила глухую горячую каменную баню, совсем без отдушины. Топит баню, угощение готовит, и вот этот абаасы притащился.

— За тобою приехал я из Нижнего мира.
Срок уже вышел, собирайся быстрее.
Ни лоскута от кроенного ножницами не оставляй,
Ни обрезка от срезанного ножом не бросай,
Собирайся, спешу!
На это Симэксин-девица ему отвечает:
— Что ты, мой господин,
Гость обычно, в дом не зайдя, со двора не уедет.
Раз увезти приехал — все равно увезешь.
Войди в теплый дом, горячего чаю попей, погости.
— Ну, зайду, зайду.

Абаасы из саней вылез и в дом вошел. Здоровается, присаживается, смотрит — ни угощения, ни стола нет.

— А где же еда-угощение? Опаздываю, торопиться нам надо.

В ответ девица запела:

— Мы обычно отдельный дом для еды имеем.
Этот дом только для отдыха.
Пойдем же в дом, где едят.

— Ну, пойдем! — ответил абаасы.

Тогда девушка огромного абаасы в тот железно-чугунный, каменный дом вводит, где даже окон нет. Видит абаасы — в доме том все только из железа: и стол, и стул, и кровать. А на столе разная снедь выставлена.

— Ну, гость, садись! — говорит девушка и начинает угощать. — Ешь пока, а я скоро вернусь.

Выскользнула девушка в двери и крепко-накрепко их закрыла. И принялась жарко печь топить, которая снаружи тоже имела топку. Растопив печку, оделась средняя из сестер и вслед за старшей побежала в сторону восхода солнца.

Сидит абаасы в доме, ест. Вдруг видит: весь дом начал докрасна раскаляться. «Куда же ушла?» — думает.

Вот он уже жара не выдерживает, в дверь выйти попытался — невозможно. Так и не выбрался.

А девица так и шла в сторону солнца. В пути устала, уснула и во сне человеческий голос услышала:

— Ну, Симэксин, что лежишь?!
Поднимись и в сторону солнца иди.
Достигнешь места, где разные травы растут.

С солнечной стороны от тех трав
Три золотые травы будут стоять.
Стоящую с самого края солнечной стороны
Золотую траву сорви и съешь.

Проснулась девушка — никого нет. Удивилась она, но пошла, как во сне было предсказано. Дошла до места, где разные травы растут, местности с разными травами достигла. Пошла она, травы раздвигая, и предстали перед ней три красивые золотые травинки. Третью, как во сне было сказано, сорвала и съела — необыкновенно вкусно оказалось. А дальше пошла — впереди себя дом увидела. Обрадовалась девушка, что на дом набрела, вошла в его дверь с солнечной стороны. Видит: в переднем углу, под окном, серебряный стол стоит, а там два мальчика играют. На стук двери обернулись дети:

— Наша мама пришла! — закричали и бросились к ней.

Так, приняв этих детей за своих, стала жить эта женщина в доме.

А через какое-то время у нее еще один, сплошь золотой, ребенок родился. Зажили вчетвером — в доме веселье, шум-гам. Мальчики подрастают. Вот и достигли того возраста, когда могут мамутом пользоваться.

Их мать, старуха, вышла во двор, где три амбара стоят: золотой, серебряный, медный. Медный амбар открывает — только медная проволока в нем лежит. В серебряном амбаре серебряной проволоки оказалось полно, а в золотом амбаре — золотой. Сначала в медный амбар войдя, из медной проволоки в течение дня один мамут она сплела и на стену повесила. Наутро в серебряном амбаре в течение дня мамут сплела и на стену повесила. На третий день в золотом амбаре мамут сплела, в сто маховых саженей. И однажды все три мамута сыновьям принесла: старшему медный мамут, среднему — серебряный, золотому мальчику — золотой. Обрадовались сыновья подаркам, выбежали во двор. Старший сын медный мамут намотал и, над землей размахнувшись, запел:

— Ну вот, моя мать, госпожа Симэксин,
Предназначенную для чего-то, должно быть, вещь
В течение целого дня плела.
Наверное, вещь эта для ловли коня предназначена.
Хотя от рождения далеко по земле не ходил, знаю:
Караккаан-тойон живет в этом мире,
У того Караккаана-тойона три сына,

Младший сын владеет медно-пестрым конем.
С солнечной стороны от входа в город того Караккаана-тойона
Стоит в медной клети конь, сыну тому назначенный.
Пестрая петелька медного моего мамута с духом-хозяином
Сквозь стену медной клети пройди,
На основании ушей медно-пестрого коня повисни,
Сюда его доставь.

Сказал он так и метнул свой мамут так, что в воздухе засвистело. Тут парень начал тянуть:

— Смотрите, что-то поймал мой мамут.

Через какое-то время, подтягивая, сверкающего он медного коня приволок с уздой и поводьями.

На следующее утро средний сын во двор братьев позвал, серебряный мамут свой на обе руки намотал и, замахиваясь в сторону неба, запел:

— У младшего из трех сыновей
Верхнего Юрюнг Айыы-тойона,
Дедушки моего с железными волосами,
Есть серебряный конь.
Он привязан в серебряной клети,
Стоящей с солнечной стороны города верхнего айыы.
Пестрая петелька серебряного мамута моего с духом-хозяином,
Сквозь стену серебряной клети пройди,
На основании пестрых ушей того белого коня повисни.

Сказал он и метнул свой мамут так, что тот в воздухе засвистел. Тут парень начал тянуть:

— Я что-то поймал!

Мамут его так и раскачивается туда-сюда. Когда солнце стало закатываться, взвилось что-то, огню подобное, — серебряного коня вытянул с поводьями и седлом.

— Ну, братья, и я коня добыл! Золотой Богатырь, только у тебя нет коня!

Утром Золотой Богатырь с золотым мамутом в спальню вошел и стал его наматывать. Смотав весь мамут, запел:

— Мать моя, Симэксин-старуха,
В сто маховых саженей золотой-то мамут сплела!
Вот этот стальной-золотой мой, пол насквозь пронзи,
В трижды девять саженей мерзлую землю пробей,

Сквозь город абаасы, у края моря Нижнего мира стоящий,
промчись,
Вокруг основания ушей черно-вороного коня,
У айыы в старину господином абаасы похищенного
И в железно-чугунном амбаре заключенного,
Пестрая петелька с духом-хозяином, обвейся с такими словами:
«Ну, скот айыы, конь айыы,
В этом мире абаасы
Не похудал, не отощал ли?
Но все равно, когда рвану,
Перескочив через море
И пролетая над крышей города абаасы,
Печную трубу его, задним копытом лягнув, сбей!»

Старуха-мать, слушая это, испугалась. Сын мамут пустил, и тот в нижнюю сторону мелькнул. Золотой Богатырь подождал и потянул мамут. Черно-вороной конь перескочил через море и, над городом абаасы пролетая, главный дымоход лягнул задним копытом и до основания сбил. И жилище абаасы едкий дым окутал.

— Эй, старуха, верхний ли ветер поднялся, нижний ли ветер? Выйди, посмотри дымоход!

Чудище, Бабе Яге подобное, вышло, смотрит: дымохода вовсе нет, только след от копыт коня остался, который в сторону солнца ускакал.

А тем временем Золотой Парень вконец отощавшего коня вытянул, на волю вольную отпустил.

Легли братья спать, и старший брат говорит:

— Ну, поехали, братья, куда собрались!

— У вас кони в теле, вы и езжайте. А я своему коню отъесться и нагуляться дам, — говорит младший.

Наутро старший сын, сев верхом на медного коня, ускакал, и средний сын, сев на серебряного коня, в сторону неба улетел. Золотой Парень два дня один ночует, а в спальне дыра, откуда он вывел коня, так и осталась. На третий день из Нижнего мира послышался крик-рев громадного абаасы:

— Ну, Золотой Богатырь, за своим конем иду. Берегись!

На это тот человек лук, стрелу взял, вниз стал целиться. Оттуда абаасы-чудище, разинув пасть, идет.

Золотой Парень:

— Ну, стрела моя с духом-хозяином,

Мимо не пролети, в пасть разинутую войди,
Легкие с сердцем вырви и с ними ко мне возвратись!

Стрела, легкое и сердце абаасы пронзив, нанизала их и хозяину принесла. А абаасы с гулом ухнул вниз, упал замертво.

К тому времени конь отъелся, нагулял жиру, и как-то утром Золотой Богатырь матери говорит:

— Ну, мать, поеду я искать следы старшего брата.

Сел он верхом на своего вороного коня и по Среднему миру помчался. Через какое-то время к подворью Караккаан-тойона подъехал. Коня в укромном месте привязал. Видит: в стороне смерти от дома Караккаана-тойона большое сборище абаасы.

Дверь Караккаана Богатырь открыл настежь: поперек вместо порога бросили его старшего брата — у того глаза нет, рука и нога сломаны. А на одной лавке Караккаан-тойон сидит. Золотой Богатырь, открыв дверь, запел:

— У нас в дом входить,
Через иноплеменника перешагивая,
Грехом считается.
За что это так с ним разделались?

Как только произнес это, в глубине дома дверь открылась и девица, выйдя, запела:

— В этом нет нашей вины.
Это родной наш отец
Караккаан так повелел.
Этот лежащий великой виной провинился:
— У младшего брата коня увел.
За это такой мукой его наказывают.

Золотой Парень говорит:

— Переверните. И виноватому есть своя вина, и осужденному есть свой срок!

Дали ему пройти.

— Человек, в дороге уставший, наверное, и проголодался, утоли голод! — говорит девица.

Золотой Парень, проходя, на старшего брата трижды поплевал: от первого плевка тот прозрел, от второго — руку обрел, от третьего — на ноги встал и прежним стал.

Обнялись братья и, минуя Караккаана-тойона, прямо к девице прошли. Она оказалась самой младшей дочерью Караккаана-тойона —

угощает их, потчует. А Медный Парень-богатырь новость брату сообщает:

— В Верхнем мире средний наш брат так же попался. Тоже за то, что коня украл.

Назавтра сыновья Караккаана-тойона сестру свою за абаасы собирались выдать, свадьбу сыграть должны были.

На это Золотой Богатырь сказал:

— А этот жених с ним состязался или нет, с сыном абаасы?

— Нет.

— Как же так? Пусть померяются силой, кто победит — тот и возьмет девицу в жены!

Караккаан с сыновьями посоветовался, согласились. На следующий день назначили состязание.

Золотой Богатырь говорит старшему брату:

— Где тебе устоять?! Мою шелковую рубаху надень, тогда моя сила тебе поможет, — говорит.

Поменялись они рубахами, и Золотой Богатырь, пообещав прибыть, когда свадьбу будут играть, уехал.

Старшего брата на поединок с абаасы ведут: кто победит, тот и возьмет девицу. Глава абаасы уверен в сыне своем, потому и согласился. Вот начали они бороться. Сын главы абаасы противника бросил — не одолел, второй раз бросил — только дважды смог крутнуть, в третий раз пробует бросить — никак не удается.

— Вот, — сказал он, — вся моя сила! Ты попробуй!

Тогда Медный Богатырь схватил соперника, в первом броске крутанул — оставил на ногах, хоть мог свалить, во второй раз, поставив на четвереньки, дал опомниться.

— Ну, человек Нижнего мира, поберегись и с сородичами простись! Это мой последний бросок! — говорит.

По поднебесью повертев-покрутив, того вниз головой держа, запел:

— Ну, люди абаасы,
Со своим человеком проститесь.
Этим броском на трижды девять печатных саженей
Пробив мерзлоту, брошу так,
Что в Нижнем мире челюсти его превратятся в щебенку.

И, так пообещав, бросил сына абаасы в глубь земли. Испугавшись, люди абаасы обратно откочевали. А после их ухода Медный Богатырь свадьбу играть остался.

Тем временем Золотой Богатырь на своем вороном коне в Верхний мир улетел. Там Юрюнг-Айыы должен быть, создатель-творец. Подъехал младший брат к Юрюнг-Айыы, а старший брат его, Серебряный Богатырь, там со сломанной рукой и сломанной ногой лежит, тоже пострадал за кражу лошади. Вошел Золотой Богатырь к айыы, поздоровался.

— За что моего уважаемого старшего брата, Серебряного Богатыря, так изувечили?

И младший сын Юрюнг-Айыы, и отец ему рассказывают:

— Увел он, украл коня, младшему сыну назначенного. Он нас ограбил, а мы его в живых оставили.

Золотой Богатырь говорит:

— Серебряный Богатырь зачем коня украл, думаете?

Чтобы за младшей дочерью вашей приехать.

Дочь ему в жены добром отдайте и их отправьте!

А не отправите — худо будет.

Старик согласился, и так, помирившись, они родней стали. А Золотой Богатырь простился и дальше помчался.

Ехал он, ехал, вдруг увидел серебряный вертящийся на петлях дом. Слез богатырь с коня, отпустил его, а сам серым летним горностаем обернулся. Носится он горностаем вокруг завалин дома на петлях и видит: женщина в нем, к окну повернувшись, работает. Женщина горностая заметила, присмотрелась и, иголку и наперсток отложив, запела:

— Вот племянничек мой, Цельный Золотой Богатырь,
Уже без меня у моей сестры
Симэксин-девицы родившийся.
Весть о тебе дошла до меня.
Думаешь, оборотился, так не узнаю?
В давние времена три сестры нас было.
Сестра моя младшая Симэксин
Своим колдовством помогла мне в Верхний мир убежать,
Сестру самую младшую проглотил абаасы
Вместе с конем и со всем ее снаряжением.
Войди в мой уютный дом,
Когда поедим-угостимся, новости расскажу.
Обо всем я могу прознать.

Цельный Золотой Богатырь самим собой стал, вошел в дом. Поцеловав руку своей тетке, сел Богатырь за стол, а та разное угощение ему предлагает. Друг против друга на разных концах серебряного стола уселись, серебряными вилками стали есть. А тетка его и говорит:

— Вот, дитя мое, Золотой Богатырь,
Сюда, в Верхний мир, придя,
Близ Юрюнг-Айыы я поселилась.
От старшего сына Юрюнг-Айыы
У меня двое сыновей родились.
В узорнотравном Среднем мире
Восьмиоконный обширный дом-город поставив,
Я этих детей там оставила.
Чтобы Симэксин-девица, сестра моя младшая,
Своими детьми их сделала.
После этого, съев золотую траву,
Она тебя родила.

Золотой Богатырь, поев и попив, на это отвечает:

— Ну, бабушка, старший твой сын,
Мой старший брат, Медный Богатырь,
Женившись на дочери Караккаана, свадьбу затеял.
Одолев абаасы Нижнего мира,
Девицу в жены заполучил.
Наверное, соскучилась ты.
На свадьбу своего старшего сына,
На веселье тебе бы поехать следовало.

— О, на свадьбу дитяти моего как не поехать?! — говорит старуха.

Села старуха верхом на коня и вниз отправилась — к сыну на свадьбу.

А Золотой Богатырь дальше поехал. Долго ли ехал, а в Среднем мире опять один серебряный вертящийся на петельках дом увидел. Снова он, коня отпустив на волю, в горностая превратился и к дому помчался. Горностай вокруг дома носится, а в нем напротив окна девица-то сидит, работает. Девица, иголку и наперсток отложив, запела:

— Зверь ли ты, человек ли айыы — не угадаю!
Если ты человек айыы,
В теплый, удобный наш дом войди,
Горячего нашего чаю,
Горячего нашего супа искушай.

Человек из далекой страны, отдохнув, дальше езжай.

А Золотой Богатырь в облике горностая целый день все кружит. Девица сколько ни умоляла — все без толку... Наутро пригляделась — давешний горностай совсем другим стал: щенком обернувшись, скачет. Тогда опять целый день со слезами напрасно умоляла:

— Если ты человек айыы, дай узнать, что айыы,
Если ты человек абаасы, дай понять, что абаасы.

Ничего не вышло у нее выведать. Наутро встала, а тот щенок теперь зайчонком стал.

Уже собралась было она заговорить с ним, как предназначенный девице конь прискакал и говорит:

— Вот, солнечная хозяйка моя, неужто узнать не можешь?
Я и то его родословную знаю.
В давние времена в узорнотравном Среднем мире
Вы ведь втроем с сестрами жили?
Старшая из вас была работницей,
Средняя — Симэксин-шаманка, повар и дровосек.
Ты же была охотницей.
В сторону смерти тайком уйдя, ты абаасы встретила,
То чудовище тебя проглотило.
Но от силы его прыжка ты из него вывалилась,
В обширном краю очагом-домом обзавелась, так и живем.
Даже я весть услыхал, ты не слыхала разве?
Средняя твоя сестра, того абаасы убив, убежала.
Потом, золотую траву съев,
Цельного Золотого Богатыря родила.
Тот племянник твой, придя сюда, тебя и мучает!

Тут только тетка угадала, и парень в свой облик вернулся. Поздоровались, поцеловались, стали жить. Сколько времени прожил тут, неизвестно. Однажды утром Цельный Золотой Богатырь запел:

— Ну, тетка, ты человек, на краю земли живущий.
Чего только не знаешь, не ведаешь, тут живя!
Про увиденное начистоту расскажи.
Молодецкая кровь не дает усидеть в этой стране,
Дерзкая мысль не дает покоя.

На это тетка сказала:

— Ну, милый, знаю только одно:
Где-то живет царь Гром.
Есть у него трое сыновей,

А четвертым он дитя-сироту воспитывал.
Тот приемный сын здесь несколько раз гостевал.
Только это и знаю.
— Спасибо, вон сколько ты знаешь! — сказал Цельный Золотой Богатырь. — Завтра укажешь мне дорогу.
Наутро женщина ему дорогу указывает и говорит:
— Твой конь еще не отдохнул, садись верхом на моего.
С правой своей руки золотой перстень с печаткой сняла:
— Эта вещь издревле в нашем роду-племени
От младшего к младшему переходит
Как завет предков. Ты носи его,
Позже потомству своему передашь!
Поблагодарил Золотой Богатырь, попрощался, сел на ее коня и поехал. И часу не проехал, как рука с перстнем стала перевешивать. В конце концов устав, сошел с коня — тут перстень вдруг переломился и обернулся седовласым древним стариком. Парень опешил, а старик поглядел на него и запел:
— Дитя мое милое, Золотой Богатырь,
Я и вправду из века в век, от поколения к поколению
Каждому ребенку младшему становлюсь вещью заветной.
Тетку свою три дня ты мучил, за это я тебя мучаю.
Грех твой теперь оплачен.
Слушай: будешь ехать — впереди три смерча увидишь,
То будут сыновья Грома.
Как они в свой дом войдут,
Ты тоже, золотым мячиком оборотясь, зайди с ними.
Сказал так старик и снова перстнем стал.
Смотрит Золотой Богатырь — правду старик сказал: мимо него стороной три смерча идут, а впереди них огромный город-дом показался. И когда те, став людьми, в город-дом входили, Цельный Золотой Богатырь в золотой мячик превратился и вместе с ними вошел. Те трое вошли и удивились: на середине пола золотой мячик круглый лежит. Пробовали его с места сдвинуть — никто не смог. Переполошились сыновья Грома, удивляются. Подходит тут к ним приемный сын:
— О чем говорите?
Те ему рассказали, что никто этот мяч с места сдвинуть не может. Приемный сын подскочил:

— Что же вы, не догадываетесь? Это богатырь-человек, притворившись, лежит, чтоб мы угадали.

Подбежал он и изо всех сил пнул мяч так, что в воздухе просвистело. Золотой мячик раскололся на две части, и Золотой Богатырь вскочил на ноги. С парнем-сиротой взяли они друг друга за грудки и стали биться. Город Грома прошли, истоптав, будто снег. До какой-то страны добрались, не переставая биться, без единого слова. Силой равны, никто из них победу одержать не может. Вот уже третий год бьются. Истощив силы, остановились они и сели. Золотой Богатырь с такими словами к сопернику обратился:

— Грома приемный сын, мой друг,
Нам с тобой друг друга не одолеть,
Наши силы равны. От старости, видно, помрем.
Так почему не перестать биться?
Почему не стать братьями?

На это Приемыш Грома отвечает:

— Конечно, правильно. Ни матери, ни отца у меня нет. Примиримся, вместе будем жить как братья.

Тут обернулся Золотой Богатырь, а позади него висит зеркальный домик. А в доме том сидит, оказывается, дочь царя Грома, которую тот богатырю в дар прислал.

Примирились Золотой Богатырь с Приемышем Грома, втроем они домой пошли. Приходят к дому Золотого Богатыря, а туда уже тетки, бабушка, старшие братья и их жены — все съехались. Даже тетка, перстень подарившая, приехала. С тех пор они так, богатство умножая, вместе и живут.

ТРИ ДЕВУШКИ И ПУРГА

Когда-то давно на Таймыре жил старик со своей семьей — женой и тремя дочерьми. Они жили отдельным кочевьем и были бедны — имели всего пару оленей, а нюки[1], которыми чум накрывали, прохудились и не раз уже были заштопаны. Зимой дочери добывали куропаток для пропитания, а летом старик ловил рыбу.

И вот однажды зимой поднялась страшная пурга. Чум почти полностью занесло снегом. Старик пытался раскапывать жилище, но пурга все не прекращалась, и он не справлялся. Подумал тогда: «Скоро все наши запасы еды закончатся, надо что-то делать».

Говорит:

— Старшая моя дочь, отправляйся в путь и попроси у бога хорошей погоды.

А мать наскребла кусочек жира с немытой посуды и подала его дочери.

— Вот тебе кусочек жира. Все, что встретишь по пути, этим кусочком жира мажь.

Мать боялась плохого характера дочери, потому предупредила ее:

— Ничего плохого по дороге не делай. Обязательно принеси нам хорошую погоду.

Старшая дочь оделась, затянула пояс, взяла посох и пошла в западном направлении — прямо навстречу ветру.

Через некоторое время на ее пути выросла горка, а со всех сторон вдруг налетели снегири. Птицы садились девушке на голову, порхали прямо у лица, шумели, как беспокойные соседи. И без того снег и ветер идти мешали, а тут еще это. Девушка отмахивалась, расшвыривала в стороны, ворчала на мучивших ее птиц, но все же ни кусочка жира снегирям не дала. Плохо поступила.

---

[1] Нюки — покрышки для чума.

Вот идет дальше, а впереди снова горка, а на горке деревянные идолы стоят. Вспомнила она наказ матери: «По дороге все жиром намазывай», да не стала — не хотелось из рукавицы жир вытаскивать. И без того холодно, ветер воет, а тут рукавицы снимай! Поленилась, да взяла еще и посохом идолов опрокинула. А когда проголодалась, сама весь жир съела.

Пошла дальше, видит — впереди настоящий чум стоит. С трудом до него дошла — пурга мела очень сильно, больно уж неприветливая девушка ее разозлила. Вошла в чум, снег с одежды и бокарей[2] стряхнула, разделась, смотрит — посреди чума котел висит, в нем жирный бульон застыл. Она достала из бульона мясо и с жадностью набросилась на него. Потом огонь развела, чтобы чай вскипятить.

Настал вечер. Снег под санями заскрипел. Кто-то к чуму подъехал. Слышится недовольный голос: «Почему над моим чумом дым идет, кто внутри огонь развел? Ну-ка выходи на улицу да разделывай дикого оленя, которого принес». Девушка вскочила, нашла нож и деревянное корыто, вышла наружу. Начала мясо разделывать — жирную важенку[3] хозяин чума принес! Пурга кружит, а она почки с аппетитом сагудает[4]. Такая вот обжора! Потом начала снимать камус[5] с оленьих ног. Делает все бойко и ведет себя так по-свойски, как у себя дома, словно бывала здесь раньше.

Вечером легли спать, а утром хозяин чума говорит:

— В полдень приедет моя мать. Что бы она ни попросила, любое слово ее исполняй.

— Конечно, — кивнула девушка.

— А еще к вечеру сшей мне парку и бокари, я их с утра надену и пойду на охоту.

Парень ушел, а расторопная девушка нашла в чуме шкуры, иглы и принялась за работу. Старательно шила, и не хотелось ей думать о том, что шкуры жестковаты и надо бы сначала выделкой заняться. Куда там — времени мало! Поскорей раскроить парку да бокари!

---

[2] Бокари — обувь северных народов.
[3] Важенка — самка северного оленя.
[4] Сагудать — есть сырое мясо.
[5] Камус — шкура со щиколоток оленя.

В полдень послышались шаги. Дверь отворилась, и в чум вошла седовласая старуха. «Ага, видать, про нее парень говорил...»

Старуха залюбовалась девушкой.

— Красивое у тебя лицо, пускай и характер таким же окажется.

Села у двери и просит:

— Девушка, вскипяти мне чаю, замерзла.

А та в ответ:

— Некогда мне чай кипятить: видишь — шью! — И опять над шкурой склонилась.

Старуха снова просит:

— Голова у меня чешется — возьми гребешок, расчеши.

Девушка схватила скребок для головы и швырнула в старуху.

— Чего шить мешаешь?! Работу задерживаешь! И расчеши ее и чай вскипяти!..

И тут старуха куда-то исчезла. «Зачем только бог посылает на землю женщин с таким скверным характером!» — наверняка подумала.

Вечером хозяин чума вернулся. Ни слова не говоря лег спать, а утром спрашивает:

— Где парка и бокари?

Девушка вытащила парку, а она жесткая, и меховые чулки стоят колом. Много надо труда, чтобы шкуру до мягкости выделать, а ей было лень.

Парень парку примеряет — мала.

— А ты, оказывается, плохо шьешь!

Сказал это и прогнал девушку на улицу — иди и не возвращайся!

А тем временем пурга еще сильнее разыгралась. Старик долго ждал старшую дочь, прежде чем понял: ничего она не сделает с таким скверным характером. Решил отправить за хорошей погодой среднюю, хоть и у нее нрав не лучше. Зря надеялся — она повторила все ошибки своей старшей сестры.

И вот от пурги уже ничего не видно за дверью чума. «Погубит она нас», — сокрушается старик. Просит он младшую дочь:

— Попробуй попросить хорошей погоды, ведь ты умнее и добрее старших сестер, может, получится.

Дали в путь кусочек жира, и она пошла навстречу ветру. Видит — горка на пути встала. Снегири слетелись, вьются кругом. Девушка птичку поймала, погладила, намазала ей клювик жиром. А потом всем птичкам по очереди клювики жиром мазала.

Ветер стихать стал, но снег еще сильно метет.

Стала подниматься на другую горку да что-то посохом задела, присмотрелась — разбросанные деревянные идолы лежат. Она их подняла, расставила по местам и каждому лицо жиром помазала — весь жир извела. Тут ветер смягчился, снегопад утих — хорошо стало.

Вот впереди показался чум. Девушка зашла — никого нет. Стряхнула снег с одежды, а пройти боится — вдруг хозяину не понравится. Убедившись, что жилище пусто, посидела-посидела у порога и решилась все-таки разжечь огонь, чтобы согреться.

Вечером упряжка подъехала. Голос снаружи слышится:

— Почему дым идет? Кто в чуме моем? Выходи на улицу мясо разделывать.

Девушка вышла, ничего с собой из чума не взяла. Подошла к хозяину, парню. Он ей нож дал и деревянное корыто. Она мясо аккуратно на большие куски разделала. Себе ни кусочка не взяла, все в чум занесла.

Парень спрашивает:

— Почему ноги оленя не обдираешь?

Девушка принялась за работу, а хозяин советы дает, как и что делать.

Наутро просит:

— Сшей мне к вечеру парку и бокари. В полдень придет моя мать, что бы она ни попросила — исполни. — И ушел на охоту.

Девушка загоревала: «И как я за день управлюсь?», но шкуры взялась выделывать тщательно. Она еще с одной не управилась, как настал полдень и вошла старуха. Увидела та девушку и говорит:

— Красивое у тебя лицо, пускай и характер твой таким же окажется. Вскипяти мне чаю горяченького, чтобы согреться.

Девушка отложила работу и налила ей чаю. Старуха напилась — и снова с просьбой:

— Дочка, что-то у меня голова чешется, расчеши меня.

Девушка шкуру положила себе на колени и стала старуху расчесывать, а пока чесала, то все дивилась: какое большое ухо и какое глубокое в нем отверстие! Она не удержалась и мельком заглянула, а там семь девушек шьют и парки, и бокари, и сокуи.

— Повернись, с другой стороны расчесывать буду, — попросила она.

Старуха повернулась другим боком, и девушка снова удивилась: какое большое ухо! Заглянула в него: семь мужчин санки делают.

Закончила девушка, старуха ее поблагодарила, что голову вычистила, и вмиг исчезла.

Как старуха пропала, девушка снова хотела взяться за работу. Подняла шкуру и вдруг видит — под ней красивые расписные парки, бокари и сокуи лежат. Обрадовалась она, готовую одежду аккуратно сложила, а сама отдохнуть легла.

Вечером хозяин чума вернулся — вновь дикого оленя принес. Даже спрашивать ничего про работу не стал, сразу спать лег, а с утра говорит:

— Ну, где моя одежда?

Девушка стала показывать, и все прямо как на него сшито.

Говорит парень:

— Угодила ты мне. Иди теперь домой к родителям — на улице хорошая погода стоит, даже мозгу жарко. Возьми у меня закопченный котелок. Положи в него кусочек мяса и поставь его с южной стороны от своего чума, только родителям ничего про то не рассказывай. Отныне вы будете жить богато.

Девушка пошла домой — даже без шапки тепло на улице. На удивление, она очень быстро увидела свой чум. Когда сквозь пургу шла, казалось, что чумы гораздо дальше друг от друга стоят. Видит, родители, тоже без шапок, снег с нюков сметают. По дороге к югу от чума поставила котелок, как парень наказывал.

Родители обрадовались младшей дочери — обнимали и целовали. Мать села шить парки, а отец наловил куропаток — она и пообедала куропатками с бульоном.

Родители сказали:

— Конечно, ты справилась, ведь ты добрая. А где твои сестры?

— Сестры мои, оказывается, давно погибли.

— Понятно, это из-за их плохого характера...

С утра девушка проснулась и обнаружила, что нюки стали новыми, чум — аккуратным и красивым, одежда и бокари ее и родителей — нарядными, а рядом с ней лежит невесть откуда взявшийся муж.

Вышли на улицу, а там рядом с чумом новенький аргиш и грузовые сани, к югу от чума — пара легких саней. И вокруг олени пасутся, которых раньше не было. Они подошли к грузовым саням и под шкурами обнаружили много мяса, разной другой еды и домашнюю утварь.

Теперь-то они зажили богато. Муж днем исчезал — понятно, ведь он был богом и на это время уходил к матери.

Однажды муж говорит:

— Я должен сейчас уйти, а у тебя вскоре родятся две девочки-близняшки. Когда они вырастут, ты умрешь. Когда ты умрешь, пусть родители похоронят тебя рядом со мной на старом кладбище.

А могила у мужа уже там была. Сказал и исчез. С тех пор семья аргишила вокруг старого кладбища, никогда не уезжала далеко.

В свое время родила младшая дочь близнецов, и когда девочки выросли, как-то сказала им:

— Голова у меня заболела. Кажется, муж скоро заберет меня.

Сказала и умерла. Родители похоронили ее на старом кладбище рядом с мужем. Оставили им аргиш поблизости.

Девочки-близнецы выросли и вышли замуж за богатых мужчин, один из которых был главным в своей общине. Обе стали шаманками — и не удивительно, ведь они были дочерями бога.

СЕМЬ ПЕРЕВАЛОВ

За белым хребтом семь перевалов, на средний взберешься, крикнешь «ого-го!» — далеко летит голос. Далеко за ним, дальше взгляда лежит океан. Мыс выступает в океан, за ним еще семь мысов, как ласточкины хвосты. На семи мысах стоят жилища: семь чумов, каждый на семи шестах. Шесты уходят высоко в небо, даже верхушек не видно. Жилые эти чумы или нет? Похоже, пустые.

Но нет — из среднего чума вышла девочка, прошлась по опустевшим соседним и из одного вытащила израненного, истекающего кровью маленького мальчика.

Девочка запела-заплакала:

— Семь жилищ наших, стоявших на семи сухостойных шестах, разрушены богом. Пойдем, братик, пойдем куда глаза глядят...

Брат поднялся и пошел следом. Бредут они через перевал, не зная куда, бесконечные лайды переходят — землям этим без леса, без холмов нет конца. Семь раз на землю падали, счет дням и неделям потеряли.

— Братик, ослабли мы. Бог мучает нас и хочет убить. Пусть костный мозг твой нальется силой, хоть взаймы ее попроси. Я вижу впереди сто чумов, если до них доберемся, поедим.

Мальчик, замерзший в своей рваной одежде, от слов сестры приободрился и зашагал быстрее.

Сотня чумов! У девочки, хоть и измучилась она, глаза все видят — так и есть, впереди сотня чумов полукругом стоят.

— Давай сядем неподалеку, — предложила, — не будем входить, вдруг там злые живут, души у нас отнять захотят.

Бедные дети сели.

Но вот из среднего чума вышла заметившая их сутулая старуха с длинным лицом. Удивилась:

— Откуда вы, дети? Издалека, видать, вон как исхудали...

— Тетушка, наше жилище — семь чумов, на семи шестах каждый — бог разрушил. Мой отец — средний брат, а его, — она указала на мальчика, — младший.

— Плохо, когда так. Я бы пригласила вас, но наши чумы — жилища жертвоприносителей. Семеро их, братьев, на нашей земле. Средний брат свою добычу даже летом считает, а когда уходит, огниво с собой уносит, — не смогу вас накормить. Подождите, он сейчас на охоте с сетями, скоро вернется.

К закату появились оленьи упряжки. У семи братьев-жертвоприносителей нарты наполнены доверху, у слуг тоже. Средний впереди: кованый медный ремень на нем, у пояса семь медных подвесок, как большие поваленные деревья. Следом упряжка его сына — тот тоже медную парку надел, шитую зубчатыми швами, зубья как сустав большого пальца.

Старуха навстречу пошла. То муж ее и сын — поняли дети.

Муж удивился:

— Что случилось, ты же никогда не встречала меня?

— Эй, средний жертвоприноситель, мой муж, отец моего сына, вон там вдали видишь двух измученных детей? Семи шестов землю бог уничтожил, оттуда они.

Тот радуется — в ладоши бьет.

— Если семи шестов хозяев извел, спасибо тебе, бог, спасибо. Хозяева семи шестов, если пойдут охотой на дикого гуся, на рыбу, войной на людей, все уничтожат, никого не оставят! Если такие люди погибли, разве это не радость?

И велит жене:

— Хозяйка котлов, пусть куска не съедят шесть жертвоприносителей. Оленей пусть не распрягут. Сейчас же надо перейти на другую стоянку. Аргишим!

А детям сказал:

— Ты, девочка, слова слышишь и понимаешь? Прошу тебя: по нашему чумищу не ходи. Вдруг найдешь какое-нибудь заброшенное копытце и начнешь грызть! И тогда я вернусь и тебя отдам в жертву. Все.

С этими словами жертвоприносители исчезли в темноте, куда ушли — неизвестно.

Дети, оставшись одни, снова загоревали.

— Сестра, ты же обещала: встретим жилище, поедим жира и сала, где это все? Слышала, по чумищу, даже ходить нельзя?

— Братик, пойдем. И за что нас только бог мучает? Почему вместо нас старший сын среднего брата Тута Хоразума не остался

жив?! Младшего брата дочь многокосая Хонудюкю Ны почему не жива? Только мы не сгодились ему в пищу — слишком малы, чтобы насытился.

Снова они бредут, спотыкаются, счет дням потеряли. И снова девочка видит впереди жилища.

— Братик, крепись. Впереди вижу сто чумов. Доберемся до них, поедим сала и жира.

Как в первый раз, на виду чумов уселись. И снова пришла к ним старуха, стала жалеть, говорила, что на руках бы в чум занесла, накормила, чтобы еда подтолкнула их сердца, но муж ее, Лазучера средний, один из семи братьев, как начнет рубить, вмиг изрубит. Так что если Лазучеры не примут детей, и ей несдобровать.

Все повторилось. Вернулся Лазучера с братьями с охоты, услышал, откуда дети пришли, запрыгал от радости, а потом хозяева собрались и покинули чумище.

Снова в пути бедные дети.

— Будь сильнее, братик, — просит девочка, — будь сильнее, вижу: белый волк по лайдам сто больших хоров (оленей) гоняет. Хоть одного да убьет нам на еду. Мой отец говорил, если я попрошу о чем-нибудь любого волка, он не откажет.

А человек-волк пятьдесят оленей меж тем уложил! Стал их разделывать, склонился над хором — белая одежда серебрится, как спинной плавник осетра. Услышал шаги, оглянулся.

Дети стали мяса просить.

— Ни куска не дам! Жителей семи земель мучили хозяева семи шестов…

Долго брели голодные дети, пока увидела девочка сто круглых чумов изо льда, а перед ними, на развилке дорог, суконный чум стоит.

— Братик мой, мы нашли жилище! Очаги еще дымят.

На чумище девочка, согнувшись, стала искать объедки. Заметила она, что возле копаниц, где олени паслись, снег копытили, кованый длинный маут (аркан) лежит.

— Давай, братик, этот маут потащим. Если его хозяин хороший, может, нас с собой заберет.

Взялась девочка за маут, крепко тянет, изо всех сил старается. Тут в ложбине дороги упряжка появилась — безрогий олень запряжен, свинцовая упряжь к ребрам прибита. Семь кованых подставок для вожжей подобны сцепившимся в схватке борцам. На нартах человек — без веревки оленя

держит. Одет в кованый панцирь, пояс как орлиные крылья свисает. Сидевший в нартах был такой большой, что голова его видна из-за головы оленя.

— Кто вы, дети, откуда? Как исхудали!..

Девочка говорит:

— Брат, ты хоть кто будь, а мы дети хозяев стойбища семи шестов. Всех бог уничтожил, только мы остались, ищем огонь и тепло.

Как только услышал путник о хозяевах семи шестов, сквозь зубы присвистнул:

— Ну, дети, такое горе!.. Я хозяин Нюора-горы, немного у меня земли, но я вам помогу.

Он первый не стал их род хулить. Попросил рассказать, что дети видели в дороге.

— Эх, брат, сначала мы встретили семь жертвоприносителей. Они нам ничего не хотели дать. Оставили на своем чумище, но ходить по нему запретили.

— Они жертвы приносят, хорошо, что вас оставили...

— После этого мы пришли в земли Лазучеров. Средний Лазучер тоже запретил оставаться на чумище.

— Это ледяного яра хозяин.

— Дальше похожего на волка человека встретили. В своей гладкой одежде он серебрился, как спинной плавник осетра.

— Девочка, он назвал себя? Он назвал свое имя?

— Нет, а я не спросила.

— Это семи земель непобедимый человек. Темной земли самый главный хозяин — Нгуляза Тандубси его имя. Ну, дети, важные люди вам встречались! Не много у меня сил, но я вас не обделю, как они, не оставлю. Слушайте хорошенько: я живу дальше по этой дороге. У семьи Сюназы девушку Нгабтюбаса Ны сосватал. Поедем к чумам Сюназы, хоть люди они плохие...

Взял у девочки маут, смотал. Потом посадил детей в мешок для ног, завязал веревкой, сушеное мясо дал им: «Поешьте» — и погнал своего оленя.

Мчались долго. Когда остановились, человек в нартах сказал:

— Ну, дети, я вас оставлю здесь. Вон за той белой горой чумы Сюназы. Вы заберетесь на этот хребет, а когда станете спускаться, на развилке дорог увидите суконный чум. Это мой чум. К нему приведут

следы моих кованых нарт. Куда бы я ни пошел, хоть через стадо оленей, след моих нарт все время виден. Идите только по нему, в чужой чум не ходите.

С этими словами он их оставил.

— Братец, сейчас вечер, чумы уже дымят, пойдем-ка.

Дети прошли рядом со стадом оленей, пасущихся на склоне горы. Хорошо виден след, на который им указали, — он разрезал землю до самой мерзлоты. Шли они по дороге, пока не увидели знакомые нарты на северной стороне суконного чума.

Дети подошли к чуму и услышали тихий голос:

— Жена моя, дочь хозяина Сюназы, выйди на улицу и посмотри, не заблудился ли кто, — мне послышались другие, не оленьи шаги. Если увидишь кого, приведи сюда.

Женщина вышла из чума.

— Дети, кто вы?

— Наших родителей, хозяев семи шестов, бог убил.

— Да, я слышала об этом от моего отца, Сюназы среднего.

Она привела детей в дом, накормила и уложила спать.

Утром девочка сквозь сон услышала, как к чуму приблизились чьи-то тяжелые шаги, открыла глаза — в дверях высокий человек в кованых одеждах.

Он сел на корточки у двери и тихо сказал хозяйке:

— Сюназы дочь, мы аргишим. Там, за твоим мужем, что виднеется — кокуль детский или что? Даже если это сироты, с собой не берите. Накормите и здесь оставьте. Если вы их повезете по нашей дороге, с вами другой разговор будет. Я аргишу прямо на свою землю — землю Сюназы.

Как только гость ушел, хозяин сел на постели.

— Сюназы-женщина, — обратился он к жене, — твой отец злой. А если ко мне с плохим словом, то ведь и я, хозяин Нюора-горы, не стерплю. Слушай же хорошо, Набтюбаса Ны, пока я буду ловить оленей, а ловить буду медленно, ты сошьешь одежду девочке и мальчику. Если не успеешь, я тебя оставлю. Мне не дали за тебя ни оленей, ни ценных вещей, так что повинуйся и помни: если ко мне со злом, я отвечу тем же.

Женщина в ответ:

— Ты же знаешь, как я умею шить, пока ты ловишь оленей, я успею сшить одежду детям.

Принялась она за работу, и когда муж снова вошел в чум, одежда была готова.

— Конечно, чтобы не ссориться с твоими родителями, детей мы оставим, — решил он. — Возле первой грузовой нарты сделаем снежный домик. Собери снег, слепи маленький чумик. Внутри спрячь одежду детям и еды оставь про запас.

Жена согласилась:

— Мой отец плохо поступает, я за него не заступлюсь...

Хозяин Нюора-горы, со слезами на глазах, поцеловал на прощанье детей.

— Я вас оставлю и дам совет. Девочка, ты же знаешь, откуда дует западный ветер? Все время туда идите, и когда-нибудь мы встретимся.

Поднялся, прыгнул в нарты и погнал своего оленя по дороге Сюназы.

Дети остались на чумище. Они переоделись во все новое и пошли потихоньку прямо на запад. Шли долго — кончилась вся еда, оставленная им хозяйкой. Когда силы покинули, они сели на кочку, обнялись и уснули. Пока дети спали, ветры с востока и запада занесли их снегом. А когда ветры стихли, вдруг, словно с неба упал, появился человек, похожий на уходящий месяц, — такой же тонкий. Он надел очки из дерева — и семь шляпок гвоздей в очках были подобны семи полным лунам. В руках деревянный посох шишковатый, и шишек этих семь. Снизу на посохе крючки.

Человек склонился к земле: вроде что-то заметил в этом месте — куда делось? Он копнул носком снег и увидел детей.

— Из какой далекой земли вы идете такие исхудавшие? Неужели земля уж вся опустела?

— Далеко отсюда жил наш род — люди семи шестов, — отвечает девочка, — всех бог уничтожил, только мы остались. Теперь и сами не знаем, куда идем и куда доберемся.

Человек от удивления присвистнул.

— Как ходит по земле бог, который уничтожает такие крепкие племена? Конечно, когда-то и я перестану жить, и чумы мои исчезнут. Но пока я стою на своей земле — она называется Семь Чумов. И я хочу спросить: кого вы встретили по дороге?

Дети рассказали. Человек поразился их бедам.

— И вы ушли из этих крепких земель?! Не накажет ли бог людей, которые не помогли вам? Я увезу вас с собою, на моей земле вы будете жить хорошо. Только подождем две недели, ведь если хозяин Нюора-горы надумает вернуться за вами и не найдет на месте, он все мои чумы уничтожит. А уж если он не заберет, я приеду. В общем, оставайтесь и ждите.

Он достал мешок из ровдуги (выделанная в замшу оленья шкура), набитый сушеным мясом, и отдал детям: «Ешьте!». А потом исчез так же неожиданно, как появился, словно в воздухе растаял.

Дети остались ждать. Сушеное мясо ели, спать ложились в снегу. Но вот мясо кончилось, и они снова изголодались. А потом настал день, когда, обессиленные, они не смогли подняться на ноги, и ветры занесли их снегом, только носки обуви виднелись.

Тут вдали показалась упряжка — человек в нарты семирогого оленя запряг. У оленя кованый наголовник с узорами, подобными глубоким ущельям в горах. Семирогий олень везет нарты огромные, как дно высохшего озера. Четырнадцать копыльев похожи на большие глыбы льда. В нартах сидит человек такой высокий, что голова выше кончиков оленьих рогов виднеется. На его кованой одежде шишки величиной с котел. Концы пояса, как крылья орла, большие. Возле кочки человек потянул повод и остановился, спрыгнул с нарт и детей из-под снега вытащил.

— Я нашел вас, дети! — воскликнул он, обрадованный. — Наверное, бог хочет, чтобы сын хозяев семи шестов вырос моим помощником! — Он в слезах расцеловал их. — Вы не узнали меня? На мне военная одежда — одежда моих далеких предков, потому что я готов ко всему. Я ни о чем не буду спрашивать — сам все видел, все слышал. Семи чумов хозяин тоже не прочь побродить по свету, и он никого не боится, а вас оставил, потому что знал — я вернусь за вами. Он сказал, что я приеду через две недели, и я приехал. Я вас увезу — он и это будет знать. Из земли Сюназы я ушел. От Сюназы-женщины ушел. Тот олень, на котором я вез в прошлый раз, был их олень, а Нюора-горы олень — вот этот, семирогий. Я сейчас посажу вас в нарты, и поедем.

Он завернул детей в свой мешок для ног и хорошенько завязал. Положил мешок на нарты, хлестнул вожжами оленя. Олень на спину упал, семь раз перекувырнулся. А когда поднялся, получил семь

ударов по ногам и помчал, что было сил. Мчался две недели без остановки.

Вот впереди речка — быстрая, бурливая, в лесистых берегах. Олень остановился среди деревьев.

— Дети, на этом месте я вас оставлю, — сказал хозяин Нюора-горы.

Он срубил много деревьев и положил на землю в ряд. После вытащил из нарт большой кованый лук, связал четыре стрелы — получилось основание большого чума. Огромной шкурой накрыл стрелы.

— Вот я вам построил чум. Топор оставлю, ты уже большая стала, девочка, будешь рубить дрова.

Потом он разжег костер, а сам взял лук и в небо взвился.

Девочка нарубила дров, в костер подкладывает и рассуждает с братом:

— Появился у нас старший брат. И еда теперь есть — не умрем...

Через несколько дней к северу от их чума что-то упало такое тяжелое, что даже земля раскололась. Дети испугались было, но тут дверь открылась и появился их названый брат.

— Что сидите смотрите, я убил пятьдесят диких оленей и уже освежевал. Сейчас я вам постели сделаю из шкур на деревьях, что на земле лежат. А вот эта шкура пусть сушится, вы ею будете укрываться. У вас же нет ничего — ни котла, ни чашек. Пока моим ножом согудайте (сырым мясо ешьте), а я пойду котел раздобуду. Бог, который лишил вас родителей, пусть видит, пусть меня видит...

Целую неделю хозяин Нюора-горы провел с детьми — и вместе им было весело. А когда пришел срок, снова оставил одних.

— Когда-нибудь, может быть, вернусь, если останусь жив, — сказал на прощание. — Оставляю вам нож.

Дети одни проводили время за разговорами. Но вот как-то девочка, взволнованная, вбежала в чум.

— О братик, жертвоприноситель к нам пришел. На нем медный наряд и головной убор с острием.

Не успела сказать, а человек в медных одеждах уже в чуме. Спустя некоторое время Лазучера средний появился, сел с ним рядом. А потом и человек в серебристой одежде, похожий на большого осетра.

Через семь дней открыл дверь чума и хозяин рода Сюназы, прошел и сел напротив тех троих, что прибыли раньше. Потом послышались легкие шаги, и в чум вошел человек, похожий на уходящий месяц.

У него очки из дерева, семь гвоздей подобны круглой сентябрьской луне. Он единственный заговорил:

— Что таких крепких людей, как вы, привело в этот худенький чум? — спросил. Но никто ему не ответил…

Однажды девочка, распахнув дверь в чум, бросилась целовать братика — принесла ему радостную весть:

— Наш названый брат здесь!

Он вошел и сел рядом с детьми. Девочка подала чай.

Он выпил и спрашивает:

— Девочка, ты вон того человека, что к северу сидит, из Сюназы-земель, покормила или нет?

— Нет, не кормила.

— Ну, так сейчас накорми…

Послышался шум, как будто земля ломалась от чьих-то шагов.

— Девочка, посмотри, кто там еще к нам приехал.

— По той дороге, что ты ехал, брат, далеко-далеко, что глаз едва видит, идет человек, — рассказала она. — Очень высокий. На его одежде есть глаза, и они моргают. В одной руке он держит лук, как на посох, на него опирается. На луке тоже есть глаза. На ногах его лыжи, и на лыжах есть глаза. На одной щеке выросло несколько травинок. Щека такая, будто грызли мыши. Одежда огнем горит. Идет, сметая все на пути, не оставляя даже кочки. Идет и кричит.

Человек кричал:

— О проклятый бог, передо мной появись! Я еще не убедился, что ты сильнее. На людские глаза ты не показываешься. Когда уничтожал мой род, хозяев семи шестов, твой прожорливый рот никто не видел. Ты всех съел, а теперь встань рядом, попробуй со мной справиться. Если я не найду брата и сестру, все чумы, что попадутся на пути, сломаю, ни одного нее оставлю. Если тебе это не нравится, появись передо мной!

Хозяин Нюора-горы побледнел.

— Будем мы теперь живы или нет — не знаю. Идет твой старший брат, Тута Хоразума, — сказал он к девочке. — Ты говоришь, у него лук с глазами. С ним он любого победит.

Подсел к огню поближе и к гостям обратился. Сначала к хозяину земли Сюназы:

— Когда ты встретил этих детей и запретил брать их с собой, у тебя было крепкое сердце. Пойди теперь навстречу этому человеку.

Сюназы стал отнекиваться:

— Пока среди нас хозяин семирогого оленя, как я могу первым выйти? Зять, ты должен первым сразиться с ним.

Снова заговорил хозяин Нюора-горы:

— Ну, а ты, средний из семи жертвоприносителей, выйдешь навстречу этому человеку?

— Ты здесь хозяин, — ответил тот, — я после тебя. Этот пришедший — сын хозяина семи шестов, о нем говорят по всей земле: что руками драться, что луком — одинаково ловок.

Всех спросил хозяин Нюора-горы, никто не захотел выйти первым.

Раскраснелся хозяин Нюора-горы, решил он:

— На жизнь или на смерть я выйду схватиться с тем, кто идет к нам. А ты, хозяин земли семи чумов, хорошенько меня слушай: из ноги оленя вынь костный мозг, чтобы ни одного, даже маленького кусочка не осталось. И если вдруг я Туту Хоразуму одолею, быстро неси его мне вместе с костью. Этим костным мозгом мы его воскресим, и он вернет себе силу.

Хозяин Нюора-горы вышел из чума. Концы его пояса развевались, как крылья большого орла. Он пошел навстречу человеку из рода семи шестов, и встали они один против другого, как два чума. Тот сказал:

— О прожорливый бог, наконец ты пришел. Теперь я с тобою сражусь. Посмотрим, правда ли твоя душа крепче человеческой? Подойди, видишь мой лук? Этим луком я сломаю твой хребет. Если луком не одолею, то схвачу вот этими руками.

Стали они сходиться. Смотрят друг на друга и сильнее становятся. Сын хозяев семи шестов хотел ударить первым, но хозяин Нюора-горы увернулся, схватил противника за пояс, над землей поднял, и вместе на землю повалились. Вскочили, сцепились, стали ходить по кругу, каждый пытается одолеть. Прошли шесть кругов и на седьмом остановились. Равны силы, ни один не хочет уступать. Но вот Тута Хоразума стал валиться на землю, упал, не двигается, взгляд застыл.

Подоспел хозяин семи чумов — принес костный мозг. Дали его Туте Хоразуме. Хозяин Нюора-горы попросил привести детей и стал хлестать по щекам Туту Хоразуму, чтобы тот очнулся. Бил и приговаривал:

— Нюора-гора никогда не была к людям плохой! Бог, отпусти жизнь этого человека. Пусть он сейчас, съев этот костный мозг, вернет себе

силу и станет моим товарищем, ведь нет их у меня. Бог, отпусти моего товарища. Мы все, кто собрался здесь, готовы объединиться, забыть неприязнь. Дети, которым пришлось скитаться, пусть увидят своего брата живым и обрадуются.

После этих слов лежащий сел и обвел всех мутным взглядом.

Хозяин Нюора-горы просит:

— Дети, подойдите к своему брату, пусть он вас поцелует. Тута Хоразума, может, ты и не видишь, но твои уши, наверное, слышат. Слушай, что скажу. Вот твои дети, которые скитались. Как мог, я им помогал, так что не обижайся на меня.

Тот от счастья чуть сознания не лишился. Обнял детей и ну целовать.

— О, — говорит, — я очень ослаб. Может, даже до чума не дойду.

Подхватили Туту Хоразуму под руки, завели в чум, посадили на постель, накормили — и силы стали возвращаться.

Через несколько дней хозяин Нюора-горы позвал девочку и попросил принести старшему брату воды. Девочка побежала к речке, но не смогла спуститься и вернулась.

— Брат мой, чтобы легче было до воды добраться, сделай ступени, — попросила.

Он сделал ступени.

Снова пошла девочка за водой. Хотела зачерпнуть да вдруг отпрянула. Бросила ведро, бежит домой, причитает:

— О боже мой, лесистая наша речка бурлит кровавой водой, из берегов выходит. Несет обрывки шкур и постелей, обломки досок крутит — все, что было человеческим жильем.

Услышал ее хозяин Нюора-горы, задумался.

— Начнутся дела! Старший брат твой истощен, а младший когда еще вырастет! Наверное, всем нам и Нюора-горе конец придет.

Слышавший этот разговор Тута Хоразума приподнялся и сказал отважно:

— Моя сестра, дочь хозяев стойбища семи шестов, кажется, пришло ко мне дело, которое я искал. Скоро всем нам дело будет! Расскажи мне, что это за люди сидят напротив.

— Вот тот, что ближе к двери, тесть моего названого брата. Он велел ему оставить нас на чумище. С ним рядом средний брат из рода жертвоприносителей, он сказал: «Вы к нашему чумищу даже не под-

ходите». Лазучера тоже так говорил. А вон тот, в белом, подобный волку, убил пятьдесят хоров и нам сказал: «Если вы тронете хоть кусочек рубца оленя, то я вас отдам в жертву». А этот, самый крайний, у него сердце доброе, но он нас не взял, потому что знал: наш названый брат придет за нами.

Они пришли, сели и как на суде ждут. Ты всех их видишь. И теперь все про них знаешь. И сам решишь, как дальше быть…

КАК НГАНАСАНЫ В ПАРИЖ ЕЗДИЛИ

Современная сказка

Однажды в Дудинке собрались долганы, ненцы, нганасаны, чтобы выступать со своими народными песнями и плясками. Они прилетели в Дудинку из Усть-Авама, Хатанги, с острова Диксон и из поселка Левинские Пески. После выступления нас, жителей Усть-Авама, пригласили к руководителю Таймырского Долгано-Ненецкого района. Мы нарядно оделись, пришли на встречу и узнали, что поедем во Францию — в Париж!

— Очень уж вы хорошо поете, жители Усть-Авама, поэтому поедете Францию удивлять!

— А как же жители Волочанки[1]? Разве они с нами не поедут?

— Нет, только жители Усть-Авама. И то только шесть человек поедут. Завтра улетаете из Норильска.

Собрали группу. Прикрепили к ней руководителя, Юрия Ивановича Градинарова[2]. Он всех нас к самолету вовремя разбудил, выбрал красивые национальные нганасанские платья и предложил ехать в аэропорт.

— Неужели даже в магазин за продуктами не надо идти? — спросила я.

— Нет. Нам все продукты с собой дали, а потом кормить в гостинице будут.

---

[1] Жители поселков Усть-Авам и Волочанка — нганасаны, принадлежащие к разным родам.

[2] Градинаров Юрий Иванович — писатель, родился 31 января 1941 года в поселке Корсунь Донецкой области в семье рабочих. В 1961 году окончил Воронежский кинотехникум, в 1974-м — Красноярский педагогический институт. Работал мастером по ремонту киноаппаратуры (1961, 1964—67 гг.), заведующим орготделом Таймырского окружного комитета комсомола, затем первым секретарем Дудинского горкома ВЛКСМ (1968—75 гг.), начальником управления культуры администрации Таймырского округа (с 1976 г.), редактором альманаха «Полярное сияние».

Еще в аэропорт не выехали, а нганасаны успели устать — торопят нас слишком, подгоняют везде. Довезли до аэропорта Алыкель в Норильске на большой хорошей машине управления культуры, а в аэропорту снова поторапливает руководитель группы — очень мы устали от этой спешки.

— Сначала полетим в Москву, — поясняет Юрий Иванович. Да только в аэропорту нелетная погода: самолеты не пускают, кушать приходится только то, что есть, — ни чаю, ни сока не дают, покупать не отпускают.

Наконец сели в самолет. Впервые нганасаны в таком большом самолете оказались. Особенно Хоняку Ламкаевич боится, потому что вообще не летал никогда. Сказали пристегнуть ремни, а оно непонятно, как сделать. Тогда самая опытная, Нина Сидорина, показала нам — она летала уже в больших самолетах. Прилетели в Москву, в Шереметьево. Сказали, что за нами автобус приедет.

— Ох! И куда же нас опять забросить хотят?

— В деревню Сходню вас повезут. Туда уже приехали жители Магадана, которые тоже в Париж выступать поедут.

В деревне отвели нас в дом большой-пребольшой, его три собаки охраняют и сторож. Сторож собак привязал, нас впустил. «С Таймыра?» — спрашивает. Мы киваем.

Поселили нас, покормили и спать отправляют. Начальник наш, Градинаров, уехал в Москву к родственникам. Нас велел не выпускать никуда. И еще одного русского поставил смотреть, чтобы мы не ушли. Звали его Виталием. И мы у него отпросились в ларек сходить. Он нас с Сидориной вдвоем отпустил. Наш Дюходоевич сердился и жену свою с нами не пустил. Но мы и вдвоем ушли — была не была!

В ларечке продавщица нас узнала: «Вы, — говорит, — нганасаны, кажется!». Мы спрашиваем:

— А ты откуда?

— Из Норильска, — говорит. — Там моя родина. За мужем в Москву переехала. По лицам вас узнала. Что вам продать?

Купили мы с Сидориной пачку чая и печенье. Идем обратно — собаки лают. Сторож нас предупредил, чтобы долго не чаевничали, — завтра в десять самолет в Париж.

Наутро нас разбудили, скорее в автобус, довезли до Шереметьево и даже в аэропорт не завели — уже самолет нас ждал. Трап к нам сам опустился. А вещи свои мы даже видеть не видели. Только с сумочками

в самолет зашли. Там в три ряда сиденья. Спрашиваем: «Где люди из Магадана, которых мы вчера видели?». К нам парень подошел, сказал, что он тоже с Таймыра, что они про нас слышали. В других самолетах нет столько места, чтобы ходить и разговаривать.

Самолет полетел — гула не слышно. По самолету официантки ходят, еду предлагают. Стол передо мной раскрылся сам по себе. Мы едим, а они мимо ходят, предлагают чай и кофе.

Я удивляюсь: неужели можно вот так просто попросить чаю налить? Сидорина говорит, что когда за границу люди летят, так можно делать.

— Почему же мы не пьем чай?

Тогда и мы стали кружки — кто с чаем, кто с кофе — брать.

Попили, поели. И незаметно уснули. Вот будят нас. «К Парижу подлетаем», — говорят. Голос через что-то огромное на нас идет. А кто говорит — не видно. Мы уже знаем, что делать, — ремни пристегнули. Кажется, будто самолет и не летит, а на одном месте стоит. И как-то сам собой в Париже приземлился.

Пришла переводчица, сказала, что мы даже на землю наступить не успеем, — у трапа нас автобус ждет. У меня сильно забилось сердце. «Ох, — думаю, — это как в сказке».

Мы, пока в автобусе ехали, все время удивленно поглядывали друг на друга.

Снова поели в ресторане. Потом нам говорят, что в конце Парижа есть гостиница для приезжих, что нас повезут туда, будут мыть, стричь, красить головы и ногти и еще всякое сделают. И зубы, говорят, надо вставить.

Дюзымяку на это сказала:

— Ох, детка, не надо! Ой, какой грех, на чужой земле еще головы красить и зубы вставлять. Еще и волосы постригать. Нас в Дудинке уже постригли. И снова надо! Так не пойдет!

Но мыться мы согласились. Пришли. Там кабинки — каждый отдельно моется. Стали мыться. Вдруг крик! Что случилось? Старуха Сындимяку поскользнулась, голову разбила.

Пока мы с ней возились, скорая и всякие врачи приехали, и ее, бедную, на целые сутки увезли в больницу. А обратно привезли с перевязанной головой. Она же раньше никогда про душ не слышала, потому и не знала, что там скользко. А муж ее все ругал: «Может быть, это грех? Мы ведь наступили на чужую землю. Почему только

ты одна упала?». И в ресторане, и вечером в гостинице все ворчал и ворчал.

Наконец нас повезли из Парижа в Анже. И там сказали петь. И мы спели. Тогда местный мэр повез нас на озеро и еду с собой взял. Ехали в большом автобусе — как в сказке. Мэр города спрашивает:

— Что ж, старухи, чай пьете?

Мы говорим:

— Пьем.

Тут он разных сортов чая достал: и черный, и зеленый, и фруктовый. На землю большой ковер постелил. На него положил все.

Тут к нам русский житель из Анже подошел и спрашивает, есть ли среди нас шаман? А то у него ребенок пропал, можно ли узнать, как найти? Нина Сидорина пошаманила и сказала, что назавтра утром ребенок сам придет.

После этого сидели мы на берегу озера и только поздно вечером в Анже вернулись. А вечера там очень темные.

На другой день в обед снова мэр приехал, сказал, что сын того человека, что шамана спрашивал, сам домой вернулся. Правильно наша Нина Сидорина предсказала.

Нам рассказали, что в Париже есть Святая Мария. На очень высокой горе стоит. Даже ночью вокруг свет. И видно, что она ребенка держит. Мы хотели туда идти. Нам ответили, что не дойти, — надо по канату подниматься. Мы тогда попросили юношей из Магадана нам помочь. Они согласились:

— Ну, пойдемте, бабки.

Мы вошли в большой дом. В этом большом доме есть канаты, за эти веревки будем, говорят нам, держаться. И вдруг дом зашевелился и сам стал поднимать нас вверх. Едем-едем, наша переводчица и говорит: «Туда доедем, пойдете пешком, смотрите вниз».

Я двоюродному брату сказала:

— Хоне[3], вниз, говорят, будем смотреть, может, Анже увидим?

Вниз посмотрели — облака белеют, как снег, внизу. Ничего не видно.

[3] Хоне — обращение к двоюродному брату.

Когда наш плывущий дом остановился, дальше мы пошли по лестнице пешком. А там зима. Холодно. Обрыв в снегу белеет. На горе стоит дом. Мы в этот дом вошли. Там стали отдыхать. Кроватей нет, а лежанки прямо на полу.

Отдохнули, собрались обратно. Нам и говорят: посмотрите назад, там пасутся коровы и лошади.

Мы посмотрели. Домики тоже посмотрели. И снова сели в кабинку канатной дороги (так называют дом, в котором мы ехали). Поехали вниз — облака оказались над нами, а внизу снова было лето и жарко. Вечером во Франции на небе звезды и луна совсем близко. А у нас совсем далеко. Франция очень удивительная земля.

Мы были в тридцати двух деревнях и городах — везде выступали. Целый месяц так прошел. Наконец мы вернулись в Париж, и нам устроили прощальный вечер, так же, как мэр Анже. Дали нам подарков и денег.

И вот мы вылетели из Парижа в Москву. А с нами в самолете японцы, корейцы и китайцы летят. Как в Москву прилетели, корейцы стали нам руки протягивать, целовать наши руки и нас. Переводчица сказала, что они прощаются. Они с нами по деревням ездили. Только в другом автобусе. Корейцы такие же, как мы, — тоже маленькие, лица красивые.

Ну, чего там... В Москву приехали, а нас опять в Сходню везти хотят. Но мы сказали, что лучше в аэропорту будем ночевать. Мы, когда в Дудинке бываем, тоже ночуем в аэропорту. Но ночевать не пришлось. Нас посадили в самолет до Норильска. Оттуда мы в Дудинку приехали, а на другой день в Усть-Авам.

Так закончилась наша поездка в Париж. Такая хорошая поездка. Как в сказке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сказки на родном языке
ненцев, долган, нганасан
и их научный перевод

ДОРОГА К СОЛНЦУ

НЕНЕЦКИЕ СКАЗКИ

ЕВАКО-НЕ-ҢАЦЕКЫ

Автор-сказитель: ненка Ольга Андреевна Ледкова, 54 года на момент записи (данное произведение О. А. Ледкова слышала от своей матери П. И. Вылки), место жительства — остров Колгуев.
Дата записи: 1965 г.
Автор записи: А. М. Щербакова.
Первая публикация текста: Щербакова А.М. Ненэця' вадако' (Ненецкие сказки). — Л.: Учпедгиз, 1960. — 89 с.
Публикуется по изданию: Фольклор ненцев / сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. — Новосибирск: Наука, 2001. — 504 с. — С. 252—256.

ДЕВОЧКА-СИРОТКА

Автор перевода: А. М. Щербакова.
Уточнение перевода: Л. В. Хомич.
Публикуется по изданию: Фольклор ненцев / сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. — Новосибирск: Наука, 2001. — 504 с. — С. 253—257.

НЯХАР˝ НОХО

Автор-сказитель: П. Ненянг, 25 лет на момент записи, место жительства — Тазовская тундра.
Дата записи текста: 1937 г.
Автор записи: Г. Д. Вербов.
Публикуется по изданию: Фольклор ненцев / сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. — Новосибирск: Наука, 2001. — 504 с. — С. 256—268.

ТРИ-НОХО

Автор перевода: Л. В. Хомич.
Публикуется по изданию: Фольклор ненцев / сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. — Новосибирск: Наука, 2001. — 504 с. — 257—269.

СИ˝ИВ-ПЯЛЬСИ˝-НЯБАКО

Автор-сказитель: Таисия Ледкова.
Дата записи текста: 1946 г.
Автор записи: А. И. Рожин.
Публикуется по изданию: Фольклор ненцев / сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. — Новосибирск: Наука, 2001. — 504 с. — С. 306—324.

СЕСТРА-СЕМИ-ПЯЛЬСЯ

Автор перевода: А. И. Рожин.
Уточнение перевода: Л. В. Хомич.
Публикуется по изданию: Фольклор ненцев / сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. — Новосибирск: Наука, 2001. — 504 с. — С. 307—325.

ЕВАКО-НЕ-ӇАЦЕКЫ

1 Сюдбабц хось: я´ хой´ ниня тэкоця мякана илевы ӈо˝лери Не-Ӈацекэця. Ялехэ´ тебтаха´ ӈухукоцида мята сидя хэвувна ӈамдтарцетыда. Тикыда мание ва˝авнда ерт´ ӈамдсеты. Ида ядэласеты: «Ӈавнанда хунананда таневы˝ ӈэбту´ небяв, нисяв. Тикымда ӈули˝ нив тене˝. Ӈа˝на мыновав харваванда ханзер˝ сава ӈэбта ӈаврадув хось?»

2 Тарем´ лаханаханда макоданда сивня Хибяхава лаханавононда, тарем´ мамононда:

— Тедари´ хонад˝! Хувы яломдата харта тенева.

Тикый намда Не-Ӈацекэр хонэй˝. Хувы´ няна немада хая. Пин´ тарпы˝. Пин´ тарп˝махаданда саӈода хэвы мята сидя хэван´. Сидя ты туска юседаӈаха´, хури´ сававна яхавэхэ´. Хэв´ сяти´ нина мал´ ту˝ӈэ морена.

3 Тикавахана Не-Ӈацекы харамда ня˝ма, ӈаебарчь пяда. Сянад хунад илевы ӈэбта пили˝ ӈамзанда таневан´, ӈамгэхэртада ни яӈгу˝. Небярида, нисярида яӈгу.

4 Хувы´ няна харта индканда пин´ тарпы˝. Ӈавота серота ёльце˝маханда я´ сид ян´ саӈода хэвы. Я´ сидкад нид ты минда нябтед´ тэвы˝ Тет-Сэр˝-Мэта, инямда, тюрмда ӈобкана мойда. Мяд´ няюв´ ядалй˝. Не-Ӈацекэр тикым´ манэць мят´ сакада.

5 Тикыринда ӈод˝ Тетм´-Сэр˝-Мэтар ӈобтарем´ мят´ сакада. Пыда тарем´ ма:

— Сит хосаям´.

Не-Ӈацекэр ма:

— Сэван ялумы тэкуця мякадан ним´ тут˝.

Тикым´ намда Тет-Сэр˝-Мэта-Хасава пуня´ хэмбедей˝, тикыринда хая. «Сяха´ ӈавранд яӈгова˝ мальӈгана сит ӈавламбивась». Инямда, тюрмда ня˝махаданада тет сэраконда иням´ манзабта, хаданда, ӈылма. Сэвхад тяхама.

6 Тикавахана Не-Ӈацекы сидя тюсипой´ ӈамды˝. Ӈухукохованда лаханорӈа:

ДЕВОЧКА-СИРОТКА

Сюдбабц нашла — на земляном холме, в берестяном чумике жила Маленькая-Девочка. Целыми днями она рассаживала своих куколок в чуме по обеим его сторонам. Глядя на них, она сидела на постели. И думала: «Когда-то давно, наверное, были у меня отец и мать. Я этого совсем не помню. Как я буду добывать себе хорошую еду?» 1

Когда она так разговаривала, через дымовое отверстие чума кто-то заговорил, он так сказал: 2

— Сейчас ложись спать. Утром, когда рассветет, что-нибудь само собой появится.

Услыхав это, Маленькая-Девочка легла спать. Утром сон ее покинул. [Она] вышла на улицу. Когда вышла на улицу, поглядела по обе стороны чума. Две оленьи туши лежат, очень хорошо обработанные. На боках туш жир блестит.

Тогда Маленькая-Девочка взяла нож и стала есть сырое мясо. Какое-то время она так живет, у нее всегда еда, нужды ни в чем нет. Только нет у нее отца с матерью. 3

[Однажды] утром она вышла сделать что-то на улицу. Что-то сделав, окинула взглядом затвердевшую землю. Вдалеке едет Хозяин-на-Четырех-Белых-Оленях, вожжу и хорей враз бросил. К чуму пошел. Маленькая-Девочка, увидев его, шмыгнула внутрь. 4

Хозяин-Четырех-Белых тоже в чум вошел. Сказал: 5

— За тобой приехал.

Маленькая-Девочка отвечает:

— Пока глаза мои смотрят, я из берестяного своего чумика никуда не пойду.

Услышав такое, Хозяин-Четырех-Белых-Оленей-Мужчина повернулся и вышел. «Когда у тебя еды не было, ведь я тебя кормил». Схватив разом вожжу и хорей, четырех своих белых вожжой тронул. Скрылся из глаз за пургой.

Тут Маленькая-Девочка, сложив руки под одеждой, села. С куколками разговаривает: 6

— Ӈухукоцин, хаюданакэда˝. Ха˝амӈгуданакэв. Ӈаврав ӈули˝ яӈгу. Пыдара˝ няваида˝ ӈавар˝ ни тара˝.

˝Тикыда вадида мэсо˝махаданда хонэй˝.

7 Хувы´ няна немада хая. Пин´ тарпы˝. Я´ сид ян´ саӈода хэвы. Я´ сидкад Сюдбя-Вэсако ябта мят´ лэт´, мосавэй харв´ ядциеда. Не-Нацекы сейда хэсь мят´ сакада, нимда ной никцямда сяра. Ӈухуко-цяхата ма:

— Хаюданакэда˝, Сюдбя-Вэсако маньен сим´ ӈамзь харва!

Тикында вадида мэсо˝махаданда я´ сид´ ян´ варелибтеда. Сянад хунад сюрбвы ӈэбта санода хэвы марцьконда нимня. Сюдбя-Вэсако тамна ӈадьвы.

8 Не-Ӈацекы тамна сюрбы. Саць пэдэй´. Тарем´ сырпата-нернда няна ӈухуку мяд´ ӈар´ мя˝ ӈади. Хахая тэвхана ӈаркамбой´ мя˝ ӈэвы. Пухутанна индканда мят´ тэвы˝. Мякат тарпы´ Пухуцярка-Не. Не-Ӈацекым´ манэць Пухуцярка-Не манзь ханада:

— Ханяд тон?

Не-Ӈацекы тарем´ ма:

— Сюдбя-Вэсако пумнан миӈась.

9 Пухуцярка-Не тарем´ ма:

— Мят´ тюва˝. Мань Нюв таня. Нимда Марендя-Хасава. Пыда сава Ханена.

Пухуцярка-Не Не-Ӈацекым´ мят´ тюле. Паныдамда, пивадамда ми˝ӈа. Сававна ембкаяда, хури сававна ӈавлада. Пэвсюмбы´ няна Ханена то. Не-Ӈацекэн´ тарем´ ма:

— Мань сим´ теневанув˝?

Не-Ӈацекэр пыда тарем´ ма:

— Ханяд сяха´ манэтам? Сэван ялумзь ӈопориӈэ илевэманзь ӈухукоцин нясь.

10 Ханенар тарем´ ма:

— Ӈаврадамд тамбвэм´ мань ӈа´ нисядам´. Теда´ мядикоходанд мань питорцам´. Мань сюдбядарев´ емб˝явась. Теда´ мани´ нянани´ иле˝.

Не-Ӈацекы тарем´ ма:

— Ӈухукоцин хаи˝. Яръенакы˝.

Ханена тарем´ ма:

— Ӈухукоцит мал´ таян.

Тикым´ намдхава Не-Ӈацекы Марендя-Хасавам´ севолӈада:

— Тедахава´ пыдар няданд ханяхарт ним´ хант˝.

Тенад иле.

— Куколки мои, [одни] останетесь, наверное. А я, должно быть, погибну. Еды у меня совсем нет. А вам еда не нужна.

Сказав такие слова, она легла спать.

Утром проснулась. Вышла на улицу. Огляделась. Откуда-то появился Старик-Великан, опираясь на целую лиственницу, как на посох. Маленькая-Девочка с испугу заскочила в чум, пояском подпоясалась. Куколкам своим сказала: 7

— Одни останетесь, наверное, Старик-Великан меня, бедную, съесть хочет!

Сказав эти слова, изо всех сил побежала [в другую] сторону. Долго ли бежала, через плечико назад обернулась. Старик-Великан еще виден.

Маленькая-Девочка все бежит. Очень устала. Смотрит — что-то вроде ее кукольного чума виднеется. Когда приблизилась — оказался довольно большой чум. Из последних сил до него добежала. Из чума вышла Пожилая-Женщина. Увидев Маленькую-Девочку, Пожилая-Женщина спросила: 8

— Откуда ты пришла?

Маленькая-Девочка говорит:

— За мной Старик-Великан гонится.

Пожилая-Женщина сказала: 9

— Войдем в чум! У меня сын есть. Его зовут Марендя-Хасава. Он хороший охотник.

Пожилая-Женщина ввела Маленькую-Девочку в чум. Дала ей паницу и пимы. Красиво одела ее и хорошо накормила. Вечером пришел охотник. Он спросил девочку:

— Ты меня знаешь?

Маленькая-Девочка сказала:

— Откуда я могу тебя знать? Сколько себя помню, всегда жила одна со своими куколками.

Охотник сказал: 10

— Еду-то ведь тебе я приносил. А теперь я тебя из твоего чумика выманил. И это я великаном нарядился. Теперь с нами будешь жить.

Маленькая-Девочка сказала:

— Мои куколки остались в [чумике]. Плачут, наверно, бедные.

Охотник сказал:

— Куколок твоих я принес.

Услыхав это, Маленькая-Девочка охотника Марендю обняла.

— Теперь-то я от тебя никогда не уйду.

И сейчас живут.

НЯХАР" НОХО

1 Няхар˝-Нохо мал´ несавэй. Ӈарка-Нохо Ненюсавэй. Нюдя-Нохо ӈани˝ Ненюсавэй. Тад тикахад ӈоб˝ ӈацекэдо´ таня Евако-Хороля. Ёней-Нохона иле. Ӈобсер´ тыдо´ няхар˝ ёнар˝.

Ӈамгэ ёльцяӈгана Ӈарка-Нохо тарем ма:

— Теда´ тона˝ ян´ ямдабана˝ тара. Пуна — нара´ ӈобт´ тэваӈгуна˝.

Ӈарка-Нохо тарем ма, Ёней-Няханда:

— Евако-Хораляр мань нянани тоя!

Е˝ней-Нохо пыда тарем ма:

— Сававна илеӈгохавабнанда — тоя! Ӈод вэвавна нёя иле´!

2 Тикындо´ ямдаяд´. Евако-Хораля Ӈарка-Нохонда хая. Евако-Хораля тарем иле — ераӈгодаӈэ тара, пили˝ пон. Тарем хамадамбида — илебцода вома. Тад мяканда тута — ни ӈаворцету˝, ва˝авхана ни иле˝. Нё´ няна, пэвдю˝ няна иле. Пин´ хэб˝нанда, Ӈарка-Не-Нохой тале намза ютекоця ханасеты, нянда мицеты.

3 Ӈамгэ хубтахана Нохо тарем ма:

— Евако-Хороля! Теда´ поёрць хантан! Юд ханм´ татан, пям´!

Евако-Хороля ма:

— Мань ӈобами яӈгу, панэни вэва!

Нохо ма´ нив:

— Ӈока вадам´ нён мэс˝! Ти, валакада, хань!

4 Пин´ тарпыд´, тыдо´ ня˝ма˝. Ханодо´ подерӈа˝. Нохо ма˝нив:

— Мань тыбкам´ хана˝!

Тыбкам´ тада, тыбка´ няндм´ тахабтада. Ма:

— Мань хане хантадм´, пыдар поёрць хаян. Пуна, пунани тэвабат, ӈобкана ниб˝нани´ тэв˝ — сит хадаӈгудм´.

ТРИ-НОХО

Три-Нохо — все женаты. У Старшего-Нохо есть Дочь. У Младшего-Нохо тоже Дочь есть. Кроме них еще один ребенок — Сиротка-Хораля. У Среднего-Нохо живет. Всего же оленей у них три тысячи. 1

Однажды Старший-Нохо сказал:

— Теперь в свои земли кочевать нам надо. Потом, весной, снова сойдемся вместе.

Старший-Нохо сказал Среднему-Брату:

— Сиротка-Хораля со мной пусть едет.

Средний-Нохо ответил:

— Если хорошо [ему] у тебя будет жить, пусть едет! Только чтобы плохо не было.

Тут они откочевали. Сиротка-Хораля со Старшим-Нохо поехал. Сиротка-Хораля живет так — все время караулит оленей. Он понимает, жизнь его ухудшилась. В чум придет — не ест, спальным местом не пользуется. У входа на поленьях живет. Если на улицу выйдет, Жена-Старшего-Нохо тайком кусочки мяса выносит, ему отдает. 2

Однажды утром Нохо сказал: 3

— Сиротка-Хораля! Сейчас за дровами пойдешь. Десять саней дров привезешь!

Сиротка-Хораля сказал:

— У меня рукавиц нет, одежда плохая!

Нохо сказал:

— Много слов не говори! Все, уходи!

На улицу вышли, оленей поймали. В сани запрягли. Нохо сказал: 4

— Мой топор возьми с собой.

Топор дал, а лезвие топора сломал. Говорит:

— Я поеду охотиться, а ты по дрова поедешь. Если после меня приедешь, если одновременно со мной не вернешься — тебя убью!

5 Тад хая Евако, пэдаран′ тэвы″. Тад тэвы″ — сюдбы пям′ хо, сюдбя харв″я. Тыбкамда ӈэкалӈа. Сидя сапада, тыбкада ӈамгэхэртм′ ни пирас″. Пянда хэван′ амды″, тэри ярума. Ӈамгэ ёльцнгана ниры тамада сехэрэнда ня′ сэвда ха″мы″. Ӈоб″ хал ӈадимя. Тад сылы′ Ӈарка-Не-Нохой ӈэвы.

6 Ламбита то. Ӈули′ нёховы. Тыбкамда нямби. Манма:

— Евако-Хороля! Хыняна хаян? Илева-илен?

Евако-Хороля ма:

— Илева — иледм′.

— Ӈамгэ′ ярӈан?

Ма″нив:

— Ха″нядм яр″: тыбками я″мадм.

— Тыбкамд я″амбат, мань тыбкам′ тадамзь.

Тикы сюдбя харвм′ Не сян сапада — хава. Лядаӈада. Ханха″ пэӈада.

7 Тикы Ӈарка-Не-Нохой пыда тарем ма:

— Тикы хаерт сыр″! Такэр пакалць — мань нянавани пилибт″ пакалць. Пыдахавар хасава, едэй явна ӈадимбата-ӈадимцу.

Евако-Хороля мяканда ӈэдалай. Мяканда тэвы″. Нохо ӈод тэвы′. Тыда ӈэдаба пя. Тыда ӈэдайда, ӈопой тэмда теда′ ӈэдабида. Маханда ня′ тад сылы″ — Нохо тям′ то. Няби ӈудахананда лы яӈгацянда нямби.

8 Нохо Евако-Хораля′ ӈэваханда лададa. Евако-Хораля ялям′ юравэда. Тад сэвда сылыд″ — хэвэда мал′ вэя. Ӈэванда хоба ӈыкалавы. Мят тю. Пэвдю ниня ӈамды′. Тикана тикыпи сеӈга.

9 Хуняна, яля ерня, вэнеко тёрей″. Ӈоб″ ӈэдалёда товонода пихиня. Тад мят тю. Ёней-Нохо ӈэвы. Пыда тарем ма, ӈэда яӈгапа:

— Пихий ӈамгэ вэя? Тым′ хадасада?

Ӈарка-Нохо сава мунда яӈгу, вэва мунда яӈгу, Едм′ пире′. Едм′ пире′ — ӈаворць ӈамдыд′.

10 Ёней-Нохо тарем ма:

— Хораляр, ӈамгэ′ таняна мэ, пэвдю′ ниня?

Ӈарка-Нохо тарем ма:

— Ва″авхана илеван харта ни харва″.

Евако-Хораля тарем сырпата – Ёней-Нохо хад ненземя. Пин′ юркы″. Ёней-Нохо ӈобтарем′ юркы″. Хэвувнани то. Пыда тарем′ ма:

— Теда′ ӈобкана хэхэни′, мань мякани. Пыдар тюкона вэвавна илен!

Вот поехал Сиротка, в лес приехал. Приехал, огромное дерево нашел — громадную лиственницу. Топор вытащил. Дважды рубанул, топор ничего не может. Под дерево сел, заплакал. Через некоторое время его взгляд на дорогу упал. Пар какой-то показался. Вгляделся — Жена-Старшего-Нохо оказалась.

На лыжах пришла. Совсем вспотела. Топор свой держит. Сказала:

— Сиротка-Хораля! Как ты? Живой еще?

Сиротка-Хораля сказал:

— Жить-то жив.

— Почему плачешь?

Отвечает:

— Как мне не плакать, топором [этим] ничего [сделать] не могу.

— Если [этим] топором не можешь, я свой привезла.

Громадную лиственницу эту Женщина несколько раз рубанула — свалила. Расколола. На сани положила.

Жена-Старшего-Нохо так сказала:

— На солнце посмотри! [Как] оно зайдет, [так] для меня зайдет навсегда. Ты-то ведь мужчина, когда на новой земле появится [солнце], то [оно] появится [только для тебя].

Сиротка-Хораля к чуму своему поехал. Вот доехал. Нохо тоже приехал. Стал оленей распрягать. [Нескольких] отпустил, еще одного распрягает. Назад взглянул, вот Нохо подходит. В руке костяную колотушку держит.

Нохо Сиротку-Хораля по голове ударил. Для Сиротки-Хораля свет померк. Глаза приоткрыл — кругом кровь. Кожа на голове разорвана. В чум вошел. На поленья сел. Эту ночь тут провел.

На следующий день, в полдень, собака залаяла. Слышно, как кто-то на легковой нарте подъехал. В чум вошел. Средний-Нохо оказался. Сказал, ноги околачивая:

— Что за кровь на улице? Оленя ты убил, что ли?

От Старшего-Нохо — ни хорошего слова нет, ни плохого. Еду сварили. Еду сварили — есть сели.

Средний-Нохо говорит:

— Хораля, ты почему там, на поленьях?

Старший-Нохо отвечает:

— Он на спальном месте жить сам не хочет.

Сиротка-Хораля смотрит — Средний-Нохо, видимо, рассердился. [Хораля] на улицу вышел. Средний-Нохо тоже вышел. К нему подошел. И сказал:

— Теперь вместе поедем, в мой чум. Здесь тебе плохо живется!

11 Хаяха´. Мяканди´ тэвъяха´. Ёней-Нохо нехэндя тарем´ ма:

— Евако-Хороля ӈавла тара. Панэдада мис˝.

Тикы Не едм´ пире. Панэдами тада. Теда´ Евако-Хороля сававна иле. Сидя си˝ив яля иле. Ӈамгэ ёльцеӈгана мякана ӈамды˝. Вэнеко тёрей˝. Ӈэдалёда то. Нюдя-Нохо ӈэвы. Мят тю. Хоралян´ сырӈа. Тарем ма:

— Хораля ӈамгэ то˝лаха тэтаӈэ хэвы!

Ва´ван ӈамды. Ёней няханда лахана:

— Евако-Хоролямд мань ханаӈгув!

Ёней-Нохо ма:

— Ӈарка-Нинеканданя´ сероди´ вэваць. Ӈани´ ханзеркава пяӈгу˝ нирав!

12 Нюдя-Нохо ма:

— Мань нянани вэва яӈгода. Сававна илеӈгу.

Тикынди´ хаяха´. Мят тэвъяха´. Мят тюӈаха´. Нюдя-Нохо тарем ма:

— Хораля! Паныд екан!˝ Хораля паныда екайда. Хоралян´ вэвако мальцям ми´ и, сисавэй. Сисавэй пива.

13 Ма´нив:

— Хуняна ӈавортан. Теда´ ты ера тара.

Хораля ты ераванзь хая. Нюдя-Нохо Хоралян´ ма:

— Хуняна мер´ тоин. Ямдаӈгуна´.˝ Хораля тэхэ˝на хоны. Немада хая. Пон хонёвы. Мят тэвы˝. Нохо мята ха˝авравэда. Ханмда сяраби. Нюдя-Нохо лы яӈгацянда ня˝амби, Хоралян то. Хоралям´ ӈэваханда лададa.

14 Хораля ян´ монай˝. Хораля тёрей: «Яӈэй, яӈэй, яӈэй!» Няби ӈудахана ӈэвамда ня´ амби. Нохо-Неню нисяханд тарем ма:

— Хораляр сит писида.

Нохо пуня´ сюрхалъй˝, Хоралян´ тэвы˝. Хоралян´ ӈудахананда лададa. Хораля ялям´ юрада. Ӈамгэ ёльцяӈгана ини ӈу˝ то. Ӈэвами иладм´.

15 Пыхыдахани сылав˝. Тет минхад тет парандэй си˝ми матормы. Юркась пяв. Юрка я˝мыв Ӈэвами таси´ мэв. Ӈамгэ ёльцеӈгана маханий няд сюдм´ ӈамдам´. Ся˝ни няюмна Ӈоб˝-Ӈэдалёда то. Ӈопой тым´ мэ˝ӈа. Нултада. Ханмда сярада. Ян´ ха˝мы˝. Нянани то.

16 Пыда тарем ма:

— Тюку ӈамгэ´ ӈэбтав? Хавы ты ӈэбтав?

Хэвхани то. Сёбяни малхад си˝ми ня˝ма. Тарем ма:

Поехали. К чуму подъехали. Средний-Нохо Жене своей говорит:
— Сиротку-Хораля накормить надо. Одежду ему дай!
Эта Женщина ему еду сварила. Одежду дала. Сиротка-Хораля хорошо теперь живет. Две недели так живет. Однажды в чуме сидит. Собака залаяла. Подъехала легковая нарта. Младший-Нохо оказался. В чум вошел. На Хораля смотрит. Сказал:
— Каким Хораля оленщиком стал!
Сел на постель. Среднему-Нохо сказал:
— Сиротку-Хораля я увезу!
Средний-Нохо сказал:
— Со Старшим-Братом дела были плохи. Как-то вы начнете!
Младший-Нохо сказал:
— У меня плохого не будет. Хорошо будем жить.
Тут они вдвоем и уехали. До чума доехали. Вошли. Младший-Нохо сказал:
— Хораля! Одежду сними!
Хораля одежду снял. [Тот] ему плохую малицу дал, дырявую. Пимы дырявые.
Сказал:
— Поешь завтра. Сейчас оленей караулить надо.
Хораля оленей караулить пошел. Младший-Нохо Сиротке сказал:
— Завтра вернешься рано. Будем кочевать.
Хораля в стаде заснул. Проснулся. Долго, видно, спал. Пришел к чуму. Нохо чум разобрал. Нарты увязывает. Младший-Нохо костяную колотушку держит, к Хораля подошел. Хораля по голове ударил.
Хораля на землю упал. Закричал: «Ой, ой, ой!» Голову руками держит. Дочь-Младшего-Нохо отцу своему говорит:
— Хораля над тобой смеется.
Нохо обернулся, к Хораля подошел. Хораля рукой ударил. Хораля сознание потерял. Через некоторое время очнулся. Голову поднял.
Я взглянул на себя самого. С четырех сторон меня окружали четыре сугроба. Вставать начал. Встать не могу. Голову вниз опустил. Вдруг справа свист услышал. Со стороны, [куда было обращено] мое лицо, Один-Ездок-на-Легковой-Нарте подъехал. Одного оленя держит. Остановился. Вожжу привязал. На землю сошел. Ко мне подошел.
Сказал:
— Что это такое? Издохший олень, что ли?
Ближе подошел. За край капюшона меня взял. Говорит:

11 12 13 14 15 16

— Тюку ненэць′ ӈэраханё′.

Няни ма:

— Ӈамгэ тикана юседан?

Мань вадам′ мэць я″мав. Тад тикахад пыда си″ми ила. Ханда мю′ си″ми пэӈа Ӈэдалай″.

17 Мяканда тэвыни′. Мяд хэван′ нултада. Тят тёрей″:

— Не-Ӈацекы! Пин′ тарпад″!

Мякад ӈоб″ Не ӈадимя. Тикы Не тарем ма:

— Ӈамгэм′ тан?

— Ненэцям′ ходм′. Ӈоб″ суюдар ня″м″, Ненэцям′ ӈавла тара.

Хоралям мят тюледа. Ва″аван′ юсебталада. Пирибтя суюм′ хадавы. Хыдя мюня вэям′ та. Хоралян′ мипа пяда.

18 Хораля ня″ма я″мада. Хораля′ нянсин′ вэям′ харта вабтада. Хораля ӈамада. Хораля юсибтай″. Хуняна Хораля немада хая. Мята ядембавы. Ӈудамда хорпа пя. Ӈуданда едяда яӈгу. Ӈамдё ха″мы″. Няби ва″авхана Вэсако ӈамды. Вэсако тарем ма:

— Еркарар ӈамгэ?

Хораля ма:

— Мань Хоралядм′. Пыдар еркарар ӈамгэ?

Вэсако ма:

— Мань еркарами Тилимбо. Ӈамгэ тарем сит мэса?

Хораля ма:

— Няхар″-Тэта-Нохоми танясь. Нюдя-Нохоми тарем си″ми мэ.

19 Вэсако ма:

— Няр таня?

— Ӈамгэхэтами яӈгу!

Вэсако тарем ма:

— Мань ӈавна тарем намдадамзь — няхар″ Хораля танявы. Тикы Хораля Няхар″-Нохо хадавыдо′. Тикы Хораляхат ӈопой Ӈацекым′ ханавы″. Няхар″ ёнар″ тым′ ханавы″. Теда′ хадриӈо″ тикы ӈацекы — пыдар ӈэӈгун.″

20 Хораля ма:

— Теда′ пюван′ харваян′!

— Ханяд хоӈгуд? Ямдо′ теневар?

Хораля ма:

— Ямдо′ теневав!

Вэсако тарем ма:

— Хэб″нанд тэдамд татадм′. Недамд татадм′.

— Да это человек, оказывается.

Еще сказал:

— Что ты здесь лежишь?

Я слова сказать не могу. Тут он меня поднял. На нарту положил. Поехал.

Приехали к его чуму. Остановились. [Он] в чум крикнул: 17

— Девочка! На улицу выйди!

Из чума Девушка появилась. Она сказала:

— Что ты привез?

— Человека нашел. Теленка поймай, Человека накормить надо.

Хораля в чум внес. На постель положил. Девушка теленка убила.

В чашку кровь налила. Хораля стала поить.

Он же [сам] взять не может. [Тогда] она сама влила кровь ему в рот. 18
Хораля выпил. Хораля улегся. Утром Хораля проснулся. В чуме тепло. Стал пробовать [шевелить] рукой. Рука не болит. Уселся. На другой постели Старик сидит. Старик спросил:

— Какого ты рода?

Хораля сказал: «Я Хораля. А какого ты рода?»

Старик сказал:

— Мой род Тилимбо. Кто тебя так отделал?

Хораля сказал:

— Есть Три-Оленщика-Нохо. Младший-Нохо так меня отделал.

[Старик]-Тилимбо сказал: 19

— Товарищ у тебя есть?

— Никого у меня нет.

Старик говорит:

— Давно я такое слышал — были три Хораля. Тех Хораля Три-Нохо убили. От тех Хораля [они] одного Ребенка увезли [с собой]. Три тысячи оленей увели. Пожалуй, этот Ребенок — ты и есть.

Хораля сказал: 20

— Теперь я найти их хочу!

— Как найдешь? Землю их знаешь?

Хораля ответил:

— Землю их я знаю!

Старик так сказал:

— Если поедешь, оленей тебе дам. Жену тоже тебе дам.

Вэвако Ненюхунда ма:
— Хораля неданда сит мэӈгу.
Ненюда ма:
— Пыдар мамб˝нанд ханяда мэ˝.

21 Хуняда юркыд˝. Вэсако пин´ тарпы˝, тыда тана. Ӈоб˝ ямб˝я мюдм´ подерӈа. Ӈоб´-Хасава ябцон´ ӈоб´ яхадейм´ сяра. Хоралян´ ма:
— Тадхава хаяди´. Тыд ти! Нер ти!
Хораля ма:
— Яхадейм ӈамгэ´ тикан´ сярар?
Вэсако ма:
— Тикы яхадеяр нянанд тара.
Хораля ӈэдалай˝.

22 Ӈоб´ ӈэдалава хая. Нултада. Пуня´ сылы˝. Хораля мюд пумна юрмян ты харто´ яда˝. Ӈани´ ӈэдалай˝. Си˝ив мюсе. Ӈоб´ нись ӈэсу˝. Ӈамгэ ёльцеӈгана сидя пя саля ӈадимя. Нултада. Сидя пя саля´ понд та ӈэсы˝. Мяти´ сертаӈаха´. Хонаяха´.

23 Хуняна юркаяха´. Хораля тарем ма:
— Тюку яля ӈэдалёри хантани´, ям´ малпа.
Пин´ юркы˝. Тыда тана. Сидя ханм´ подерӈа. Хораля тет падвым´ мэ. Недя тет тэмуй хабтм´ мэ. Ӈэдалаяха´. Ӈоб´ ӈэдалава хая. Нултада. Нехэндя тарем ма:
— Ӈавхы иле˝мява˝ ява˝ — тям´!
Ӈамгэхэрт ни манэс˝.

24 Ӈани˝ эӈдалай˝. Нерданяна ӈоб´ ӈэдалёдам´ манэ˝э. Хэвханда нултада. Сидя не нултади´. Хораля няби нем´ манэ˝э. Ӈарка-Нохо-Ню ӈэвы. Няби Нюдя-Нохо-Ню. Ӈарка-Нохо-Ню тарем ма:
— Ханя´ миӈан?
Хораля ма:
— Хане ядэраӈдм´.
Ӈарка-Нохо-Ню ӈани´ ма:
— Евако-Хораля нир намдасету?
Хораля ма:
— Евако-Хораля — мань!
Ӈарка-Нохо-Ню няни сюрбы. Си˝ми нюхуця.
— Ханяна мэсан?

Старик Дочери своей сказал:
— Хораля в жены тебя возьмет.
Дочь сказала:
— Коли ты скажешь, как не возьмет!
Утром встали. Старик на улицу вышел, оленей пригнал. Один длинный аргиш запряг. Один-Мужчина к концу полоза одну важенку привязал. Обратился к Хораля: 21
— Теперь поезжайте вдвоем. Вот твои олени! Вот твоя Жена!
Хораля спросил:
— Важенку зачем привязал?
Старик отвечает:
— Эта важенка тебе еще пригодится.
Хораля поехал.
Один попрыск проехал. Остановился. Назад посмотрел. За аргишем Хораля около сотни оленей сами идут. Опять поехал. Семь дней кочует. Ни разу не остановясь. Через некоторое время два лесных мыса показались. Остановился. Между двумя мысами встал. Чум поставили. Заснули. 22
Утром встали. Хораля сказал:
— Сегодня налегке поедем, землю осмотреть надо. 23
На улицу вышел. Оленей пригнал. Две нарты запряг. Хораля четырех пестрых [оленей] взял. Жена его четырех бурых оленей-быков держит. Поехали. Один попрыск проехали. Остановился. Жене так сказал:
— Вот земля нашей древней жизни!
Ничего не видно.
Опять поехал. Впереди ездока на легковой нарте увидел. Около него остановился. Две женщины тоже остановились. Хораля посмотрел на одну из женщин. Это Дочь-Старшего-Нохо оказалась. Другая — Младшего-Нохо-Дочь. Старшего-Нохо-Дочь спросила: 24
— Куда едешь?
Хораля сказал:
— Охотиться еду.
Дочь-Старшего-Нохо опять спросила:
— О Сиротке-Хораля не слышал?
Хораля сказал:
— Сиротка-Хораля — это я!
Дочь-Старшего-Нохо быстро подошла. Меня поцеловала.
— Где ты был?

25 — Ханяна мэвами харни ехэрав.
Хораля ма:
— Пыдара˝ мяла˝ ханяна ӈа? Мяканда хэхэва˝!
Ӈэдалаяд˝. Няхар˝ мят´ тэвыд´. Няхар˝-Нохо ӈоб˝ мято´ синд ӈобт ӈамдавыд˝.
26 Ӈамдёди˝ хэван´ нултада. Ханмда сярада. Хораля амды˝. Хораля ма:
— Пыдара˝ ӈамгэ ненэцянда˝?
Ӈарка-Нохо ма:
— Пыдар ӈамгэ ненэцянд?
Хораля ма:
— Мань Пили˝-Хантадм´.
Ёней-Нохо ма:
— Маси´ пыдар теневанакэн: Евако-Хоралям´ нир намдасету?
Мань муми яӈгу. Мят тю´.
27 Мань Ёней-Нохо мят´ тю. Ва˝аван´ ӈамдыв´. Ёней-Нохон´ мам:
— Мань Хоралядм´!
Ёней-Нохо няни то. Си˝ми нюхуця. Хораля ма:
— Тюку´ пи´ Ӈарка-Нохом´, Нюдя-Нохом´ хадаӈгухуюни´.
Хораля пин´ юркы˝. Ханханда тэвы˝. Лы яӈгацендa ӈэкалӈа.
Ӈарка-Нохо мят тю. Нохо ва˝авхана ӈамды. Нохон´ хая. Нохом´ ӈэваханда лададa. Нохо монай˝. Ӈани˝ лададa. Нохо ха.
28 Нюдя-Нохо мят хая. Нюдя-Нохо мякана мэвы. Нюдя-Нохон´ хая. Нохом´ ӈэваханда ладаӈгудась. Нохо ӈэта ни´ санай˝. Хоралям´ ӈудахаданда ня˝мада. Хораля яӈгацянда ян´ ӈэдарада. Ӈобт˝ лабцеяха´. Наӈадя пи пёдорӈаха´.
29 Хуняна ялума. Нохо выдара. Нохом´ хуӈгоходанда ия˝мада. Хуӈгомда вэрдада. Нохо ха. Тад тикахад Нюдя-Нохо-Нюм´ хадада. Ёней-Нохо, Пухуцямда, Ӈарка-Нохо нюм´ — тикы иле хаейда. Ёней-Нохо тарем ма:
— Мань си˝ми нён хада˝! Нянанд вэва серм´ мэсо˝мами яӈгу.
Хораля тарем ма:
— Теда ӈобкани´ илеӈгуни´. Тыни´ ӈобсер´ мэтыни´.
30 Хонаяд˝. Хуняна юркыд˝. Хораля ма:
— Мань мями хотадм´.
Хораля хая. Мята тэвра. Тыда тэвра. Мята серта. Хораля Ӈарка-Нохо-Нюм´ неданда мэда. Та илелъяд´. Хораля сававна иле. Ёнэй-Нохо ӈани сававна иле. Та валакада.

— Где я был — сам не знаю. 25

Хораля сказал:

— Где ваш чум находится? Поедемте к вашему чуму!

Поехали. До трех чумов доехали. Три-Нохо сидят возле задней стороны чума.

Около сидящих остановился. Вожжу завязал. Хораля сел. Хораля сказал: 26

— Что вы за люди?

Старший-Нохо спросил:

— А ты что за человек?

Хораля ответил:

— Я — Себя-не-Знающий.

Средний-Нохо сказал:

— Может, ты знаешь, [может,] слышал что о Сиротке-Хораля?

Я молчу. Вошли в чум.

Мой-Средний-Нохо в чум [за мной] вошел. Я на спальное место сел. Среднему-Нохо сказал: 27

— Я Хораля!

Средний-Нохо ко мне подошел. Меня поцеловал. Хораля сказал:

— Этой ночью Старшего-Нохо и Младшего-Нохо я убью.

Хораля на улицу вышел. К своей нарте подошел. Костяную колотушку вынул. Старший-Нохо в чум вошел. На постель сел. [Хораля] к нему подошел. По голове ударил. Нохо упал. Опять ударил. Нохо умер.

Младший-Нохо в чум вошел. [Теперь] Младший-Нохо в чуме оказался. [Хораля] к Младшему-Нохо подошел. По голове Нохо чуть было не ударил. Нохо на ноги вскочил. Хораля за руку схватил. Хораля колотушку на землю уронил. Схватились. Целую ночь дерутся. 28

Утром рассвело. [Младший]-Нохо обессилел. [Хораля] Нохо горло разрезал. Горло выдернул. Нохо и умер. Затем [он] убил Дочь-Младшего-Нохо. Среднего-Нохо с Женой, Дочь-Старшего-Нохо — этих оставил. Средний-Нохо так сказал: 29

— Меня не убивай! Я ничего плохого тебе не сделал.

Хораля сказал:

— Теперь вместе жить будем. Оленей держать [тоже] вместе будем.

Заснули. Утром встали. Хораля сказал: 30

— Я съезжу за чумом.

Хораля уехал. Привез чум. Оленей пригнал. Чум поставил. Хораля Дочь-Старшего-Нохо в жены себе взял. Так зажили. Хораля хорошо живет. Средний-Нохо тоже хорошо живет. Вот и конец.

СИ"ИВ-ПЯЛЬСИ"-НЯБАКО

1 Вада-Сюдбабц лабта ваңг′ сер′ хылвона тиңа. Тайна хунанда итя ңабтеня ям′ нярхалй″. Ңарка-Яв′ ня′ саля енъя. Саля паңгхана тас′ юр″ мя″. Саля′ малхана серту′ ямбохона си″ив юр″ мя″. Тикы ңэдакы′ Си″ив-Пяльсяр. Хане″ято′ ниня хасавадёвы″. Еся пяльседу′ хаерад′ ед′ салнарта″.

2 Си″ив-Пяльсянд ядо′ ңэдакы ңули′ мэёя″. Си″ив хун″мана, яля′ хун″мана пися′ ңута яңгу.

Товндаду′ яңгу, хэвндаду′ яңгу.

Ся″ны′ ңэбту′ Пяльси″-Нябако пин′ тарпвы′. Си″ив-Пяльсянда хэван′ хая. Пыда тарем′ ма:

— Си″ив-Пяльсяв! Пыдмбоховара′ идя′ нись ңа″, хасавадыда″.

Си″ив-Пялься пыду′ тарем′ ма″:

— Ңамгэва″ хадкэда′?

Пяльси′-Нябако пыда тарем′ ма:

— Юд′ по′ тяхана Нисява″ хаясь, Хаңглави′ ян′. Нисява″ нисету′ пуй ңу″умнанда. Тев′ ёльчьңгана Ханглави′ пям′ сэхэмбодакы, ңэванда лы. Нисяна′ ңэва′ лым′ пюрць нив′ тара″.

3 Си″ив-Пялься пыду′ тарем′ ма″:

— Маня″ екававнана″ таня ңо′ хабцу.

Пяльси″-Нябако пыда тарем′ ма:

— Ңамгэнда′ е″эмня си″ив яхананда′ юнра′ хан″ңа. Си″ив ям′ лядпи, юнра′ лядпи.

Пяльси″-Нябако пыда тарем′ ма:

— Таремгавада″ ян яңгувэда″! Мэтада сёвда′ мань мэлвын.

4 Тикавахана Пяльси″-Нябако пыда тарем′ ма:

— Нюдя-Пялься, мэтид паныд екан′, мань серңгун. Мань панын пыдар серңгун. Мань панын пыдар серан′. Нисяна′ ңэва′ лым′ пюрманзь хэңгум′.

Нюдя-Пялься паныда екэйда. Пяльси″-Нябакода серыда. Хаця нюделеры паны.

Нюдя-Пялься′ Нябаконда паны ңаркарка′ ңэвы′.

СЕСТРА-СЕМИ-ПЯЛЬСЯ

Вада-Сюдбабц по равнине, в низинах опускаясь, то поднимаясь, идет. Там, вдали, ему на пути горьководное море встало. В большое море мыс вытянулся. У его начала по берегу — целых сто чумов. В конце мыса, в стороне, семьсот чумов. Это, наверное, [чумы] Семи-Пялься. На своих больших санях [сидя], они беседуют. Железные нагрудники их на солнце сверкают.

1

У Семи-Пялься их земля очень сильная. На расстоянии семидневной езды мышиного следа нет.

2

Никто к ним не приходит, никто не уходит.

Однажды Старшая-Сестра-Пялься на улицу вышла. К [Братьям] своим Семи-Пялься подошла. Она так сказала:

— Семеро-Мои-Пялься! Вы совсем не думаете, все отдыхаете!

Семеро-Пялься сказали:

— Что у нас случилось?

Старшая-Сестра-Пялься сказала:

— Десять лет назад Отец наш ушел в землю Ханглавы. Наш Отец не вернулся. Теперь уже, наверное, в земле Ханглавы его череп, поворачиваясь, точит дерево. Надо поискать череп Отца.

Семеро-Пялься так сказали:

3

— Для нас пускай пропадает.

Старшая-Сестра-Пялься сказала:

— За что же вы славитесь в семи землях? Слава ваша по семи землям везде ходит.

Старшая-Сестра-Пялься еще сказала:

— Так вы никуда не годитесь! Вашу мужскую одежду лучше бы я носила.

Потом Старшая-Сестра-Пялься сказала:

4

— Младший-Пялься, сними свою одежду, я [ее] надену. Мою одежду ты надень. Я поеду искать череп нашего Отца. В землю [Ханглавы] я поеду.

Младший-Пялься одежду свою снял. Одежду Старшей-Сестры надел. Она чуть маловата оказалась.

Одежда Младшего-Пялься сестре чуть великовата.

5 Пяльси˝-Нябако сидям´ хамадавы, сидя ямб мюдм´. Няби ӈэдакы Не-Папаконду´ мюд ӈэдакы, няби ӈэдакы Пяльси˝-Нябако´ харта мюдда. Ӈылнда мэ˝ӈа тет сэр˝ хабт.

Пяльси´-Папако сидя ямб мюдм´ вада.

Ти мюсельяха´. Сянад тинад мюсеб˝нанди´ ӈод ся˝ны, ӈэбта нернди´ няна я хой´ ниня ӈоб˝ ӈэдалёда нулмы˝. Сидя мэ˝мы, сидя яляком´. Хадри´ ӈэсь ӈо´ Ялинзе˝э-Тэта ӈэӈгуданакы.

6 Пяльси˝-Нябако´ ирида ядарӈа, ихинянда ма: «Хуюм´ хэвувнанда хантаба˝ан? Сятаний хэвувнанда хэба˝н си˝ив яндер си˝м´ писеданӈгу˝».

Маханий хэвувна ихирибтеда. Та нултада.

Ялинзе˝э-Тэта ёлида теклы˝. Пыда тарем´ ма:

— Пяльси˝-Нябако, тэнд пыя вэня´ ӈэвы. Хаӈглави´ ян´, ян´ пэрмэр. Тарця сава сят, сят хадаӈгун. Сидя ямб мюд, мюдод ётан.

7 Пяльси˝-Нябако пыда тарем´ ма:

— Пяльси˝-Нябако хибяр ӈэбта? Няданд намдав. Сим´ ёльцебин, сим´ писедан. Сидя ямб мюдм´, мюдм´ нидм´ ёт´. Тамна сидя ямб мюдм´, мюдм´ татам´.

Пяльси˝-Нябако иням´ пинабта, ӈани´ мюсельяха´.

Ялинзе˝э-Тэта таня нусь хаи.

8 Сянад тинад мюсевы ӈэбти´ нернди´ няна паӈгарка хой´ ниня ӈоб˝ ӈэдалёда таня нуривы. Сидя мэ˝ливы, сидя си˝лере˝эм´. Хадри´ ӈэсь ӈо´ Си˝лерако-Тэта ӈэӈгуданакы.

Пяльси˝-Нябако´ ирида ядарӈа, пыда тарем´ ма: «Хуюм´ хэвувна нултаӈгоб˝нан? Сятаний хэвувна нултаӈгоб˝нан си˝ив яндер си˝им писеданӈгу. Маханий хэвувна нултаӈгодакэм´».

Си˝лерако-Тэта ёлида теклы˝. Пыда тарем´ ма:

— Пяльси˝-Нябако, тэнд пыя вэня´ ӈэвы. Хаӈглави´ ян´, ян´ пэрмэр˝. Тарця сава сят, сят хадаӈгун. Сидя ямб мюдм´, мюдамда ётан.

9 Пяльси˝-Нябако пыда тарем´ ма:

— Пяльси˝-Нябако хибяр ӈэбта? Тандаи намдав, няданд намдав. Сим´ ёльцебин, нен´ ельцебин´? Сим´ писедан. Сидя ямд мюдм´, мюдм´ ним´ ёт˝. Тамна татам´ сидя ямб мюдм´.

Старшая-Сестра-Пялься приготовила два длинных аргиша. Один — Младшей-Сестры аргиш был, другой — собственный аргиш Старшей Сестры-Пялься. Запрягла она четырех белых [оленей]-быков. 5

Младшая-Сестра-Пялься оба длинных аргиша ведет.

Вот и кочевать стали. Долго, коротко ли кочевали, однажды впереди них на холме ездок остановился. На двух светлых оленях он ехал. Вероятно, это был Ялинзе-Оленщик.

Старшая-Сестра-Пялься подумала и так сказала: «С какой стороны поеду? Если с левой стороны поеду — жители семи земель меня засмеют». 6

С правой стороны близко проехала. Тут и остановилась.

У Ялинзе-Оленщика углы губ улыбаются. Он так сказал:

— Старшая-Сестра-Пялься, у оленя твоего нос направо был. В Ханглавы землю, в землю направляешься. Такое красивое лицо, лицо погибнет. Оба длинных аргиша, аргиши потеряешь.

Старшая-Сестра-Семи-Пялься, она так сказала: 7

— Кто это — Старшая-Сестра-Пялься? Только сейчас от тебя услышал. Меня [женщиной] считаешь, надо мной смеешься. Два длинных аргиша, аргиша не потеряю. Еще два таких же аргиша с собой приведу.

Старшая-Сестра-Пялься вожжи дернула, и они [с сестрой] стали кочевать.

Ялинзе-Оленщик там и остался стоять.

Сколько-то они кочевали, впереди них [появилась] сопка, похожая на пень, на которой остановился еще один ездок. [Он] на двух белых в черную крапинку оленях ехал. Вероятно, это был Силерако-Оленщик. 8

Старшая-Сестра-Пялься подумала и так сказала: «С какой стороны мне остановиться? Если с левой стороны остановлюсь, жители семи земель меня засмеют. Остановлюсь, наверное, с правой стороны».

У Силерако-Оленщика углы губ улыбаются. Он так сказал:

— Старшая-Сестра-Пялься, у твоего оленя нос направо был. В Ханглавы землю, в землю направляешься. Такое красивое лицо, лицо погибнет. Оба длинных аргиша, аргиши свои потеряешь.

Старшая-Сестра-Пялься сказала: 9

— Кто это — Старшая-Сестра-Пялься? Только сейчас от тебя услышал. Меня считаешь, женщиной считаешь? Надо мной смеешься. Два длинных аргиша, аргиши не потеряю. Еще два таких же аргиша с собой приведу.

10 Пяльси″-Нябако иням′ пинабта, ӈани′ мюсельяха′. Си″лерако-Тэта таня нусь хаи.

Тикы яхад сянад тинад мюсеб″нанди′ ӈод′, ся″ны ӈэбта нернди′ няна паӈграха хой, хой нярхалй″. Тикы хой′ ниня ӈоб″ ӈэдалёда таня нуривы, сидям′ мэ″мы, сидя лад сэр′. Хадри′ ӈэсь ӈо′ Лад-Сэр″-Тэта ӈэӈгуданакы.

Пяльси″-Нябако ирида ядарӈа, пыда тарем′ ма: «Хуюм′ хэвувна нултаӈгоб″нан? Мяханий хэвувна хэридаб″нан Лад-Сэр″-Тэта сёнзеда вэвась. Сятаний хэвувна нултаӈгодакыв″».

Пяльси″-Нябако сятаний хэвувна нулта′ нидяв′.

11 Лад-Сэр″-Тэта пуё тёндеркад харцарёбтёвы. Ян тянёмбовна няби ёнда вак теклы тей′. Пыда тарем′ ма:

— Пяльси″-Нябако, тэнд пыя вэня′ ӈэвы. Си′ ив Хаӈглави′ ян′ пэрмэр″. Тарця сава сят, сят хадаӈгун. Сидя ямб мюдм′, мюдм′ ётан. Тад ӈо′ ӈэсь ӈо′ си″ив Ханглава′ ян′ хэня пуйду″ ӈудиду″ ни′ ӈудуцету.

Пяльси″-Нябако пыда тарем′ ма:

— Сидя ямб мюдм′, мюдм′ нидм′ ёт″. Тамна татам′ сидя ямб мюдм′.

12 Пяльси″-Нябако иням′ пинабга. Ӈани′ мюсельяха′. Лад-Сэр″-Тэта таня нусь хаи.

Сянд мюсебти′, тинд′ мюсебти′, Хаӈглави′ я хубта ӈо′ ӈэвы.

Ся′ны ӈэбта нернди′ няна си″ив юр′ мя′, мяд′ ӈадимя′. Мядо′ ӈади ян′ Пяльси″-Нябако ӈэсось пяда.

Сеӈгвахананди′ хара вуни таня′. Хувы′ няна Пяльси″-Нябако ӈока мядо′ няю′ ӈэдала′ ни″им′. Хадри′ ӈэдакы′ Хаӈглавы′ мяд′.

Мядо′ си″няна Си″иы-Хаӈглава ӈэдакы, пыду′ ӈамдёвы′.

13 Мядо′ си″няна серкта ямбохона сидя харв, харв таневы. Ӈули′ пирцяха′ ӈэвэхэ′, пу″лю тир′ ермнянди′ хаена′. Ӈули′ няӈомэхэ′, Лэтдади′ си″ив хасава′ севубтяв лэт. Хадри′ ӈэдакы пя′ я′ хаӈгалава, та хаӈганакы′ си″ив яндер, хаӈглавы′ пя′ тикы ӈэдакы.

Пяльси″-Нябако хасавадёда хасава′ хэван′ та нултада.

Хаӈглавы″-Ерв пыда тарем′ ма:

— Хибян ӈэбат? Хэйва яхана тарця Хасавам′ нивэва′ манэс′.

Пяльси″-Нябако пыда тарем′ ма:

— Намдсядбата′, нисьтабта′ мань ӈэдакэм′ Нюдя-Пяльсям′.

Старшая-Сестра-Пялься вожжи дернула, они [с сестрой] стали кочевать. Силерако-Оленщик там и остался стоять. 10

С того места долго, недолго ли кочевали они; однажды впереди них встал хребет, похожий на колоду. На том хребте один ездок остановился, на двух белолобых оленях он ехал. Как видно, это был Лад-Сэр-Оленщик.

Старшая-Сестра-Пялься подумала и так сказала: «С какой стороны остановиться? Если остановлюсь с правой стороны, у Лад-Сэр-Оленщика характер плохой. Наверное, с левой стороны остановлюсь».

Старшая-Сестра-Пялься вот и остановилась с левой стороны.

Лад-Сэр-Оленщик на санях развалился. Чуть-чуть, одним уголком рта улыбнулся. Он сказал: 11

— Старшая-Сестра-Пялься, у твоего оленя нос направо был. Ты в землю Семи-Ханглавы направилась. Такое красивое лицо, лицо погибнет. Оба длинных аргиша, аргиши потеряешь. Ведь все, кто отправляется в землю Ханглавы, обратно не возвращаются.

Старшая-Сестра-Пялься сказала:

— Два длинных аргиша, аргиши не потеряю. Еще два таких же аргиша с собой приведу.

Старшая-Сестра-Пялься вожжи дернула. Снова [с сестрой] стали кочевать. Лад-Сэр-Оленщик там и остался стоять. 12

Какое-то время кочевали, земля Ханглавы далеко была.

Однажды впереди них семьсот чумов показались. На виду у семисот чумов Старшая-Сестра-Пялься свой чум начала ставить.

Пока ночевали, ничего не случилось. Наутро Старшая-Сестра-Пялься к чумам налегке поехала. Конечно, это были чумы Ханглавы.

Около них — Семеро-Ханглавы, они сидели.

За чумами, немного поодаль, две лиственницы стояли. Очень высокие, до середины легких облаков доходили. Очень толстые они были, толщина их — семь мужских обхватов. Должно быть, эти деревья стояли на месте, где убивали жителей семи земель, гибельные это были деревья. 13

Старшая-Сестра-Пялься около сидящих мужчин оленей остановила.

Хозяин-Ханглавы сказал:

— Кто ты? В ближних местах такого Мужчины мы не видели.

Старшая-Сестра-Пялься сказала:

— Слыхали вы или не слыхали, а я буду Младший-Пялься.

14 Ханглаби´-Ерв пыда тарем´ ма:

— Нэсы´-Нацекы˝, Мядонда-Хасавам´ нюрктахарңара´, сянакултарңара´!

Пяльси˝-Нябаком´ Нэсы´-Нацекы˝ сидя харв´, харв´ хэван вадладуню´.

Сидя харвхад ңыхы малхаданда сидя ентёвы еся иня. Тикы еся иня´ малхана Ея-Ебц´ таневы. Ея-Ебц´ яр´ тар˝ маданга, пуць маданга. Ея иня´ яр´ тар˝ маданга, пуць маданга.

Сидя пахаңгана, харв´ пахаңгана си´ив еся паңг, паңг таневы. Ея паңг яр´ тар˝ маданга, пуць маданга. Хибяри˝ ха˝ма, невхэвы ха˝вы сэбер˝ пяраха´, едэй хавы˝ вэсоду´ тамбарңа˝.

15 Пяльси˝-Нябаком´ Ея-Ебц´ мю´ ңамдта´ ниду´ум´. Няби хэвхад Си˝ив вэтана˝, няби хэвхад Си˝ив салтана˝. Си´ив-Салтана´, Си´ив Вытана´ Си˝ив-Парңэ ңэвы, Си˝ив-Сесавэй ңэвы. Сабтана Си˝иври Хасава палы ня˝амби. Си˝ив-Парнэр еся иням´ пиня´ нэкалңаду˝, Си˝ив-Сесавэй салңаду˝.

Ея-Ебц˝я нум´ ядрин´ пили´ санэй´. Тю˝у´ мирна, ебц мирна.

16 Пяльси˝-Нябако сэврида мэ˝э. Я´ сид´ ян´ саңода хэвы. Тайна хунанда я´ хой´ ниня юдмян´ мяд´, мяд´ таневы´. Мядо´ сицганя, синҗгы ханахана Лад-Сэр˝-Тэта хасавадёвы. Муңгта пямна нелнаявы. Муңгуда ёльцемби ту˝утана тюхунда. Сидянда яляко, сэвнда яляко´ Хаңглаби´ ян´ яломъяха´. Сидя нянда вар тамбамъяха´, ханя мандакы:

— Пяльси˝-Нябако, тев´ ңамдвэн. Тикы Ебцхад вадумдабтув´, ниңгодабтув´?

17 Тикавахана Пяльси˝-Нябако тамна саңода хэвы си˝ив хун˝мана, яля´ хун˝мана. Я´ хой´ ниня ю˝ ңарка мя´. Мядо´ синганя Си˝лерако-Тэта хане˝янда ниня хасавадёвы. Муңгта пявна нелнаявы. Муңгда ёльцеби тютна тюхунда. Сидянда яляко, сэвнда яляко Хаңглави´ ян´ яломъяха´. Сидя нянда вар тамбамъяха´, ханя мандакы:

— Пяльси˝-Нябако, Хаңглави´-Ебцан´ тев´ тэввэн. Вадумдабтув ниңгодабтув´?

18 Пяльси˝-Нябако´ саңода хэвы си˝ив хун˝мана, яля´ хун˝мана. Тайна хунанда я´ хой´ ниня юдмян´ мяд´, мяд´ таневы´. Мядо´ синганя, синҗгы ханхана Ялинзе-Тэта хасавадёвы. Муңгта пямна нелнаявы, муңгудо´ ёльцеби тютна тюхунда. Сидянда яляко, сэвнда яляко Хаңглави´ ян´ яломъяха˝. Ханя мандакы:

Ханглавы-Хозяин так сказал: 14

— Ребята, Гостящего-Мужчину позабавьте-ка, поиграйте с ним!

Люди-Стойбища повели Старшую-Сестру-Пяльця к двум лиственницам.

С вершин этих лиственниц свисали железные цепи. На конце тех цепей висела Железная-Колыбель. Острый край Железной-Колыбели шерсть [на лету] разрезает, разрезает. Край железной цепи [тоже] шерсть [на лету] разрезает, разрезает.

Внизу у корней лиственниц — семь железных плах. Края железных плах шерсть на лету разрезают. Скелеты давно убитых людей, как высохший хворост, белеют, недавно убитые еще шевелятся.

Старшую-Сестру-Пяльця в Железную-Колыбель посадили. С одной стороны Семеро назад тянут, с другой стороны Семеро вперед толкают. Семеро-Вперед-Толкающих и Семеро-Назад-Тянущих оказались Семью-Парнгэ-[Ведьмами] и Семью-Сесавэй-[Чертями]. Семеро-Мужчин в шапках сабли [наготове] держат. Семь-Парнгэ-[Ведьм] железную цепь назад тянут, Семь-Сесавэй-[Чертей] вперед толкают. 15

Железная-Колыбель в небо поднимается. Вверх летит.

Старшая-Сестра-Пяльця только смотрит. Взгляд ее вдаль ушел. Там, вдали, на холме с десяток чумов виднеется. Против чумов на передних санях Лад-Сэр-Оленщик сидит. Он деревянные стрелы делает. Стрелы — толщиной с рукава. Белки его глаз в сторону земли Ханглавы блеснули. Края губ его зашевелились, он говорит, наверное: 16

— Старшая-Сестра-Пяльця теперь уже села. Из этой Колыбели сможешь ли уйти?

Потом Старшей-Сестры-Пяльця взгляд ушел вдаль на расстояние семи [дней] пути, дней пути. На горе десять больших чумов. Против чумов Силерако-Оленщик на своих больших санях отдыхает. Из дерева стрелы выстругивает. Стрелы — в рукав толщиной. Белки его глаз в сторону земли Ханглавы блеснули. Края губ его зашевелились, он говорит, наверное: 17

— Старшая-Сестра-Пяльця, к этому времени ты уже в Колыбели-Ханглавы. Уйдешь ли из нее?

Старшей-Сестры-Пяльця взгляд ушел вдаль на расстояние [еще] семи [дней] пути, дней пути. Там, вдали, на холме с десяток чумов виднеется. Против чумов на санях Ялинзе-Оленщик сидел, строгал деревянные стрелы. Стрелы меряет в толщину своего рукава. Белки его глаз в сторону земли Ханглавы блеснули. Он говорит, наверное: 18

— Пяльси″-Нябако, тев′ тэввэн Хаӈглави′-Ебц′ мю′. Хаӈглави′-Ебц′ мюд вадумдабтув′, ниӈодабтув′?

19 Пяльси″-Нябако′ саӈода хэви си″ив хун″мана, яля′ хун″мана. Тайна хунанда итя ӈабтеня яв′ саляхана си″ив юр′ мя′. Мядо′ синганя хане″ято′ ниня Си″ив-Пяльсяр хасавадёвы′. Ося′ пяльсяду′ хаерад′ ед′ салмгарта″. Си″ив-Пяльсяр нинекы′ ман′: «Нябакова′ Хаӈглаби′-Ебц′ мю′ ти ӈамдёвы».

20 Ося-Ебц″я таси′ пяда. Пяльси″-Нябако тю″у′ сана′ ним′. Сидя малан′, харв′ малан′ Ося-Ебц″я санаванда сер′, Ебц худада. Си″ив-Вытани, Си′ив-Салтани, Си′ив-Сабтани Ося пыӈга′ яр′, Ося-Ебц′ яр′ тюку′ маторъяда.

Пяльси′-Нябако сидя харв″ям′ малхататаи′ таси′ выяръяда, сидя харвъям′ ваносавэй′ вэрдаӈахаюда. Сидя харв″ям′ ӈока мяд′ ня′ миналӈахаюда. Си″ив юр′ мядм′ сидя харвхана сидя хэван′ худылаӈахаюда, си″ив юр′ мядм′ сидя харвхана ня′ ялъяда.

21 Хаӈглави′-Ерв, Нюдя-Хаӈглава Нюдя Нюндя ня′ пыди′ хаювэхэ′. Туёць моӈгаха′, пыди′ тарем′ маха′:

— Нюдя-Пяльсяа, ябтан′ та ӈэя! Хаваеван′ няна′ нини′ харва′. Недков-Нюв, Нюв табцакэм′ хурка мирципой′. Тыни′ пелям′, пелям′ табцакэм′.

Пяльси″-Нябако та ӈэвадай′. Пыда тарем′ ма:

— Тенд нерня хаӈглава пяр, пяр яӈгоя! Ӈока саво хибям′ хадаривэкэн.

Тикавахана Хаӈглави″-Ерв пыда тарем′ ма:

— Тебтад няна тюн сертаӈгува′. Ӈобкарт по′ илерэвэди′ма.

22 Пяльси″-Нябако таня иле, няхар″ по′ иле. Ся″ны ӈэбта Хаӈглави″-Ерв-Вэсако масьню′ Недконда-Нюхунда:

— Няхар″ по′ иледи′ харти′ ӈани′ ӈацекэр яӈгуню′.

Недкода-Нюдя пыда тарем′ ма:

— Нюдя-Пяльсяа няхар″ по′ ямбан идан вакацям′ нидась манзабта″. Хаӈглава″-Вэсако-Нисяда масьнё′:

— Харвабта хасава нинякы ӈа″. Ӈэрёй нумгана таӈана пэвдяхана пи′ ерцюня мань тутам′, таня хортав.

— Старшая-Сестра-Пялься, к этому времени ты уже в Колыбели-Ханглавы. Из Колыбели-Ханглавы уйдешь ли, сможешь ли?

Старшая-Сестра-Пялься вдаль посмотрела, еще на расстояние семи [дней] пути, дней пути. Там, вдали, у горьководного моря на морском мысе семьсот чумов. У чумов на санях своих Семеро-Пялься беседуют. Железные нагрудники их на солнце сверкают. Семеро-Пялься говорят: «Наша Старшая-Сестра в Колыбели-Ханглавы сидит, наверное». 19

Огромная Железная-Колыбель вниз пошла. Старшая-Сестра-Пялься вверх прыгнула. Когда она допрыгнула до вершин лиственниц, Железная-Колыбель закачалась, Железная всколыхнулась. Семерых-Назад-Тянущих, Семерых-Вперед-Толкающих, Семерых-с-Саблями Железная-Колыбель [своими железными краями] всех поперерезала. 20

Старшая-Сестра-Пялься с вершин деревьев спустилась, две огромные лиственницы с корнями выдернула. Обе лиственницы к чумам понесла. Семьсот чумов этими лиственницами по двум сторонам разметала, семьсот чумов двумя деревьями смяла и раздавила.

Хозяин-Ханглавы и Младший-Ханглавы с детьми и внуками остались. Кланяясь и умоляя, они говорили: 21

— Младший-Пялься, пожалуйста, перестань! Умирать-то мы совсем не хотим. Младшую-Дочку мою, Дочку отдам [тебе] без всякого выкупа. Половину оленей моих отдам.

Старшая-Сестра-Пялься тут убивать [перестала]. Она сказала так:

— Чтобы впредь у тебя гибельного дерева, дерева не было! Много хороших людей ты загубил.

Тут Хозяин-Ханглавы сказал:

— Завтра свадьбу справим. Хоть бы один год вы прожили здесь [вместе с нами].

Старшая-Сестра-Пялься там и осталась, три года живет. Через три года Хозяин-Ханглавы-Старик сказал своей Младшей-Дочери: 22

— Три года уж вы живете, а у самих ребенка нет.

Младшая-Дочка его сказала:

– Младший-Пялься за эти три года край моей полы не пошевелил.

Старик-Ханглавы-Отец сказал:

— Может быть, он не мужчина. В осеннюю пору в темноте, в полночь, я приду, там и узнаю.

23 Хонавахандо́ хара вуни́ таня̋. Пи́ ерцюна пихий пихид ханзо́ нямна ея́ пан́ ӈылмна Хаӈглавы-Вэсако ӈуда́ хайна. Пяльси̋-Нябако (Мат̋-Пяльси̋-Нябако) ӈудам́ секадта, пин́ санэй́, Вэсаком́ нумд́ лабпида, ян́ лабпида.

Вэсако туёць моӈга, пыда тарем́ ма:

— Хаваехэван́ няна́ ним́ харва́. Ябтан та ӈэя! Ӈани ямбха́ мюдтамд подертам́. Пыдар сит вуньсям́ хорпю́, Недков-Нюв хорпиманзь.

Пяльси̋-Нябако ӈэвадалада.

24 Тарем́ иле́. Ся̋ны ӈэбта Пяльси̋-Нябако ямданалй́.

Хаӈглави́-Ерв-Вэсако сидя ямб мюдм́, мюдм́ хамадавы. Тикында мюселъяд́. Сянд́ мюсебту́, тинд́ мюсебту́ Пяльси̋-Нябако хэбцяндада ӈэвы мядо́ ӈади явна.

Ю́ ӈарка мя̋, мядо́ синӈганя хане́ яда ниня Лад-Сэр̋-Тэта хасавадёвы. Ӈэда ха̋авра, Пяльси̋-Нябако́ няюв́ пыда ядалй̋. Ӈацекэдрев́ хан́ вэня́ ти ханзабтэй́. Лад-Сэр̋-Тэта пыда тарем́ ма:

— Пяльси̋-Нябако, техэ яхаданд, я Хаӈглава, Хаӈглава яхад сюрхадмэнню́. Ян я̋авлын! Пыдар тяхананд си̋ив яна́ тер́ сёби́ мэта́ пуй ӈӳумнанду́ нисеты́ тӳ. Тикад тяхана сидя ямб мюдм́ минреван. Не-Папакомд нивэн ёс̋. Ян я̋авлын! Мале похобэн!

25 Тикы вадида мэсо́махаданда ӈани́ пуня́ хая.

Пяльси̋-Нябако ӈани́ мюселй́. Сянд мюсебта, тинд мюсебта ся̋ны ӈэбта мядо́ ӈади я̋амна хэбцяндада ӈэвы, ю̋ ӈарка мя̋. Мядо́ синӈганя хане̋янда ниня Си̋лероко-Тэта хасавадёвы. Си́лерако-Тэта сити́ манэць ӈэда ха̋авра. Пяльси̋-Нябако́ няюв́ пыда ядалй́.

Пяльси̋-Нябако нулта́ вунида. Тикы минда хая. Си̋лероко-Тэта таня нусь хаи. Си̋лероко-Тэта ӈобкава ма:

— Тохово туртам́ пыдар яханд!

26 Сянд́ мюсебту́, тинд мюсебту́ мядо́ ӈади явна ӈани́ мюсевы́. Юдмян мяд, мяд́ ӈэвы́. Мядо́ синӈганя хане̋янда ниня Ялинзе-Тэта пыда хасавадёвы. Пяльси̋-Нябаком́, Нябаком́ манэ̋манда сер́ ӈэда ха̋авра, пыда ядалй̋.

Пяльси̋-Нябако нулта́ вунида. Ялинзе-Тэта пыда тарем́ ма:

— Пяльси̋-Нябако, туркува тутам́ пыдар яханд!

Пока спали, ничего не случилось. В полночь с улицы около изголовья под краем нюка Старик-Ханглавы руку просунул. 23

Старшая-Сестра-Пялься (Шестая-Сестра-Пялься) руку схватила, на улицу выскочила, Старика вверх и вниз треплет.

Старик кланяется, умоляет и говорит:

— Умирать совсем не хочу. Пожалуйста, прости! Два длинных аргиша запрягу! Я не тебя — я Младшую-Дочку испытывал.

Старшая-Сестра-Пялься его отпустила.

Опять живут. Однажды Старшая-Сестра-Пялься стала готовиться к кочевке [домой]. 24

Хозяин-Ханглавы-Старик [дочке] своей два аргиша, два длинных аргиша приготовил. И тут же кочевать стали. Долго кочевали, недолго ли кочевали, у Старшей-Сестры-Пялься путь ее на виду у чумов оказался.

Десять больших чумов, перед ними на своих больших санях Лад-Сэр-Оленщик отдыхал. Ноги спустил, к Старшей-Сестре-Пялься пошел. Как мальчик, сбоку на сани присел. Лад-Сэр-Оленщик сказал:

— Старшая-Сестра-Пялься, из земли Ханглавы, из земли Ханглавы ты вернулась. Молодец! До тебя многие [туда] ходили, назад никто не возвращался. Кроме того, два длинных аргиша ты ведешь. Младшую-Сестру не потеряла. Ты очень храбрая! Совсем молодец!

Сказав такие слова, назад пошел. 25

Старшая-Сестра-Пялься снова стала кочевать. Долго кочует, недолго ли кочует, однажды на ее пути чумы показались, десять больших чумов. Перед ними на своих больших санях Силерако-Оленщик отдыхал. Силерако-Оленщик, увидев их, ноги спустил [с саней]. Пошел к Старшей-Сестре-Пялься.

Старшая-Сестра-Пялься даже не остановилась. Мимо проехала. Силерако-Оленщик так и остался стоять. Силерако-Оленщик только [успел] сказать:

— Собираюсь прийти на твою землю!

Долго кочуют, недолго ли кочуют, опять на виду у чумов едут. Около десяти чумов тут стояло. Перед чумами на своих больших санях Ялинзе-Оленщик отдыхал. Старшую-Сестру-Пялься, Старшую-Сестру увидев, ноги спустил, [к ней] пошел. 26

Старшая-Сестра-Пялься даже не остановилась. Ялинзе-Оленщик ей [вдогонку] сказал:

— Старшая-Сестра-Пялься, собираюсь в твою землю прийти!

Ӈани́ мюсе́. Сянд мюсебто́ ӈод́, тарем́ мэнаханда ӈод́.

Пяльси̋-Нябако пыда тарем́ ма:

— Нехэ́, мюседи́, харти́ мюседи́! Мань хантам́, ӈока мядон манэць тара, хад илевамду́.

27 Пяльси̋-Нябако ӈэдала́ ни̋м. Мякта тэвы́, пыда тарем́ ма:

— Нюдя-Пяльця! Мань панын екан! Харт паны, паныд сер́!

Пяльси̋-Нябако харта паныда сера. Нюдя-Пяльця харта паныда сера. Пяльси̋-Нябако пыда тарем́ ма:

— Теда́ мань ӈэдалёвавнан хантан. Мань мюдан хоӈгун. Хаӈглави́-Не-Ню сит ядтаӈгу. Сит маниеӈгу, тумдодоӈгу. Пыдар мандан: «Ӈамгэ сырӈан? Няхар́ по́ ямбан́ си́ми нисян манэс̋?» Хонёраб̋ нанди́ нён парумбю̋. Пыда юндарта: «Мядод хуркавна иле́?» Пыдар мандан: «Мядон сававна илевы̋».

28 Тикында ӈэдалэй̋ Нюдя-Пяльця. Сидя не тамна мюсевэхэ́. Хаӈглави̋-Недко Нюдя-Пяльсян́ пили́ сырӈа. Нюдя-Пяльця пыда тарем́ ма:

— Ӈамгэ сырӈан? Няхар̋ по́ ямбан си̋ми нисян манэс̋?

Хонёваханду́ хара вуни таня́. Хувы́ няна ӈани́ ямдэяд́. Сянд мюсебто́, тинд мюсебто́ си̋ив юр̋ мя́, мяд́ ӈадимя̋. Мяќ тэвыд́.

Пяльси̋-Нябако мюд́ нерад пыда тарпы́. Хаӈглави̋-Недко Пяльси̋-Нябакон́ сыласеты, Нюдя-Пяльсян́ сыласеты. Мюдм́ ӈэд́ӈа́.

29 Тикавана тюнтаӈурӈа́. Таня иле́.

Сянд илебту́, тинд илебту́ я́ сидкад мюд́ ӈадимя́. Мяду́ ӈади ян́ та ӈэсовы́. Ӈэдалёда то. Хаӈглавы́-Ерв́-Нюдя ӈэвтолвы Си̋ив-Пяльси̋-Папаком́.

Си̋ив-Пяльця пыдо́ тарем́ ма́:

— Маня̋ серма̋ яӈгу. Маня̋ Не-Ерва̋. Нябакова́ таня. Харта Не-Ерв. Пыда няданда ӈэвтада́.

Пяльси̋-Нябако Не-Папакомда ти ми́ӈада. Пыда тарем́ ма:

— Савонда́ сермня турць пэрӈада́, хэсь пэрӈада́!

30 Тикавахана сянд илебту́ ӈод́, тинд́ илебту́ ӈод́ Пяльси̋-Нябако харта мякананда пин́ тарпвы́. Я́ сид́ ян саӈода хэвы. Я́ сидкад ӈоб́ ӈэдалёда. Сидям́ мэ̋эмы, сидя силере́эм́. Нултаданё́.

Снова кочуют. Долго кочуют, нет ли — не скажу. Старшая-Сестра-Пялься говорит:

— Женщины, вы кочуйте дальше, одни кочуйте! Я же поеду [вперед налегке], надо на чумы мои посмотреть, как там дела.

Старшая-Сестра-Пялься уехала налегке. В свой чум приехала, сказала: 27

— Младший-Пялься! Сними мою одежду! Свою одежду, одежду надень!

Старшая-Сестра-Пялься свою одежду надела. Младший-Пялься свою одежду надел. Старшая-Сестра-Пялься сказала:

— Теперь поезжай по моей дороге [по следам от нарты]. Мой аргиш найдешь. Младшая-Дочь-Ханглавы тебя встретит. На тебя смотреть будет, узнавать. Ты ей скажи: «Что ты смотришь? За три года ты меня не разглядела?» Спать [с ней] не спеши. Она спросит: «Как живут в твоих чумах?» Скажешь: «Там все хорошо!»

Тут Младший-Пялься поехал. Две женщины еще кочуют. Девушка-Ханглавы на Младшего-Пялься все смотрит. Тот говорит: 28

— Что смотришь? За три года ты меня не разглядела?

Когда спали, ничего не случилось. Наутро опять стали кочевать. Долго кочуют, недолго ли кочуют, семьсот чумов, чумов показались. К ним подъехали.

Старшая-Сестра-Пялься навстречу аргишу вышла. Девушка-Ханглавы [то] на Старшую-Сестру-Пялься смотрит, [то] на Младшего-Пялься. Оленей распрягли.

Потом свадьбу отпраздновали. Так и живут. 29

Долго жили, недолго ли жили, издали аргиши показались. На видном месте тут и остановились. Один ездок налегке подъехал. Младший-Сын-Хозяина-Ханглавы стал сватать Младшую-Сестру-Семи-Пялься.

Семеро-Пялься сказали:

— Это не наше дело. У нашей предводительницы. У Старшей-Сестры. Она — Хозяйка. У нее и сватайте.

Старшая-Сестра-Пялься Младшую-Сестру вот и отдала. Она сказала:

— В гости по-хорошему приезжайте!

Потом долго жили, недолго ли жили, Старшая-Сестра-Пялься из своего чума на улицу вышла. Вдаль посмотрела. Издали один ездок налегке едет. На двух [оленях] едет, на двух серых [оленях]. Остановился. 30

То´ма минанда Пяльси˝-Нябаком´ ӈэвтолавы. Пяльси˝-Нябако пыда тарем´ ма:

— Мань ним´ тут˝. Мань сидя ӈэсы лэбтим´.

Тикавахана Си´лерако-Тэта няби сята хэв пидрев´ хая. Пыда тарем´ ма:

— Савонд сермня ниб˝нанд харва´, вэва´ тутам´.

Ӈэдалэйню´.

31 Сянд´ илебту´, тинд´, илебту´, ся˝ны ӈэбта я´ сидкад ӈоб˝ ӈэдлёда, сидя мэ´мы, сидя ялинзе´эм´. Ялинзе˝э-Тэта нултаданё´. Пяльси˝-Нябакон´ нэвтолвы. Пяльси˝-Нябако пыда тарем´ ма:

— Мань нидм´ тут´. Сидя ӈэсы´ ервӈэ мань тарам´.

Тикавахана Ялинзе˝э-Тэта няби сята хэв пэдрев´ хая. Пыда тарем´ ма:

— Савонд сермня ниб˝нанд харва´, вэва´ тутам´.

Ӈэдалэйню´.

32 Сянад, тинад´ илевы´ ӈэбту´ Пяльси˝-Нябако Си˝ив-Пяльсямда-Папаната мяка´ на мэвы.

Я´ сидкад ӈэдалёдавэй таӈумы яраха´ вэта выеӈга. То˝ма минханду´ мивы´ саюв´, ярхад саюв´ ӈыну вэрда˝.

Си˝ив-Пяльця тарцям´ манэ˝рись мядикуту´ ед´ ябтокодаряв´ мядикоту ӈанелабтаду´.

Няруй˝ тулыд˝. Пяльси˝-Нябако пин´ тарпвы´, пыда тарем´ ма:

— Си˝ив-Пяльця! Пыд˝ехэвара´ тэри мэ˝мэда´, сёбери´ мэ˝манада´! Ян яӈгувэда´. Юн яхавахана юнра´ лядпи, си˝ив ям´ лядпи. Си˝ив хун˝мана, яля´ хун˝мана юнра´ хан´ӈа. Пыдара˝ сёвда˝ мань мэрвын.

33 Пяльси˝-Нябако нойдё ханда мюд яӈгця´ хун ӈынмда нэкалӈа. Ӈоб˝ ӈэдабта саюв´ няюв´ сехэрэдрев´ лырелабтасетыда. Тяханда нямна выӈэ хан˝ӈа.

Си˝ив яля´ ямбан´ енри´ хаерӈа´. Си˝ив яля´ ямбан Пяльси˝-Нябако вэя яханӈэ лохолабтада.

Си´ ив ӈэсоӈгана, яля´ ӈэсоӈгана сидяри хаивы, хасава хаивы: Си´лерако-Тэта, Ялинзе-Тэта. Ӈынсялмаха´, пиня´ сюрбъяха´.

Пяльси˝-Нябако пыда тарем´ ма:

— Хэбти´ хаяди´, хананари яӈгу. Мань яхан сяна нёди´ ту´. Сян˝мана ӈо´ илеӈгу´ ниди´.

Как только подъехал, стал сватать Старшую-Сестру-Пялься. Старшая-Сестра-Пялься сказала:

— Я не пойду. Я два стойбища охраняю.

Тут у Силерако-Оленщика одна сторона лица как ночь стала. Он сказал:

— По-хорошему не хочешь — по-худому приду.

Уехал.

Долго жили, недолго ли жили, однажды издалека ездок на легковой нарте показался, двух светлых [оленей] держит. Ялинзе-Оленщик остановился. Старшую-Сестру-Пялься стал сватать. Старшая Сестра-Пялься так сказала: 31

— Я не могу. Два стойбища мне караулить надо.

Тут у Оленщика-Ялинзе одна сторона лица как ночь стала. Он сказал:

— По-хорошему не хочешь — по-худому приду.

Уехал.

Долго жили, недолго ли жили, Старшая-Сестра-Пялься у Семи-Пялься-Братьев в чумах была. 32

Издали показались ездоки, [хвостом] извиваясь, как талая обожженная земля. То были многочисленные воины, прибывшие многочисленные воины с ходу луки выдернули.

Семеро-Пялься, увидев это, как линяющие гуси, согнувшись, прятаться побежали к своим чумам.

Стали долетать стрелы. Старшая-Сестра-Пялься на улицу вышла, она сказала:

— Семеро-Пялься! Напрасно вы носите мужскую одежду, никуда вы не годитесь! Весть о вас пойдет по семи землям. Весть эта на расстоянии семи дней разойдется. Ваши капюшоны лучше бы я носила.

Старшая-Сестра-Пялься лук с выбивалку длиной вытащила. Одну [стрелу] пустит в многочисленных воинов — как дорога образуется. А дальше все равниной становится. 33

Семь дней только тетивы стучат. За семь дней Старшая-Сестра-Пялься все в кровавую реку превратила.

Через семь дней только двое остались: Силерако-Оленщик и Ялинзе-Оленщик. Без луков остались, в сторону побежали.

Старшая-Сестра-Пялься сказала:

— Если уходите, то уходите, ничего не уносите. Ко мне никогда не приходите. Все равно живыми не будете.

34 Тикавахана Пяльси˝-Нябако мяканда хаянё´.

Сянад, тинад илевы´ ӈэбту´, ся˝ны ӈэбта Пяльси˝-Нябако Си˝ив-Пяльсянда мяк´ хая. Пыда тарем´ ма:

— Си˝ив-Пяльсяв, теда´ вуни таня´, вэва вуни таня´. Вэва тоб´ ӈод´ ермеӈгу´ вуним´. Лад-Сэр˝-Тэта ӈод´, пыда ӈод си˝ив яхананда ситя пир´ яӈгу. Пыда ӈо´ни ермеӈгу´. Теда´ харвам´, хэван´ харвам´. Лад-Сэр´-Тэта пон´ ӈатена, сим´ ӈате. Тамна ниб˝ан хань˝, сёнзяда вэвась. Тюкон тобта, саво ни ӈэӈгу˝. Хантанакэм´.

Си˝ив-Пялься пыдо тарем ма˝:

— Харт ӈарканва, харт ерванва˝. Ӈодь´ нён юр˝, сидна´ нен юр˝! Хуна я хадкэб´ маньена´ индкана´ вэвова´.

35 Тикавахана Пяльси˝-Нябако мяката хая. Тикы ямдаванда пили´ мюсе. Сянад, тинад мюсеб´нанда ӈо´ нернда няна я хой´ ниня ю´ ӈарка мя´. Лад-Сэр˝-Тэта´ мядуда ӈадимя´.

Пяльси˝-Нябако та нултада. Лад-Сэр˝-Тэта иням´ ня´ мада, ты´ сё´ ёмана. Тикавахана ё´ лида теклы´. Пыда тарем´ ма:

— Пяльси˝-Нябако, сит ӈатем´ пон´ ӈатем´.

Мюдм´ ӈэд˝на, пуйко ямдико ян´ нись ха˝ам´.

Тикавахана тюн серта´. Тарем´ иле´.

Тут Старшая-Сестра-Пялься в чум свой пошла. 34

Долго, недолго ли жили, однажды Старшая-Сестра-Пялься пошла к чумам Семи-Пялься. Она сказала:

— Семеро-Моих-Пялься, теперь ведь беды нет, плохого ничего [тоже] нет. Если беда грянет, я ведь знать буду. Лад-Сэр-Оленщик, он ведь тоже на семи землях самый сильный, равного ему нет. Он ведь тоже [все] будет знать. А теперь я уйти хочу. Лад-Сэр-Оленщик давно меня ждет. Если еще промедлю, он рассердится. Если он сюда придет, хорошего не будет. Мне надо идти.

Семеро-Пялься сказали:

— Ты сама у нас старшая, ты сама — хозяйка. Только нас не забывай! Что-то случится, мы ведь люди слабые.

Тогда Старшая-Сестра-Пялься в свой чум ушла. С этого места как стала кочевать, так все время и кочует. Долго, недолго ли кочевала, впереди на горе десять больших чумов стоят. Чумы Лад-Сэр-Оленщика показались. 35

Старшая-Сестра-Семи-Пялься тут остановилась. Лад-Сэр-Оленщик вожжу под шеей оленя схватил. Он только улыбается. Он так сказал:

— Старшая-Сестра-Пялься, тебя жду, давно уж жду.

Аргиш распряг так, что ни одна кисточка из украшений на санях земли не коснулась.

Потом свадьбу справили. Так и живут.

ДОЛГАНСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС
ЫРЫАЛААК ОЛОН’КО

1. СЫН ЛОШАДИ АТАЛАМИИ-БОГАТЫРЬ
1. АТ УОЛА АТАЛАМИИ БУКАТЫЫР

Записано в 1931 г. на станке Долганы по Хатангскому тракту Таймырского национального округа Красноярского края А. А. Поповым. Исполнитель Петр Аксенов (АИЭ. Ф. 14. Оп. 2. Д. 38. Д. 79, русск. пер.). Перевод П. Е. Ефремова.

Опубликовано на русском языке: Долганский фольклор / вст. ст., тексты и пер. А.А. Попова. — Л.: Сов. писатель, 1937. — 260 с. — С. 188—208.

Опубликовано на долганском языке: Ефремов П.Е. Долганское олонхо. — Якутск: Кн. изд-во, 1984. — 132 с. — С. 80—92.

Опубликовано на долганском и русском языке: Фольклор долган / сост. П.Е. Ефремов. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. — 448 с. — С. 48—77. — (Серия Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 19).

Сказитель П. Аксенов был одаренным человеком. А. П. Попов с его слов записал и другое олонгко — «Брат и сестра», а также много сведений о верованиях долган. П. Аксенов считал себя учеником Мекютяя — Александра Васильевича Еремина. Сын последнего — Иван Александрович Еремин — также был олонгкосутом. В его исполнении записаны на магнитофонную ленту олонгко «Аталамии-богатырь» (М. П. Харлампьев, 1964). «Братья Кёмёрдёёк Юёстяк и Оттоной-богатырь» (П. В. Ефремов, 1964). В репертуаре И. А. Еремина было двенадцать олонгко и много сказок.

Цитируется по примечаниям и комментариям издания: Фольклор долган / сост. П.Е. Ефремов. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. — 448 с. — С. 408—409. — (Серия Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 19).

2. БРАТ И СЕСТРА
2. УБАЙ-БАЛЫС

Записано в 1931 г. на станке Долганы по Хатангскому тракту Таймырского национального округа Красноярского края А. А. Поповым. Исполнитель Петр Аксенов (АИЭ. Ф. 14. Оп. 2. Д. 37—38. Д. 60, русск. пер.). Перевод П. Е. Ефремова.

Опубликовано на русском языке: Долганский фольклор / вст. ст., тексты и пер. А.А. Попова. — Л.: Сов. писатель, 1937. — 260 с. — С. 208—258.

Опубликовано на долганском языке: Ефремов П.Е. Долганское олонхо. — Якутск: Кн. изд-во, 1984. — 132 с. — С. 92—111.

Опубликовано на долганском и русском языке: Фольклор долган / сост. П.Е. Ефремов. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. — 448 с. — С. 78—109. — (Серия Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 19).

Эпический сюжет олонгко тесно переплетается со сказочным. В нем получили развитие сказочные мотивы чудесного бегства: чудесный помощник-конь помогает бежать от абаасы, брат и сестра, спасаясь от чудовища, бросают позади себя волшебные предметы, оставшиеся от родителей, которые становятся то горами, то непроходимым лесом и т.д.

В конце герой называет себя Эр Соготохом (Одиноким богатырем) — именем популярного героя якутского эпоса. Н. В. Емельянов относит сказания об Эр Соготохе к сказаниям о родоначальниках племени ураангкай саха (древнее самоназвание якутов). Анализируя долганское олонгко «Брат и сестра», Н. В. Емельянов отметил, что его сюжет отличается от якутского эпического канона и в нем «заметно влияние сказочной традиции» (Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. С. 48—56).

Цитируется по примечаниям и комментариям издания: Фольклор долган / сост. П.Е. Ефремов. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. — 448 с. — С. 410—411. — (Серия Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 19).

3. ТРИ ДЕВУШКИ РОДНЫЕ СЕСТРЫ
3. УС ЭДЬИЙ-БАЛЫС КЫРГЫТТАР

Записано в 1964 г. в пос. Усть-Авам Таймырского национального округа Красноярского края П. Е. Ефремовым. Исполнитель Н. Д. Большаков-Бытыкыай, 80 лет (АЯНЦ. Ф. 14. Оп. 10. Д. 71. Л. 35—76). Перевод П. Е. Ефремова.

Опубликовано на русском языке: Таймырские сказы / сост., вст. ст. П.Е. Ефремова; пер. с долганского В.И. Ермакова. — Красноярск: Кн. изд-во, 1982. — 160 с. — С. 126—148.

Опубликовано на долганском и русском языке: Фольклор долган / сост. П.Е. Ефремов. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. — 448 с. — С. 134—181. — (Серия Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 19).

Н. Д. Большаков речи героев не мог петь, диктовал. Отец у Н. Д. Большакова был эвенк, мать — долганка, родители занимались охотой и оленеводством. Сказитель своими учителями считал П. Аксенова и И. А. Еремина; в репертуаре имел четыре олонгко и сказки.

Цитируется по примечаниям и комментариям издания: Фольклор долган / сост. П.Е. Ефремов. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. — 448 с. — С. 411—412. — (Серия Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 19).

1. АТ УОЛА АТАЛАМИИ БУКАТЫЫР

1 Орто дойдуга һуот чоготок ат олорбут. Бу ат үйэтин булааныгар каама һылдьыбыт. Кантан да төрүттэнэн үөскээбитин билбэккэ. Бу һылдьан диэн дуумалыыр: «Бу кайтак оҥоһууга төрөөбүппүнүй, айыыттан ыйытыыммыт киһи?».

Биир һиргэ эмэк, эргэ киһи олорбут ологун булбут. Бу гиэнин дьиэтин оннутун каһа һылдьыбыт. «Мунна да һин, — диэбит. — Дьон олорбут һирэ диин. Мунна олок тэриммит киһи. Бу олоктооктор, быбаат, өйдүөктэрэ дааганы»,—диир.

2 Бу һылдьан һүгэни булбута. Бу һүгэтинэн эргэ ологу тэрийэ һылдьыбыта, һүһүөгүгэр туруорбута, агыс түннүктээх айдаҥ-һайдаҥ гуорат тэриммитэ. «Дьиэлээк буоллум диэн, мантан кайтак киһи буолар һиргэ үөскэппит айыыттан ыйытынан көрүөм баара»,—диэн, уҥа кулгаагын үүһэ диэг көтөһпутэ, каҥас кулгаагын һир диэг тийсэрбитэ. Бу гынан бараан айыыттан ыллаан ыйытына турбута:

Үөскэппит Үрүҥ Айыы,
Миниэкэ киһи көрдүк,
Киһи буолар чааста ыйан биэр.
Орто дойдуга олороммун,
Тулаайактыйдым, чүҥкүйдүм.
Бу туһугар ыйытынабын:
Миниэкэ мускураабат,
Колбураабат олокто тэрий.
Бу тэрийэн баран,
Ого айыытына корголдьуун кургуммар

1. СЫН ЛОШАДИ АТАЛАМИИ*-БОГАТЫРЬ

В Среднем мире* совсем одинокая лошадь жила. Эта лошадь весь свой век жила, не зная, от кого, где родилась. Вот так живя, подумала: «С каким предназначением я родилась? У айыы спросить бы». 1

В одном месте нашла она сгнившие остатки жилища человека. В месте, где было жилье, стала копать. «Здесь ведь, — сказала, — место, где люди жили. Здесь бы мне жилье устроить. Живущие здесь обо мне, может, и вспомнят», — говорит.

Вот так ходила и топор нашла. Этим топором старое жилище стала восстанавливать, в прежний вид привела, так восьмиоконный обширный-просторный город* устроила. «Домом обзавелась, как дальше жить, у творца-айыы спросить бы», — так подумав, правое ухо вверх подняла, левое ухо к земле наклонила. После этого, с песней к айыы обращаясь, спрашивать стала: 2

— Создатель Юрюнг Айыы,
Как мне, подобно человеку,
Устроить свою судьбу, укажи.
В Среднем мире живя,
Истосковалась-измучилась в одиночестве.
Вот почему прошу тебя:
Беспечальную, надежную
Судьбу мне пошли.
Так устрой,
Чтобы душа ребенка

---

* *Аталамии* — от общетюрк. *ат* — «конь, лошадь». Герой рожден кобылицей, спущенной в Средний мир божеством-создателем Юрюнг Айыы. Этот мотив распространен также в якутском олонхо. Например, широко известны варианты эпоса «Сын лошади Дыырай Бёгё». По мифологическим представлениям якутов, «сначала бог сотворил коня, от него произошел полуконь-получеловек, а уже от последнего родился человек…»

* *Средний мир (Орто дойду)* — по представлениям долган, вселенная состоит из трех миров: Верхнего, Среднего и Нижнего. В Среднем мире живут люди племени *айыы*, к которому принадлежит главный богатырь.

* *Восьмиоконный обширный-просторный город (агыс туннуктээх айдан-һайдан гуорат)* — эпическая формула в описании жилища богатыря.

Ого кутуна коннорон көр!
диэн ыллаабыта.

3 Тогус күн устата олорбута, үһүс үс күнүгэр таһаара таксыбыта, дьиэтин таһыгар агыс һүһүөхтээх эчики отун аһыы сылдьыбыта. Бу һылдьан көрбутэ, каччага дааганы һиэбэтэк тогус һүһүөктээх тойон от турбута. Маныга дуумалыы турбут: «Каччага даа һиэбэтэк отум диин, бу оту һиэтэкпинэ дьүрү өлүөм эбитэ, дьүрү киһи буолуом? Ити иккиттэн биирэ багас һин таксыага буоллага»,—диэн, бу оту төрдүттэн, һилиргэгиттэн каһан ылан, баар дааганы һалаатын, һилиһин быспакка ылбыта. Бу гынан баран дьиэтигэр килэрэн һии турбута.

4 Һиэн бутэн утуйбута, утуйан туран, бэйэтин одууламмыта: «Уодаа! — диэбит. — Туогуй бу эргэ миэрэбиттэн того атын бэйэлэнним. Каччага даганы куртагым түгэгэр конуксуйбатага, кайтак да оту һиэтэкпинэ»,— диэн, бэйэтин дьибиистэнэ олорбута. Тоһөнөй даа олорбото, бу ат ис ыарыыта буолла, кырабаатыгар киһилии төкүнүгнүү һыппыта, уһугуттан быары бигэммитэ. Ого һага һиир абааһылаак эбит.

Кас даа үйэни олорбутун билбэтэгэ, төһө даа буолумуйа, быарын ыарыыта, кэмэ кэлэн таксар күнэ буолан, таксыбыта. Таксыбытыгар, этиҥ ыарыытыгар куттаммычча, көтөн каалбыта. Үс күн устатыгар көтө һылдьыбыта. Көтөн атага һылайда. Дьиэтигэр кэлбитэ, һулууда түннүгүн һупту одуулаан көрбутэ, олорбут оронугар ого ытыы һытар. Дьиэтигэр көтөн киирбитэ, бу огону һалынын һалыы сыппыта. Ат киһи аттыы амарыйан иппитэ.

5 Олоҥко огото киһи өр буолуо дуо?! Һүүрэлии һылдьар кэмэ буолбут, һаҥаны һаҥарар кэмэ буолбут. Биирдэ таһаара оонньуу һылдьыбыт. Ойноон бутэн киирбит. Бу киирэн иньэтин одуургаабыт.

—Иньээ,—диэбит,—эн того түөрт атактааккыный, миэкэ дылы того икки илиилээк, икки атактаак буолбатааҥый? Того түүлээккиний, миниэкэ дылы того һыгыньак буолбатаҥый?!

В оловянное чрево мое вселилась! —
так пела.

3 Девять дней жила, на трижды третий день во двор вышла, восьмисуставную хвощ-траву пощипывая, около дома ходила. Так расхаживая, увидела: никогда ею не пробованная девятисуставная господин-трава стоит. Тут подумала: «Это же трава, которой я никогда не пробовала, если эту траву съем, умру ли, человеком ли стану?* Одно-то из двух, наверно, случится», — так подумав, эту траву с корнем выкопав, взяла, ни ветвей, ни корней ее не повредив. Так сделав, в дом внесла и стала есть.

4 Кончив есть, уснула, проснувшись, себя оглядела: «Ой! — сказала. — Что же это, почему прежний мой вид изменился, другой я стала. Никогда ведь на дне желудка у меня не застаивалось, какую бы траву ни ела», — так сидела, дивясь себе. Сколько-то времени спустя заболело у нее в животе, на кровати своей, словно человек, от боли каталась, наконец, живот свой прощупала. Там, оказывается, ростом с ребенка, съедающий ее *дух-абаасы**.

Сколько времени прожила — не заметила, сколько-то времени спустя болезнь живота выходить стала — и вышла. Когда болезнь вышла, испугавшись боли, [лошадь] ускакала. Три дня скакала. Пока скакала, ноги ее устали. К дому приблизилась, сквозь слюдяное окно погляделa: на постели, где она родила, ребенок лежит и плачет. В дом свой вскочила, этого ребенка стала вылизывать. Лошадь-человек, по-лошадиному лаская, стала воспитывать.

5 Дитя в олонгко долго ли будет расти?! Уже ему бегать пора настала, говорить ему пора пришла. Однажды во дворе играл, наигравшись, пришел, войдя в дом, мать свою стал рассматривать с удивлением.

— Мать, — сказал, — почему у тебя четыре ноги, почему не с руками и ногами, как я, уродилась? Почему ты с шерстью, а не голая, как я?!

**…человеком ли стану? (…дьуру киһи буолуом?)* — в смысле: останусь ли в живых и буду жить благополучно?

** …ростом с ребенка съедающий ее дух-абаасы (ого hара һиир абааһылаак)* — по верованиям долган, причина болезни — дух-абаасы, который поедает человека.

Иньэтэ манна ырыа ылламыыт:
Орто дойдуга айыы аты түһэрбитэ.
Бу ат каама һылдьыбыта.
Айыы киһититтэн дьактар ылбыта,
Мунтан икки тыһы ат төрөөбүттэрэ.
Булар атактарыгар уйдардылар даа,
Икки аҥыы кааман каалбыттара.
Онтон бииргэһэ мин буолабын,
Бииргэһэ эмиэ кайа эрэ дойдуга
Олок тэринэн олоруок ыйаактаак.
Билбэтэргин
Биһиги төрүппүт итигирдик,—
диэн ыалаан буппут.

6 Киэһэлэрэ буолбут, утуйан каалбыттар. Һарсыардалара буолан турбуттар. Тураннар уола һуорганыгар олорбут. Иньэтэ диир: «Тур!». Үскэ диэри һаҥара һатаабыт, турбата. Киэһэтэ буолла, иньэтэ утуйан каалбыт. Һол олорбута огото. Һарсыардата буолбут. Бу эмээксин турбут, оготун: «Һуун», — диэбит. «Тараан», — диэбит. Огото биир истибэт, биир тылы һаҥарбат. Үс күн устатыгар аһы даа аһаабакка, таҥаһы даа таҥныбакка, туогу эрэ өйдөөбүт киһи көрдүк олорбута. Иньэтэ һылайда:

— Туок ааттаак дууманы дуумалаатыҥ? — диэн оготуттан ыйыппыта.

Бу ыйыттагына:

— Өйү өйдүүбүн, дууманы дуумалыыбын, — диэн огото этэ турбута.

7 —Һөп, аһаан-һиэн бараҥҥын өскүн-тылгын кэпсээр. Мин уол огону тутуок һирэ һуокпун. Айыы биэрбитэ: аттан төрөө диэн, онон орто дойдуга нэһилиэт тэрийиэк дьылгалааккын.

Уол ого тура эккирээбит, һуунан-тараанан бараан аһыы олордо. Иньэтэ эмийинэн оту булаан урааҥкай тылын эрийэ тардар каһыһал (минньигэс ас) оҥорбута. Аһаан буттэ.

— Дьэ иньээ, — диэбит, — омук дойдуга баран ирэбин. Омук чөлләрүгэр тийдэкпинэ, туок диэн ааппын ыйыттактарына туок диэк кэпсиэмий? Ааппын ааттаа! — диэн аартаһа турбута.

Инньэтэ маныга аатын ааттаабыта:

— Ат уола Аталамии букатыыр буол, — диэн.

Тут мать его запела:
В Средний мир *айыы* коня спустил.
Тот конь так жил.
От *людей-айыы* жену взял,
От нее родились две кобылы.
Как только они на ноги встали,
В разные стороны разошлись.
Я одна из них,
У другой свое предназначение,
Она должна устроить свое жилье.
Наш корень-род вот такой,
Чтоб ты знал, —
так закончила.

Вечер наступил, уснули. Утро настало, встали. Когда вставали, сын на одеяле сидит. Мать ему говорит: «Вставай!». До трех раз упрашивала — не встает. Вечер наступил, мать его заснула. Точно так же сидит дитя ее. Утро наступило. Эта старуха встала, ребенку своему «Умойся» сказала. «Причешись», — сказала. Дитя ее все равно не слушает, ни одного слова не говорит. Три дня пищи не принимая, одежды не надевая, будто человек, что-то понявший сидел. Мать его устала.

— Какую же ты думу задумал? — дитя свое спросила.

Когда так спросила:

— О разном размышляю, думу думаю, — так дитя ее отвечало.

— Ладно, сначала поешь, потом свои слова скажешь. Не мое дело удерживать сына. Если назначил тебе айыы от лошади уродиться, суждено тебе в Среднем мире род начать, — сказала.

Мальчик вскочил на ноги, умывшись-причесавшись, сел есть. Мать его, молоко своей груди с травой смешав, приготовила такое сладкое кушанье, что ураангкай могли бы языки проглотить. Кончил есть.

— Ну, мать, — сказал, — в чужую страну отправлюсь. Когда приеду к лучшим людям чужого племени, что скажу, если имя мое спросят? Имя мое назови! — так говорил, умоляя.

Тогда мать имя его назвала:

— Сыном лошади Аталамии-богатырем будь, — сказала.

Маныга үөрбүтэ, үөрэн бараан:
— Эн иньээ,—диэбит,—уон ыйы һүкпүтүҥ быһыытынан барар һуолбун ыйан биэр!

8 Маныга иньэтэ таһаара таксыбыта, күн ойуутун диэг көрөн туран ыллыы турбута:
— Дьэ огом, —
Диэбит, —
Этэр тылбын иһиллээ.
Мантан баран истэккинэ,
Күн диэги өттүттэн
Көмүс дьирбии киирэн туруога.
Айыы диэги өттүттэн
Алтан дьирбии туруога.
Өлүү диэги өттүттэн
Кара таас тумус
Анньан туруога.
Бу үс таас тумустар
Кыттыһан турбут һирдэригэр
Үһуга-баһа көстүбэт гуорат туруога.
Манна тийдэккинэ,
Мин көрдүк ат эмээксин баар буолуога.
Онтон ынтак диэг барар һуолгун ыйдараар.
Элэтэ үөрэппитим, ыйбытым! —
диэбит.

9 — Мин-кээ, — диэбит уола, — һубурдук һатыы барааччыбын дуу?
— Бэркэ, — диэбит, — атынан барыаккын багардаргын миигин һүл, — диэбит. — Бу һүллэккинэ, туок таксыагай, тириибин: «Аллабулла кутуруктаах айаас атым!» — диэн баранҥын, алчайан миинэн баранҥын, пустой тириини кымньыылыы тур. Киһи буолуок чаастаак буоллаккына, ат буолан туруога, — диэбит.
Иньэтин тириитин кастаан ылбыт. Кастаабыта каана-этэ кууран эрэр, эмээксин буолан эрэр кыыс дьактар иһиттэн таксыбыта. Тириитин: Ааттаак дойдуга айаннаан эрэбин, ырбат тыҥалаак айаас атым буол!» — диэн һамактыы миинэн баран кымньыылыы турбута. Төһөгөй даа эрэйдээбэтэ, ат буолан турбута. Айыы дойдутун диэг атаралатан

Тут он возликовал:
— Уж если ты, мать, — сказал, — десять месяцев меня вынашивала, то дорогу мою укажи!

Тогда мать его наружу вышла, в сторону восхода солнца глядя, запела: 8
— Ну, дитя мое, —
Сказала, —
В слова, которые я скажу, вслушайся.
Как отсюда пойдешь,
С солнечной стороны,
Выдаваясь, золотой мыс стоять будет.
Со стороны айыы
Медный мыс стоять будет.
Со стороны смерти
Черный каменный мыс,
Выдаваясь, стоять будет.
Там, где сходятся эти три мыса,
Город, которому конца-предела не видно, стоять будет
Когда до него доберешься,
Подобная мне лошадь-старуха там будет.
У нее спросишь, куда идти дальше.
Вот и все, в чем наставляю.
На что указываю, —
сказала.

— А мне-то, — сказал ее сын, — вот так, пешком, идти, что ли? 9
— Если хочешь, — сказала, верхом ехать, сними с меня шкуру, — сказала. — Как сдерешь, вот что выйдет: на шкуру со словами: «С длинным хвостом необъезженный конь мой!» — раскинув ноги, садись верхом, пустую шкуру продолжая стегать. Если тебе человеком стать суждено, в коня превратится [шкура], — сказала.
Шкуру с матери содрал. Когда содрал, из шкуры начинающая увядать девушка-женщина вышла. На шкуру со словами: «В именитую страну ехать собираюсь, необъезженным конем моим с неутомимыми легкими будь!» — раскинув ноги, уселся верхом, продолжая стегать. Долго не заставив ждать, шкура в коня превратилась. В сторону страны

испитэ. Һайыны буоллагына һамыырынан билэр, кыһыны буоллагына кырыатынан билэр. Бу ыран-һылайан истэгинэ, үс өттүттэн тумус таастар турбут дойдуларыгар тийэн испитэ.

10 Чугаһаан кэлбитэ, гуорат турар. Күн диэги ааныгар көтүөлэтэн кэлбитэ. Түһэ эккириэбит, одуулаан көрбүтэ: ат баайар тогоһо турар, атын иилэ оксубута. Киирэн кэлбит; эмээксин олорор:

— Дороообо! — диэбит.

Эмээксин диэбит:

— Кайдиэги огокоон кэллиҥ? Туньактаах чугуйбатак дойдутугар, айыы ураанҥкайа олук суол оксубатак сиригэр кайдиэгиттэн, канныкһилистээк-төрүттээк кэллиҥ? Бэрт кэрэкээнник кэпсээ, һаатыма даа, толлума даа, кыбыстыма даа, — диэбит.

11 Маныга уол туран ыллыы турбута, иньэтэ кэпсээбит төрүтүн кэпсии турбута. Кэпсэлин уһуга буолан: «Ат уола Аталамии букатыырбын», — диэн аатын кэпсээбитэ.

Маныга эмээксин ыстанан турбута:

— Огокооммун нии, миниэнэ балтым оготогун эбит! Барар һуолгун кэпсээн биэр, ыйан биэриэм. Мантан инни диэг айыы дойдугар бэрт каналгалаак һирдэр бааллар, мүскүөрдээх дьоннор бааллар, олор миэрэлэрин билэгин дуо?

12 Маныга уол:

— Һуол анҥар-анҥар һирдэрин таайарга дылыбын. Мантан барар көнөр агай һуолбун кэпсээ. Бу таас тумустар, көрдөкпүнэ, үйэлэрин булааныгар үүммүттэриттэн кыттыһа-аракса тураллар. Маны кайтак ааттаак алгыһынан дуу, оҥорууннан дуу таксыамый, ити агай билбэт бэркиһиир һирим.

13 — Ыйыакпыт, — диэн эмээксин этэ турбута, — бу мантан баран иһиэҥ, кайтак ааттаак диэн дойдуга ааттаан айанныыгын — маны кэпсээ, — диэбит.

Маныга уол туран кэпсии турбута:

айыы галопом на коне понесся, лето по дождю узнавая*, зиму по инею узнавая. Так, уставая-изнуряясь, ехал и стал приближаться туда, где с трех сторон каменные мысы сходятся.

Подъехал — город стоит. Ко входу с солнечной стороны подскакал. Соскочив, огляделся: столб-коновязь стоит, коня быстро привязал. Вошел — старуха сидит: 10

— Здравствуй! — сказал.

Старуха:

— Из какой страны ты, дитятко, прибыл? Как в страну, которой имеющий копыта не достигал, в землю, куда *ураангкай* из племени *айыы* дорогу не прокладывал, из какого ты рода-племени проложил свой путь? Складно-связно расскажи, не стесняйся, не стыдись и не бойся, — сказала.

На это парень запел о роде своем, как мать поведала, стал рассказывать. Когда кончил рассказывать, говоря: «Сын лошади Аталами-и-богатырь я!», — имя свое назвал. 11

Тут старуха вскочила:

— Дитятко мое, ты моей младшей сестры сын, оказывается! Куда собираешься ехать, скажи, я укажу тебе дорогу. Впереди в стране *айыы* очень опасные места есть, злонравные люди есть, их обычаи знаешь?

В ответ на это парень: 12

— О кое-каких местах пути, кажется, догадываюсь. Как выехать отсюда, благополучную дорогу укажи. Эти каменные мысы, как я погляжу, со времени своего создания то сходятся, то расходятся. С помощью какого заклинания или действия смогу их пройти этого только не знаю, поэтому опасаюсь.

— Укажу, — старуха заговорила, — в какую страну отсюда поедешь, как называется — вот об этом расскажи, — сказала. 13

Тогда парень стал рассказывать.

**...лето по дождю узнавая, зиму по инею узнавая (һайыны буоллагына һаммырынан билэр, кыһыны буоллагына кырыатынан билэр)* — эпическая формула, подчеркивающая продолжительность богатырских поездок.

— Үс каллаан үрдүтүгэр, эрбэк үрдүгэр эргичиҥнии турар иэрчэк дьиэлээк кыыс баар уһу. Дойду киһитэ кубулгата куоттарбыт котуна. Ол аатыгар айаннаан иһэбин, — диэн эбэтигэр кэпсии турбута.

14 Маныга эбэтэ диэбит:
— Кун диэки көмүс кэрискэни көрбүтүнэн баран истэккинэ,
Айыы диэгиттэн
Алтан тумус таахын ыгайан туруога.
Өлүү диэгиттэн
Кара дьагыл таахыҥ ыгайан туруога.
Булар ыккардыларыгар тимир чааркаан
Иитиллэн туруога.
Бу ынараа өттүгэр
Икки болоттоок таас букатыыры гытта
Алтан букатыыр кырбаһа туруоктара.
Киһи буолуок кипкэ айыылаак буоллаккына,
Одуулаан турар оһоллору һупту көтөн тахсыаҥ.
Мин киһи оччо даа буола идэтэ һуокпун,
Кубулгата һуокпут.
Каллаан тыала калтырыйар
Катан укулаат оҥоһуулаакпын.
Бу таксаргар диэри агай этиэм, —
диэн баран эбэтэ оготун тимир укулаат оҥорон кээспит.

15 Бу гынан баран бу уол камнаабыт. Көрдө-көрбүтүнэн көмүс кэрискэтинэн көрөн испит. Бу икки диэгиттэн ыгаллыбыт ыгым таастарыгар тийбитэ, бу тийэн ырыа ыллана турбута:
— Иччилээк ийэ дойду,

— На верху трех небес, на кончике большого пальца есть вращающийся на петельках дом*, там есть девушка, говорят. Люди всего света уступают в волшебстве той госпоже. Еду, чтобы посостязаться с ней, — своей бабушке* рассказывал.

На это бабушка сказала: 14
— Как поедешь прямо к золотому мысу
в сторону солнца —
Со стороны *айыы*
Медный мыс теснить тебя будет.
Со стороны смерти
Черно-пестрый камень теснить тебя будет.
Между ними настороженный железный капкан
стоять будет.
По другую сторону
Медный богатырь с каменным богатырем,
У которого два булатных меча, будет сражаться.
Если тебе суждено стать человеком,
Эти подстерегающие тебя опасности проскочишь.
Я не очень сильна в колдовстве,
Хитростей у меня мало.
В железный закаленный булат,
По которому небесные ветры скользят,
Могу тебя превратить.
Вот что тебе перед выходом только я и скажу, —
сказав, бабушка дитя в железный булат превратила.

После этого парень отправился в путь. Не спуская глаз с золотого мыса, ехал. К этим с двух сторон тесно сдвинувшимся камням подъехал. Вот подъехав, песню запел: 15
— Мать-страна почитаемая,

---

* *...вращающийся на петельках дом (иэрчэк дьиэ)* — имеется в виду свободно висящее, вертящееся жилище. Эпическая формула в описании жилища героини.

* *...своей бабушке (эбэтигэр)* — по долганской системе родства старшая сестра матери (тетя) входит в группу бабушек, ее называют бабушкой.

Каналганнаах канааттаргытын
Мин туспар көмкүтэтэ түһүҥ.
Ат уола Аталамии мин кэллим,
Ааҥҥытын быыһыы түһүҥ.
Орто дойдуга
Омуктан ого төрөөтүм.
Омук дьоно күлүөктэрин
Баран ирэбин.
«Аттан дааганы айыы огото төрүүр эбит», — диэн,
Айактарын ата-ата күлүөктэрин,
Көбүс-көтүүн баран ирэбин.
Тыыннаак эргиллэн кэллэкпинэ,
Бу дойдуну олок гынан олоруом.
Орто дойду киин тоһогото
Бу эбит диэн,
Каракпынан көрдүм,
Өйбүнэн таайдым, —
диэн ыллыы турбута.

Ырыата бутэн, тимир чааркаан аттаак киһи батар көрдүк арынан биэрбитэ. Иччилээк букатыырдар, ыллаан доргуппуттарыгар уҥан-таалан биэрбиттэригэр таксан көппүтэ. Күн диэги көмүс дьирбиитин ирдээн испитэ. Дьирбиитэ элэтэ буолан бука бараммыт уһугар һынньанан турбута. Маныга конон баран: «Букатын һыта-һымара һуок һыгынак буол», — диэн, тэбэн кээспитэ. Агыс һалаалаак алтан кымньыытын: «Агыс һүһүөктээк ат һиир ото буол», — диэн тэбэн кээспитэ. Көнтөһүн: «Көмүс от һилиһэ буол», — диэн бараан ууран кээспитэ. «Бэйэм обургу, ураанҥкай таайбат, таастан ааарбат одуу тааһа буолуом», — диэн баран, чэкэнийэ һыппыта. Эппитин көрдүк биир да тыла һыыспакка һыппыта.

Колдовские связки свои
Чуть ослабь для меня.
Мне, сыну лошади Аталамии, [сюда] приехавшему.
Двери свои приоткрой.
В Среднем мире
Чудесным образом я родился.
Хоть люди-чужеплеменники будут смеяться,
Вот я еду.
«И от лошади дитя *айыы* может родиться, оказывается», —
Так говоря, рты свои широко раскрывая, будут смеяться.
Совсем зря, может, я еду.
Если живым вернусь,
В этой стране, местом обитания ее сделав, жить стану.
Среднего мира главный колышек*
Вот здесь, оказывается, —
Глазами своими увидел,
Умом своим угадал, —
так говоря, пел.

Когда песня его кончилась, железный *чааркаан* раскрылся так, что мог бы проехать всадник. Богатыри духов-хозяев, когда громко-звучно он запел, замерли-притихли, в этот миг проскочил. Вдоль золотого мыса с солнечной стороны поехал. Когда мыс кончился, на самой его оконечности остановился отдохнуть. Здесь заночевал: «Совсем без запаха-вони буреломом будь!» — сказав, коня своего пнул от себя. Восьмихвостой медной своей плети: «Восьмисуставчатой съедобной для лошади травой будь!» — сказав, пнул от себя. «Корнем золотой травы будьте», — сказав, поводья положил. «Сам же я, удалец, неузнанным-неразличимым для *ураангкай* причудливым камнем стану», — сказав, стал кататься по земле. Ни одного слова впустую не сказал — все так и случилось.

---

* *...Среднего миря главный колышек (Орто дойду киин тоһогото)* — так сказитель называет середину, главную точку Среднего мира.

17 Бу һыттагына, күнэ ойон ирдэгинэ, һэттэ кыталык бу кэрискэ уһугар олорбуттара. Бу олороннор дииллэр:

— Чэй, оголор, ат уола Аталамии кэлиэгэ, һөтүөлээмэктиэгин; кэлиэк кэмэ бэрт һугас, бэркэ иэдэйиҥ.

Көмүс кытыылаак көлүйэгэ бараннар таҥастарын кытыытыгар уһуттаан кээстилэр. Көрө һыппыт. Өчүгэйдик һөтүөлээн эрдэктэринэ һэттэ кыталык таҥастарын диэт үнэн, төһө да барбата тийдэ. Тийэн дуумалыы һыппыта: «Бу таҥастарын кайтак гыннакпына үчүгэйин? Омук дойдуга олук һуол уураммын, айаннаан кэлбитим. Ааттаак кыргыттар олорор дойдуларыгар ааттарын биэримнэ, атактарын уһугугар биллэрэ һылдьыбыттара. Мин итин уоран ыллакпына, омук дьонноро күлүөктэрэ эбитэ дьуру», — диэн дуумалыы һыппыта. Бу һытан: «Һин да һилик дии — бу диэн дойдуга кэлэн бараммын биири даагаҥы мэнигиргээбэт ого төрүөм дуо орто дойдуга,— диэн бу таҥастарын тала һыппыта, — Бу дуу муҥ ордуктарын таҥаһа диэн, бу дуу», — диир. Куһаганнарын таҥаһа диэн, тарбагынан талан, биир таҥаһы кармааныгар уктан кээспитэ. Бу гынан баран, кистэнэн сыппыта.

18 Бу кыргыттар һуунан бутэннэр таксаннар таҥна турбуттара. Таҥнаннар арай биирдэрин таҥаһа канна да суок. Кайдиэг буолбутай, көрдүү һатаабыттар — булбатылар. Һуол кайбыттар — таһаарбатылар. Дьибиистии олорбуттар:

— Туок баар эбитэй даа төгүрүк каллаан бүтэйигэр көстүбэт таҥастаак, биһиги кайтак билбэтэкпитий?! Биһиги биллэрбит билиэ этибит. Чэй, оголор, ииллиһэн көрүҥ, догорбутун кайтак кээһиэкпитий?! Көтөгөн көрүөгүҥ.

Алта кыыс догордорун аннынан киирэн баран, көтөгөн көтөн каалбыттар. Кэннилэригэр атын үрдүгэр миинэн баран айаннаан испитэ, төгүрүк каллаанын төбөтө кэбэр дойдутугар тийэн испитэ.

19 Иннитигэр көрбүтэ — гуорат турар. Аттытынан аһан испитэ. Маныга көрбүтэ: һимэксин турар. Бу эмээксин одууну көрөр, дьиэ дьиэтигэр киирбитэ, киирэн, үс күһээйкэлээк эбит, баларга тыллаабыта:

Когда так лежал, с восходом солнца семь стерхов* на краю этого мыса сели. Усевшись, так говорили: 17

— Ну, подружки, сын лошади Аталамии скоро придет, побыстрее выкупаемся; близится время его прихода, поспешим же.

К озерцу с золотым берегом подойдя, одежды свои у кромки [озера] сняли. Стал смотреть. Когда купанием увлеклись, [Аталамии] пополз в сторону одежд семи стерхов, недолго полз, подобрался. Добравшись, стал думать: «Как лучше поступить с этими одеждами? Ведь в чужеземную страну путь проложив, приехал я. Именитые девушки в родной стране постоянно всех избегая беспорочно жили, лишь пальцами ног земли касались. Если я это выкраду, чужеземные люди не засмеют ли?» — так размышляя, лежал. Так подумав: «Все равно уж в эту страну приехал, неужели ни разу и пошалить не может дитя, родившееся в Среднем мире?!» — стал выбирать лучшее из одежд. «Эта ли самой лучшей одежда, эта ли, — говорил. — Вот эта, наверное, одежда самой худшей?» — подумал, пальцами перебирая, и одну одежду в свой карман положил. После этого, притаившись, лег.

Эти девушки, выкупавшись, вышли, одеваться стали. Когда оделись, у одной из них одежды нигде нет. Куда девалась? Как ни старались искать — не нашли. Стали следы искать — не выследили. Сидели, дивясь: 18

— Что же это такое под круглым небом, в невидимую одежду одетое, как же мы не распознали?! Знать-то мы должны были бы. Ну, подружки, попробуем сцепиться, подругу нашу как оставим?! Поднять попытаемся.

Шесть девиц под подругу свою подлезли, подняв ее, улетели. После этого [Аталамии] сел на коня, поехал к месту, куда макушка круглого неба упиралась.

Вперед посмотрел; город стоит. Поблизости от него проезжал. Тут увидел: [старушка] *симэксин* стоит. Эта старушка, диво такое увидев, в дом вошла, войдя — там трех хозяек имела, оказывается, — им рассказала: 19

---

* *...семь стерхов (hэттэ кыталык)* — во многих фольклорных произведениях красавицы Верхнего мира спускаются в Средний мир в образе стерхов — белых журавлей, которые почитаются народами Сибири.

— Ат уола Аталамии аahан эрэр, маны кайдаг гынагыт, hитинэн аahыага дуу, дьүрү ыҥырыаккыт дуу?

20 Маныга үс кыыс такса көппүттэрэ. Мантан талыллан биир бэртэрэ ыллыы турбута:

— Ат уола Аталамии букатыыр,
Ћырыы киhитэ hылайбытыҥ буолуо,
Ћынньанан аahар ыллыктара бу баар,
Айан киhитэ аhаан аahар
Уоруктара бу баар.
Биhиги дааганы өс истиэкпитин hин багарабыт,
Онон того ыаллаан ааспаккыын, —

диэн ыгыра турбута. Маны кулгаагын даа уурбакка, карагын даа көрбөккө аahан испитэ. Манна бу кыргыттар абара hанаабыттар, кыйгана тамнаабыттар. Эдьийдэрэ диэбит:

— Агыстыы булас өрүү маабыттаргытын ылбактааҥ, маабытталаан көрүөгүн, hин дааганы киhи диэбэтэ, каччатыгар дааганы киЊи диэгэ hуога. Маҥнайгы көрүүтүгэр, омуктар диэн, одуулаан көрбөтө. Чэй, оголор, ааста, маабытталаабактааҥ, — диэн.

21 Агыс атактаак алтан араҥастарыгар ыттан таксыбыттар. Бу гынан баран, маабытталаабыттар. Баһыттан ылларбыт бастыҥ кээһээччи киhи, биирдэрэ ортотуттан ылларбыт, биирдэрэ биилиттэн ылларбыт, hубуйан испиттэр, араҥастарын анныгар аттыыны тириэрбиттэр.

— Ат уола, — диэбиттэр, — Аталамии букатыыр, аahыам диэбитиҥ буолуога, ураанҥайы аhарпат оннуг котуттарбыт, ааппыт дааганы Араҥас hулус кыргыттарабыт. Айаннаан кэлбит киhи аahар куолута суок. Маабытталаатылар диэҥҥин коргутума, омук киhитэ бэйэҥ уруттааҥҥын муннуг дааганы hуоллар буоллулар. Одуу көрүмэ, туттубут, бэрт киhи буолларгын бэркинэн тагыс, — диэн кыыһырда турбуттара.

22 Манныга кыйгаммыт, бу кыйганан атыттан түһэ эккирээбит, hиргэ тэбинэн турбут. Туран ыллаабыт:

— Сын лошади Аталамии проезжает, как вы поступите: неужели так и проедет, или к себе его позовете?

Тут три девицы выскочили. Одна из них, самая лучшая, запела: 20
— Сын лошади Аталамии-богатырь!
Ты, путник, устал, наверное,
К месту, где отдохнуть можно, вот здесь тропа ведет,
Вот эта обитель,
Где человек проезжий откушать может.
Мы ведь тоже вести услышать хотим.
Почему же к нам погостить не заедешь? —
так говоря, зазывать стала.

На это, даже ухом не поведя, глазом не взглянув, их края проезжает. Тут эти девицы раздосадовались, рассердились. Старшая сестра сказала:

— В восемь маховых саженей плетеные *мамуты* быстрее доставайте, заарканить попробуем, все равно ведь за людей не посчитал и никогда за людей считать не будет. При первой встрече: «Ведь чужеземки!» — думая, даже не посмотрел. Ну, девчата, проезжает, заарканьте быстрей, — говорила.

На восьминогий медный лабаз свой поднялись. Оттуда стали его 21
мамутами ловить. Первая бросившая за голову поймала, одна за туловище поймала, одна за талию ухватила; стали подтягивать к своему лабазу, вместе с конем притянули.

— Сын лошади Аталамии-богатырь, ты, наверное, думал мимо проехать, — сказали, — мы ведь госпожи, *ураангкай* не пропускающие, даже имя наше — дочери Лабаз-звезды*. Приехавший сюда человек не может мимо проехать. Не обижайся, что заарканили, ты, чужеземец, сам подначил, потому такое и случилось. Не удивляйся, что поймали, если такой удалой человек — удальством своим освободись, — так говоря, стали дразнить.

На это рассердился, рассердившись, с коня соскочил, в землю упер- 22
ся ногами, так запел:

---

* *...дочери Лабаз-звезды (Аранас һулус кыргыттара)* — так называется созвездие Большой Медведицы. Здесь небесные девы — дочери Лабаз-звезды — являются шаманками.

— Араҥас һулус кыргыттара буолларгыт,
Агыс үөстээк өрүү маабыттаргыт
Агыс дьылы ардак буолан аанньа куурумуйа,
Аһаак туран һытыйан түстүн,
Буһа ыстанан көр мин туспар, —
диэн ыллыы турбута. Ырыатын үһуга буоларыгар, агыс үөстээк өрүү маабыттара катыытыттан араксан үлүктэлэнэ турбута.

Быһыта көтөн бараан бу киһи атыгар миимитэ. Ат уола диэбит:

— Үйэгит дааганы булааныгар, өлөр үһүгүн булуоккут һуога, эрэйдэнимэн, мин ааппар дураһыйыман, һубу күнтэн тохтоон, — диэн ыллаабыт.

23 Атаралатан испит. Биир ааттаак туруулу барбыт. Баран эргиллэн көрбүт. Үс кыыһа үһүөн муннук аайы араҥастарын үрдүттэн моҥнон чиркэлдьиһэ һыппыттар.

— Ат уола күн дойдутуттан эргиллэн кэлэрин коннук һырайбытынан көрсүөкпүтүй, өлө туруогун, — диэн моҥно һыппыттар.

Киһилэр моҥуннулар ээт диэн, карагын даа үһугунан көрбөт курдук, атын киксэрэн испитэ.

24 Төһө даа барбата, Үргэл һулус кыргыттарыгар тийбитэ. Бу тийэн үрдүк ааттарыгар үҥүнэ турбута:

— Кайа эдьийдэр, мин барар һуолбун ыйан абыраан.

Маныга биир һимэксин ыйбыта:

— Манан бараар, итинэн кэлээр, — диэн албуннуу турбута. Ат уола буолан бараан, туок дэлэгэ гиниэгэ, төгүрүк бэйэтин түөкэйдэтиэгэй, һимэксини атын кымньыытынан һамыытын ыыра оксубута.

— Эдьийдэргэр илдьит буол,
Мин барар һуолбун ыйан биэрдиннэр.
Эргиллэн кэллэкпинэ, оччого ыаллаан аахыам,
Һанаабар бэрт һэдэллээктик сылдьабын.
Ол туһуттан киирбэппин,

— Хоть вы Лабаз-звезды дочери.
Ваши *мамуты*, из восьми ремней сплетенные,
Восемь лет под дождем находясь, отсыреют,
Не просыхая, пусть сгниют,
Разорвавшись, с меня спадут, —
с такими словами пел.

Когда песня кончилась, сплетенные из восьми полос кожи мамуты распались и, словно кусочки вяленого мяса рассыпались.

На части [арканы] разорвав, этот человек на коня сел. Сын лошади сказал:

— Во всю свою жизнь для меня смерти не найдете, не мучайтесь, не преследуйте меня, с этого дня перестаньте, — так говоря, пел.

23

Крупной рысью поехал. Один большой перегон сделал. Проехав, обернулся назад. Три девицы, все втроем, на углах своего лабаза повесились и, вытянувшись, извиваются.

— Когда сын лошади из солнечной страны возвратится, с какими лицами встретим его, лучше умрем, — так говоря, решили удавиться.

Думая: «Ведь люди повесились», — даже краем глаза не глядя, коня своего погонял.

24

Сколько-то проехав, к дочерям Юргэль-звезды* приехал. Вот доехав, стал молиться им с великим почтением:

— Ну, старшие сестрицы, помогите, укажите дорогу.

Тогда одна [старуха-] *симэксин* указала:

— По этой дороге езжай, по той — возвращайся, — так говоря, попыталась его обмануть.

Сыну лошади зачем поддаваться на ее обман? [Старухе-] *симэксин* лошадиной плетью крестец рассек.

— Хозяйкам своим вестницей будь,
Пускай мне дорогу укажут.
Когда вернусь, тогда погощу.
Спешу к своей цели.
Поэтому не зайду,

---

* *...дочери Юргэль-звезды (Үргэл һулус кыргыттара)* — дочери созвездия Плеяды (см. коммент. к блоку 21).

Одуу көрөөйөллөр,
Эдьийдэрбэр этэн биэрээр, —
диэн ыллаан илдьиттээбитэ.

25 Маныга каана кууран эрэр котун таксыбыта.
Ат уола Аталамии букатыыр, —
диэн ааттааныллыы турбута, —
Кайа ааттаак дойдуга,
Һубу диэн алталаактан анабыллаагым диэҥҥин
Айаннаан истэҥий?!
Биэстээктэн бу диэҥҥин
Бэлиэтии көрбүтүҥ баарый? —
диэн ыллаан бүппүтэ.

26 — Һэ-Һэ, — диэбит ат уола, —
Баар, туура того һуок һиргэ һорунуомуй?!
Кайа эрэ дойдуга
Дойду киһитэ куоттарбыт котуна баар.
Онуга баран ирэбин, —
диэн эмиэ ыллаан бүппүтэ.
— Ол котуҥҥа барар һуол ити баар, — диэн ыйбыта.

27 Бу һуол устун көтүтэн испитэ. Төһө да барбата, иннитигэр көрбүтэ ойун абааһы [та] айанныы турар. Маны кэнниттэн батан испитэ. Бу иһэн, кайдак гыныакка өчүгэй буолуогай диэн дуумалыы испитэ. Бу иһэн, ааһаары, көтүтэн каалбыта.

Көрбүтэ, инни диэг эрбэк үрдүгэр эргийэ турар иэрчэк дьиэ турар. Бу тас өттүгэр үс ааттаак киһи һыргата баайыллан турар.

28 Бу ускатыгар кэлэн атын: «Һыта-һымара һуок һыгынак буол»,— диэн баран тэбэн кээспитэ, һыгынак буолбута. Бэйэтэ киһиттэн эрэ мөкү бэйэлээк киһи буолбута, мөкү багайы, киһиттэн киһиэкэ тэбиэлэтэ һылдьыбыта. Бу һылдьан бу дьиэ гүүлэтигэр көтөн киирбитэ. Арай көрбүтэ биир киһи ачаак уотун отто һытар. Маныга көтөн кэлбит даа һүүһүн дьөлө тыкпыта, таҥаһын уһугунан ылбыта, бу гиэнин төһө баар таҥнар таҥастарын кэппит. Киһи көрүүтүгэр баайдиинҥи уот оттооччу киһи көрдүк кааннаак-иҥнээк буолбута, уоту отто һыппыта. Бу һыттагына, һимэксин таксыбыта. Таксан икки карагын былчаччы

Пускай же не удивляются,
Хозяйкам своим расскажи, —
так говоря-распевая, ей передал.

На это начинающая увядать госпожа вышла. 25
— Сын лошади Аталамии-богатырь, —
обращаясь к нему, запела, —
В какую страну
Ты едешь сейчас,
Считая, что там [живет]
предназначенная тебе с шести лет?!
Где ты заприметил ту,
Которая предназначена тебе с пяти лет? —
сказав так, петь кончила.

— Хе-хе, — сын лошади говорит, — 26
Есть, если бы не была, зачем бы собрался?!
В каком-то краю госпожа,
Которой со всего света люди в хитрости уступают, живет.
Вот к ней и еду, —
так говоря, петь кончил.
— К той госпоже ведет вот эта дорога, — указала.

По этой дороге помчался. Недолго ехал, посмотрел — видит впереди шаман-*абаасы* едет. За ним следом поехал. Так едучи, думал: «Как бы лучше сделать?» Пока думал, промчался мимо [шамана-*абаасы*], опередив его. 27

Увидел: на кончике большого пальца вращающееся на петельках жилище невдалеке стоит. Около него на привязи стоят три коня, запряженные в сани.

Подъехав к ним близко, пнул коня своего, сказав: «Без запаха-вони буреломом стань», — тот буреломом стал. Сам самым слабым из людей обернулся, таким слабым, что все люди его пинали. Так в сени этого дома вошел. Там увидел: один человек лежит, раздувает огонь в очаге. Тут, подскочив, щелчком лоб пробил, одежду снял и в его одежду оделся. С виду принял облик того, что растапливал очаг, затем лег, стал разжигать огонь. Когда так лежал, [старуха-] *симэксин* вышла. 28

көрөн киирбитэ. Аahан каалбыт, төhө даа койутаабатак, үс киhи таксыбыттар, аттарыгар hыргаламмыттар даа, көтүтэн каалбыттар.

29 Бу кэлин өттугэр бу hимэксин эмиэ көрбүтэ илэ абааhы ойуна айаннаан кэлбит, куултиирдарыгар токтоон туран ыллыы турбута:

Айыы дойдутугар
Ураанҥкайга аатын биэрбэтэк,
Үс каллаан үрдүгэр олорбут
Кайа дааганы үhүгунан букатыырга hиттэрбэтэк,
Аатын биэрбэтэк котун баар
Диир hурактарыгар
Абаасы дойдутуттан талынан тагыстым.
Мин диэн аттаак киhи аатым-hуолум,
Аллараагы дойдуга
Аар-hаарга ааттаппат Абааhы ойунабын.

30 Маныга кыыс эмийигэр диэри аан үстүн быган турбута. Бу туран өстөөк буолбута:

— Бу даганы, — диир,
Төгүрүк арыыга олороммун,
Түөрт муннуктаах түөлбэгэ
Бутэйдэппэт hанаабын мөҥүөлэттэ.
Аны даа ким
Таас кайа буолан калкалыага эбитэй?!
Мин диэк киhи кубулгаттаак таҥаспын уордарбытым,
Муннуктар мунүн ылбыттара буолуога.
Ол hуолун ирдээн кэлбитэ буолуо.
Айыы даганы,
Айааччы-биэрээччи тойон эhэм
Һуруктаага диэн бу баар диэн
Һуруйан түhэрбитэ атынын даганы.
Аан дойду арыытыгар олороммун
Абааhы атыыр ойунугар колкуйбатак коойнутугар
Котун дьактар буолан олоруом диэбэтэгим.
Бу абабын! —
диэн ыллаабыт.

Вышла, тут же вошла с выпученными [от испуга] глазами. Прошла — тут же три человека вышли, сели в сани и умчались.

29 После этого [старуха-] *симэксин* опять выглянула: настоящий шаман-*абаасы* подъехал, у порога остановился, песню запел:

На весть о том,
Что в стране *айыы*
Ураангкай не уступающая,
На верху трех небес проживающая,
Никакому богатырю не поддающаяся,
Не покоряющаяся госпожа есть,
Вот я, лучший из мира *абаасы*, вышел.
Собственное мое имя-звание:
В Нижнем мире
Всуе не поминаемый Шаман-*абаасы*.

30 В это время девица по самую грудь из дверей высунулась с такой речью:

— Вот так, — говорит, —
Хоть на круглом острове проживаю,
Встревожилась мыслью.
Которую в четырех углах не запрешь.
Кто же теперь,
Каменной став горою, меня защитит?!
У меня же волшебную одежду украли,
Вот такие прохожие-то и взяли ее, наверное.
По следу ее пришел, наверное.
О горе мне!
Создатель-творец, господин-дедушка мой,
Рассудив: суженый-то ее вот этот, —
Его прислал, вот страшно-то!
На острове изначальной страны живя,
Могла ли я даже подумать, что стану женой-госпожой,
Предназначенной для неуютного ложа
могучего шамана-*абаасы*.
Вот досада моя! —
такими словами пела.

31 У гынан баран, абааһы киирэн кэллэ гүүлэгэ. Уот үттэрэ һытааччы киһиэкэ кэлэн диир:

— Эн, догоо, туоккуный?

Маныга диир:

— Мин дуо? Муннаагы котуҥҥа ууһут, маччыт нэтэлэй киһибин.

Маныга диир абааһы:

— Миннигин-кээ, куһээйин гыныаккын багарагын дуо?

Маныга диир:

— Бу кыыһы багарбаппын эн көрдүк. Мин даганы һин ыраак дойдуттан киһи көрдөнүүтүгэр кэлэн олоробун, оробуотник буолан.

— Һөн, — диэн бараан абааһы киирэн каалла, кэннититтэн кытта киирбит.

32 Бу киирэн аанҥа турбут. Маныга бу кыыс ыллыы олордо:

Баайдиҥкээн үс киһи
Ыйытына турбута.
Күн уола көрдөнө турбутугар
Көксүбүнэн эргиллэн турбутум,
Айыы уола ыйытына турбутугар
Аргаабынан эргиллэн олорбутум.
Баайдиин ый уола ыйытына турбутугар
Иэдэспин биэрэн кииллэнэн олорбутум,
Усуор тигэ улага диэт каньыһан бараммын.
Маныга биирдэригэр эмэтэ
Мэҥэстэн барбытым эбитэ буоллар
Бугурдук даганы абааһы таҥалайын ортотугар,
Долото тииһигэр ананыа һуок этим,
Бу дааганы абалдааммын.

33 Маныга абааһы диэбит:

— Айыы ураанҥкайыттан куһагаммын кантыбар көрдүҥ? Баһагынан быһыллар баһак олуга бааспын кантыбар көрдүҥ, кыптыйынан кырыллар кыркакпын, һин дааганы дии һаныыбын, олортон тыҥырак каратын һага ордук буолуом дии һаныыбын.

После этого *абаасы* вошел в сени. К поддерживающему огонь человеку подойдя, говорит: 31

— Ты, друг, кто такой будешь?

На это тот отвечает:

— Я, что ли? Здешней госпожи самый слабый работник я, водонос и дровосек ее.

На это *абаасы* говорит:

— Меня-то хозяином признать не желаешь ли?

Тот отвечает:

— Этой девицы не желаю, как ты. Я ведь тоже из далекой страны искать себе человека прибыл, вот сижу, став работником.

— Ладно, — сказав, *абаасы* вошел, за ним [тот] последовал.

Войдя, у дверей стал. Тут девица эта запела: 32

Только что три человека,
Сватая меня, были.
Когда сын солнца сватался,
Спиной к нему повернувшись стояла,
Когда сын *айыы* сватался,
От него отвернувшись сидела.
Когда недавно сын месяца стал свататься,
К стене повернулась,
Будто бы вышивая узор.
Тут бы мне с одним из них
И уехать вместе,
Тогда не попала бы на середину нёба *абаасы*,
На его зуб-долото,
Вот ведь досада какая!

На это *абаасы* сказал: 33

— Чем я хуже *ураангкай айыы*, что во мне ты заметила? Где ты углядела во мне изъян хотя бы со стружку, ножом снимаемую, недостаток хотя бы с обрезок, ножницами срезаемый*, все же думаю, что я хоть на черноту ногтей, да лучше их.

---

* *...во мне изъян хотя бы со стружку, ножом снимаемую, недостаток хотя бы с обрезок, ножницами срезаемый (Баһагынан быһыллар баһак олуга бааспын... кыптыйынан кырыллар кыркакпын)* — так образно сказитель подчеркивает бахвальство отрицательного персонажа — *абаасы*.

Маныга дьактар айыы аһын аһата турбута. Аһаан-һиэн буттулэр даа, абааһы буолан бараан, киэһэтэ буолан, усталаак дойдуга кэлэн баран туспа утуйдарбын диэгэ дуо?!

— Дьэ, котуой, ороммутун оҥорбоктоо, һырыы киһитэ һылайдым, — диэбит.

Маныга кыыс диэбит:

— Мин күннээк-ыйдаак, айыылаак дойдуга олоробун. Мин омук чөлүгэр эргэ баран ирэбин. Маны итэгэйэн көр.

Маныга:

— Итэгэйиэм даганы, — диэбит.

34

Бу кыыс таһаара таксан ырыа ыллана турбута:

— Ыаньыкалыыр абалдааммын!

Бу күннэргэ ытаан ылланыам диэбэтэгим.

Олорор олок дойдум,

Буруолуйар прости буоллун,

Ол кэннинэ

Үоскэппит Үруҥ Айыы Тойон эһэм,

Буруолуйар прости буоллун.

Ол кэннинэ

Төгүрүк киэҥ каллаан бутэйигэр

Үс күрүөлээк үүт төлөн күнүм,

Буруолуйар прости буолан турдун.

Ол кэлин өттүгэр,

Аан дойду арыытын анаарыттан

Тыган турар ый,

Буруолуйар прости буоллун.

Ол кэлин өттүгэр

Ардай таҥалайыгар

Бүгүҥҥү күн чааһыгар

Ананыам ээт диэммин,

Актыбатак үйэлэрим этилэрэ.

Ката орто дойдуга

Ат уола Аталамии букатыыр

Кэлиэгэ диэбиттэригэр

Кэтэнэ олорбутум этэ.

Онтум арай атын һогус буолла.

Тут женщина пищей *айыы* стала его кормить. Когда наелись-напились, *абаасы*, такой далекий путь совершив, разве вечером отдельно спать захочет, что ли?!

— Ну, девка, нашу постель стели поскорее, я человек с дороги, устал, — говорит.

На это девица сказала:

— Я живу в стране *айыы* с солнцем, луной. За лучшего из чужеземцев собираюсь замуж. Поверь этому.

На это:

— Поверю, может, — сказал.

Эта девица, во двор выйдя, песню запела: 34

— Вот досада какая, горе какое!
Не думала я, что в эти дни свою судьбу буду оплакивать.
Моей обжитой стране
Последнее прости пусть будет.
После этого —
Сотворившему меня Юрюнг Айыы Тойону-дедушке
Последнее прости пусть будет.
После этого —
Еще белопламенному моему солнцу,
Внутри необъятного круглого неба,
Тремя оградами окруженному,
Последнее прости пусть будет.
После этого —
Половину Вселенной
Освещающей луне
Последнее прости пусть будет.
После этого —
Не думала никогда.
Что в сегодняшний час
Отдана буду чудищу,
Щелястое нёбо имеющему.
Ведь говорили, что приедет сюда
Из Среднего мира
Сын лошади Аталамии-богатырь,
Вот его я и ждала.
Но вышло совсем по-другому.

Бу абатын көрүҥ! —
диэн ыллаабыта.

35 Маныга абааһы тойоно нэктэл былыт тэллэги тэнитинэ һыппыта, һулдаамиһуорганыһубурутаһыппыта,һындааламииһыттыгыһыттыы һыппыта. Бу бүттэ даа һуорганҕа һурт-һарт һыгынньактаммыт да утуйан каалбыта.

Бу кыыс үс күн устатыгар үөгүлээн ыллана һатаабыта. Туок да биллибэтэ [диэн] абааһы коойнутугар киирэн каалбыта.

36 Маныга ат уола Аталамии букатыыр таһаара такса көтөн кубулуна һыппыта, ааттаак күн өлөр кыыһа буолан кааман киирбитэ. Маныга туран ырыалаак буолбута:

— Абааһы тойоно,
Эн диэн киһи
Мин ааппар кэлбэтэк аатагын
Үгүс айаны ааган киирбиккин эбит дуу?!
Кирдик мин ааппар кэлбит эбит буолларгын,
Көрүҥмүн һаатар көрө түс! —
диэн ыллаан бүппүтэ.

37 Маныга абааһы атыыра һуорганын арынан көрбутэ. Арай көрбүтэ: «Ыбыай даа, бу дойдуга итинник боскуой үөскүүр эбит!» — диэн дуумайдаабыт. Маныга кыыс катыылаһан ыллаабыта:

Кирдик мин ааппар кэлбитин эбитиҥ буоллар
Һимэксин кулукка биһиллиэ һуок этиҥ!
Мин таһаараа таксаммын,
Ката моҥно турдарбын бэрт даганы көнө буолуок этэ!

Таксан калбыт, моҥнон чиркэлдьийэ һыппыт, абааһы ныттыгын туһугар. Маныага каагыныыр тыаһыгар абааһы таксыбыта. Бу таксан моҥно һытары муойуттан пиэтэлкэтин төлөрүппүтэ.

— Кайа туок буолаҥҥын моҥнон өлө һытагын? Дьэ туок буолаҥҥын өлөгүн, кыттыһыак! — диэбит.

Маныга кыйгаммыт:

— Кыттыспаппын! — диэбит.

38 Булар этистилэр, уһугуттан өлөрүстүлэр. Төһө да буолбата, ат уола Аталамии букатыыр абааһытын үөттэн өйөннөрбүтэ, талактан тайаннарбыта.

Вот ведь досада, подумай-ка, —
так говоря, пела.

Тем временем господин *абаасы* стал расстилать постель, подобную облаку, лисье одеяло расправлял, подушку для отдыха укладывал. Как кончил, шурша одеждой, быстро разделся и уснул. 35

Эта девица все три дня с воплями причитала. Подумав: «Никто не явится», — в постель *абаасы* залезла.

Вот тут-то сын лошади Аталамии-богатырь, выскочив во двор, свой облик изменил, в замечательную девицу, от красоты которой меркнет солнце, превратившись, вошел. Войдя, [девица-оборотень] запела: 36

— Господин *абаасы*.
Такой, как ты, человек,
Большой путь проделав,
Не ради меня приехал, оказывается?!
Если же вправду ради меня приехал.
Хотя бы ты посмотрел на меня! —
так говоря, петь кончила.

В ответ на это могучий *абаасы*, приоткрыв одеяло, посмотрел. Как увидел: «Вот диво, в этой стране такая красавица родиться может, оказывается!» — подумал. На это девица вызывающе запела: 37

Если бы ты приехал свататься ко мне,
С *симэксин*-рабыней не пачкался бы!
Лучше мне выйти во двор
Да повеситься — это и вправду лучше будет!

Вышла, повесившись, вытянулась-забилась против того места, где подушка *абаасы*. Тут на звук ее хрипения *абаасы* вышел. Выйдя, шею повесившейся от петли освободил.

— Что с тобой сталось, зачем хочешь, повесившись, умереть? Зачем умирать, давай сойдемся! — сказал.

На это рассердилась:

— Не сойдусь! — сказала.

Стали ссориться, под конец подрались. В тот же миг сын лошади Аталамии-богатырь заставил *абаасы* к иве прислониться, на тальник 38

Маныга төһө да буолбата, абааһытын түһэрбитэ, туһэрэн баран үрдүгэр алчайа олорбута.

— Өтүө киһи диэн өспүн-тылбын һанҕартарымйа өлөрбүтэ диэн, онон гэриэстээк буолларгын кэпсээ, — диэбитэ.

39 Маныга абааһыта диэбитэ:

— Эн көрдүк уол киһи олорбутум өлүү дойдутугар, онтон кэргэнэ һуокпун кэпсиэкпин. Ката өлөрен бараҕҥын миньиибин өлүү диэг каньыһыннаран бараҕҥын маска ыйаан кээһээр. Ол элэтэ гэриэс этэрим.

Мунтун абааһытын һүрэгин тыннаактыы тыыран ылбыта. Абааһы манна һанҕалаак буолбута:

— Өтүө догоо,
Өлөрөн агай кээс,
Һүрэкпин тыытыма, кирдик минигин гэриэспин
кэпсэтиннэрэр буолларгын, —
диэн ыллаабыта.

40 Истибэтэ, баһагынан тыырбыта һүрэгин ортотунан, маныга эриэн көтөр көтөн каалбыта каллаан диэг. Бу көтөр көтөн иһэн, олус һэттээхтик үүһэ көттүм диэн эргиллэн, өлүүтүн дойдутун өйдөөбүтэ. Бу эргиллэн иһэн ыллаабыта:

— Ат уола Аталамии буукатыыр,
Өтүө догоо,
Олок дойдутугар тийдэккинэ,
Һараанын анныттан уот кыыма буоламмын, өтөн таксыам.
Ол кэмнэргэ һэрэнэн-һэрбэнэн тураар, —
диэн ыллаабыта.

Маныга Аталамии абааһытын кубулгатын куоттаран кээспитэ. Бу өлөрөөччү абааһытын отуулаан кээспитэ.

41 Бу гынан бараан кыыс дьиэтигэр кэлбитэ. Кэлэн, киирэн, муоста ортотугар туран ырыа ыллана турбута:

опереться*. И в тот же миг свалил *абаасы*, повалив, верхом на него уселся.

— Скажешь: «За доброго человека не посчитав, слова-речи сказать не дав, убил». Поэтому, если есть что завещать, говори, — сказал.

На это *абаасы*: 39

— Как и ты, холостым жил в стране смерти без семьи, там слово сказать некому. Когда убьешь меня, голову мою на дерево повесь, повернув лицом к стране смерти. Вот и все, что завещаю, — сказал.

Этому *абаасы*, не убивая, живому взрезал [грудь] и сердце вынул. Тут *абаасы* такие слова сказал:

— Добрый приятель,
Убивай, только сердце мое не трогай,
Если и вправду даешь
Мне сказать завещание, —
так запел.

Не послушался, ножом сердце его посередине разрезал. Тут пестрая птичка вылетела и упорхнула в сторону неба. Эта птичка, подумав во время полета, что грешно лететь вверх, возвратилась, вспомнив о своей стране смерти. Возвращаясь, так запела: 40

— Сын лошади Аталамии-богатырь,
Добрый приятель,
Когда в свою страну прибудешь,
Из-под твоего очага огненной искрой вынырну*.
Тогда страшись-берегись, —
так пела.

Так Аталамии духа-оборотня *абаасы* упустил. Убитого *абаасы* сжег.

После того в дом девицы пошел. Вошел, посередине дома стал, песню запел: 41

---

* *...к иве прислониться, на тальник опереться (уеттэн ейеннербутэ, талактан тайаннарбыта)* — т.е. стал брать верх.

* *...из-под твоего очага огненной искрой вынырну (һарааның анныттан уот кыыма буоламмын, етен таксыам)* — богатырь-*абаасы* говорит о своем даре воскрешаться, чтобы мстить своим противникам.

— Дьэ мин орто дойдуттан айаннаан
Эн ааккар кэлбитим.
Кэлэммин бугун
Бүктүрбүт һанаагын барбаккаан һаараттым.
Һарсыҥҥыга диэри ол кэлин өттүгэр
Бу һааранпыт һирбин туок диэн һаныыгын,
Этэн кээс, —
диэн ыллаан буттэ.

42 Маныга кыыс устуулун баһын ыалдьытын диэг көннөрөн бараан өстөөк буолбута:

— Ат уола Аталамии, ааттаһан кэлбит эбит буолларгын, өлөр чааспыттан өйөөбүт эбит буолларгын, туогун дааганы ыйытынан эрэйдэнэ турагын? — диэбит, устуулу тардан кээспит. — Ыалдьыт, олор, — диэбит.

Кааман барбыт да олорбут. Кыыс күөстээн күскэрийэ һылдьыбыта, астаан аскарыйа сылдьыбыта, аһаан-һиэн буппутугэр да утуйар бириэмэлэрэ кэлэн, утуйбуттар.

43 Һарсыардалара буолар. Эр киһи диэбит:

— Мин олоктоок оруодалаак дойдуттан кэлбитим, онон иэдэйэбин. Туок баар өттүлээккиний, комун, — диэн комуттарбыт.

Баайын баанҥка көрдүк, кармаанҥа батар көрдүк оҥорон комунан кээспиттэр. Үс күн устатыгар бүппүттэр. Төрдүс күннэригэр камнаабыттар. Эрбэк үрдүгэр эргичийэ турар иэрчэк дьиэлэрин ээлдэлэригэр кэтэн илпиттэр. Кыыс туспа миинэр аттаак буолбута. Бу иһэннэр, һырыһыннара испиттэрэ. Бу иһэннэр, Араҥас һулус кыргыттарыгар кэлбиттэрэ. Манна ыаллаан-конон ааспыттара. Маныга улакан эдьийдэрэ кыһыл көмүс көлүөскэни ыаллаппыта эригэр, дьактарыгар һолотуой тараагы ыаллаппыта.

44 — Эр киһиэкэ эри биэрдэкпинэ, бубаат, диэҥ дааганы, былыргыттан догордуулар буоланнар ыаллатыһаллар диэҥ диэммин иккиэҥҥитигэр ыаллаатым. Дьэ билэр һирбин, өтүө догорум, того кэпсээмйэ каалбытай диэҥ. Былыр үйэгэ һөтүөлүү һылдьар һаккытыгар отчого таҥаскын һүтэрбитиҥ этэ диин. Ол таҥаһыҥ ити ат уола Аталамии букатыырга баар. Үгүс киһиэкэ аньыыны һаныаҥ даганы диэммин, һэрэтэбин. Аны дьэ барыҥ. Тыыннаак буоллакпытына, көрсөрбүт кай

— Вот из Среднего мира я приехал.
К тебе свататься
Приехав, сегодня
Твою накопившуюся печаль слегка развеял.
Теперь, не откладывая на завтра,
Ответь сразу,
Что ты думаешь о моей просьбе, —
петь кончил.

На это девица, стул свой в сторону гостя повернув, такие слова сказала: 42
— Сын лошади Аталамии-богатырь, если ради меня приехал, если в смертный час меня поддержал, зачем спрашиваешь, мучая себя, — сказав, стул пододвинула. — Гость, присядь, — сказала.
Подошел и сел. Девица, пищу готовя, хлопотала, угощение стряпая, бегала. Есть-пить кончили, время сна наступило, уснули.

Утро наступает. Мужчина говорит: 43
— Я из своей родовой земли приехал, поэтому тороплюсь. Что есть у тебя, собери, — так говоря, велел собраться.
Богатство ее стали укладывать так, чтобы не больше банки было, которую можно в карман положить. За три дня кончили. На четвертый день двинулись в путь. На кончике большого пальца вращающееся жилище свое, на голову поставив, увезли. У девицы еще одна верховая лошадь оказалась. Вдвоем наперегонки ехали. Так к дочерям Лабаз-звезды приехали. Погостив-переночевав, дальше собрались. Тогда старшая из сестер [гостей] одарила: мужу дала золотое кольцо, жене его — золотой гребень.

— Если бы только мужчине дала, может, ты подумала бы: «С давних пор близки были, вот и одаривают друг друга», — поэтому обоим дарю. [Еще] можешь потом сказать: «Почему добрая подруга, знала, но не рассказала?» Поэтому скажу: в прежние времена, когда вы купались, ты ведь тогда одежду потеряла. Та одежда твоя у сына лошади Аталамии-богатыря находится. О многих людях недоброе понапрасну можешь подумать, поэтому предупреждаю. Теперь вот езжайте. Если 44

диэг барыагай? Бу дааганы бараҥҥын куһаган ааттаак киһиэкэ бардым диэйэгин, үтүө догоо. Айыыҥ анаабыта ат уола Аталамии букатыырга диэн, һуруктаак һууһуннайыҥ һити баар, — диэбитэ.

Инньэ гынан камнаатыылар угуруһан-һыллаһан.

45 Кааман баран истилэр. Бу иһэннэр, Үргэл һулус кыргыттарыгар тийдилэр. Булары тас өттүлэринэн ааһан испиттэр. Бу истэктэринэ, үс кыыс үһүөн таксаннар ыллыы турбуттара:

— Ат уола Аталамии,
Догорбутун карагын көллөрүмйэ,
Того аһардагын?
Биһиги гытта төруөбүт гэриэтэ
Догордуу этибит.
Онон һаатар коммоторгун даа
Ыаллаан һаатар аас, —
диэбиттэригэр, эргиллэн кэлэн ыаллаан ааспыта.

46 Маныга камныыр бириэмэтигэр муҥ улакан эдьийдэрэ эр киһиэкэ тимир алаҥааны ыаллаппыта, дьактарга һолотуой бүүрүктээх һырай көрүнэри ыаллаппыта.

— Дьэ оголорум, камнааҥ, тыыннаак буоллакпына көрсөө даа инибит.

47 Камнаан каалбыттар. Бу иһэн үс һиртэн кыттыспыт таас кайаларыгар тийбитэ. Бу тийэн букатыыраттарыгар кэлэн ырыа ыллана турбута:

— Дьэ кун дойдуттан эргиллэн кэллим,
Бу дойдуга олоктонон олоруок дьылгалаак буолларбын,
Һуолбун арыйан көрүҥ.
Маныга һуола арыллан каалбыта.

48 — Иччилээк тимир чааркааным буолларгын,
Минигин ыытан көр,
Ити мөкү эмээксин
Орто дойду төрүт тоһоготун тутан олоруо һуога.

живы будем, непременно ведь встретимся? И вот уезжая, не подумай, добрая подруга: «За худого человека пошла». Айыы предназначил тебя сыну лошади Аталамии-богатырю, он твой суженый, — сказала.

Затем, поцеловавшись-понюхавшись, тронулись в путь.

Тронулись, поехали. Так следуя, к дочерям Юргэль-звезды подъехали. Мимо них проезжали. Когда проезжали, три сестры, вместе выйдя, запели: 45

— Сын лошади Аталамии,
Почему проезжаешь мимо,
Подругу нашу нам не показывая?
Мы ведь такими подругами были,
Как будто она из одной семьи с нами.
Если не [можете] переночевать,
То хоть погостить заехали бы, —

когда так сказали, назад вернувшись, чуть погостили и дальше поехали.

Во время отъезда самая старшая из сестер мужчине железный лук подарила, женщине в золотой оправе зеркало подарила. 46

— Ну, дети мои, езжайте; если будем живы, пожалуй, встретимся.

Тронулись в путь. Так следуя, к каменным горам, с трех сторон надвинувшимся, подъехали. Подъехав к тем богатырям, [Аталамии] песню запел: 47

Из солнечной страны вот возвратился,
Если мне суждено обосноваться-жить в этой стране,
Мне дорогу откройте.
Тут же дорога перед ним открылась.

— Если ты с духом [-хозяином], мой железный *чааркан*. 48
Меня пропусти,
Ведь старая хозяйка
Ось Среднего мира удержать* больше не сможет.

---

* *...ось Среднего мира удержать (Орто дойду торут тоһоготун тутан)* — букв.: «главный колышек Среднего мира держать», в смысле: быть хозяином, властелином Среднего мира.

Ити оннугар, мин олоруом.
Минигин бэйэгитигэр аагынан-һуоттанан иччилэнэн,
Кусээйин гынан олоруҥ, туруҥ, —
диэн отуукаан оҥорбута, диэн ыллаабыта.
Маныга тимир чааркаана аан һага атан биэрбитэ. Ол тас өттүгэр камнаан испитэ. Эбэтигэр тийбитэ.

49 Тийэн киирэн кэлбитэ, эбэтэ үөрэн-көтөн бугун аһыак аскаанын нэлэтэн турбута. Маныга конон-өрөөн олорбуттара.
Манна эбэтэ диир:
— Дьэ куогу, мин кырыйдым, өлөн-һүтэн кааллакпына кэлин өттүбэр ким мин ологум чааһын кэрийэн көрөн олоруогай?! Икки ини-бии тыһы аттан биир уол ого төрөөтүҥ, дьэ бу олокпутун олок гынан олор, мин оннубар.

50 Маныга һүбэлэрэ кыттыһан, өстөрө туксан дьактарын кээһэ барда. Баран иньэтигэр тийбитэ. Арай киирэн кэлбит. Бу киирэн одууласан көрбүтэ, иньэтэ октон улагаатыгар һытта һыппытынан һыстан каалбыт. Маны коҥнорон ылан, һанныгар быраган бараан камнаан испитэ. Эбэтин дьиэтигэр кэлэн, иньэтин киллэрэн кээспитэ. Муну эбэтэ аһата һыппыта аһынан. Өлбүт киһи тиллэн испитэ, киһи буолан аһы астыыр буолбута. Бу киһи олордо Орто дойду ылак тогоһотугар айаара-куйаара олордо. Төһөҥү-каччаны олорбутун ким дааганы билбэтэгэ.

Вместо нее я буду жить.
За своего меня приняв,
Хозяином почитая, стойте, —
сказал, костерок разводя и петь продолжая.

Тогда железный *чааркан* на величину двери раскрылся. Пройдя через него, дальше поехал. К бабушке своей приехал.

Приехав, вошел, бабушка его, обрадовавшись, всю пищу, на сегодня приготовленную, выставила. Там, днюя-ночуя, жили. Тут бабушка его говорит: 49

— Ну, дитя мое, я состарилась, когда умру, кто же после меня моим хозяйством распоряжаться будет?! Or двух сестер-кобылиц только ты один мальчик родился, поэтому мое жилище своим сделав, живи вместо меня.

В этом согласившись-договорившись, оставил жену и уехал. К матери приехал. Вот вошел. Войдя, увидел: мать его, упав, лежит, к задней стенке прилипнув. Отодрав ее, на плечи себе взвалил и в путь пустился. В дом бабушки прибыв, мать свою внес. Бабушка ее откармливала, выхаживала. Умерший было человек, оживать стал, сделался опять человеком, способным пищу готовить. Тот человек [Аталамии] стал жить на главном скрепе Среднего мира*, широко и раздольно жил. Сколько так прожил, никто не знает. 50

*…*стал жить на главном скрепе Среднего мира (олордо Орто дойду ылак тогоhотугар)* — в смысле: стал жить в центре Среднего мира.

2. УБАЙ-БАЛЫС

1 Бу олорор дойду буур баттагын һага эрдэгиттэн, бу турар кыллаан киһи ньуурун һага эрдэгиттэн, огонньордоок эмээксин олорбуттар. Булар һиртэн һилис даа буолан таксыбыттарын билбэтэктэрэ, каллаантан һамыыр даа буолан түспүттэрин билбээктэрэ. Олорбуттара, буор голомо дьиэлээктэр. Булар имиэнньэлэрэ бу биир һүгэчээннээктэр, биир кататтаактар, биир чокуурдаактар.

2 Мунан бу туора карактаак ураанҕайы, уһаты уллуҥнаак ураанҕайы көрүмнэ олорбуттара. Бу олороннор төрүүр огото һуоктар. Орто дойду ылагыгар олорбуттара. Бу олороннор огонньордоок эмээксин икки диэг дуумайаллар: «Бугурдук олороммут, орто дойдуга биһиги аата һуок олордубут. Бу кантан ааттаныакпыт», — диэн һубэлэһэ олобуттара.

Маныага диир огонньор:

— Биһиги кантан эмэтэ, — диир, — ого айыыта көрдөһүөкпүт баар.

Эмээксин диир:

— Көрдөнүөк!

Манна огонньор диир:

— Ого айыыта кантан буолар?

Маныга эмээксин этэр:

— Айыыттан ыйытыак.

Маныга огонньор диир:

— Эн айыыһыттан ыйыт, мин һир иччититтэн ыйытыам.

— Ээк.

2. БРАТ И СЕСТРА

В ту пору, когда эта обжитая страна со шкуру головы самца-оленя была, в ту пору, когда это простирающееся небо с лицо человека было, старуха со стариком жили. То ли из земли, корни пустив, они появились — не знали, то ли с дождем упали с неба — не знали. Земляное жилище-*голомо* имея, жили. Имущества у них — вот топорик один, одно огниво, один кремень. 1

Вот с тех пор, как в Среднем мире появились, поперечноглазого *ураангкай*, с продольными ступнями *ураангкай** не видя, жили. Ребенка своего не имея, жили. На скрепах Среднего мира жили. Вот старуха со стариком, каждый про себя, думают: «Вот в Среднем мире так прожили, даже имени не имея. Как бы нам оставить имя свое?» — так говоря, советовались. 2

Тут старик говорит:

— У кого-нибудь, — говорит, — детскую душу* нам попросить бы.

Старуха говорит:

— Давай попросим!

Тут старик говорит:

— Откуда детская душа берется?

На это старуха говорит:

— У айыы спросим.

Тогда старик говорит:

— Ты у айыысыт проси, а я у духа-хозяина земли* попрошу.

— Ладно.

---

* *...поперечноглазого ураангкай, с продольными ступнями ураангкай (туора карактаак ураанкайы, уһаты уллуннаак ураанкайы)* — поэтическая формула: так называются жители Среднего мира из племени *айыы*. *Ураанкай* — в олонгко племя, к которому принадлежит герой. Происходит, видимо, от архаичного самоназвания якутов *ураанхай*.

* *...детскую душу (ого айыыта)* — во всех фольклорных произведениях бездетные родители испрашивают души детей у божеств Верхнего мира или у других добрых духов.

* *дух-хозяин земли (һир иччитэ)* — по верованиям долган, все на земле (местности, горы, водоемы и т.д.) имеет духов-хозяев.

3 Инньэ гынан буолар һүбэлэрэ туксаллар. Огонньор барда байгал кырыытыгар. Бутэй таас турар, мунуга кэлэн һытта:
— Байгал иччитэ, миэкэ ого айыытыттан эгэл.
Дьиэтигэр эмээксин унгэ һытта.
— Айыы, — диир, — ого айыытыттан эгэл.
Инньэ гынан бу огонньор үс күнү үнтэ бу тааска, эмээксин айыыттан үс күнү көрдөөтө.

4 Бу огонньорго үһүс күнүгэр абааһы тагыста:
— Огонньор, тугу көрдөнөгүн? — диир, — Бу үс күнү үнтүн миэкэ.
Огонньор диир:
— Ого айыыта көрдүүбүн.
— Ого айыыта бугурдук буолар, — диир, баа огонньору мэйиититтэн уоппут ортотугар диэри.
— Огонньор, — диэбит, — миэкэ билбэт һиргин биэриэҥ дуо?
Огонньор:
— Билбэт һирим туок даа һуок, — диир.

5 Онуога тобугар диэри уоппут.
— Того билимиэҥий? Билэр даа аата кистиигин, кистиэмэ, билэбин диэ.
Маныага огонньор:
— Билбэппин, — диэбит.

6 Бу абааһы огонньору һалбагыгар диэри уоппут.
— Огонньор, аһыныма! Огонньор, кистээмэ! Билбэт һиргин биэриэҥ дуо?
Бу огонньор тумнаһынна.
— Ыыт агай, — диэбит, — билэр һириҥ буоллар ыл, ыыт агай миигин.
Бу абааһы огонньору котуолаан кээспит.
— Дьэ огонньор, — диэбит, — дьиэгэр тиийэн, эмээксиниҥ икки диэги төһөгүгэр икки огону эккирэтэ олорор буолуо. Бу оголорун биэриэк буоллаккына, оччого ыытыам, — диэбит.

Вот так они, посоветовавшись, решили. Старик пошел к берегу моря. Цельный камень стоит, к нему подойдя, прилег. 3

— Дух-хозяин моря*, — говорит, — детскую душу пошли.

Дома старуха молится:

— *Айыы*, — говорит, — детскую душу пошли.

Вот так этот старик три дня молился этому камню, старуха у *айыы* три дня просила.

На третий день к этому старику *абаасы* вышел. 4

— Старик, что просишь? — говорит. — Вот три дня мне молился.

Старик говорит:

— Детскую душу прошу.

— Детская душа вот такая бывает, — говорит и этого старика до пояса заглатывает.

— Старик, — говорит, — отдашь ли мне то, чего не знаешь?

Старик:

— У меня ничего мне неизвестного нет, — говорит.

Тогда до колен заглатывает. 5

— Как же не знаешь? Знаешь, видно, а скрываешь, не скрывай, скажи «знаю».

На это старик:

— Не знаю, — сказал.

Этот *абаасы* старика до ступней заглатывает. 6

— Старик, не жалей! Старик, не скрывай! То, чего не знаешь, отдашь ли?

Вот старик уже задыхается.

— Пусти же, — сказал, — если знаешь, что это, бери; только отпусти меня.

Этот *абаасы* старика отрыгнул.

— Ну, старик, — сказал, — домой придешь, старуха твоя сидеть будет, на коленях двух детей укачивая. Вот если этих своих детей отдашь, тогда отпущу, — сказал.

---

* *...дух-хозяин моря (байгал иччитэ)* — основное значение слова *байгал* — «море», но у долган этим словом называют большую реку, большой водоем.

7 Маныга огонньор:
— Миигин һиэтэккинэ, оголорбун кээһиэҥ дуу? — диэн ыйыппыт.
— Һуок, — диэбит, — миэкэ үс күнү үҥтүҥ. Мин айыы буолбатакпын, мин абааһыбын, ол иһин эйигин һиэри гынабын, — диир.
— Оголорбун ыллаккына-кээ, — диир, — миигин ордоруоҥ дуу?
— Биэрдэккинэ ордоруом. Үһүс күҥҥэр кэлиэм, — диэбит бу абааһы.

8 Бу огонньор дьиэтигэр баран каалла. Дьиэтигэр тийдэ, киирэн кэлбит, дьактарын диэг көрбүт. Кыыһы гытта уолу эккирэтэ олорбут.
Огонньор көрбүт-көрбүт даа ытаабыт.
Маныага эмээксин диэбит:
— Аньыы, аньыы, — диэбит, — айыы айбытын кырааҥҥын ытыыгын. Эйигиттэн атын бу өлөн-һүтэн кааллакпытына, кэннибитигэр оголорбут каалыактара диэҥҥин кырагыҥ уолар дуу? — диэбит.
— Дьүрү үөрэҥҥин-көтөҥҥүн ытыыгын дуу? — диэбит.

9 Огонньор бөтө-бөтө һаҥарбыт:
— Үс күнү таас кайага үҥтүм, маныага, үһүс күммэр абааһы тагыста да баспыттан уопта. Манна абааһы диэтэ: «Билбэт һиргин биэриэҥ дуо?». Үстэ кат ыйытта. Маныага өлүмээрибин: «Биэриэм», — диэбитим. Икки огобун абааһыга биэрдэгим диэн онтон ытыыбын. Муну кантан ыллыҥ, бу оголору?

10 Мунна эмээксин ытыы олорбут:
— Бука маҥнай
Иккиэн айыыга үҥүөк диэбитим.
Маныага эн буолбатагыҥ.
Буолбатак киһи
Көр-наргын көрүстүҥ, бадага, аны.
Бу кэлин өттүбүтүгэр
Орто дойду киин тоһоготун тутан каалыак
Киммит каалыагай дии һаныыгын?
Итиччэ маҥан астааккар диэри
Аҥырынан кырдьар эбит.
Аны кэлэн туогуҥ дьүүлэ һүбэлиирдээк буолаактыаҥый?
Каарыаннаак эрэйкээммит
Үс күн устатыгар үҥүммүт эрэйбитин,

На это старик:
— Если меня съешь, детей моих оставишь [в живых]? — спросил.
— Нет, — сказал, — ты мне три дня молился. Я не *айыы*, я *абаасы*, потому тебя съесть хочу, — говорит.
— Если детей моих возьмешь, — говорит, — меня оставишь [в живых] ли?
— Если дашь, оставлю. На третий день приду, — сказал этот *абаасы*.

7

Этот старик домой ушел. Домой пришел, входит, на женщину свою посмотрел. [Та] сидела, девочку с мальчиком укачивая. Старик посмотрел-посмотрел и заплакал.
На это старуха сказала:
— Грешно, грешно, — сказала, — ты своим плачем проклинаешь то, что даровано божеством-*айыы*. Другой бы [утешился]: «Вот когда умрем-сгинем, после нас дети наши останутся». А ты, так думая, огорчаешься и слезами исходишь. Или от радости плачешь? — сказала.

8

Старик, всхлипывая, говорит.
— Три дня каменной горе молился, на третий день *абаасы* вышел и стал меня заглатывать. При этом *абаасы* говорил: «Отдашь мне то, чего не знаешь?» Три раза спрашивал. Тогда, чтоб не умереть: «Отдам», — сказал. Двух моих детей *абаасы* вот отдал, об этом думая, плачу. Где вот этих детей взяла?

9

Тут старуха заплакала.
— Изначально тебе говорила:
«Помолимся вместе *айыы*»
Не согласился.
Упрямец, за эту прихоть свою.
Видать, теперь поплатился.
Вот после нас
Кто же останется
Стержневой колышек Среднего мира держать, подумай?
[Дожив] до седых волос,
Так дураком и остался.
Разве можешь дельное что посоветовать?
Как жаль, что пропало то.
О чем молили в течение трех дней,

10

Эн куһаган огонньор буолаҥҥын
Эрэйбит эрэйинэн каалла.
Кас күҥҥэ гэбээрдээн тураҥҥын
Абааһыгын гытта кэпсэппитиҥий?
Миэкэ кэпсээ.

11 Огонньор диир:
— Үһүйэк күн оголорбутун ылыак күнэ.
Огонньору кытта эмээксин ытаһа олорбуттар. Ытаа-ытаабытынан утуйан каалбыттар.

12 Эмээксин түүн утуйа һытан түһээбит. Ат кэлэн эмээксиҥҥэ диир:
— Того ытаатыҥ, айыы биэбит оголоргун кырааҥҥын төрүттээк буоллум диэҥҥин ытыыгын дуу?
— Һуок, эдьикээм, — диэбит, —
Мин ытыырым бугурдук,
Быбаат, мин киһи буолар чааспар,
Айыыбар айыы биэрбит
Торбуйагын огото көстөгүн даа ини
Ытыыр төрдүбүн кэпсиэм ини.
Чуор кулгаактаак буолларгын
Иһиллээ, кэриэс кэпсэлим.
Огонньорум үс күнү таас кайага үҥтэ.
Мин үс күнү айыыга үҥтүм
Ого айыыта көрдөнөммүн.
Бу көрдөммуппэр
Олорон эрэн төһөкпөр икки ого олорон агай каалбыттарын билэн кааллым.
Булары оголорум диэммин
Аттыы амарыйан,
Һылгылыы һыксырыан тураммын таптаатым.
Бу таптаабыппын
Огонньорум абааһыга анаата.
Маны кирдик айыыттан оҥоһуулаак кэлбит эбит буолларгын һүбэлээ.
Эн һүбэһиттээн өлөрдөккүнэ өлөрө тур!
Киһилэргин киһилии тур!
Эн һүбэгиттэн таксыбаппын,

Оттого, что худой ты старик,
Впустую прохлопотали.
На сколько дней, в конце концов,
Со своим *абаасы* договорился?
Скажи мне.

Старик говорит: 11
— Всего через три дня он возьмет наших детей.
Старик со старухой об этом стали плакать. Так в слезах и уснули.

Старуха ночью сон увидела. Пришла лошадь и говорит старухе: 12
— Может, потому плачешь, что прокляла детей, дарованных божеством?
— Нет, сестрица моя, — сказала [старуха], —
Вот почему я плачу:
Может, мне суждено было быть человеком [с будущим],
Поэтому и послал мне тебя *айыы*,
Дитя кобылы явил,
И я расскажу, почему я плачу.
Если имеешь чуткие уши,
Выслушай мой заветный последний рассказ.
Старик мой три дня каменной молился горе,
Я же три дня молилась *айыы*.
Детскую душу прося.
Пока я просила,
Вдруг оказалось: на коленях моих двое детей сидят.
Их за своих детей признав,
По-конски лаская,
По-лошадиному их обнюхивая, я полюбила.
Этих [детей], мне полюбившихся,
Старик мой отдать обещал *абаасы*.
Если и вправду *айыы* ты послана, мне посоветуй.
Если своим советом погубишь — то погуби!
Если своими людьми считаешь — людьми сделай!
Не отступлю от твоих советов.

Үрдук ааккар үҥүнэбин,
Үс һүүс покулуону уураммын,
Атаккар агыс һүүс покулуону ууран үҥүнэбин, —
диир бу эмээксин.

13 Маныага ат диир:
— Ийэ, — диир, — эчикээм,
Айыы биэрбит оголорун
Туок дэлэгэ абааһы айыгыгар аныак этибиний?!
Эн бү күн һырдыгыгар көрбөккүн,
Түүн түһүүгүн ээт.
Кирдик түүллээк һогус буоллаккына,
Утуйан турдаккына өйдүөҥ дааганы:
Катыы һатаамньа һүбэлээн көрүөм.
Огонньоргор этээр:
Утуйан турдун даа
Үс тогус булас курэй
Иннэ кастын ачаагын аннытыгар.
Ол каһан баран
Икки оготун ол күрэй иинигэр олордон кээстин.

14 Инньэ гынан бу эмээксин утуйа һытан үһуктубут. Туоккаан даа һуок үһуктубута. «Тугу гынным?» — диэн дуумаланан ытана олорбут.

Маныага огонньор диир:

— Котуой, — диир, — того ытаатыҥ? Итиччэ оруоллаактык ытыыр этин, — диир. — Итиччэ ынырыктаактык ытаабатагыҥ!

Быбаат, уот этэн, ат тыбыыран киһ буолар һири түүн түһээтиҥ даа ини. Того кэпсээн көрбөккүн?

15 Маныага эмээксин һүгэчээнин ылбыт даа огонньорун далайбыт:
— Өтуө бэйэлээк эрдэккинэ, үс күн бутэйигэр, үс тогус булас күрэй иинэ каспактаа һүгэчээнинэн быһыта кырбаан.
Огонньор өмүрбүччэ-һоһуйбучча ачаагын аннытын каһа һыппыт.

Молясь твоему высокому имени,
Триста поклонов кладу я.
Молясь тебе, восемьсот поклонов к твоим ногам кладу я, —
так говорила старуха.

На это лошадь говорит: 13
— Да ну, — говорит, — сестрица,
Детей, *айыы* дарованных,
Зачем же в пасть *абаасы* я предназначу?!
Не при свете солнца ты это видишь,
Это тебе ведь ночью снится.
Если и вправду можешь видеть вещие сны,
Может, проснувшись, вспомнишь.
Уметь не умею, а посоветовать попытаюсь.
Скажи своему старику:
Как только проснется,
Пусть роет яму под очагом,
Глубиною в трижды по девять маховых сажени.
Как выроет,
Пусть обоих детей посадит в эту глубокую яму.

После этого старуха вдруг проснулась. Когда пробудилась — ничего 14
нет. «Что же было со мной?» — так подумав, стала плакать.
На это старик говорит:
— Баба, — говорит, — почему плачешь? Так жалостливо и раньше плакала, — говорит, — но так жутко не плакала! Может, огонь заговорил или лошадь фыркнула*, и ты ночью увидела во сне как, нам спасти детей*? Почему бы тебе не рассказать?

Тут старуха топорик свой взяла и на старика замахнулась: 15
— Пока цел, за три дня выкопай скорей яму [глубиною] с хорей в трижды по девять маховых саженей, землю топориком вырубай.

---

* *...огонь заговорил или лошадь фыркнула (уот этэн, ат тыбыыран)* — треск огня, фырканье лошади считалось у долган и якутов доброй приметой осуществления задуманного.

* *...как нам спасти детей (киһи буолар сири)* — смысловой перевод. *Киһи буолар* букв. «как стать человеком», т.е. найти выход из трудного положения, избежать беды.

Үс күн бүтэйигэр каһан бүппүт. Бу бүтэн оголорун бу иһигэр угаттаан кээспитттэр. Бу уган кээһэн баран олорбуттар киэһээҥҥи им һүтүөгэр диэри.

16 Абааһы тойоно кэлбит, киирэн кэлбит, дьиэлэригэр киирбит да олорбут. Олорон диэбит:

— Огонньор, кайа билбэт һирдэриҥ? — диэбит. — Бэлэттэр дуу? Больдоктоок күммэр кэлэн олоробун, огонньор, — диэбит.

— Билбэт һирдэрбин биэк дааганы билбэппин, — диэбит. — Биэк һуоктар. Билэр һириҥ эбит буоллар кайа бааллара, ол иһин диэбитим билбэппин. Һол билбэппинэн олоробун. Мантан инии диэг кайтактыы даа муҥнаа, эрэйдээ — билбэт һирбин билиэк да билиэм һуога!

17 Маныага абааһыта диэбит:

— Огонньор, албуннаама, того билимиэҥий? Кистээбитиҥ, һин даганы булуом, — диэбит абаһы.

Маныага огонньор диэбит:

— Бучча маҥан астанан баран туогум дьүүлэ. Орто дойдуга оннубар кааллын диэммин, ого мыйаа кэлиэктээгэр олорор миэрэбин даа гэлэбэккин эбит?

18 Абааһы диэбит:

— Мин бэрт билигэспин, эмээксиҥ үс күнү айыыттан үҥүнэн көрдөнөн ылбыта уол кыыс икки огону. Көрбүтүм, таайбытым — кистээмэҥ, кэлин өттүгүтүгэр һин даганы булуом. Ол кэриэтэ эрэйдээмэҥ, муҥнааманҕ — һин булуом, — кэпсээҥ.

Маныага эмээксин диэбит:

— Булуоҥ һуога! Кирдик билигэс эбит буолларгын, мин испэрбыарбар ого үөскээбитин көр, бигээ, итэгэллээк буолуон.

19 Маныага абааһы уоту көрбөт үөрэ кэллэ. Огонньордоок эмээксини иккиэннэрин ас астарыттан тутан баран муойдарын каас моойунуу һөрөтөлөөн кээстэ. Маны һөрөөн баран иккиэннэрин күөстэнэн

Старик, как бы испугавшись-удивившись, под очагом стал копать. В конце третьего дня закончил. Вот когда он закончил, детей своих в яму спустили. Опустив, сидели, пока вечерняя заря не погасла.

16 Пришел огромный *абаасы*, зашел в дом, войдя, сел. Усевшись, сказал:

— Старик, ну где же то, чего ты не знал? — сказал. — Готовы ли? Старик, я в условленный день пришел, — сказал.

— То, чего не знал и век не знаю, — сказал. — Вовсе их нет. Поэтому и сказал: «Не знаю», — если ты знаешь, где же они? Так, не зная, и живу. Теперь как хочешь мучай, истязай — того, чего не знаю, знать не буду!

17 На это *абаасы* сказал:

— Старик, не обманывай, как не знаешь? Ты запрятал, но я все равно найду, — сказал *абаасы*.

На это старик сказал:

— До таких седых волос [дожил], а что толку? Даже ребенка иметь [не можем], чтобы в Среднем мире после себя оставить, сам не знаешь, что ли, как живу?

18 *Абаасы* сказал:

— Я самый лучший провидец, знаю, что старуха твоя три дня молилась айыы, получила мальчика и девочку — двоих детей. Видел, догадался — не скрывайте, потом все равно найду. Лучше не препятствуйте, не мучьте — все равно найду, рассказывайте.

На это старуха сказала:

— Не найдешь! Если ты и вправду такой провидец, в моем животе-печени угляди, была ли я беременной, пощупай, чтобы удостовериться.

19 Тут *абаасы* не смог больше смотреть просто так на огонь*. Старуху со стариком схватив за волосы, шеи им, словно гусям, свернул. Потом стал варить; вот так, в их жилище обосновавшись, разведя огонь,

---

* *...абаасы не смог больше смотреть просто так на огонь (абааһы уоту корбот уорэ кэллэ)* — по верованиям долган, абаасы боятся огня, дух которого охраняет людей.

hубу олорор уоруктарыгар дьиэлэнэ олорон, уоттарын оттон огонньодоок эмээксин иккини аhыыр алтан чааннарыгар аргыта hыппыт. Үс күн устатыгар оҥуоктарын илдьиритэн этин этититтэн илдьиритэ hыппыт. Бу hытан үhүс күнэ hиттэ. Оҥуоктарыттан иҥиирдэрэ араксан түспүттэр. Түспүттэрин кэннинэ түөрт муннуктаак атыйакка миннэрин кутан кээстэ, бу гынан бараан алчайан олордо. Кэтэгэриин ортотугар олорон ирэн аhыы олорбут. Аhаан-hиэн буттэ. Оҥуоктарын биир hиргэ мунньан кээспит. Бу гынан баран оголорун көрдүү hатаабыт, үс күн бүтэйигэр булбата. Бу олорон дуумалыы hатаата, иргэтэ көтөн үлэлээбэтэ. Айагалыы hатаан дьиэтигэр баран каалбыт.

— Бу оголор, — диэбит, — үйэ даганы булааныгар hин дааганы куотуокпут диэн дуумайбатыннар. Һин булуом, — диэн дьиэтигэр барда.

20 Бу барбытын кэлин өттүгэр оголор hир иhигэр hытаннар икки карактара агай чапчыҥныыр буолбуттар. Маныага диэри hыппыттар. Өйдөөтөккө үс тогус дьыл буолуор диэри hыппыттар. Тыынар агай дуусалара каалбыттар. Маныага убайкаан (убай эбит) балтытын диир:

— Һумунан дуу,
Һытта hыппыппытынан өлуөкпүт дуу;
Дьүрү айыыттан-таҥараттан,
Күнтэн-ыйтан ыйытыакпыт дуу?
Туок диэн дуумаланагын,
Кыыс да ого
Һин дуумалаак hогус эбит буолларгын,
Мин котон дуумайдаабат hирбинэ,
Бубаа, этэн биэриэҥ даганы.
Бу устага диэри hытар даа hылаалаак,
Олорор да hин ордуга hуок.
Биһиги үөскээбиппит үйэтигэр,
Төрөөбүппүт төлөнүгэр
Үөскэппит Уруҥ Айыы Тойон агабыт
Һытта hыппытынан өлүҥ диэн
Үөскэппэтэгэ буолуо.
Онон атак даа hыгынньак, кыыс ого даганы
Һин hүбэлээк төрөөччү,
Дьэ hүбэлээн көр!
Койукку үйэлэргэ
«Миигиттэн hубэ ыйыппакка эрэ

старуху со стариком в медном их котле варил. Три дня кости их вываривал, мясо отделял. Так три дня истекло. От костей сухожилия отделились. Тогда в четырехугольную чашу варево налил и, раскорячась, уселся. Посередине передней лавки сидел пожирая. Есть-пить кончил. Кости их в одно место сложил. Так сделав, детей разыскивать пытался, целых три дня искал — не нашел. Все пытался догадаться, да ума не хватило. Надоело ему все, и он домой ушел.

— Эти дети, — сказал, — пусть вовеки не думают, что совсем скрылись от меня. Все равно найду, — сказав, домой пошел.

Когда он ушел, эти дети все время лежали в земле, так ослабли, что могли только глазами мигать. До того долежались. Если подсчитать, трижды девять лет пролежали. Только души у них и остались. И вот братец — он, оказывается, был старше — сестре говорит: 20

— Вот так неподвижно лежа,
Так и умрем мы, что ли?
Может, *айыы*-творца,
Солнце-луну мы спросим?
Как ты сама думаешь?
Хоть ты и девочка,
Может, и ты думать умеешь,
Может, и скажешь мне что-то,
До чего я не могу додуматься.
Ведь так лежать утомительно,
Да и сидеть не лучше.
В век нашего появления,
В миг нашего рождения
Юрюнг Айыы-Тойон, наш отец,
Не предназначал нам
Вот просто так помереть лежа.
И босоногая девочка
С мыслями все же рождается,
Ну, попробуй же посоветовать!
Потом, в будущих веках, может, скажешь:
«У меня не спросив совета,
Сам все решил,
Оттого и мучаемся,
А если б тогда спросил,

Бэйэҥ һүбэлэммитиҥ
Муннуг даганы муннаак буолуогун,
Мин оччого ыйыппытыҥ эбитэ буоллар,
Өчүгэйээрэйэ-муҥа һуок һүбэтэ тэрийэн биэриэк этим», — диэн.
Аны бугурдук биир карбуһуну кайа тэппитин
Өйдүүр, һаныыр эбит буоллаккына,
Мин һүбэбиттэн таксыа һуок эбит буоллаккына,
Киһи буолуокпут дааганы.
Мин билэр һирбиттэн
Билэр-көрөр һогус эбит буолларгын
Этэн биэр, туок дуумалааккын?

21 Маныга:
— Дьактар диэн киһи, — диэбит, —
Аһын туркары дуумалаак диэн
Өс кохооно баар,
Оно уол ого,
Урут уллуҥагы тэспит киһи,
Эн киһи буолар һирдэ һубэлээн-ньымалаан биэрдэккинэ,
Мин туспа һуол ууран барыак киһи буолбатаакпын.
Онон айыы биэрбит эбит буоллар,
Бу маҥнаак үйэлэрбититтэн
Өтүө чаас-һоргу билэр биттээк эбит буолларгын, өлүмнээ, — диэбит.

22 Маныга эр киһи иһигэр һытан иттэннэ һыппыт. Бу һытан маныга ыллаабыт. Ыллаан диир:

1 — Үскэппит Үруҥ Айыы,
Өлөр күнүм үҥкүрүйэн кэллэ,
Каалар күнүм карааран
Илэ каракпар көстөн кэллэ.
Туогу диэччилэр этилэрий былыр
Агалаак, иньэлээк эрдэкпинэ,
Үүһээги Үруҥ Айыы Тойон агам
Доролуйа турар дуук тиитээк буолааччы.
Дьэ күнүм бүгүн диэммин
10 Ыллаан ытаатым.
Кирдик орто дойду төрүт тогоһотун тутуок

Хороший, счастливый совет бы дала», — скажешь.
Если ты еще помнишь,
Как мы с тобою один послед разорвали,
Если моих советов послушаешься,
Может, вместе еще поживем.
Если больше меня
Знаешь-ведаешь хоть на чуток,
Так и подскажи, что посоветуешь?

На это она: 21
— У женщины, — говорит, —
Мысли кос не длиннее, —
Есть такая пословица,
Поэтому, если ты мальчик,
Раньше меня пяткой послед проткнувший,
Сам решишь-посоветуешь.
Не стану я человеком, другую, свою,
дорогу прокладывающим.
Если *айыы* мы созданы,
Если знаешь примету, добрую долю-счастье
нам предвещающую,
Попробуй избавить нас от этих мучений, —
сказала.

Тут мальчик в яме лег навзничь. Потом запел. Так запел-заговорил: 22
— Создатель Юрюнг Айыы,
Вот мой смертный день подошел,
Мои черный последний день
Предстал предо мной.
В старину говорили,
Когда еще мать и отца имел,
Что верхний Юрюнг Айыы Тойон
Вечно гремящую коновязь имеет.
«Вот сегодня мой день последний настал», — думая,
Пою я и плачу. Если мне суждено
Главный колышек Среднего мира держать,

Дьылгалаак буолларбын,
Үүһээги Үрүҥ Айыы
Дорулуу турар дуук тиитэ,
Доргуй!
Этэр тылбар илдьит буол айыыга!
Мин кайтак киһи буолуок дьылгалаакпыный?
Үс күн бүтэйигэр
Үрэн кээһэр уруҥ тыыммын өрүһүйэн көрдүн,
Биһиги икки тыынар дууһалаак,
Үс күн агай иньэ эмийин эмпит
Өҥүргэс оҥуоктаак уолу гытта кыыс ого
Үс тогус булас курэй ииҥҥгэ һытабыт.
Муну кирдик үөскэппит агабыт эбит буоллар
Өлүмнээтин диэн этэн биэр.
Кирдик иччилээк
Дорулуу турар
Тойон һэргэ буолларгын!
Бу ыллаан бутэн баран,
Үс күнү һыттылар;
Үһүс куннэрин
Бука һарсиэрдааҥҥы күн ойуутугар,
Үүһээ диэг уол обургу үүһээ одуулаабыт.
Бу олорбут иинэрэ
Кырыаран каалбыт.
Үүһээги туспут кайагастара
Көстүбэт буолуор диэри
Кырыаран-буу͘һуран каалбыт.
Бу кырыарбытын
Дьуру күн уота,
Дьуру айыы уота
Дьуру ириэрэр.
Бу каспыт кайагастарын ойогоһунан
Һүүрэ турбут уу буолан.

Пусть гремящее *дуук*-дерево*
Верхнего Юрюнг Айыы
Для меня прогремит!
Божеству-*айыы* мои слова передай!
Как суждено мне стать человеком?
Пусть он в течение трех дней
Светлое дыхание мое спасти попытается.
Мы, две живые души,
Только три дня материнскую грудь сосавшие,
Мальчик и девочка, кости-хрящи имеющие,
В яме лежим глубиною с хорей
в трижды по девять маховых саженей.
Если и вправду он наш создатель-отец,
Пусть поспешит, — так скажи-передай.
Если и вправду ты
Гремящая коновязь,
Даром волшебным владеющая!
После того, как допел,
Три дня лежали они.
На третий день,
Примерно к восходу солнца,
Мальчик-удалец наверх поглядел.
Эта яма,
В которой сидели они,
Вверху куржаком покрылась, оказывается.
Отверстия, в которое спускались они,
Не видно — оледенело-заиндевело.
Этот иней
От солнечного тепла
Или от света *айыы*
Оттаивает уже,
По стенам вырытой ямы
Водой стекает.

---

* *...пусть гремящее дуук-дерево... (доролуйа турар дуук тиитэ)* — имеется в виду мировое дерево, проросшее через три мира.

Өчүгэйдик өйүлээн көрүлээн көрбүттэрэ,
Арай туспут кайагастара көстөркөөн буолбут.
Өчүгэйдик өйүлээн көрбүтэ,
Ат муннута кайагас устун көстөр.
Муну өчүгэйдик чэргэҥнээн элэкээннэринэн,
Үөрбүт-көппүт көрдүк
Иһиллээн, көрүлээн турбуттара.
Арай маныга ырыа иһиллибитэ.
Бу ырыаны
Уҥа кулгаактарын өчүгэйдик арыйан туран,
Каҥас кулгаактарын илиилэринэн бүөлээн
туран иһиллээбиттэрэ.
Маныга арай ат ырыата эбит.
Бу ат диир:
«Огокоотторум, эчикээннэрим,
Этэр тылбын
Итии чуор кулгааккытынан иһиллээҥ,
Һаҥарар һакалааттаак тылбын
Һарыы тирии кулгааккытынан иһиллээҥ, оголор!
Бу кэннинэ уонна-биэстэ эргийиэ диэйэгит,
Гэриэс кэпсэллэрим
Комуруос кобунайыым.
Кутуу чуор кулгааккытынан иһиллээн эрэ көрүҥ!
Каҥ, куҥ! — диир. —
Мин эһиэкэ кэллим,
Бу кэннибинэн тураммын тустум,
Кутурукпуттан бэрт бигэтик эринэн көрүҥ,
Өлүмнээҥ аата өлүмээҥ!» —
Диэн ат тустэ.
Бу огокооттор кутуругуттан эриннилэр.
Бу ат биэк ыллыыр:
«Агагытыттан, иньэгититтэн каалбыт
Туок имиэнньэлээккитий,
Олорбут һиргитигэр кээһэр буолаайагыт!
Көрдүбүт эрэ диэҥит өйгүтүн һүтэрэ
үөрэр-көтөр буолаайагыт!
Оголорум эрэ буолларгыт

Когда всмотрелись внимательно:
Отверстие, в которое спустились они,
стало видно, оказывается.
Когда хорошо всмотрелся [мальчик]:
В отверстии лошадиную морду увидел.
Это увидев, из последних сил
Ликуя-радуясь,
Всматривались-вслушивались они.
Тут вдруг песня послышалась.
Слушали эту песню,
Широко раскрыв правые уши,
Пальцами заткнув левые уши.
Песня лошади это была, оказывается.
Эта лошадь поет:
«Мои деточки, мои птенчики,
В мною сказанные слова
Теплыми чуткими ушами вслушайтесь,
К изрекаемым мной заветным словам
Ровдужными ушами прислушайтесь, дети.
Десять раз, пять раз повторять не буду, не думайте!
В эти слова мои заветные,
В речь мою сокровенную
Чуткими литыми ушами попробуйте вслушатъся.
Канг-кунг! — сказала.
— Вот и я пришла к вам,
Задом спускаюсь,
Хвостом моим крепко-надежно обвязаться попробуйте.
Торопитесь-спешите!» —
Так говоря, лошадь стала спускаться.
Эти дети обвязались ее хвостом.
Эта лошадь петь продолжает.
«Если от матери, от отца
Вещи у вас какие-то остались,
Ни за что на месте, где вы сидели, не оставляйте.
Увидав [белый свет],
ликуя-радуясь, разума не теряйте!
Деточки мои милые,

Иэдэйбэккэ-өрүһүспэккэ,
Туок баар өттүгүтүн бэрт бигэтик кичэйэҥҥит эрииҥ!
Мин ыстанным.
Бу ыстана даа ыстанабын,
Ырыам биэк буппэт.
Иһиллээҥҥит ыстанар тыалбар һабыстыбакка
Үчүгэйдик чэрчэҥнээҥҥит, толкуйдааҥҥыт,
иһиллээн иһиҥ!
Мин кутурукпуттан
Күн һырдыгыгар эрэ тагыстыбыт диэҥҥит
Туппут кутуруккутуттан,
Эриммит илиигитин колкутатар буолаайагыт,
Өчүгэйдик тутан иһиҥ, камнаан эрэбин!
Өлөрүөм дуу, киһилиэм дуу —
Бэйэм да билимнэ
Камнаан эрэбин.
Бу кэлин өттүгэр кэрэ кэпсэлбин умнаайагыт,
Өчүгэйдик өйдөнөҥҥүт,
Өйгүтүн-төйгүтүн ыһыктааһыгыт.
Мин тылбын
Ага-иньэ кэриэтэ иһиллээҥ,
Оголорум киһи буоллуннар диэммин
Истээк быаргытыттан майаалаабакка этэн ирэбин!
Огом эрэр буолларгын умнаайагын.
Ити тутан иһэр кутуруккуттан
Өрө диэт тардыстан тайанан-өйөнөн,
Һэрэнэн таксан
Үрдүбэр миинэн көрүөккүтүн төһө бэрдий?!»
Бу икки ого
Түүтүттэн тардыстан таксаннар,
Үрдүгэр утуйа испиттэрэ.
Бу ат үрдүтэ үс булас агай,
Кэннитэ агыс булас,
уһатыта — уон,
Үрдүгэ агыс булас.
Маныга оросбаал олоро,

Не торопясь, не спеша,
Очень надежно со всех сторон старательно обвяжитесь!
Я сейчас прыгну!
Прыгну!
Но песня моя еще не кончается.
Не пугаясь стремительности прыжка моего, вслушайтесь,
Чутко внимая,
Дальше слушайте.
Думая, что выбрались наконец на солнечный свет,
Рук, хвостом обмотанных, не ослабляйте,
[Хвост,] за который держитесь, не отпускайте.
Вот начинаю!
Убью ли, спасу ли —
Сама не знаю,
Но вот я прыгаю!
Теперь моих слов заветных
Не забывайте,
Хорошенько задумавшись, разума не теряйте.
В мои слова,
Словно в [слова] отца с матерью, вслушивайтесь,
Говорю для того,
Чтобы вы стали людьми, мои деточки.
Ничего не скрываю от ваших душ!
Дитя мое ненаглядное, [мальчик мой,]
не забудь [этих слов].
По хвосту, за который держитесь.
Вверх подтягивайтесь, упираясь-цепляясь,
Осторожно старайтесь сесть на меня верхом, хорошо?!”
Эти двое ребят,
За шерсть цепляясь,
На лошадь влезли и так спали-ехали.
Спина этой лошади в три маховые сажени*.
Круп — в восемь,

---

* *...Спина этой лошади в три маховых сажени, круп — в восемь, длина — в десять, высота — в восемь маховых саженей (Бу ат урдутэ ус булас агай, кэннитэ агыс булас, уһатыта-уон, урдугэ агыс булас)* — гипербола. В описании размеров коня числа обычно подбираются по созвучию.

Утуйа испиттэрэ.
Аттара көтөн иһэн
Мэньиитин һиргэ анньан баран
Түөрт атагын түүрэ тардан бараан түспүтэ.
Бу түһэн маныага ат ырыалаак буолбута:
«Дьэ, оголорум,
Иһиллээҥ,
Бу кэннитинэ ага-иньэ буоламмын
Эһиэкэ үс кат үөрэтиэм һуога.
Мин биир тыллаакпын.
Бу кэлбит һуолбут диэг
Одуулаан көрүн.
Кайтак көрдүк көрүҥнээх күҥҥүт-ыйгыт тыгар,
Һырдыгын бүркүгүрдэр дуу,
Эргэ күн-ый тыгарын көрдүк дуу?»
Маныакага бу икки ого кэнни диэг көрбүттэрэ,
Кэлбит һуоллара
Туманныран, карааран,
Каллаан быыһыттан таксыбыта кара былыт,
Копат көтөгүллэн турбута.
— Дьэ, көрдүгүт дуо?
Кайтак һогус көрүҥнээгий?
— Ээ, көрдүбүт.
— Кара былыт үөскээн турар дуо?
Маныга:
— Турар, — диэбиттэр.
— Дьэ, иһиллээҥ, оголорум,
Иньэгититтэн илдьэ каалбыт имиэнньагыт баар дуо?
Дьа камнаатым,
Бу кэлин өттүбүтүттэн
Агагытын, иньэгитин һиэччи абааһы батан иһэр.
Маныга һитэн кэллэгинэ,
Ити катаккытын, тутаарыккаан гыннагына,
Илиитин ыккардынан быраган көрөөрүҥ.
Маны: «Абааһы тойоно толлор кутаалаак уот,

Длина — в десять,
Высота — в восемь маховых саженей —
Вот на ней развалясь,
Спали-ехали.
Лошадь их, так летя,
Морду вот к земле наклонила,
Четыре ноги подобрав, вниз спустилась.
Так спустившись, лошадь запела:
«Ну, дети мои,
Внимательно слушайте,
Потом, став вам матерью и отцом,
Трижды не стану вас поучать.
Я не меняю своих решений.
Посмотрите назад, на дорогу,
По которой мы ехали.
Как светят солнце и месяц:
Застилает ли их что-нибудь
Или светят солнце и месяц по-прежнему?»
Тут эти двое детей назад оглянулись,
Дорога, по которой приехали,
Темнеет, туманится,
Из-за края неба вышло черное облако,
Копоть взвилась.
— Ну, посмотрели?
Что-нибудь видно?
— Да, видно.
— Черное облако появилось, так ведь?
На это:
— Появилось, — сказали.
— Ну, слушайте, дети мои.
Есть ли вещи у вас, оставшиеся от матери?
Вот я трогаюсь:
За нами следует по пятам *абаасы*,
Сожравший ваших мать и отца.
Если он нас настигнет
И схватить вас попытается,
Это огниво свое меж рук его бросить попробуйте.
Со словами: «Громадного *абаасы* пугающим,

Канна даа уһуга баһа биллибэт-көстүбэт
көрдүк уот буол!» —
Диэн баран быраан кээһээриҥ!
Бу гынан баран камнаата,
Бу көтөн истэ.
Бу истэгинэ
Абааһы тойоно
Быалыы түүрэн истэ.
Уһугуттан маабут устата буолла.
Уһугуттан биир атыл һага кэллэ.
Маны куттанан, тутаарыкаан гыннагына
Уол ыллаабыта:
«Дьэ иччилээк
Орто дойду ылатыгар,
Киин тоһоготугар үөскээбит
Огонньор, эмээксин
Борбуйдарыгар боксуллан,
Такымнарыгар тардыллан,
Барыактарыгар диэри,
Үөскээбит үйүлэрин булааныгар
Уот кыымын һаган гүөдьүтэн олорбуттара.
Ол быһыытынан
Өлөр кирэлгэм кэлэн
Каччага даа кээспэт имиэнньабын
Күн атыллаары кээһэн ирэбин!
Этэр тылбар
Илэ каллаантан тутулуктаак,
Киэҥ дойдуттан икки уһугуттан буластаан турар
Кутаалаак уот буол эрэ,
Мин инни диэги күнү көрүөк дьылгалаак буолларбын!»

23 Кататын быракта. Маныакага икки һир уһуугуттан буластаан турар, каллаантан тутулуктаак уот буолбута.

Маныага абааһы тойоно иттэнэ чугуруйан ылбыта. Бу ылбыт чаһыгар көтөн тэнийэн биэрбиттэрэ.

Төһөнөй даа үс конуулаак дойдуга
Тийэн конон-өрөөн
Камныыр чаастарыгар

Без конца и края огнем полыхающим стань!» —
Бросайте.
После этого тронулись,
Вот летят.
Когда так они мчались,
Огромный *абаасы* стал [настигать],
Будто веревку наматывая.
Вот на длину *мамута* приблизился.
Вот до них около шага осталось.
Тут, испугавшись, что схватит вот-вот,
Мальчик запел:
«Вот на скрепах Среднего мира
С духом-хозяином,
У главного колышка родившиеся
Старик и старуха,
За подколенки схваченные,
За коленные суставы связанные,
Весь свой век,
Пока не умерли,
Искры огня высекая и раздувая, жили.
Потому,
Что наступает час моей смерти,
Я, чтобы перешагнуть мне хотя бы еще один день, бросаю
Бесценную вещь, которой бы никогда не пожертвовал!
Если солнце увидеть мне еще суждено,
По моему слову
С неба спускающимся,
Из конца в конец обширного мира
Огнем полыхающим стань!»

Огниво свое бросил. Тогда [оно] из конца в конец обширного мира простирающимся, с неба спускающимся огнем стало. 23

Тут огромный *абаасы* назад попятился. За этот час успели дальше уйти.

Места на расстоянии трех кочевок достигнув,
Переночевав-отдохнув,
Собрались дальше двинуться.

Эмиэ һитэн кэлбитэ һубу дьэ абааһыларын тойоно.
Маныга аттара көтөн иһэн диэбитэ:
«Иньэгититтэн каалбыт
Имиэнньагыт баар эбит буоллар,
Таас чокуургутун кээһэн көрүн», — диэбитэ.
Маныга уол ытана-ытана ыллана турбута:
«Кирдик иньэбиттэн
Өлөр чааһыгар гэриэс этэн гээспит эбит буоллар
Икки һир кырыытыттан буластаан турар
Таас кайа буол эрэ!» — диэбит.

24 Маныга бу чокуура буластаан турбута, канан даа кутуйак даа тарбаан таксыбат көрдүк кабата һуок бүтэй таас буолбута. Аннытынан үүтээн кутуйак тыҥырага коммот, оннук бутэй буолбута.

Маныга абааһы тойоно маҥнайгы кэлэр кэбэр обунугар таас кайаны ортотугар диэри һолоон киирбитэ. Мантан ортотуттан кууһэ-иҥиирэ элэтэ буолан уу короголдьун буолан устан түспүтэ аллараа дойдуга.

25 Онтон бу аттаак киһи буус устатыгар диэри, киһи үөскүүрүн көрдүк үөскээн испитэ.

Манна биир һиргэ коммуттара. Дьэ аттара диир:
— Аны абааһыгыт кэллэгинэ,
Аган туттар
Өҥчөгө-биитэ биллибэт һүгэчээҥин кээһээр:
«Ааттаак албастаак киһи
Кытылыгар үктээтэгинэ
Үрэллибэт кумактаак
Агыс үөстээк
Арылыыр байгал буолаар!» —
Диэн баран кээһээр.
Элэтэ үөрэппитим.

26 Бу гынан баран, камнаатылар. Бу камнаан истэктэринэ, абааһылара эмиэ һитэн кэлэн испитэ. Маныга һитээрикээн гыннагына бу киһи ырыа ыллана турбута:
— Дьэ, бэйэм төрүт туттар имиэнньа [м],
Этэр кубулгат идэм баранар кэрэлгэтэ буолла.
Кирдик агам кырдьарын булааныгар,

Тут опять тот огромный *абаасы* их настигает.
Тогда лошадь, летя, сказала:
«Если есть еще вещи,
Оставшиеся от матери.
То камень-кремень попробуйте бросить», — сказала.
На это мальчик, горько заплакав, запел:
«Если и вправду тебя мать,
В смертный час завещая, оставила,
Из конца в конец земли протянувшейся
Каменною горою стань!» — сказал.

Тут же этот кремень превратился в такой плотный, без щелей ка- 24
мень, что и мышь не могла бы, скребясь, его прогрызть. За него даже когти мыши-землеройки не могли бы зацепиться — таким цельным камнем стал.

Тут огромный *абаасы* с ходу так врезался, что с первого удара каменную гору до середины пробил. Там на середине, истощив всю силу-мощь, превратившись в жидкое олово, стек в Нижний мир.

В это время человек на коне продолжал расти, как положено. Вот 25
заночевали в одном месте. Тут лошадь говорит.

— Если снова *абаасы* станет нас настигать,
Отцовский топорик,
Так затупившийся, что обуха от лезвия не отличить,
Кинь со словами:
«Восьми проточным,
Бушующим морем,
Берег которого в песок не рассыплется,
Даже если ступит туда
Именитый волшебник, — стань!»
Вот и все советы мои.

После этого снова в путь отправились. Когда они тронулись, *абаасы* 26
опять стал настигать. Когда он совсем приблизился, этот человек запел:

— Ну, главная вещь в наследстве моем,
С тобой мое волшебство кончается.
Если и вправду ты главная вещь моего отца,
С которой он дожил до старости,

Эн үйэгэр тииймйэ,
Куоттаран өлбүт эбит имиэнньата буолларгын,
Бу этэр тылбар
Агыс үөстээк
Арылыы турар байгал буол эрэ!
Икки диэги кытыың
Укулаат таас кайалар кыһам багадьы буол!
Ураанҕкай кытыытыгар уктээтэгинэ
Үс тогус дьыл бүтэйигэр
Турууттан оборор тыаллаак
Уксии кайа буол! —
диэн бараан быраан кээстэ һүгэтин.

27 Каччага даганы уһуга-баһа һуок уораннаак, олурганнаак байгал буолбута. Бу кырыытыгар, күн диэги өттүтүгэр аттара элэтэ буолан бүтүйэлии түспүтэ. Мангыга икки ого аһынаннар ытана турбуттара. Аттара һаҥалаак буолбута:

— Оголорум, ытааман,
Миигин өлөрүҥ,
Өлөрөн бардаккытына,
Үйэгит булааныгар эрэйэ-муҥа һуок киһи буолуоккут.
Бугурдук һылдьар эрэйэ бэрт буолуога.
Ол туһуттан: «өлөрүн!» — диибин.

28 Маныга икки ого өлөллөрүнэн, үөстэрэ быста һыһыагар диэри куттаммыттар, аһыммыттар:

— Эйигин өлөрөн бараммыт эккин һиэн буттэкпитинэ баайдиинҥи муҥмут һуол майгута буолуога диибит, аһынныбыт.

1 — Һуок, ол кордук буолуо һуога.
Миниигин өлөрдөккүтүнэ
Тириибин кастыаккыт;
Кастаан бараҥҥыт
Иһигэр киириэккит
Куустуһан бараан ытаата ытаабытынан:
«Уһуга-баһа көстүбэт
Агыс муннуктаак айдаҥ-һайдаҥ гуорат буол!» —
Диэн бараҥҥыт утуйуоккут.

Не пережив тебя,
С этими словами моими
Восьми проточным
Бушующим морем стань!
Два твоих берега
Каменными горами булатными
скользкими-гладкими пусть станут!
Каменной скользкой преградой стань
С ветром на трижды по девять лет,
Каждому *ураангкаю*, который на ее подножке ступит,
К скале притягивающей [преградой стань]! —
это сказав, топор свой отбросил.

Никогда не виданное — без конца и края, неприступное грозное море появилось. На его берег, на солнечную его сторону, лошадь, вконец обессилев, опустилась и мордой [в него] уткнулась. Тут двое ребят от жалости заплакали. Лошадь им так сказала: 27

— Дети мои, не плачьте,
Меня убейте.
Когда отсюда уйдете, убив,
Вовеки мучений не знающими людьми станете.
А жить так, как сейчас, будет невыносимо.
Вот потому говорю: «Убейте!»

Тут двое детей до смерти испугались — от жалости становая их жила едва не порвалась. 28

— Если тебя убьем, мясо твое кончим есть, думаем, что прежние наши мучения вернутся, — говорили они, жалея.

1 — Нет, так не будет.
Меня убив,
Шкуру снимите.
Сняв ее,
Друг с другом обнявшись,
Плача, войдите в нее со словами:
«Без конца и края, необозримым,
Восьмиугольным, необъятным-обширным
городом стань!», —
И усните.

Ол тас өттүгэр, икки бууппун,
«Икки астаак амбаарбыт», — диэн бараан утуйуоккут.
Ол кэлин өттүгэр, икки колбун:
«Икки колбуу копсок,
Карчылаак копсокторбут буол», — диэккит.
Ол тас өттүгэр, икки бүөрбүн,
«Икки диэги гуоратым уҥа-каҥас өттүгэр
Эһэ, бөрө ыттарым,
Тогус кос чыптарынан баайыллан турун», — диэн этиэккит.
Ол тас өттүгэр итирбин:
«Кыһыл һлко пулаатым!» —
Диэн бараан эринэн утуйуоккут.
Ол тас өттүгэр түөрт туйакпын:
«Ый көстүбэт ыыс тыыннаак
ыһыагым-һүөһүм», —
Диэн бараан һир мээйэ уураттаан кээһиэҥ.
Ол кэлин өттүгэр мэньиибин:
«Баайдиинҥи айыым биэрбит үөрэктээк,
Иччилээк этиилээк атым буол», —
Диэн бараан, ачаабын:
«Көмүс көнтөһүм», — диэн,
Агыс ойогоспун:
«Агыс һалаалаак алтан кымньыым», —
Диэн бараан биир һиргэ ууран кээһээр.
Ити кэлин өттүбэр ундьукубун [чоорооку]:
«Үс каллаантан һупту үүнэн турар тойон һэргэ буол», —
Диэн бараан этэн кээһээр.
Ол кэлин өттүгэр икки таһакпын:
«Икки диэги өттүбэр түөрт күннэри ыттар һуопка буолун” , —
Диэҥҥит этэн уураарыҥ.
Оголорум, гэриэс эппитим элэтэ.
Ити гэннэ бэркэ миигин аһынар эбит буолларгыт,
Мэньиибэр быттааҥ.
Биир эмэ быты буллаккытына,
Икки тааска кыһайы оксон өлөрүн.

После этого двум стегнам моим скажите:
«Вот два наших амбара с продуктами!» — и усните.
После этого двум передним моим ногам скажите:
«Кладовками нашими смежными
С деньгами станьте!»
Кроме того, двум почкам моим скажите:
«Медведем-собакой и волком-собакой станьте,
Девятижильными цепями, привязанными
С левой и правой стороны нашего города!»
После этого сальнику моему скажите:
«Красный платок мой шелковый!» —
И, в него завернувшись, усните.
Потом четыре копыта моих со словами:
«Вот богатство мое, мой скот,
дыханием своим густым застилающий месяц», —
В разные края земли разбросайте.
После этого моей голове сказав:
«Моим конем, *айыы* дарованным,
Вещим словом обученным, стань»;
Моему кишечному жиру сказав:
«Серебряными моими поводьями стань»:
Моим восьми ребрам сказав:
«Медной моей восьмихвостою
Плетью станьте!» —
Все в одном месте сложите.
Члену моему:
«Господином-коновязью, сквозь три неба
проросшею, стань», —
Так скажите.
Два яичка моих со словами:
«С двух сторон [стоящими] сопками,
по которым взбираются четыре дня, станьте!» —
[Там] положите.
Дети мои, вот и все мое завещание.
Теперь, если и вправду меня очень жалеете,
Вшей в моей голове поищите.
Если вошь хоть одну найдете,
Камнем о камень ударив, убейте ее.

29 Маныга икки ого быттыы һыппыттара. Коҥурдуос көрдүк кыра багадьы быты булбуттара. Муну ого көрдүк былдьасыһа-былдьасыһалар: «Мин өлөрүөм!» — дии-диилэр, иккиэн иллэҥ таас көрдөнө һылдьыбыттара. Арай булбуттар, икки тааска кыһайы бу быттарын оксубуттара, өлөрөн кээстилэр. Оголор иһи кэлэннэр эһэлэригэр кэпсии һыппыттара: «Быккын өлөрөн кээстибит!».

Биир һаҥа һуок һыппыта.

«Эһэбит тутуйда дуу?» — диэннэр атагыттан тардыалыы һыппыттара.

Маныга тымыра дааганы тарпатага. Арай одуулаан-көрүлээн, өйүлээн-бүдүлээн көрбүттэрэ: өлөн каалбыт. Ытаан эмгэнитэ олорбуттара.

30 Ытыы һатаан элэлэрэ буолан, бу уол огокоон эһэтин гэриэс кэпсэлин иргэтигэр өйдөөбүтэ. Өйдөөн тириитин һүлэ һыппыта. Бүтэн эһэтэ кайтак диэбитин муҥкуччу, биир да тылын һыыспакка, уураттаан кээспитэ этин эттээн бүтэн.

«Икки буутун
Икки астаак амбаарбыт буоллун,
Икки колуҥ
Икки колбу копсокпут буоллунар;
Икки буөрүҥ
Икки диэг гуораппыт уҥа-хаҥас өттүгэр
Эһэ-бөрө ыттарбыт буолуҥ», — диэбиттэрэ.
«Түөрт туйагыҥ
Ый көстүбэт ыыс тыыннаак
Ыһыакпыт-һүөһүбүт буоллун !» —
Диэн уураттаан кээспиттэрэ.
«Мэньиик, баайдиинҥи айыым биэрбит
Үөрэктээк иччилээк-этиилээк атым буол», — диэн баран,
«Ачан көмүс көнтөспүт буоллун», — диэн баран,
«Агыс ойогоһуҥ
Агыс һалаалаак алтан кымньыыбыт буоллун», —
Диэн баран һиргэ уураттаан кээспиттэрэ.
«Ундьукуҥ,

Тут двое детей стали искать вшей. Подобную малой букашечке, вошь нашли. Как дети, вырывая ее друг у друга со словами: «Я убью!» — стали искать подходящие камни. Вот нашли, ударив камнем о камень, эту вошь убили. Как дети, к дедушке своему подойдя, стали рассказывать: «Вошь твою мы убили!» 29

Без единого слова лежит.

«Дедушка уснул, что ли?» — так думая, стали за ноги дергать.

На это даже жилы его не вздрогнули. Вот внимательно посмотрели-оглядели: давно умер, оказывается. Громко заплакали-заголосили.

От плача обессилев, этот мальчик завещание дедушки вспомнил. Вспомнив, шкуру стал снимать. Кончив, разделал тушу и все в точности, как сказал дедушка, разложил, ни одного слова не нарушив. 30

«Два стегна твоих
Двумя амбарами нашими для продуктов пусть станут.
Две передние ноги твои
Двумя кладовками нашими смежными пусть станут,
Две почки твои
По правую-левую стороны нашего города
[цепями привязанными]
Медведем-собакой и волком-собакой
пусть станут!» — сказали.
«Четыре копыта твоих
Нашим богатством-скотом,
Густым дыханием своим застилающим месяц,
пусть станут!» —
Так сказав, [все разложили].
«Твоя голова моим конем, *айыы* дарованным,
Вещим словам обученным, пусть станет», —
[мальчик] сказал.
«Кишечный твой жир серебряными поводьями
нашими пусть станет», — сказал.
«Восемь ребер твоих
Нашей медной восьмихвостой плетью пусть станут»,
Так сказав, на земле [все] разложили.
«Член твой
Проросшей сквозь три неба

Үс каллаантан һүптү үүнэн турар
Тойон һэргэ буол», — диэн этэн кээспиттэрэ.
«Икки таһагын
Икки диэг өттүбүтүгэр
Түөрт уон күннэри ыттар
Һуопка буолуҥ» — диэн этэн уурбуттара.
Аттарын тириитигэр киирэннэр:
«Үһуга-баһа көстүбэт усталаак гуоратым!» —
Диэн баран итирин муойугар эринэн бараан утуйан каалбыттара.

31 Һарсиэрдата буолан тиритэн-буһан үһуктубуттара. Үһуктан, одуулаан-көрүүлээн көрбүттэрэ, уйэтин дааганы булааныгар, отуукаана окко түһэрбититтэн маннык уорукка [дьиэ] олорботого дааганы, түүлүгэр даа түһээбэтэгэ ол көрдүк гуорат турбута. Маныга уөрэнкөтөн балтытын үһугуннарбыта. Диир: «Эһэбит эппитэ уот эппитин көрдүк кэллэ. Чэ, того олорогун? Иньэбит эмнэрбит эмийэ умнуллан каалбыта, айыы олорор ологун чааһа бугурдук эбит! Астаа».

32 Маныга кыыс кэмэ буолан һуунан-тараанан бараан одуулаан-көрүлээн көрбүтэ: кайтак һанаатыгар багарар таҥаһа мукуччу тэриллэн турбута. Уол һуунан-тараанан бараан таҥнан таксыбыта. Дьиэтин аанын арыйарын гытта эһэ, бөрө ыттара эркэлии турбуттара. Маныга куттана-куттана эһэтин тылын кулгаагыгар киллэрэн өйдөөн куттаммат буолбута. Онтон таһаара таксыбыта, ыйы бүөлүүр ыыс туман һүөЬүтэ кайыҥыттан аһыы турбута. Онтон одуулаан көрбүтэ, икки диэги өттүгэр икки һуопка багадьылар үөскээн турбуттара. Маныга тиэрэтаары одуулаан-көрүлээн көрбүтэ, карага куоттарбыт тойон һэргэтэ мүөтүнэн, һаакарынан уста турбута. Арай бу тас өттүтүн көрүлээн көрбүтэ, маайдиинҥи ата илэ даа тиллэн турар, тойон һэргэтин һалыы турбута. Бу тас өттүгэр бэйэтин одууланан көрбүтэ муойугар кыһыл һолко пулаат турбута.

33 Уол ого туок даганы кыһалга өттүтэ күнүн чааһыгар һуок буолбута. …

Коновязью-господином пусть станет», — сказали.
«Два яичка твоих
С двух сторон от нас [стоящими]
Двумя сопками, на которые можно взобраться
за сорок дней,
Пусть станут», — так сказав, положили.
В шкуру лошади войдя со словами:
«Без конца и края необозримое наше жилище!» —
Сальником шеи [свои] замотав, уснули.

31 С наступлением утра, вспотев-упарившись, [мальчик] проснулся. Пробудившись, огляделся-осмотрелся и увидел: никто во весь свой век, от самого рождения, в таком жилище не обитал и во сне такого не видел — вот такое жилище предстало перед ним. Тогда, обрадовавшись-возликовав, сестру свою разбудил. Говорит; «Завещанное дедушкой, как огнем предсказанное*, сбылось. Ну, что же ты сидишь! Молоко, которым мать вспоила, иссякло, но вот какая, оказывается, жизнь дана нам айыы! Стряпай».

32 Тут девица, умывшись-причесавшись, огляделась-осмотрелась: словно по ее желанию, вся одежда приготовленная лежит. Парень, умывшись-причесавшись, оделся и вышел. Как только дверь дома раскрыл, медведь-собака и волк-собака стали к нему ласться. Сначала испугался было, но, слова дедушки припомнив, перестал бояться. Потом вышел во двор: скот его, своим дыханием, словно туманом, луну застилающий, прямо у снеговой завалины стоит-кормится. Дальше посмотрел: с двух сторон две огромные сопки-великана появились-стоят. Тут повел глазами туда-сюда: взором неохватная главная коновязь, истекая медом-сахаром, стоит. Вот дальше посмотрел: тот конь его, воскреснув, ту главную коновязь облизывая, стоит. После этого поглядел на себя: на шее шелковый красный платок повязан.

33 Так парень-молодец с этого дня никакой нужды не знал. Достигнув поры взрослого человека, самостоятельным хозяином став, своим домом зажил. …

---

* *…как огнем предсказанное (уот эппигин кордук)* — (см. коммент. к блоку 14).

3. УС ЭДЬИЙ-БАЛЫС КЫРГЫТТАР

1 Дьэ бу үүһээ дойдуттан Айыы туһэрэн, ойуулаак оттоок орто дойдуга агыс түннүктээк айдам-һайдам гуорат дьиэлээк олорбуттара үһү үс эдьий-балыс. Мунтуларыҥ муҥ улакан кыыстара — үлэһиттэрэ, ортолоро — Һимэксин (ойун) чаайдьыттара, күөсчүттэрэ, масчыттара; муҥ ылгыннара — булчуттара, һааһыттара. Дьэ бу олордокторо.

Төһөтугэр-каччатыгар бу ортолоро — удаган багайы булчут балтыгар өс кэпсиир:

— Дьэ эн күн диэк агай бултанар буол, өлүү диэк [күн түһүүтун диэк] һылдьыбат буол. Куһаган буолуо, — диир.

Балтыта «ээк» да, «һуок» да диэбэт, кас күннэтэ бултанар.

2 — Бэйи, эдьийим тугу диир, туок дьиибэтэй-дьиктитэй?! Наада барыакка күн түһүүтун диэк, — диэн һананар да, һонтон курдары атынан — кээ көтүтэр.

Канна эрэ көрсүбут аллараа дойду абааһы тойонун. Биир тимир огуһу көлүйбут, тимир копко һыргалаак, һыргатыгар кэннин диэк кайыһан олорбут, тимир күрэйинэн конногун аннынан тимир огуһу кэйиэлии иһэр. Кыыс маны көрө биэрэр.

3 Кыыһыҥ алаҥаллаак, октордоок. Ылар да көксүнэн иһэр киһиэкэ тыл этэн ытар:

Дьэ, — диир, — агабыттан-ийэбиттэн
гэриэс каалбыт
Иччилээк һэбим,
Дьэ ити абааһы гиэнин
Көксүтүнэн һупту киирэҥҥин
Һүрэктээк тыҥатын

3. ТРИ ДЕВУШКИ РОДНЫЕ СЕСТРЫ

1 Ну вот, с Верхнего мира спущенные [божеством] Айыы, в узорнотравном Среднем мире, в восьмиоконном обширном-раздольном городе-доме жили три родные сестры, говорят. Самая старшая из девиц — работница, средняя, *Симэксин* (шаманка), — повар, кухарка, дровосек; самая младшая — охотница, лучница. Ну вот, так-то живут.

Как-то средняя, шаманка-то самая, своей сестре-охотнице говорит:

— Ты только в сторону восхода солнца на охоту ходи, в сторону смерти [в сторону захода солнца] не ходи*. Худо будет, — говорит.

Сестра ее ни «да» ни «нет» не говорит, каждый день себе охотится.

2 — Постой, что это старшая моя сестра сказала, дивное-странное?! Надо ехать в сторону захода солнца, — подумала так и туда напрямик на коне-то и помчалась.

Где-то повстречала огромного *абаасы* Нижнего мира. Он железного быка запряг*, сани у него железные с коробом, сам на санях, спиной оборотясь, сидит и, железным хореем через подмышку железного быка погоняя, едет. Девушка сразу увидела это.

3 У девушки-то лук, стрелы. Тут же в едущего спиной человека стреляет с заклинанием:

Вот, — говорит, — от отца с матерью
в память оставшаяся стрела моя
С духом-хозяином*,
У этого *абаасы*
Спину насквозь пронзи,

---

* *...в сторону восхода солнца на охоту ходи, в сторону смерти [в сторону заката солнца] не ходи (кун диэк агай булганар буол, олуу диэк [кун туһуутун диэк] һылдьыбат ьуол)* — по представлениям долган, восток связан с добрым началом *айыы*, запад — со злыми силами *абаасы*.

* *Он железного быка запряг... (Биир тимир оруһу келуйбут)* — в олонгко богатырь-*абаасы* обычно ездит на железном быке и одевается в железо, в отличие от богатыря-*айыы*, ездящего на коне.

* *...от отца с матерью в память оставшаяся ... с духом-хозяином (агабыттан-ийэбиттэн гэрнэс каалбыт иччилээк)* — эпическая формула-заклинание, обращение к оружию, обладающему чудесными свойствами.

Быһа көтөн иилэн таһааранҕын,
Эмэһэтин үүтүнэн ытырда-ытырбытынан тагыс!
Бу таксаҥҥын
Эт бэйэбэр эргийэн кэл, ытырбытынан, — диир.
Тардан кээһэр дии. Абааһы гиэнэ көксүтэ барыта тимир буоллага, ого төттөрү тэйэн бэйэтигэр кэлэн түһэр.

4 Абааһы һоһуйар, манна һаҥалаак:
— Дьэ бу аллараа дойду киһитин,
Күнүм һирэ,
Атыҥырыырыҥ того одуутай?
Тимир дөлүһүөн отторо-талактара
Тоһуттараллара туоратыан!

5 Кыыс иккиһин төктүрүйбүт. Эмиэ бу тылын этэр:
— Агабыттан-ийэбиттэн гэриэс каалбыт
Иччилээк һэбим,
Того абааһыттан тэйдэккиний?
Кэбилэнимэ, кэлэйимэ.
Абааһы гиэнин
Көксүтүнэн һупту киирэҥҥин
Һүрэктээк тыҥатын быһа көтөн
Иилэн таһааранҕын,
Эмэһэтин үүтүнэн ытырда-ытырбытынан тагыс!
Бу таксаҥҥын
Эт бэйэбэр эргийэн кэл,
Ытырбытынан, — диир.
Тардан кээһэр дии. Идэтин кантан котуогай, аматтан коппот, ого эмиэ тэйэр.

6 Абааһы эмиэ һаҥалаак:
— Күн дойдута, туок буоллуҥ?
Абааһы киһитин атыҥыраатыҥ?
Тимир дөлүһүөн тиитэриҥ
Тоһуттан көксүбэр түбэһэллэрэ ыарыытай?
Мин бу үс кыыс
Ойуулаак оттоок
Орто дойдуга олороллорун истэн,

Легкие с сердцем вырви,
На себя насади,
Не выпуская, через задний проход вынеси! Выйдя так,
Ко мне возвратись, их на себе удерживая! — так говорит.
Пускает тут же стрелу. У *абаасы*-то спина ведь вся железная, стрела, отскочив, около нее падает.

Абаасы вздрогнул тут и говорит: 4
— Ну вот, почему так странно Солнечный мир
Человека-то Нижнего мира чурается?
Как необычно ломаются
Твои железные травы-тальники!

Девушка еще раз попробовала. Опять слова произносит: 5
— От отца с матерью в память оставшаяся
Стрела моя с духом-хозяином,
Почему от *абаасы* отскакиваешь?
Не отступай, не уклоняйся.
Спину *абаасы*
Насквозь пронзи,
Легкие с сердцем вырви.
На себя насади,
Не выпуская, через задний проход вынеси!
Выйдя так,
Ко мне возвратись,
Их на себе удерживая! — так говорит.
Пускает ведь тут же. Как стрела же может пробить, совсем не берет, опять отскакивает.

Абаасы опять говорит: 6
— Что с тобой, солнечный мир?
Человека-*абаасы* чураешься?
Железные травы-тальники твои,
Ломаясь, в спину так больно-то бьют!
Вот услышав, что три эти девушки
В узорнотравном Среднем мире живут,

Улаканнарын ойок ыла баран иһэбин,
Дьактар гынаарыбын,
Токтооҥ, болгойуҥ!

7 Кыыс үһүскээтин эмиэ ыыттага:
— Туок да үс төгүллээк,
Кайдак буоллуҥ,
Гэриэс һэбим, —
диэбит да эмиэ ыыппыта. Маайдыҥҥытынаагар ыарыылаахтык таппыта да, коппотого.

8 Абааһы дьэ эргиллэ биэрэр. Кыһыл түүлээк акка мииммит кыыс багайы турар. Абааһы:
— Һоок! Слаабуок!
Дьэ котуойум да, котуойум!
Ыраак һиртэн һылайан иһэр диэн
Бу һүрэк балтытын
Үөс баттата ыыппыт буоллага!
Дьактарым да, дьактарым!

9 Турбут да ис диэк тыынан баран үрээктээбит, һир кырсыттан. Оттуун-мастыын күдэҥҥэ көтүппүт, кыыс аттыын тараччы уҥан каалбыт. Бу үрэн баран төттөрү оборбут киһи богдо. Үрбүтүн чэҥкир айагын үүтүнэн ыйырбыт. Кыыстыыны, аттыыны эмиэ ыйыран кээһэр. Һыргатыгар мииммитэ да күн диэки эттэтэн испитэ.

10 Дьэ бу икки эдьийэ балтыларын күүтэн олордоторо. Удаганын көрүү көрөр:
— Кайыы, эдьий, өллүбүт.
Булчуппутун, һүрэк балтыбытын,
Абаах тойоно ыйыран кээспит.
Аны киһи буолар биллибэт.
Дьэ аны эн атаккар биллэр,
Күн диэки каам
Өйүөлээк, таҥҥан бараҥҥын,

Старшую в жены брать еду.
Своей женой сделать желая.
Вслушайся, погоди же!

Девушка в третий раз опять [стрелу] пускает: 7
— Трижды все свершается*.
Что с тобой,
Моя стрела заветная? — сказала и опять пустила. Больнее, чем недавно, попала, да не пробила.

Абаасы наконец обернулся-то. На рыжешерстном коне верхом-то девушка сидит. *Абаасы*: 8
— Ох! Слава богу!
Ну, вот так девка моя, вот так девка!
Думая: «Едет усталый издалека», —
Родную младшую свою сестру
Для первого угощенья, видно, послала!
Вот так жена моя, вот так жена!

Вскочил и, набрав воздуха, дунул так, что с поверхности земли трава, деревья — все прахом вверх поднялось, девушка с конем упали, обеспамятев. Вот так дунув, обратно вдохнул, чудище-то. Все сдутое, втянув в свой рот, проглотил. Девушку с конем тоже проглотил. В сани влез и в сторону солнца дальше потащился. 9

Вот две старшие сестры, младшую ожидая, сидят. Шаманка-то ворожит: 10
— Ну, сестра, погибли мы.
Охотницу нашу, родную нашу сестру,
Проглотил огромный *абаасы*.
Теперь в живых ли останется — неизвестно.
Ты сейчас же беги отсюда,
В сторону солнца иди,
Пищу, одежду с собой возьми:

---

* *Трижды все свершается (туок да ус тогуллээк)* — поговорка, основанная на вере в магию чисел.

Гэриэс аскын-таҥаскын.
Миигин айыылаагын һиэтин — каалабын.
Эдьийэ ытана-ытана гэриэс аһын аһаан, гэриэс таҥаһын таҥнан, бурастыылаһан таксан барбытын айыыта, күн диэк.

11 Дьэ бу кэннинэ, удаган бүтэй итии таас маанньыгы тутар, канан да тыын таксыбат. Мантытын оттон кээһэр, тэрийэр манна аһыы-таҥаһы. Дьиэтигэр таксан олордогуна, дьэ били абааһыта күртэрэн кэлэр:
— Һоок, котуой!
Эн ааккар кэлбитим, аллараа дойдуттан.
Күн-дьыл бүттэ — комуна огус.
Кыптыыйынан да кырыммыт кыраһыҥҥын кээһимэ,
Баһагынан быспыт кыраһыҥҥын бырагыма,
Комун. Иэдэйэбин.

12 Маныга Һимэксин кыыһа:
— Кайаа, тойонуом,
Ыалдьыт киһи кэллэгинэ
Таһырдьаннан бараааччыта һуок.
Илдьэ кэлбит киһи һиҥ илдьиэҥ.
Итии уорукка киирэн,
Итии чаайкаанна ис, ыалдьыттаа.
— Һоо, дьэ-дьэ! Киириэм-киириэм.

13 Һыргатыттан түһээт, тимир ылтаһын һокуйун һүлбу баттаан һыргатыгар быракта да, киирэн кэллэ. Дорооболоһор, олорор. Арай көдөгүнэ, аһыыр ас да һуок, остоол да һуок.
—Дьэ, котуой, аһыыр аспыт, һиир ирбит каннаный? Койутаатым.
Кыыс ыллыыр:
— Һээк. Биһиэкэ киһи аһыыр дьиэтэ түһунан буолааччы.
Бу һынньанар агай дьиэ.
Аһыыр дьиэбитигэр барыак.

Еду прощальную и праздничную одежду.
Пусть уж меня съест — остаюсь.
Старшая сестра, плача-рыдая, прощальную пищу съев, заветную одежду надев, простившись, вышла — и все, в сторону солнца пошла.

Вот после этого шаманка построила глухую горячую каменную баню, совсем без отдушины. Ее топит, готовит тут пищу-одежду. Когда у себя дома сидела, вот этот *абаасы* притащился: 11
— Ох, девка!
За тобою приехал из Нижнего мира.
Срок уже вышел, собирайся быстрее.
Ни лоскута от кроенного ножницами не оставляй,
Ни обрезка от срезанного ножом не бросай*,
Собирайся, спешу!

На это *Симэксин*-девица [сказала]: 12
— Что ты, мой господин,
Гость-то обычно,
В дом не зайдя, со двора не уедет.
Раз увезти приехал — все равно увезешь.
Войди в теплый дом,
Горячею чаю попей, погости.
— Ну, ну! Зайду, зайду.

Из саней выйдя, сразу же из жести скроенный свой *сокуй* снял, бросил в сани, вошел. Здоровается, присаживается. Смотрит: ни пищи, ни стола нет. 13
— Ну, девка, где же еда-угощение? Опаздываю.
Девица запела:
— Ах! Мы обычно отдельный дом для еды имеем.
Этот дом только для отдыха.
Пойдем же в дом, где едят.

---

* *Ни лоскута от кроенного ножницами не оставляй, ни обрезка от срезанного ножом не бросай (Кыптыынынан да кырыммыт кыраһыннын кээһимэ, баһагынан быспыт кыраһыннын бырагыма)* — устойчивая эпическая формула, употребляющаяся в смысле: ничего не оставлять.

14 — Оок, дьэ, дьэ! Барыак! — диир абааһы. Кыыс абааһытын тойонун били тимир чугуун, таас дьиэтигэр киллэрэр. Мантыта түннүгэ да һуок. Манна көрбүтэ остоолго эҥин-эҥин ас турар. Барыта тимир, ыстаал агай: остооло, устуула, кырабаата.

— Дьэ, ыалдьыт, олор! — диир кыыс. Дьэ аһатар.

— Чээй, эн аһыы олор. Мин һотору киириэм, — диэт такса көтөр. Оһогун атын һиринэн таһынан оттор һирдээк эбит. Ааннарын киһи таксыбат гына пайаайдаан кээһэр уонна оһогун дэлби таһаараттан оттубут. Инньэ гыммыт да дьиэтигэр баран таҥнаат эдьийин кэннитэн күрүүр.

15 Абааһы аһыы олордого. Көрбүтэ — дьиэтэ барыта кытаран барар.

— Кай диэк барбытай бу?

Эмэһэтэ, атага тулуппат.

— Һуука кыыһа эбит.

Ааныпан такса һатыыр, аматтан һуок. Котон арыйымыйа өллөгө ол.

16 Били кыыһыҥ баран истэгэ күн диэк. Бу баран төһөтүгэр- каччатыгар биир һиргэ эмиэ утуйбут. Бу утуйа һытан түүн киһи һаҥарарын иһиттэ:

— Кайаа, Һимэксин, того һытагын?!

Тур да күн диэк каам.

Эҥин-эҥин оттоок дойдуга тийиэҥ.

Ол оттор күн диэк өттүлэригэр

Үс һолотуой оттор туруоктара.

Балартан күн диэк муҥ уһуктара турар

Һолотуой оту ылан һиэ.

17 Дьэ онтон уһукта биэрэр, туок да һуок. Одуургуур. Түүлүн батан баран испит. Дьэ күтүр оттоок һиргэ тийэр. Оту тэлэн истэгэ. Арай үс баскуой һолотуой от турар. Үһүстэрин быһа тардан һиэбит, минньигэһэ диэн һүрдээк. Эмиэ баран испит. Дьэ бу баран биир дьиэни көрбүт иннитигэр.

— Ну, ну! Пойдем! — говорит *абаасы*. Девушка огромного *абаасы* в тот железно-чугунный, каменный дом вводит. Там даже окон нет. Тут видит *абаасы*. на столе разная-разная снедь выставлена. Все только из железа, из стали: стол, стул, кровать. 14

— Ну, гость, садись! — говорит девушка. Вот начинает угощать.

— Ну, ты ешь пока. Я скоро вернусь, — сказав, выскальзывает. Печь с наружной стороны имела вторую топку, оказывается. Двери заделывает, чтобы человек не мог выйти, печь снаружи сильно топит. Так сделав, в свой дом зашла, оделась и вслед за старшей сестрой побежала.

Абаасы сидит ест. Видит: весь дом начал докрасна раскаляться. 15

— Куда же ушла?

Зад, ноги его уже не выдерживают.

— Сучья дочь, оказывается.

В дверь выйти пытается — невозможно. Не сумев выйти, так и погиб.

Та девица так вот и шла в сторону солнца. Вот так идя, через какое-то время в одном месте уснула. Ночью во сне человеческий голос услышала: 16

— Ну, *Симэксин*, что лежишь?!

Поднимись и в сторону солнца иди.

Достигнешь местности, где разные травы растут.

С солнечной стороны от тех трав

Три золотые травы будут стоять.

Стоящую с самого края солнечной стороны

Золотую траву сорви и съешь*.

После этого сразу проснулась — ничего нет. Удивилась. Как во сне было предсказано, пошла. Вот местности с разными травами достигла. Травы раздвигая, так шла. Вдруг три красивые золотые травинки пред ней предстали. Третью, сорвав, съела: вкусно-то необыкновенно! Опять пошла. Вот следуя, впереди себя один дом увидела. 17

---

* *...золотую траву сорви и съешь (һолотуой оту ылан һиэ)* — в олонгко и в сказках о чудесном рождении героя часто встречается мотив рождения от матери, съевшей красивой золотой травки.

18 — Слаабуок, дьиэни буллум, — диир, күн диэк аанынан киирэ кэлэр. Көрбүтэ кэтэгэриин, түннүк анныгар үрүҥ көмүс остоол турар. Манна икки уол огокоон оонньуу тураллар. Аан тыаһыгар эргиллибиттэрэ:

— Аа, ийэбит кэллэ, ийэбит кэллэ, — дэһээт (һаҥа һүүрэ һылдьар оголор эбит). Һүүрэн кэлэн һаба түһэллэр. Кайыагай?! Барыта бэлэм. Бу оголору ого гынан һыттага бу дьактарыҥ.

19 Үһүс күнүгэр дуу, бу дьактар ыаракан буолбут. Одуу бөгө буолар: «Киһини кытта утуйбатагым». Кэмэ кэлэн кэпкэҥнээн, ыйа кэлэн ыаганҕнаан, үннэн кээспитэ бүтэй һолотуой ого төрүүр, кантытыгар да үөл этэ һуок уол ого эбит. Үөрэр-көтөр дьэ, үс оголонор. Бэсэлээ, айдаан-куйдаан.

20 Төһөгө-каччага оголоро арыый улааталлар. Эмээксин таһаара таксан одуулуур: «Төһө баайдаакпын эбит?». Арай үс амбаар турар: һолотуой, үрүҥ көмүс, алтан. «Туок эрэ баар ити амбаардарга. Көрүөккэ». Алтан амбаарын арыйа тарпыт, көрбүтэ туок да һуок, арай алтан пуруобулакалар эрэ һыталлар. Көмүс амбаарыгар — көмүс пуруобулака толору. Кыһыл көмүс амбаарыгар — эмиэ. «Оо, дьэ бэрт эбит. Туокка наадалаак багайыларый?!

21 Оголоро маамукталыыр кэмнэригэр тийэллэр. Бастаан алтан копсогор киирэн алтан пуруобулаканан устар күн биир маамуут багайыны өрөр. Истиэнэгэ иилэн кэбиспит. Утуйан каалбыт. Һарсиэрдэ, үрүҥ көмүс амбаарыгар устар күн устатыгар маамуут катан ыйаабыт. Үһүс кунугэр һолотуой амбаарыгар киирэн, эмиэ маамуут катар, һүүс быластаан. Ыйааттыыр буоллага.

Үс маамуутун биир күн эгэлэн кэлбит. Убайкааныгар алтан маамууту, ортотугар — үрүҥ көмүс маамууту, һолотуой уолга һолотуой маамууту биэрбитэ. Дьэ үөрүү-көтүү бөгө буолаллар.

22 Биир күн өрөөнөр, иккис күнүгэр убайдара:

— Чээй, дьэ таксыагын! — диир.

Таксарыта көтөллөр. Улакан уол алтан маамуутун түүрүнэ турбут, һир кырсынан далайан туран ырыалаак буолбут:

— Дьэ, бу Һимэксин котун ийэм

— Слава богу, на дом набрела, — говорит и входит в дверь с солнечной стороны. Видит: в переднем углу, под окном, серебряный стол стоит. Там два мальчика играют. На стук двери обернулись: 18

— А, наша мама пришла, наша мама пришла, — сказали (только что научившиеся бегать дети, оказывается), подбежав, бросились к ней. Что ей делать?! Все готово. Этих детей приняв за своих, так и стала жить эта женщина-то.

На третий день, кажется, эта женщина забеременела. Очень удивлялась: «С мужчиной ведь не переспала». Время подошло — стала ходить перекатываясь тяжело, месяц подошел — стала ходить переваливаясь грузно, разрешилась — сплошь золотой ребенок родился: этот мальчик нигде не имеет открытого тела, оказывается. Радуется-ликует, ведь троих детей заимела. Веселье, шум-гам. 19

Через какое-то время ребята чуть подросли. Старуха, выйдя во двор, оглянулась: «Сколько же у меня богатства?» Вот три амбара стоят: золотой, серебряный, медный. «Что-то есть в этих амбарах. Посмотрю-ка». Медный амбар открывает: ничего нет, только медные проволоки лежат. В серебряном амбаре — серебряной проволоки полно. В золотом амбаре — золотой. «Ну, хорошо-то как. Для чего же они предназначены?!» 20

Дети достигли того возраста, когда могут *мамутом* пользоваться. Вот сначала в медный амбар войдя, из медной проволоки в течение дня один *мамут* она сплела. На стену повесила. Заснула. С утра в серебряном амбаре в течение дня *мамут* сплетает и вешает. На третий день в золотой амбар войдя, опять *мамут* сплетает, в сто маховых саженей. Вот их повесила. 21

В какой-то день все три *мамута* принесла. Старшему — медный *мамут*, среднему — серебряный *мамут*, золотому мальчику — золотой *мамут* отдала. Вот радуются-веселятся очень.

День проходит, на следующий день старший брат говорит: 22

— Ну, давайте выйдем.

Выскочили во двор. Старший сын медный *мамут* намотал и, над землей размахнувшись, запел:

— Ну вот, моя мать, госпожа *Симэксин*,

Туокка эрэ наадалаак һэби
Устар күн устатыгар
Эрчимнээк эрбэгинэн эрийбит буолуоктаак.
Бу көлөнү тутар һэп буолуога бука.
Төрөөтө төрөөт һиргэ да һылдьыбатарбын,
испинэн билэн олоробун:
Бу дойдуга Караккаан тойон баар,
Бу Караккаан тойон үс уоллаак,
Ылгын уолун һүөһүтэ — алтан эриэн аттаак.
Караккаан тойон гуоратын күн диэк өттүгэр
Алтан копсокко ол уол аналлаак ата турар.
Алтан маамуутум иччилээк эриэн пиэтэлкэтэ,
Бу баранҕын алтан копсок истиэнэтин тобулан
Алтан эриэн ат ээлдэтигэр иилиллэ түс,
Илдьэ эгэл, —
диэт дьэ куһуурдар.

23 Иччилээк маамуут уунан-уунан Караккаан гуоратын күн диэк өттүнээги алтан истиэнэтин һупту киирэн ат ээлдэтигэр иилиллэ түһэр. Иньэ гыммыт да дьэ һубуйар.

— Көрүҥ, көрүҥ: тугу ирэ тутта маамуутум!

Төһөтүгэр-каччатыгар һубуйда-һубуйбутунан алтан аты күндээрдэн эгэлбит. Бэйэтиттэн үүннээк-тэһиинээк.

— Дьэ мин аттаак буоллум. Эһиги эмиэ аккытына көрдөруҥ!

Орто уол:

— Һарсын, — диэбит.

Киирэн аһаан-сиэн утуйаллар.

24 Һарсыарда орто уол:

— Таксыагыҥ! — диир. Таксыбыттар. Орто уол үрүҥ көмүс маамуутун икки илиитин толору түүрбүт. Каллаан диэк далайан туран ыллана турбут:

— Дьэ үүһээҥҥи тимир чылчалаак

Предназначенную для чего-то, должно быть, вещь
В течение целого дня
Сильным большим пальцем сучила.
Наверное, вещь эта для ловли коня предназначена.
Хотя от рождения далеко по земле не ходил, знаю:
Караккаан-*тойон* живет в этом мире,
У того Караккаана-*тойона* три сына,
Младший сын владеет медно-пестрым конем.
С солнечной стороны от входа в город
того Караккаана-*тойона*
Стоит в медной клети конь, сыну тому назначенный.
Пестрая петелька медного моего *мамута*
с духом-хозяином,
Так летя, сквозь стену медной клети пройди,
На основании рогов медно-пестрого коня повисни*,
Сюда его доставь, —
сказав, метнул так, что засвистело.

Мамут, имеющий духа-хозяина, вытягиваясь-растягиваясь, пройдя сквозь стены медной клети, стоящей с солнечной стороны города Караккаана, на основании рогов коня повис. Тут же [парень] начал тянуть.

— Смотрите, смотрите: что-то поймал мой *мамут*.

Через какое-то время, подтягивая, сверкающего медного коня приволок. С уздой, с поводьями [конь].

— Вот я коня достал. Вы тоже коней себе добудьте!

Средний сын:

— Завтра, — сказал. Вошли, поели, уснули.

Наутро средний сын:

— Выйдем! — говорит. Вышли. Средний сын серебряный *мамут* свой на обе руки, намотал. В сторону неба замахиваясь, запел:

— Вот у младшего из трех сыновей

* *...на основании рогов медно-пестрого коня повисни (алтан эриэн ат ээлдэтигэр ишиллэ тус)* — слово *ат* — «лошадь, конь» сохранилось только в олонгко. В хозяйстве долганы лошадей не разводят. В олонгко конь богатыря имеет рога, наподобие привычных долганам оленьих.

Үүһээҥҥи Үрүҥ Айыы тойон эһэм
Үс уолуттан ылгын уолун һүөһүтэ
Үрүҥ көмүс ата —
Үүһээҥҥи айыы гуоратын күн диэк өттүгэр
Үрүҥ көмүс копсокко баайыллан турар.
Иччилээк үрүҥ көмүс маамуутум эриэн пиэтэлкэтэ,
Үрүҥ көмүс копсок истиэнэтин һупту киирэҥҥин,
Бу үрүҥ ат гиэнэ эриэн ээлдэтигэр иилиллэ түс,
Эрийэн эгэл, —
диэт, туруору каалаан диэк куһуурдар.

25 Һүүс булас иччилээк маамуут уһаан-уһаан Үрүҥ Айыы тойон гуоратын күн диэк өттүтүнээги үрүҥ көмүс копсогу һупту түһэн үрүҥ көмүс ат эриэн ээлдэтигэр иилиллэ туһэр. Уол дьэ тардар.

— Кээй, дьэ тугу эрэ туттум!

Пирээмэ маамут ол-бу диэки көтөр. Кун киэһэриитэ уокка талы көтөн иһээктиир. Үрүҥ көмүс аты һубуйан ылар. Бэйэтиттэн көнтөстөөк, ыҥыырдаак. Мантыгын эгэлбит:

— Дьэ, бырааттар, мин аттанным! Һолотуой букатыыр, эн эрэ атыҥ һуок!

Һолотуой букатыыр һаҥарбат:

— Чэ, бэйи, һарсын, — диир.

26 Киирэн аһаан-һиэн утуйаллар. Һарсиэрдэ тураллар. Ийэлэрэ иһиттэрин-комуостарын комуйтун кэннэ, Һолотуой ого такса көтөр. Һолотуой маамуутун киллэрэн, утуйар коһугар киирэн дьаалатынан түүрэ турбут. Түүрүнэн-түүрүнэн баран маамуутун һанныгар ууруммут, аллара кээһээри туран, ыллаан ыыта турбут:

— Дьэ, бу Һимэксин эмэксин ийэм
Туок туһугар эрчимкээк эрбэгинэн
Һүүс буластаак кыһыл көмүс маамууту эрийэ турбутай!
Дьэ һубу ыстаал көмүс муостабын һупту түһэҥҥин,
Үс тогус пэчиэтинэй булууһу тобулу түс,
Аллараа дойду байгалын кырыытыгар баар
Абааһы гуоратын һупту көтөҥҥүн,
Абааһы тойоно былыр айыыттан уоран,
Тимир чугуун амбаар иһигэр кистээн каайан турар
Кара һуорумак ат ээлдэтигэр,

Верхнего Юрюнг Айыы-*тойона*,
Дедушки моего с железными волосами,
Есть серебряный конь.
Он привязан в серебряной клети,
Стоящей с солнечной стороны города верхнего *айыы*.
Пестрая петелька серебряного *мамута* моего
с духом-хозяином,
Сквозь стену серебряной клети пройди,
На основании пестрых рогов того белого коня повисни.
Сюда его притяни, —сказав, стремительно в сторону неба
так метнул, что засвистело.

В сто маховых саженей *мамут*, имеющий духа-хозяина, вытягиваясь-растягиваясь, пройдя сквозь серебряную клеть, на солнечной стороне города Юрюнг Айыы-*тойона*, на основании пестрых рогов серебряного коня повис. Вот парень тянет. 25

— Э-э, я что-то поймал!

Мамут его так и раскачивается туда-сюда. Когда солнце стало закатываться, взвилось что-то, огню подобное. Серебряного коня вытянул. С поводьями, с седлом [конь]. Вот его привел:

— Ну, братья, я коня добыл! Золотой богатырь, только у тебя нет коня!

Золотой богатырь не ответил.

— До завтра подождем, — сказал.

Вошли в дом, поели-попили, уснули. Утром встают. Когда мать убрала посуду, Золотой парень выскочил. Золотой *мамут* принеся, в спальную комнату вошел, небрежно стал наматывать. Смотав весь *мамут*, на плечи положил, прежде чем запустить вниз, запел: 26

— Мать моя, *Симэксин*-старуха,
Для чего-то ведь сильным большим пальцем
В сто маховых саженей золотой-то *мамут* ссучивала!
Вот этот стальной-золотой мой пол насквозь пронзи,
В трижды девять печатных [саженей]
мерзлую землю пробей,
Сквозь город *абаасы*,
У края моря *Нижнего* мира стоящий, промчись,
Вокруг основания рогов черно-вороного коня,
У *айыы* в старину господином *абаасы* похищенного

Эриэн пиэтэлкэ, эриллэ түс!
Иччилээк эриэн пиэтэлкэм,
Кара һуорумак ат ээлдэтигэр иилиллэ түһээт
Өстөөк-тыллаак буолаар.
Бугурдук:
«Дьэ айыы һүөһүгэ, айыы ата,
Бу абааһы дойдутугар
Иимэтэгиҥ-каппатагыҥ буолуо дуо?
Ол да буоллар һубу тардыыбар
Байгалы ыстанан аанан,
Абааһы гуоратын кырыысатын үрдүнэн көтөн иһэн
Тойон турбатын кэлин туйаккынан туура
тэбэн аанаар!» — диэн.

27 Ийэтэ эмээксин, маны истэ-истэ, куттана олордого. Уол маамуутун ыытан кээһэр, аллара һундулус гыммыт. Төһөтүгэр-каччатыгар байгал унүор кара чугуун копсогу маамуута һупту көтөн, кара һуорумак ат ээлдэтигэр эриэн пиэтэлкэтэ эриллэ түспүт уонна өстөөк-тыллаак буолбут:

«Дьэ айыы һүөһүтэ, айыы ата
Бу алталааккыттан аналлаагын
Һимэксин эмээксин уола
Һолотуой букатыыр ыытта.
Үйэ устата иччиҥ,
Кусээйиниҥ буолуога.
Бу абааһы дойдутугар иимитиҥ-каппытыҥ да иһин
Тардыытыгар байгалы ыстанан аанан,
Абааһы гуоратын кырыысатын үрдүнэн көтөн иһэн
Тойон турбатын кэлин туйаккынан туура тэбэн аанаар!».

Һаҥаран бүтэр да Һолотуой букатыыр дьэ һубуйар. Кара һуорымак ат байгалы ыстанар, абааһы гуоратын үрдүнэн көтөн иһэн тойон турбатын кэлин туйагынан төрдүнэн туура тэбэр. Дьиэлэрэ, абааһы гиэнэ, буруо каакына буолбут.

28 — Каай, эмээксиэҥ, үүһэ тыал буолла дуу, аллараа тыал дуу? Таксан турбагын көр!

Дьэгэ-бааба курдук багайы таксан көрбүтэ, турбата төрдүттэн һуок,

И в железно-чугунном амбаре заключенного-скрытого,
Пестрая петелька моя, обвейся!
Пестрая петелька с духом-хозяином,
Вокруг основания рогов черно-вороного коня обвейся
С такими словами,
Вот какими:
«Ну, скот *айыы*, конь *айыы*,
В этом мире *абаасы*
Не похудал, не отощал ли?
Но все равно, когда рвану,
Перескочив через море
И пролетая над крышей города *абаасы*.
Печную трубу его, задним копытом лягнув, сбей!» — так скажи.

27 Старуха-мать, слушая это, испугалась. Сын *мамут* пустил, и тот в нижнюю сторону мелькнул. Через какое-то время *мамут* его за морем черную чугунную клеть насквозь пробил, пестрая петелька вокруг основания рогов черно-вороного коня обвилась и такие слова произнесла:

«Ну, скот *айыы*, конь *айыы*,
Меня сын *Симэксин*-старухи к тебе послал.
Золотой богатырь,
С шести лет тебе хозяином предназначенный,
Вечно он будет тобой владеть,
Твоим хозяином станет.
Хоть ты исхудал-отощал в этом мире *абаасы*,
Когда [хозяин] рванет,
Перескочив через море и пролетая над крышей
города *абаасы*,
Печную трубу его, задним копытом лягнув, сбей!»

Как только [петелька] кончила говорить, Золотой богатырь вот и потянул. Черно-вороной конь перескочил через море и, над городом *абаасы* пролетая, главный дымоход, задним копытом лягнув, до основания сбил. Вот их жилище-то, *абаасы*-то, едкий дым застлал.

28 — Эй, старуха, верхний ли ветер поднялся, нижний ли ветер? Выйди, посмотри дымоход!

Чудище, Бабе Яге подобное, выйдя, смотрит: дымохода вовсе нет,

ат туйагын һуола һытар, күн диэк барбыт агай. Киирэн дьэ кэпсээтэгэ. Кыыһырыы буоллага.

29 Һолотуой уол иинээри иимми, катаары каппыт аты һубуйан таһаарар, көҥүл-боско ыытан кээһэр.

Утуйаллар. Убайдара:

— Чэ, барыагыҥ барар һирбитигэр!

— Эһиги, эмис аттаактар, барыҥ! Мин аппын аһата-уота түһүөм, — диир кыра уол.

30 Улакан уол алтан аты миинээт көтүтэн каалбыт, орто уол үрүҥ көмүс аты миинэр да каллаан диэки көтөн каалар. Һолотуой уол икки конор, атын таһаарбыт кайагаһа һонон һытар. Үһүс күнүгэр аллараа дойдуттан абааһы тойонун үөгүтэ-каһыыта иһиллибит:

— Дьэ, Һолотуой букатыыр, аппын көрдүү иһэбин. Һэрэнэн олор!

31 Маныга бу киһи алаҥаатын, оногоһун ылбыт, таҥнары кыҥыы һыппыт. Абааһы багайы айагын атан иһээктиир. Һолотуой уол:

— Дьэ иччилээк оногоһум,
Һыыһа туттума,
Айагын атар киһини
Һүрэктээк тыҥатын быһа көтөн
Эмэһэтин үүтүнэн ытыран таһааран эгэл.

Оногоһо абааһы һүрэктээк тыҥатын быатын быһа көтөн, ытырбытынан эгэлэтэн түһэрэр. Абааһы төттөрү күр гыммыта. Һолотуой уол бу һүрэктээк тыҥаны ылар, нэдиэлэ устата күтүрдээк мааста оҥорбут, каллааҥҥа ирэ тиийбэт. Төбөтүгэр абааһы һүрэгин, ортотугар абааһы тыҥатын ыйаабыт — күннүк һиртэн кэлбит-барбыт көрөр гына. Оныга диэри ата топпут, уойбут.

32 Дьэ үлэлээн бүтэн, биир һарсиэрдэ ийэтигэр этэр:

— Дьэ, ийээ, мин улакан убайым һуолун ирдиэм. Өлбүтэ дуу, тыыннаага дуу?!

— Бэйэҥ бил! — диир ийэтэ.

Һолотуой уол кара һуорумак атын миинээт орто дойду устун көтүтэр. Төһөгө-каччага Караккаан тойон тиэргэнигэр астарар. Атын көстүбэт һиргэ баайар. Көрбүтэ: Караккаан тойон гуоратын өлүү диэк өттүгэр мунньак баар, пирээмэ абааһы агай.

только след от копыт коня остался, он в сторону солнца ускакал. Войдя, вот это рассказала. Разозлились, понятно.

29 Золотой парень вконец исхудавшего, вконец отощавшего коня вытянул, на волю вольную отпустил.

Спать легли. Старший брат:

— Ну, поехали, куда собрались! — говорит.

— У вас кони в теле, вы и езжайте! Я своему коню отъесться-нагуляться дам, — говорит младший парень.

30 Старший сын, сев верхом на медного коня, [по земле] ускакал, средний сын, сев на серебряного коня, в сторону неба улетел. Золотой парень два дня ночует; дыра, откуда он вывел коня, так и осталась. На третий день из Нижнего мира громадного *абаасы* крик-рев послышался:

— Ну, Золотой богатырь, за своим конем иду. Берегись!

31 На это тот человек лук, стрелу взял, вниз стал целиться. Вот *абаасы*-чудище, разинув пасть, идет. Золотой парень:

— Ну, стрела моя с духом-хозяином,
Мимо не пролети,
В пасть разинутую войди,
Легкие с сердцем вырви, [их] нанижи,
Через задний проход вынеси.

Стрела, легкое и сердце *абаасы* пронзив, нанизала их, [хозяину] принесла. *Абаасы* с гудом ухнул вниз. Золотой парень эти легкие и сердце взял, затем за неделю огромную мачту-шест поставил, чуть до неба не достает! На верхушке — сердце *абаасы*, на середине — легкие *абаасы* повесил, чтоб проезжающему-отъезжающему на расстоянии дневного перехода видно было. К тому времени конь [его] отъелся, нагулял жиру.

32 Вот кончив работать, как-то утром матери говорит:

— Ну, мать, поеду искать следы старшего брата. Погиб ли, жив ли?!

— Сам решай! — говорит мать.

Золотой парень, сев верхом на черно-вороного коня, по Среднему миру помчался. Через какое-то время к подворью Караккаан-*тойона* подъехал. Коня в укромном месте привязал. Видит в стороне смерти от дома Караккаана-тойона большое сборище, ну прямо кишит *абаасы*.

33 Караккаан гуоратын айагын аһа баттаабыта, ааны туора куольтиир курдук убайын быракпыттар: аҥар карагын тэспиттэр, аҥар илиитин, аҥар атагын тоһуппуттар. Убайыгар:

— Бэрт этиҥ дии бараргар.
Того бугурдук буоллуҥ?
Киһиэкэ кыаттараччы киһи
Урут бараччыта һуок! — диир.

34 Көрбүтэ: биир ороҥҥо Караккаан тойон олорор. Һолотуой букатыыр ааны арыйан туран ырыалаак буолбут:

— Кайа, биһиги диэки
Омук киһини атыллаан киирэр
Айыы буолар.
Туок туһуттан бу айылаак оҥордугут?

Инньэ диирин гытта түгэк аан арыллаатын кыыс багадьы таксан ырыалаак буолбута:

— Кайа, биһиги буруйбут буолбатак.
Бу төрөппүт агабыт
Караккаан оҥорторбута.
Бу һытыаксыт улуу буруйдаак,
Ылгын убайым көлөтүн уоран илдьибитэ.
Онтутун иһин ити муҥнууллар! — диир.

35 Һолотуой уол:

— Тиэрэ тардыҥ. Буруйдаак да буруйа кэмнээк, дьыалалаак да дьыалата ааһар кэмэ буолла! — диир.

Аһардаллар.

— Һырыы киһитэ һылайбытыҥ буолуо, коргуйбут киһи үөскүн баттан — аһаа! — диир кыыс.

Һолотуой уол ааһан иһэн убайын үстэ һиллиир:

бастакытыгар — карактанар, иккиһигэр — илиилэнэр, үсүһүгэр — атактанар, бэйэтэ бэйэтинэн буолар.

— Дьэ ыалларга ыаллыак.

36 Караккаан тойону һупту кыыска ааһаллар. Караккаан тойон муҥ ылгын кыыһа эбит. Күндүлэһэллэр, маанылаһаллар. Таайаллар Һолотуой уолу. Алтан букатыыр уол өс кэпсиир:

— Үүһээ дойдуга орто уолбут манныкка түбэспит. Эмиэ уорбутун иһин.

Дверь Караккаана открыл настежь: поперек дверей вместо порога бросили старшего брата: один глаз выколот, рука и нога сломаны. Старшему брату своему сказал: 33

— Ты при отъезде бахвалился,
Почему же таким стал?
Человек, который уступает другому,
Первым не должен ехать.

Видит: на одной лавке Караккаан-*тойон* сидит. Золотой богатырь, открыв дверь, запел: 34

— Э-э, у нас [в дом] входить,
Через иноплеменника перешагивая,
Грехом считается.
За что это так с ним разделались?

Как только произнес это, в глубине дома дверь открылась и девица, выйдя, запела:

— Э-э, в этом нет нашей вины.
Это родной наш отец Караккаан так повелел.
Этот лежащий великой виной провинился:
У младшего брата коня увел.
За это такой мукой его наказывают! — сказала.

Золотой парень говорит: 35

— Переверните. И виноватому есть своя вина, и осужденному есть свой срок!

Дали ему пройти.

— Человек, в дороге уставший, наверное, и проголодался, утоли голод! — говорит девица.

Золотой парень, проходя, на старшего брата трижды плюет, от первого плевка тот прозревает, от второго — руку обретает, от третьего — на ноги встает, прежним становится.

— Давай погостим у хозяев, — [говорят].

Минуя Караккаана-*тойона*, прямо к девице прошли. Она, оказывается, самая младшая дочь Караккаана-*тойона*. Угощает, потчует. Узнали Золотого парня. Медный парень-богатырь новость сообщает: 36

— В Верхнем мире средний наш брат так же попался. Тоже за то, что украл.

37 Һарсыныгар Караккаан тойон уолаттара балтыларын абааһыларга биэриэктээктэр, курумнуоктаактар. Дьэ онуга Һолотуой букатыыр:

— Дьэ бу Алтан букатыыр күтүөккүт багаласпыта дуо? Ол абааһы уола күтүөтү кытта?

— Һуок!

— Дьэ багаластыннар, ким кыайбыт ол ыллын кыыһы!

Караккаан уолаттарын гытта һүбэлэһэр, һагылаастаһаллар.

38 Һарсыҥҥытыгар дьэ тэрийэллэр. Һолотуой букатыыр этэр:

— Эн каһан тулуйуонуй?! Бу мин һолко ырбаакыбын кэт. Оччого мин күүһүм көмөлөһүө эйиэкэ, — диир. Таҥастарын улары-тыһаллар. Һолотуой букатыыр:

— Мин куруллнуур кэмнитигэр кэлиэм, койут, — диэт барар.

Убайын абааһыны кытта көрүһүннэрэллэр. «Кимгит кыайбыт ол ылыа кыыһы!» — диэбиттэр.

39 Абааһы тойоно һөбүлэһэр, эрэнэр буоллага уолун. Дьэ тусталлар дии. Абааһы тойонун уола кээһэр дии — кыайбатак, иккиһин кээһэр — иккитэ эрэ эргитэр, үһүһүн кээһэр — аматтан!

— Дьэ, — диэбит, — Һэниэм элэтэ! Эн багалаа!

40 Алтан букатыыр ылаактаабыт догорун, маннайгы кээһиитинэн эргигитээктээбит, туһэриэк да эрээри атагар туруорбут, иккиһигэр — тайаннара түһэн баран өйүн булларбыт.

— Дьэ алларааҥҥы дьон киһитэ,

Һэрэннэгиҥ, муҥунан һэрэн!

Дьоҥҥун кытта простиилас!

Туок да үс төгүллээк — пуслиэднэй кээһиим! — диэбит.

41 Каллаан төбөтүнэн эргитэн-эргитэн баһын таҥнары тутан туран ыллаабыт:

— Дьэ, абааһы дьоно,

Иһиллээҥ этэр тылбын!

Киһигитин кытта простиилаһын,

Һубу кээһиибинэн

Үс тогус печээтинэй булууһу

Һупту кээһэн,

Назавтра сыновья Караккаана-*тойона* сестру свою за *абаасы* собирались выдать, свадьбу сыграть должны были. На это Золотой богатырь сказал: 37

— А этот жених — Медный богатырь состязался с ним или нет? С тем женихом — сыном *абаасы*?

— Нет!

— Пусть померяются силой, кто победит — тот и возьмет девицу!

Караккаан с сыновьями советуется, согласились.

Вот назавтра назначают [состязание], Золотой богатырь говорит: 38

— Где тебе устоять?! Эту шелковую рубаху надень. Тогда моя сила тебе поможет, — говорит.

Меняются рубахами. Золотой богатырь:

— Я позже приеду, когда будете свадьбу играть! — сказав, уехал.

Старшего брата, на поединок с *абаасы* ведут. «Кто победит, тот и возьмет девицу!» — сказали.

Глава *абаасы* согласен, уверен же в сыне своем. Вот борются. Сын главы *абаасы* вот [противника] бросил — не одолел, второй раз бросил — только дважды смог крутнуть, в третий раз пробует бросить — никак! 39

— Вот, — сказал, — вся моя сила! Ты попробуй!

Вот Медный богатырь схватил соперника, в первом броске крутанул — оставил на ногах, хоть мог свалить, во второй раз, поставив на четвереньки, дал опомниться. 40

— Ну, человек Нижнего мира,
Поберегись, очень поберегись!
С сородичами простись!
Все трижды бывает — это мой
последний бросок! — говорит.

По поднебесью повертев-покрутив, того вниз головой держа, запел: 41

— Ну, люди *абаасы*,
В мои слова вслушайтесь!
Со своим человеком проститесь, —
Этим броском,
На трижды девять печатных [саженей]
Пробив мерзлоту,

Аллараа дойдуга
Тиихин үҥуогун
Чаакыйа гына бырагыагым,
Ол дойду оголоро
Оонньуур гыныактара.

Дьэ кээһэр дии һири һупту. Мантан куттананнар, абааһы дьонноро төттөрү көспүттэрэ. Бу көспүттэрин гэннэ Алтан букатыыр курумнуу каалбыт.

42 Кара һуорумак аттаак Һолотуой букатыыр үүһээ дойдуга көппүтэ. Дьэ бу үүһэ диэки туруору көппүт. Онно дьэ Үрүҥ Айыы баар буолуога, төрөтөөччү-үөскэтээччи. Үрүҥ Айыыга тиийбитэ: орто убайа Үрүҥ Көмүс букатыыр илиитэ-атага тостон һытар, аттарын уорбутун иһин. Һолотуой букатыыр киирэн кэлэр, дорооболоһор, олорор.

— Дьэ туок туһуттан бу тойон убайбын Үрүҥ Көмүс букатыыры бу кэбилээтигит? Күн үтүөннэн кэпсээҥ!

43 Ылгын уол буол, агата буол туран кэлэллэр, өс кэпсииллэр:

— Бу ылгын уолбут аналлаак атын уоран-талаан илпитэ. Ол туһуттан бу буолла. Тыынын быспатыбыт, прости гын, — диииллэр.

44 Һолотуой букатыыр этэр:

— Дьэ мин һырыылаак киһибин.
Күнүм-дьылым ааһыага,
Һүтүктээкпин —
Һүтүкпун көрдөнүөм.
Каччага эмэтэ дойдубар
Һин эргийиэм, олокпор.
Дьэ бу Үрүҥ Көмүс букатыыр тугу һанаан аты уорбутай,
Эһиги ылгын кыыскытыгар кэлээри ылбыта.
Кыыскытын үтүөнэн дьактар биэрэн ыытаарыҥ!
Ону ыытыаккыт һуога да, куһаган буолуога.

45 Огонньор туран этэр:

— Һээ, дьэ биэрэн буоллага.

Дьэ тупсаннар, ыбааттыы-уруулуу буоллулар.

— Бэйэгит атаарыаккыт, мин кэлиэм һуога, — диэн баран Һолотуой букатыыр простилаһар да нөҥүө һиргэ көтүтэр.

Брошу так,
Что в Нижнем мире
Челюсти его превратятся в щебенку,
Той страны дети
Будут играть ими как игрушками.

И вот бросает в глубь земли. Испугавшись, люди *абаасы* обратно откочевали. После их ухода Медный богатырь свадьбу играть остался.

42 Золотой богатырь, черно-вороным конем владеющий, в Верхний мир улетел. Вот прямо наверх летит. Там Юрюнг Айыы должен быть, создатель-творец. Подъехал младший брат к Юрюнг Айыы, старший брат его, Серебряный богатырь, со сломанной рукой и сломанной ногой лежит за кражу лошади. Золотой богатырь входит, здоровается, присаживается.

— За что моего уважаемого старшего брата — Серебряного богатыря — так изувечили? Добром расскажите!

43 И младший сын, и отец встают, так и говорят.

— Вот младшему сыну назначенного коня увел-украл, [нас] ограбил. Вот из-за этого таким стал. В живых оставили, прости нас, — говорят.

44 Золотой богатырь говорит:
— Мне еще много надо ездить.
Время мое истекает;
У меня [случилась] пропажа —
Буду искать эту пропажу.
Когда-то в свою страну,
В свой дом вернусь все равно.
Вот этот Серебряный богатырь зачем
коня украл, думаете?
Чтобы за младшей дочерью вашей приехать.
Дочь ему в жены добром отдайте и их отправьте!
А не отправите — худо будет.

45 Старик-то и говорит:
— Да, конечно отдадим.

Вот помирившись, сватьями-родней стали.

— Сами проводите [их], я не приеду, — так сказав, Золотой богатырь простился и в другое место помчался.

46 Үрүҥ көмүс эргичийэ турар иэрчэк дьиэни көрө биэрдэ. Маны көрө биэрдэ да, атыттан түстэ, ыытан кээстэ. Бэйэтэ, һайыҥҥы һур бэлиэлээк буолла да, көтөн истэ. Иэрчэк дьиэни забаалитын тула көтө һырытта, көрүлээтэгинэ: биир кырдьа барбыт кыыс дьактар туннук диэки көрөн баран үлэлии олорор эбит. Дьактар киһи бэлиэлээги көрдө. Иҥнэтин, һүүтүгүн ууран баран, һупту көрөн олорон ырыалаак буолла:

— Дьэ балтыһак, Бүтэй Һолотуой букатыыр,
Мин кэннибэр балтыбыттан Һимэксин кыыстан төрөөбүтүҥ.
Ол һураккын истибитим.
Билиэ һуога диэн кубулуна һылдьагын дуо?!
Ыраак һиртэн кэлбит киһи
Коргуйбутуҥ буолуо.
Былыр үйэгэ биһиги үс эдьий-балыс этибит.
Һимэксин балтым
Миигин үүһээ дойдуга күрэппитэ удаганынан,
Ылгын балтыбын абааһы ыйырбыта,
аттыыны багастыыны.
Киир уорукпар.
Аһаан-һиэн баран
Дьэ өс кэпсиэм.
Таайабын барытын.

47 Бүтэй Һолотуой букатыыр илэ бэйэтэ буолар, киирэн кэлэр. Таҥаратыгар үҥэн, эдьийин илиитин убураан, олорор. Эдьийэ ас араа҅ын тардар. Үрүҥ көмүс остоол икки уһугар утарыта олорон түөрт аһыылаак үрүҥ көмүс биилкаларынан аһыы олордулар. Бу аһыы олорон эдьийэ, эбэтэ буоллага, дьиҥинэн:

— Дьэ, Һолотуой букатыыр огом,
Дьэ бу үүһээ дойдуга кэлэн
Үрүҥ Айыы аттыгар олоксуйбутум.
Үрүҥ Айыы үс уолуттан улаканнара

Вдруг серебряный, вертящийся на петлях дом* увидел. Как увидел, слез с коня, отпустил [его]. Сам серым летним горностаем обернулся и помчался. Носится вокруг завалин дома на петлях и видит: одна начинающая увядать женщина, к окну повернувшись, работает, оказывается. Женщина горностая заметила. Иголку, наперсток отложив, пристально глядя запела: 46

— Вот племянничек мой,
Цельный Золотой богатырь,
Уже без меня у моей сестры *Симэксин*-девицы
родившийся.
Весть о тебе дошла до меня.
Думаешь, оборотился, так не узнаю?!
Издалека приехавший человек,
Наверно, проголодался.
В давние времена три сестры нас было.
Сестра моя младшая
Симэксин своим колдовством помогла мне
в Верхний мир убежать,
Сестру самую младшую проглотил *абаасы*.
Войди в мой уютный дом.
Вот когда поедим-угостимся.
Новости расскажу.
Могу обо всем прознать.

Цельный Золотой богатырь самим собой становится, входит. Помолившись иконе, поцеловав руку тетке, садится. Тетка разную снедь ставит. Друг против друга на разных концах серебряного стола уселись, четырехзубыми серебряными вилками стали есть. Когда сидели-угощались, тетка, на самом-то деле бабушка, [говорит]: 47

— Вот, дитя мое, Золотой богатырь,
Вот сюда, в Верхний мир, придя,
Близ Юрюнг Айыы я поселилась.
Старший сын Юрюнг Айыы
Каждый день у меня гостил.

---

* *...вертящийся на петлях дом (иэрчэк дьиэ)* — см. коммент. к блоку 13 олонгко «Сын лошади Аталамии-богатырь».

Күн аайы миэкэ ыалдьыттыыра.
Бу олорон мин киниттэн икки уол огону булумньаламмытым.
Бунтуларбытын ойуулаак оттоок орто дойдуга
Агыс түннүктээк айдам-һайдам гуорат дьиэни туруоран
Онно каалларбыппыт,
Һимэксин кыыс балтым кэлэн
Ого гыннын диэн.
Ол кэнниттэн һолотуой оту һиэн
Бу эйигин төрөөбүтэ.

48 Аһаан-һиэн бүтэр, Бүтэй Һолотуой букатыыр:
— Дьэ эбээ, улакан уолуҥ,
Мин убайым, Алтан букатыыр
Караккаан кыыһын ылан курумнаан эрэр,
Аллараа дойду абааһыларын
Кыайан-котон ылбыта ол кыыһы.
Чүҥкүйэриҥ буолуо,
Бу улакан уолуҥ курумугар
Бэсэлээгэ барыаккын һөптөөк.
— Каай, огом курумугар барымыйа. Дьон көрүн, бэсэлээтин көрө! — диир эмээксин.
Күн-дьыл аа һыа диэбиттэр да икки аҥы көтөллөр.
— Мин атын һиринэн курдары түһүөм. Эн бара тур.

49 Эмээксин көлөтүгэр миинэр да, каллаан кайагаһынан таҥнары айанныыр, курумҥа тийэр. Киирэн кэлбитэ, курумнаан эрэллэр. Эмээксин дьэ барытын кэпсиир, билсиһэллэр. Төһөнү-каччаны олорбуттара биллибэт. Курумнуок да курумнаабаттар, Һолотуой букатыыры көһүтэллэр.
Үһүс күнүгэр дуу, каһыһыгар дуу, Бүтэй Һолотуой букатыыр киһикээн агай буолан (дьон курдуккаан) киирэн кэлэр. Дьиэлээктэр таайбаттар, Һолотуой букатыыры биэк күүтэллэр. Эбэтэ билэр:
— Һолотуой букатыыргыт бу атын буолан олорор буолбат дуо? — диэн ыйар буоллага. Дьэ курумнууллар, үһүс күнүгэр һарсиэрдэтигэр бутэллэр.

Так живя, от него я двух мальчиков прижила.
В узорнотравном Среднем мире
Восьмиоконный обширный дом-город поставив.
Этих детей там оставила,
Чтоб *Симэксин*-девица, сестра моя младшая, туда придя.
Сделала их своими детьми.
После этого,
Съев золотую траву,
Вот тебя она и родила.

Поев-попив, Цельный Золотой богатырь [сказал]: 48
— Ну, бабушка, старший твой сын,
Мой старший брат,
Медный богатырь,
Женившись на дочери Караккаана, свадьбу затеял:
Одолев *абаасы* Нижнего мира,
Ту девицу заполучил.
Наверно, соскучилась,
На свадьбу своего старшего сына,
На веселье тебе бы поехать следовало.
— О, на свадьбу дитяти моего как не поехать?! На веселье-забаву людей [надо] поглядеть! — говорит старуха.
Чтобы времени не терять, в разные стороны отправились.
— Я другой дорогой напрямик спущусь. Пока ты поезжай.

Села старуха верхом на коня и сквозь дыру в небе* вниз отправилась, на свадьбу приезжает. Входит, там свадьбу готовятся играть. Старуха вот все рассказывает, знакомятся. Много ли мало ли времени сидели, неизвестно. Свадьбу не начинают, Золотого богатыря ждут. 49

На третий день, а может и позже, Цельный Золотой богатырь, обернувшись обыкновенным человеком [похожим на простых людей], входит. Хозяева не догадываются. Золотого богатыря все ожидают. Бабушка его узнает:

— Вот Золотой богатырь, приняв иной облик, сидит здесь! — сказав, указывает. Вот играют свадьбу, на третий день под утро кончают.

---

* *...сквозь дыру в небе... (каллаан кайагаһынан)* — из одного мира в другой герои попадают через проход-отверстие.

50 — Дьэ оонньуокка наада. Кайдак киһиэкэ биэрдибит? — диир Караккаан. — Оонньооҥ үүһээҥҥи уолаттары кытта. Маҥнай дьиэлээктэр, һирдээктэр оонньоон көрүҥ!

Алтан букатыыр бырааты һолко ырбаакытын биэк кэтэ һылдьар. Алтан букатыыр биэрээри гыммытын Һолотуой букатыыр:

— Кэтэ һырыт. Эйигин һин биир оонньотуоктара. Мин бэйэм оонньуом һуога, — диир. — Кыайдым эрэ диэн алыс ыбылы туппат, кээспэт буол! Баламаттаама дьону!

51 Дьэ оонньуур һирдэригэр кэлэллэр, Караккаан уолаттара уонна Айыы уолаттара. Караккаан тойон улакан уола Айыы улакан уолун кытта тусталлар. Айыы гиэнин улакан уолун Караккаан уола түһэрбит. Икки орто уол тустубут. Айыы уола Караккаан тойон уолун түһэрбит. Икки ылгын уол тустубут. Бу тустан-тустан күннэрэ бараммыт, эрбии биитин күрдүк иэл-тиэллэр. Кыайсымыйа, тэҥнэһэллэр. Маныга дьэ күтүөтү көрдөнүөктэрин һааталлар. Күлэ-күлэ Алтан букатыыр Айыы уолун утары каампыт. Айыы уола Алтан букатыыры үстэ кээһэ һатаабыт.

— Дьэ элэм, — диэбит. — Эн багалаа.

52 Дьэ бу киһи, Алтан букатыыр, кээһэттиир. Иккитэ өйөөн түһэрбэтэк, үсүһүн эргитэн дьэ кээһэр оргууй агаай. Күүстээктэрин кыайдага. Онтон дьэ Караккаан уолун диэк кайыспыт. Караккаан уола күтүөтүн үстэ кээһэ һатаабыт, аматтан кыайбат.

— Дьэ күтүөт, элэм. Эн уочарыҥ. Кылыным диэмэ.

53 Алтан букатыыр эргитэн-эргитэн баран түһэриэк да эрээтэ өттүгүнэн түһэрбэтэк, иккиһин эмиэ. Алтан букатыыр кыннытын ылар да дьэ кээһэр, бэйэтэ туран каалар, арылча уҥа һыспыт киһитэ. Күтүөттэрин кайгааннар дьэ бүтэллэр. Үүһээҥҥилэр көтөн каалаллар.

54 Уолаттар гуорат кытыытын диэки бараллар. Һолотуой букатыыр ырбаакытын ылан кэппитэ убайыттан. Караккаан тойон кыыһын тэрийэн Алтан букатыыр дойдутугар көһөрдөн ыытар. Баайы баайдаан, һүөһүҥү һүөһүлээн ыыппыт. Һуол ортотуттан Һолотуой букатыыр этэр убайыгар:

— Ийэбит чуҥкуйдэ. Дьиэгин дьиэллээн олор. Эн дьиэлэннин. Мин дьэ бардым. Каһан эмэ эргиллиэм.

Кара һуорумак атын миинээт көппүтүн айыыта.

— Ну, игры качнем. Какому же человеку дочь выдали? — говорит Караккаан. — Посостязайтесь с парнями Верхнего мира. Первыми хозяева здешние попробуйте! 50

Медный богатырь все время, не снимая, носил шелковую рубаху брата. Когда Медный богатырь захотел вернуть ее, Золотой богатырь [ему]:

— Носи. Тебя все равно заставят состязаться. Я сам не буду играть, — говорит. — Думая, что одолеваешь, очень сильно не сжимай, не бросай! Не будь излишне жестоким к людям

Вот на место игр приходят сыновья Караккаана и сыновья Айыы. Старший сын Караккаана-*тойона* со старшим сыном Айыы стал бороться. Старшего сына Айыы сын Караккаана-то свалил. Два средних парня борются. Сын Айыы сына Караккаана свалил. Два младших сына стали бороться. Вот боролись-боролись, день кончился, [оба] равны, как зубья пилы. Не одолели друг друга, равными оказались. Зятя-то попросить стесняются. Смеясь, Медный богатырь навстречу сыну Айыы шагнул. Сын Айыы Медного богатыря трижды пытался бросить. 51

— Вот и вся моя сила, — сказал. — Ты попробуй.

Вот этот человек, Медный богатырь, стал бросать. Дважды, поддерживая, не бросил, в третий же раз, покрутив-повертев, бросил осторожно. Так одолел самого сильного. Потом к сыну Караккаана повернулся. Сын Караккаана зятя своего трижды пытался бросить — никак не может. 52

— Ну, зять, вот и вся моя сила. Твой черед. Не смотри, что шурин.

Медный богатырь, покрутив-повертев, не бросил на бедро, хотя мог свалить, во второй раз тоже. Вот Медный богатырь шурина берет и бросает, сам на ногах стоять остается, тот чуть сознание не потерял. Вот, нахваливая зятя, кончают. Люди Верхнего мира улетают. 53

Братья на край города идут. Золотой богатырь у брата взял и надел свою рубаху. Караккаан-*тойон* снаряжает свою дочку и на родину Медного богатыря отправляет. Богатством одарив, скотом наделив, отправил. На середине пути Золотой богатырь говорит старшему брату: 54

— Мать наша соскучилась. Живи дома, хозяйничай. Ты семьей обзавелся. Я же поеду. Когда-нибудь вернусь.

На черно-вороного коня сел да и полетел.

55 Алтан букатыыр көһөн истэгэ. Каһыс күнүгэр дьүрү дьиэтигэр һуғаһаабыта, каллаанҥа тийэр мааста көстөр, кытарар да көгөрөр да. Били Һолотуой букатыыр туруорбут маастата. Дьэ көрүлээн, үөрэн-көтөн олордокторо.

56 Һолотуой букатыыр айаннаан-айаннаан биир эмиэ үрүҥ көмүс иэрчэк дьиэни көрбүт орто дойдуга. Атын ыытан кээһэр, горнуок буолар да бу дьиэгэ көтөр. Эмиэ төгүрүйэ көтө һылдьыбыт. Түннүгүн туһугар кыыс багайы үлэлэнэ олорор. Кыыс иҥнэтин-һүүтүгүн ууран баран ыллана олорбута:

— Кайа, туок ураанҥкайа кэллиҥ?
Дьүрү тыа маанылаак булдагын дуу,
Дьүрү айыы киһитэ кубулуна һылдьагын дуу?
Айыы булдагын дуу, киһигин дуу — таайбатым!
Айыы киһитэ буоллаккына,
Итии уорукпутугар киирэн
Итии чаайбытын,
Итии миммитин иһэн тагыс.
Ыраак һирдээк киһи
һынньанан аас, — диир.

57 Һолотуой букатыыр горнуок буолан баран көтө һылдьыбыт күнү күннээн. Кыыс көрдөһө һатаабыт — аматтан... ол бэйэтэ. Үһугуттан киэһээҥҥи аһын аһаан кыыс утуйан каалбыт.

Утуйан үһуктан, һарсиэрдэ туран уотун оттон, һуунан-тараанан, чаай иһэн бүтэн эмиэ одуулаабыт — баайдыҥыта чип-чыка атын буолбут: ыт огото буолан ойуолуу һылдьар. Маныга эмиэ күнү мэлдьи ытана-ытана көрдөһө һатаабыт, таайбаппын дии-дии.

— Айыы киһитэ буолларгын, айыыгын таттар,
Абааһы киһитэ буолларгын абааһыгын биллэр!

Туок да таксыбат. Ужинатын аһаан утуйан каалбыт. Һарсиэрдэ туран уотун оттор, һуунар, аһыыр-һиир, остоолун һотон баран түннүгэр барар. Арай маайдыҥыта ускаан огото буолбут.

58 Маныга һаҥараары гынан эрдэҺинэ, кыыс аналлаак ата һүүрэн кэлэн, түннүккэ туран һаҥалаак буолбут:

— Дьэ, күннэрдээк күсээйкэ,
Тугун таайбаккын.

Вот Медный богатырь перекочевывает. На какой-то день к дому приблизился: достающая до неба мачта-шест стала видна, и краснеет, и синеет. То поставленная Золотым богатырем мачта-шест. Вот живут, радуясь-ликуя. 55

Золотой богатырь ехал-ехал и в Среднем мире опять один серебряный вертящийся на петельках дом увидел. Коня отпускает на волю, сам в горностая превратился и к тому дому мчится. Опять вокруг дома носится. Напротив окна девица-то сидит, работает. Девица, иголку и наперсток отложив, запела: 56

— Ну, что же это за *ураангкай* прибыл?
Или лесной почитаемый зверь,
Или же человек *айыы*, оборотившись, здесь ходит?
Зверь ли, человек ли *айыы* — не угадаю!
Если ты человек *айыы*,
В теплый, удобный наш дом войди,
Горячего нашего чаю,
Горячего нашего супа щербы искушав, выйди.
Человек из далекой страны, отдохнув,
дальше езжай, — говорит.

Золотой богатырь, горностаем оборотясь, целый день все кружит. Девица сколько ни умоляла — все без толку… Наконец, поужинав, девица уснула. Утром, проснувшись, встала, огонь разожгла, умывшись-причесавшись, чаю попила; пригляделась — давешний [горностай] совсем другим стал: щенком обернувшись, скачет. Тогда опять целый день со слезами напрасно умоляла, говоря, что не может угадать. 57

— Если ты человек *айыы*, дай узнать, что *айыы*.
Если ты человек *абаасы*, дай понять, что *абаасы*.
Ничего не выходит. Поужинав, уснула. Наутро встав, огонь разводит, умывается, ест, вытерев стол, к окну идет. А давешний [щенок] зайчонком стал.

Уже собралась было заговорить, предназначенный девице конь прибегает, у окна став, говорит: 58

— Вот, солнечная хозяйка моя,

Мин һүөһү ирээтэбин,
Кини төрүтүн билэбин.
Былыр үйэгэ
Ойуулаак оттоок орто лойдуга
Үс эдьий-балыс олорботоккут дуо?
Улаканҥыт үлэһиккит этэ,
Ортогут — күөсчуккүт, масчыккыт удаган
Һимэксин этэ,
Эн буоллагына булчуттара этиҥ.
Өлүү диэки уоран бараҥҥын
Абааһыны көрсубүтүҥ,
Ол күтүр эйигин ыйырбыта.
Ол түһэрэн бараан ойуутун эрчимигэр
Абааһы эмэһэтин үүтүнэн таксан
Үһүн дойдуга дьиэлэнэн-уоттанан
бу олордокпут дии.
Бу олороммун бэл мин истэбин,
Һурагы истибэккин дуо?
Орто эдьийиҥ
Ол абааһыны өлөрөн баран күрээбитэ,
Онтон һолотуой оту һиэн
Бүтэй һолотуой букатыыры төрөппүтэ.
Ол бырааты҂ҥ кэлэн эрэйдиир эбээт!

59 Дьэ онно таайар эдьийэ. Уол бэйэтэ бэйэтинэн буолар. Үөрүү- көтүү буолар. Дорооболоһон, угураһан дьэ олороллор. Ата кэлбит, Кара һуорумак, икки ат кыттыһаннар дьэ манна аһыы һылдьаллар. Төһө бириэмэни олорто буолла, буопсум уонча коммут уол. Дьэ биирдэ һарсиэрдэ туран, аһаан-һиэн бүтэн баран, Бүтэй Һолотуой букатыыр ырыалаак буолбут:

— Дьэ эдьиэ,
Эн диэн киһи үһүк дойдуга олорогун.
Тугу билбэтиҥ-көрбөтүҥ буолуогай бу олорон.
Көрбүт Ьиргин көҥү кэпсээ.
Бу дойдуга ого һанаам олорпото,

Что же узнать не можешь?
Хоть я и скотина,
Его родословную знаю.
В давние времена
В узорнотравном Среднем мире
Вы ведь три сестры жили?
Старшая из вас была работницей,
Средняя — *Симэксин*-шаманка — повар и дровосек,
Ты же была охотницей,
В сторону смерти тайком уйдя.
Ты *абаасы* встретила,
То чудовище тебя проглотило.
Когда проглотило, от силы прыжка
Того *абаасы* через задний проход ты вывалилась,
В обширном краю очагом-домом обзаведясь,
вот живем же.
Даже я весть услыхал,
Ты не слыхала разве?
Средняя твоя сестра.
Того *абаасы* убив, убежала,
Потом, золотую траву съев.
Цельного Золотого богатыря родила.
Тот племянник твой, вот придя, и мучает!

Вот тут-то тетка угадала. Парень сам собой становится. Радость-веселье наступает. Поздоровавшись, поцеловавшись, стали жить. Конь [его] черно-вороной прибежал, два коня вместе здесь кормятся-пасутся. Сколько времени прожил тут — неизвестно, в общем, с десяток суток пробыл парень. Вот однажды утром, встав, кончив есть-пить, Цельный Золотой богатырь запел: 59

— Ну, тетка,
Вот ты человек, на краю земли живущий.
Чего только не знаешь, не ведаешь, тут живя!
Про увиденное начистоту расскажи.
Молодецкая кровь не дает усидеть в этой стране,

Тэбэнэ һанаам тэһиппэтэ.
Онон дьэ кэпсээ.

60 Маныга диэбит эдьийэ:
— Кайа-куу, тугу да билбэппин.
Билэр һирим һоготок —
Бу канна эрэ Этиҥ ыраактаагыта баар.
Этиҥ ыраактаагыта үс уоллаак,
Төрдүс огону тулаайак огону иипитэ.
Ол иитийэк уол манна каста да ыаллаабыта.
Ону эрэ билэбин!

61 — Ээ дьэ, пасииба! Итиччэ билэр ирээтэ! — диэбит Бүтэй һолотуой букатыыр. — Һарсын ыйаар.
Утуйаллар, һарсиэрдэ буолар. Дьактар һуолу ыйан көр:
— Дьэ бу эн атыҥ һынньана илик, бу мин аппын миин.
Уҥа илиититтэн кыһыл көмүс һырайдаагын, биһилэгин, ылан биэрэр:
— Бу былыр былыргыттан биһиги ууска-төрүккэ
Ылгынтан ылгын огого буолар.
Гэриэс кэриэтэ,
Эдьийим биэрбитэ диэн илдьэ һырыт.
Койут ыччаккар биэриэҥ!
— Ээ дьэ, пасиба!

62 Бырастыылаһар, эдьийин атын миинэр, айанныыр дьэ. Бу киһи маала чаас барбат, били биһилэктээк илиитин диэки кэлтэгэйдии баттатар. «Кайа, догор, бу тугуй?!» Биир һиргэ түспүт һылайан, биһилэгэ булгу ыстанар да чээлкээ мэйиилээк кырдьагас огонньор буолар. Уол һоһуйбут.

Огонньор ырыалаак буолбут:
— Дьэ-куу,
Огом Һолотуой букатыыр,
Кирдик бу мин үйэттэн үйэгэ,
Төрүттээк төрүккэ
Ылгын ого эксээн гэриэс сэп буолабын.

Дерзкая мысль не дает покоя*,
Так что расскажи.

На это тетка сказала: 60
— Ну, милый, я ничего не знаю.
Знаю только одно —
Где-то живет царь Гром.
Царь Гром имеет трех сыновей,
Четвертым дитя-сироту воспитывал.
Тот приемный сын здесь несколько раз гостевал.
Только и знаю.

— Ну, вот спасибо! Вон сколько знаешь! — сказал Цельный Золотой 61
богатырь. — Завтра укажешь [дорогу].
Поспали, утро наступает. Женщина дорогу указывает.
— Твой ведь конь еще не отдохнул, садись верхом на моего коня.
С правой своей руки золотой перстень с печаткой сняв, ему дает:
— Эта вещь издревле в нашем роду-племени
От младшего к младшему переходит.
Как предков завет,
Что, мол, тетка передала, ты носи.
Позже потомству своему передашь!
— Ну, спасибо!

Прощается, на коня тетки садится, едет. Этот человек и часу не про- 62
ехал, рука с перстнем начинает перевешивать. «Ну, что же это такое?!» В одном месте, устав, спешился — перстень вдруг переламывается и белоголовым древним стариком становится. Парень опешил.

Старик запел:
— Ну, дитя мое милое, 63
Золотой богатырь,
Я и вправду из века в век,
От поколения к поколению

---

* *Молодецкая кровь не дает усидеть... дерзкая мысль не дает покоя... (ого һанаам олорпото, тэбэнэ һанаам тэһнппэтэ)* — слова героя, жаждущего подвигов.

Ити мин баттыыбын.
Ити эдьийгин үс күн эрэйдээтиҥ,
Ол иһин мин эрэйдээтим.
Айыыҥ аны поруос буолла.
Дьэ баран иһиэҥ,
Иннигэр үс болоһону көрүөҥ.
Инниҥ диэки.
Баларыҥ — Этиҥ уолаттара.
Балар дьиэлэригэр тийэн киириэктэрэ.
Һонно эн һолотуой мээчик буолан киирсээр,
Муоста ортотугар һытаар.
Элэтэ. Бэйэҥ билиэҥ онтон!
Биһилэгэ биһилэк буолбута каччага да баттаппат.

64 Туораттан үс киһи болоһо буолан ааһан ирэллэрэ. Иннилэригэр гуорат дьиэ багайы көстүбүт. Киһи буолбуттар да киирэн эрдэктэринэ, Бүтэй Һолотуой букатыыр һолотуой мээчик буолар да кытта киирсэр. Кинилэр кэтэгэриин ааспыттар, һыгынньактанан баран көрбүттэрэ муосталарын ортотугар һолотуой мээчик чэкэйэ һытар. Одуур-гаабыттар.

Улаканнара кэлэр да тэбэн ыытар, тиҥилэгэ тулла һыһар, мээчик каччага да камнаабат. Орто уол тэбэр — һуок. Ылгын уола һүүрэн кэлэн тэбэр — атага тосто һыспыт. Дьэ айдаан, одуу буолар.

65 Арай били Иитийэк уол кэлэр:
— Тугу этэгит?
Кэпсииллэр. Иитийэк уол көтөн кэлбит:
— Тугун таайбаккыт? Ити букатыыр киһи кубулуна һытар тааттараары.

Һуурэн кэлэр, быстар тыынынан тэбэн һырылатар. Бу тэппитигэр һолотуой мээчик икки аҥы кайа ыстанар да, Һолотуой букатыыр тура түһэр. Тулаайак уолу кытта уолуктаһан тураллар. Этиҥ гуоратын каардыы кааман таксыбыттар. Илэн дойдуга тийэллэр өлөрүстэ-өлөрсүбүтүнэн. Биир тыл һуок бу тукары. Ким да билбэт, төһө өр буолбуттарын. Иэл-тиэллэр иккиэн.

Каждому ребенку младшему становлюсь вещью заветной.
Это я перевешиваю.
Вот тетку свою три дня ты мучил,
За это я тебя мучаю.
Грех твой теперь оплачен.
Вот будешь ехать,
Впереди три смерча увидишь.
Впереди себя [увидишь].
То сыновья Грома.
До своего дома дойдя, в него войдут.
Тут же и ты, золотым мячиком оборотись, зайди с ними,
Посередине пола ляг.
И все. Дальше же сам решай!
Перстень перстнем стал, совсем не оттягивает [руки].

Мимо него, стороной, три человека, в смерчи превратившись, идут. Впереди них огромный город-дом показался. Когда [те], став людьми, входили, Цельный Золотой богатырь в золотой мячик превратился и вместе с ними входит… Они в переднюю половину дома прошли, раздевшись, увидели: на середине пола золотой мячик кругленький лежит. Удивились. 64

Старший из них подбегает и пинает, чуть пятку свою не сбивает, — мячик даже не качнулся. Средний брат пинает — нет. Младший брат, подбегая, пинает — чуть ногу не сломал. Вот они переполошились, удивляются.

Тут подходит приемный сын: 65

— О чем говорите?

Рассказывают. Приемный сын подскочил:

— Что же не догадываетесь? Это богатырь-человек, притворившись, лежит, чтоб мы угадали.

Подбегает, изо всех сил пинает так, что засвистело. От этого пинка золотой мячик раскололся на две части, да Золотой богатырь вскакивает на ноги. С парнем-сиротой взяли друг друга за грудки. Город Грома прошли, истоптав, будто снег. До какой-то страны добрались, не переставая биться. Без единого слова за все это время. Никто не знает, как долго это было. Силой равны оба.

66 Төһөтугар-каччатыгар бу Һолотуой букатыыр кэтэгин туок эрэ һааратар. Инньэ көрбүтэ: кэтэгин үрдүгэр һиэркилэ дьиэ олорор, һиэркилэ дьиэ иһин көрбүтэ Этиҥ ыраактаагы кыыһа олорор эбит — агата бэлэктээн ыыппыт. Эдьийдээк, эбэтэ маайдиинҥи икки өттүттэн кэлэн бу һиэркилэ дьиэни ыла һатыыллар:

— Токтооҥ! Бу һааратар эһигини!

Токтууллар.

67 Били дьиэни илдьэ бараллар. Эмиэ оксуһан бараллар. Кайа кайалара кыак ылсыбаттар. Өлөрсүбүттэриттэн үһүс дьыла буолар. Дьэ һэниэлэрэ баранан токтоон олороллор. Һолотуой букатыыр догоругар ырыалаак буолбута:

— Дьэ, Этиҥ гиэнин иитийэк уола догорум,
Эн биһикки кайабыт да кыайсыа һуок,
Күүспүт биир эбит.
Кыайсымына кырдьан өлүүһүбүт.
Онон бу того буппэппит?
Бырааттыы того буолбаппыт?
Биир быартан,
Биир агаттан төрөөбүт күрдүк буолуок.
Бииргэ олоруок мин олокпор.

68 Маныга Этиҥ Иитийэгэ:

— Тыый, һөп буолумуйа. Ийэ-ага һуок. Бииргэ олоруок.

Туксуһан бараанар, дьиэлэригэр барбыттара. Һолотуой букатыыр дьиэтигэр тийэллэр. Эдьийдэрэ, эбэлэрэ, убайдара, һаҥастара бары кэлбиттэр. Баайдыыҥҥы биһилэктээк эдьийэ кэлбит. Мукуччу. Баай байан, тот тотон олороллор. Һолотуой букатыыр Этиҥ Иитийэгин кытта биир дьиэгэ олороллор. Байан иһэллэр мантыларыҥ.

К какому-то времени что-то стало беспокоить затылок этого Золотого богатыря. Обернулся — на затылке его висит зеркальный домик, заглянул в зеркальный домик: сидит, оказывается, дочь царя Грома — отец ее в дар прислал. Тетки, бабушка его, между тем подойдя, с разных сторон пытаются достать этот зеркальный домик: 66

— Стойте! Это мешает вам!

Остановились.

Уносят этот домик. [Богатыри] опять начинают биться. Никто из них одолеть не может. Уже третий год, как начали биться! Вот, истощив силы, остановились и сели. Золотой богатырь, к сопернику обращаясь, запел: 67

— Вот, Грома приемный сын, мой друг,
Нам с тобой друг друга не одолеть.
Наши силы равны, оказывается.
Не одолев [друг друга], от старости, видно, помрем.
Так почему не кончим?
Почему не станем братьями?
Будем как из одного чрева родившиеся,
От отца одного.
Давай вместе жить у меня.

На то Приемыш Грома:

— Как же, конечно, правильно. Ни матери, ни отца [у меня] нет. Вместе будем жить. 68

Помирившись, домой пошли. Приходят к дому Золотого богатыря. Тетки, бабушка, старшие братья и их жены — все съехались. Та, перстень-то подарившая тетка, тоже приехала. Все. Богатство умножая, досыта наедаясь, живут. Золотой богатырь с Приемышем Грома живут в одном доме. Все богатеют.

НГАНАСАНСКИЕ СКАЗКИ

Источник текстов:
Корпус нганасанских фольклорных текстов
Института языкознания Российской Академии наук
http://www.iling-ran.ru/gusev/Nganasan/

Расшифровка текстов, представленных на сайте,
проводилась в поселке Усть-Авам (Таймырский АО) в 2003—2005 гг.
В расшифровке участвовали информанты:
Костеркина Екатерина Субоптеевна
Порбина Евдокия Демнимеевна
Чунанчар Нина Дентумеевна
Купчик Серафима Мудимеевна
Туглаков Курумаку Федорович

ТРИ ДЕВУШКИ И ПУРГА

Рассказчик — Валентина Бинталеевна [Мирных], запись сделана Ж. Л. Ламбером в 1997 году, переводчик Нина Дентумеевна Чунанчар.

СЕМЬ ПЕРЕВАЛОВ
СЯЙБЄ КУЄДЯҐА МАНЕ

Рассказчик — Нумуму Турдагин, запись сделана Е. А. Хелимским в 1987 году, переводчик Нина Дентумеевна Чунанчар.

ПОЕЗДКА В ПАРИЖ
ПАРИЖДЯ

Рассказчик — Екатерина Костеркина, запись сделана В. Ю. Гусевым, М. А. Даниэлем, П. К. Воляком 15 ноября 2003 года, переводчики Екатерина Николаевна (фамилия не указана), Екатерина Субоптеевна Костеркина.

В издании для записи нганасанских текстов использовалась система записи нганасанского языка, которая применялась специалистами Института языкознания РАН при создании Корпуса нганасанских текстов.

ТРИ ДЕВУШКИ И ПУРГА

Тєті тєґ, бєйкунаньку матусєту, бєйкунаькура нагўр коптуату — коптуабалаґа — коптуабалаґа тахариай мєньканьку, таакўчу манує, канагўє таакўтў тєичу.

Тєті тахариай коптуачу кєхыгыгєтыґ Кєхыгўєй котєкєндуєу тє сюрўдяа, тєньўмхўґ тахариай бєйкунаньку колыгєгатє. Четуа ньанує магєлче дяньку магєлче нилутуњ. Масаньукукєгєлчесуњ ньано деигєлчечу бахиакў — ньуєлыґ мєньканькўгўмўґ Мєньканькуґ — бєњсasy бахиа — бєњсasy бахиа.

Тахариай тєті канькєгўє тєсиєсє, тєня ногучиґ кєчи контагу нилыбининтињ тєрє канкєгўє сюрўдя тєрє котараґа ися конєнты. Магєлчєгєтє ньанує котумууа кунигєлчиґ ньанує kosy — ньуєлы котумєґ — котараґа.

Тахариаиґ тєті бєйкунаньку тахариаиґ курагуиґ ньанує матуњ тєкуатєту — єє. Њондикєты нясыґ ньуєнту сиркєкєты — оуґ комєнсеи, нинтеньы мєлиґ …

Тєниєриаиґ ньанує магєлчєгєтє ньанує kosy ньанує — тєниєнисы имуњхандуґ

«Тє, тахариаиґ бєйкунаньку мунунту, тєє, тымыніагўмў тєрє, xosyтуєгєлчеґ ньандяиґ ньамсаакунюґ маагўанюґ сюдюкиєґ тахариаиґ куняичевинюґ тымыніагўмў»

«Тєє, ньабутаґа нюєма нюкў сумўsамуґ хуудяґ»

Тєтє — тє, немысы тахариаиґ дириаку батугєтєту сєхудює, ємты нюкў дириакура.

«Макўчей ньєтєбинўнтє бєндяи хўтапталуня — тєтєтє. Бєндяи макўчаи ньєтєбўтє»

Тахариаи нўкў маачей нўкў нииґ, чотуа корсєрє ньансє ноњхує исё — еи, нюємоу — нўкў нииґ нєњхоманє ньуєґ нўкў биркиатєиґ сумўнтєму tosyґ

Тєтєтє, ыєґ — оуґ, тєчаґара тахариаиґ неєдя сєхosыє — тє, денхидиисє — денхидиisoy.

Тахариаиґ, десєптіґ нягєй котysaґаиґ дясикў чириитєсы биґиаиґsa — тєєґ — нягєиґ биє чикєлиє. Тахариаиґ, анды [нерунє] неруту ниидя єнты, хиремиаку єє — тєндє ни ньуємтєтєсє, ньанує кєхиаку, ма кєхиаку, андыґ, андыґ… дяньурysакєґ манує, андякуґ — тє, єє — пити, пити, питица, андыґ, дямакуґ, дямакуґ дяньурysакуґ, дямакуґ тахариаиґ ньомтуа

ТРИ ДЕВУШКИ И ПУРГА

вот, старик без соседей (живет один), у старика три дочери — несколько дочерей — несколько дочерей

бедный, олени. его у него, несколько оленей

дочери его добывают (куропаток)

куропаток ловят зимой, летом старик рыбу. добывает

вообще никакого нет никакого богатства. их

даже у их чума нюки плохие старенькие — конечно, бедные ведь

бедные — все у них плохое — все у них плохое

когда-то, коротко пусть долго живут, когда-то (долго ли, коротко ли)

зимой пурга стала настала

очень сильно запуржило, сильная пурга — конечно, пурга! — пурга

этого старика совсем чум заносит

выходит, кое-как вход откапывает — ох! беда! вдруг застрянут!

только так очень (сильная) пурга — так бывало

вот, старик говорит, сейчас вот, последние, наверное, запасы еды и всего закончатся, что будем делать сейчас?

вот, старший мой ребенок, дочь, хорошую погоду принеси (иди искать у бога хорошей погоды)

мать кусочек жира с места, где чайная посуда, вытащила, вот дочь жир тебе

хоть что встретишь по дороге, всех мажь жиром

дочка, ничего, дочка, не делай, очень характер снова плохой был — эх, дочь моя — дочь, плохого не делай, дочка, обязательно хорошую погоду принеси

ох, она пояс затянула — вот, оделась — оделась

точно хорошо на запада сторону с посохом пошла — ага — прямо ветру навстречу

на ее пути впереди, горка

на нее села, куропатки, (фу-ты) какие куропатки, эти, эти...

снегири (?), маленькие — ага — птица, эти, воробьи (?), воробьи

снегири, воробьи садятся, ей (на нее) на голову ее садившихся их (птиц) расшвыривает (отталкивает), ох, как мешают (= шумно, как про детей или соседей, шумят или все время приходят), кроме пурги этой

тєгєтуґ, нинті ньойбуєту нии ньомтуа тєндєи нягєи мєсєнёптугєту, оуґ, хиєма nasaacымы тахарауґ, ньонєиґ kosy тагє сыкєгєлчетыњ ньонтуа тєндуґ — ємєніє тєнє — тєсиєсє nasacюндюґ — чєтуа бахиаманы исюњ тєґ

«Тойњє тєгєґаа, ма ися мєнє, мєнє муакуњуґ»

Њунаи нераа — њунаи нераа бииґиа — оуґ, тєтіроу тє, њона хирамиаку ни њонаиґ њансутєsa. Сатюєґ коикєґ несўтюґ

«Тєндєґ сатюєґ коикєґ, оо, канъгачухуанє њухунакунсыє ємты» дирма сєбутањум. «Мадя мунурухана маачеґ хўsўґ, тує ниндєтым маагєлче хўsўґ, тує тагааsи»

Сысиєраты њамуєту, тєті нягєиґ, чирєратєнынты бєндикаи сатўчу тахариаи нињы њанує њурничуґ — тахариай тєсиєсє тє дуракє — тє туєиње.

«Мањуна тахариай чесагєиґ сылы хўтєкєтєбўтў тєсиєсє — хуаґаиґ — четуатєґ kosуту нєњхує»

Тє тахаирабє њонеиґ хиндиґиа, њонеиґ хиндиґиа бўтасє. Оуґ нерунє ниисє тахариаиґ маґ њєтумыє, њанудетє маґ О, тє тєниєн тєту нясычиґ тюґўsє, четуамы kosуту њанує, магєлчєгєтє њанує тєњгєты.

Тє њонеиґ тєњкурыєsы тєґ

Тєтє куниґиаичо ниньыsa сєкєрыґ сыты — тєтє куниґиаичо ниньыsa сєкєрєґ — ситєбы инягєту — єє, ситєбы инягєту. Тєтірє тахариаиґ чуўтєсє єнды матє чииті. Оуха, нягєй тахариаиґ сирачу тубаниєпталукєту бариитєты. Оуґ, хуаймачу бєндикаґ такє сєкєрєрыдедеґ хуаймачу манакўґ тубєтєгєту — тєґ, єє —бєнсє тухєлиисє. Нейдюєњалє, бєнсє тухєлииєґ

Оуґ, такєрє ма нитиарбыґыа нюsиатуа — тє — такє быє диреґєsы тєґ лендыптиаты. Єєґ, чайнитє чайњалаsамту хириитєсы хораисє — оуґ, хиємоу. тахариаиґ њамнамхату — тахариаиґ коу химтитє, тахариаиґ туимунєґ синъгитіґ

Єєґ — оуґ, силыче … мачєихиўтў лањєптиаирмўнўчу.

«Сылы матєнына инъу, мадя кинтєsу њєsуњы. Бєнди њондикєњ, ємєниє бахирє њємсиґ»

Тєґ, тєтє — тєґ, тахариаиґ, ныйкиарє кєпкуsиє, кўмаsичу марasичу силиякєsичу њєsиє єку, неначиє нињы њондиґиґ Нягеиґ њємсу бєлєнўєптаґ, нягеиґ бааби котубату, мєнды, тахариаиґ ня … нягеиґ, њанує тєны єндыкєты, kosуту дерманы тєндє минїњалє нягеиґ соњгучеса хоракєндиґ — оуґ, тєтірє, ма дямадяґа. Тєгє тєты њуєйбуи анды њуєчу серыґє тєндычу нягеиґ нинтаса хораисє.

садятся еще они — это ты … — сильно шумят — очень плохо поступаешь (Мирный как бы обращается к девушке)

да ну их, зачем меня, меня мучают

М: опять вперед — Б: опять вперед пошла

на другой горке опять остановилась

деревянные идолы стоят

эти деревянные идолы, ох, некогда из рукавицы этот жир вытаскивать (она говорит сама себе)

мне говорили, хоть что намажь, не надо, не буду ничего мазать, не надо, не буду

она сама съела, и так, своим посохом всех идолов опрокинула — ну и дура — да не надо (слова девушки)

что такое, в холоде кто будет мазать (не хочет на холоде этим заниматься) — М плохо

еще дальше, еще дальше пошла

о, впереди чум показался, настоящий чум

о, к нему кое-как дошла, совсем пурга, очень сильная

М: еще сильнее сделала (пургу; потому что она со всеми невежлива, от этого пурга усиливается)

как это не набился снег к ней? (в одежду: это как бы не текст сказки, Бенталиевна говорит от себя — Нина поняла это потому, что это вопрос, а потом они засмеялись) — чтобы была сказка — ага, чтобы была сказка

дошла, аа (как будто оговорка), в чум вошла

ох (устала), снег вытряхивать начала изо всех сил

о, бокари свои все набитые снегом бокари только что начала вытряхивать — ну — все вытрясла (не только бокари, но и всю остальную одежду)

разделась, все вытрясла

о, что за котел висящий — ага — там жир бульона застывший

он его продырявил, мясо вытащила, прямо это мясо рвать начала (зубами, жадно есть) — ох — огонь развела

в чайнике для себя чай кипятить начала

— очень проголодалась — солнце настал вечер, послышался скрип полозьев (пришли скрипы)

— ага - ох, кто-то … кто-то покрикивает

кто в моем чуме находится, почему дым виднеется

на улицу выйди, этого дикого разделай

Нягеиґ ласиєдюту ньанує камкєгўє теисюадяєрєгу — мая ихуасє — ласиадербаґєту бєнде маарай милысычи. Тє тахариаиґ мунунту, ма мунунту, тє мунуњуусуту тєті нумайкаґа .

Тє, кундаагєй.

Тє, кўсўагєй — єхє.

Кўсиатунда мунунту нумайкаґа тєті: «Тахариаиґ ємыґыа њоґ нягеиґ коундерымхиє чухуаны тахариаиґ немыма тусюсє, немыма туихўнўнтў тахара, кумучетує босумту бєндиє кєрєкєвсусєњ» — «Њолы єхы»

«Тахариаиґ њона тахариаиґ њуєля дялы лусиня мєґ, хуаймусиня мєґ — єєґ — њуєля дялы — тєґ Тахариаиґ хињхиґ тахариаиґ готовые инягєтыњ, хињхи тахара готовые куґ њаноманы серагўня корагундиґ — єєґ, серагўня — кўсиахў њонаиґ басахўна, серагўня — єєґ»

Оуґ, неначиара, нинтуґ босаламу тахариаиґ, куварбаи нягеиґ серыґє куничетє ихўнўнтў.

Нягеиґ тєндычу нєсурса хораґисє, нягєй њанує курагуиґ хорватугєту нєсурса нягєиґ — оуґ, неначиґиаиґ — бариитєту — тєтє нягєњыты — кєчимачеґ бєрубєлаичеґ мачє ињєґ нягєиґ бєндя њанує тєниґиа кєнканиоптаичу, оуґ, коу дерымхиє чухуаны тахариаиґ мињгитєґ туимунучуњ — тєґ — масаниимєны.

«Хоуха», хоусумунучу.

Єєґ, њуа, њуа биараты, єиґ, неначиє иниґиагўмў тахариаиґ чиєњыsы — тє, тєті бодюєдєsу њандяиґ єку — њоибує дирву иниґиа — хиємоу, хиємоу — єиґ, мањуна нервиакуњ њомтєбасањ хорагёра нягє.

«Єєґ — хоракумтє дептасаса корсакурє нейњхаа. — «Єє, њуєлы єхы»

Тєті тахариаґ тєндєті, тєндєті батутє њомтўисє.

«Єє — хоуха, нўкў чайкўтємє хириєбитє єхы хейбиакутємє»

Єєґ — ыса, хейбиаку, мєнє нињыњ тєsўґ сочурєндутєна — єбай тєтіка бахиа — тє, нисыsєм магєлче хириґ»

Оо, нягєй хорбатуту њанує сыты њусыди, магєлчєгєтє њудисанитў

«Оу, хиємоу — оу, нўкў ємты њуєйбуємє њона касаґ дёкубумбату. Єєґ — њуєйбуєма њєтадўа ўхўтє — єєґ

«йоу тує, хиємоу ємтырє нягєй тахариаґ бакє камиадиємту бакамту нињы хосєлмєптуґ, тєнє кєсаґам хуарумапту тєґ њуєйбуємєнынта, ємты мањуна нана насайкєптуњаsа — тєґ, мадетє ны. Мадямунуњу тымынєнты њуєйбує мєњєsєґ њона чайsиня хириґ

Мадямєнє чаркєптыкєњы — сюєптиаиґ тєґ ныдиґиа нєњхує ны — тєтірє тахариаиґ кутєґ кутуґ иніа чимсюисє — єєґ, ноњхуа ны тєsўтамодяґа — єєй.

девушка вскочила, ножи — что надо деревянные корыта нашла, наверное, она наружу вышла

мясо начала разрезать, оказывается, дикого убил, жирная важенка, несмотря на пургу, она почки с аппетитом сагудает (ест в сыром виде) — ох, какая обжора

голову (оговорка)... это... ноги занесла их начала обдирать (с них начала снимать камус)

так ведет себя, как будто бы когда-то здесь была (ведет себя как будто у себя дома) — когда (это она) была? (возмущается ее поведением) — ведет себя бойко, все делает (что хочет)

говорит, да нет, не говорит (исправляется на другое слово), говорит парень (что сказал — неясно)

вот, легли спать вот, встали

утром говорит этот парень

прямо в полдень мать моя придет

любое слово ее, все исполняй — за один день — вечером готовые чтобы были, вечером готовые одену перед тем — ага, одену — утром опять на охоту пойду, надену

о, девушка, слов нет (шустрая, молча, долго объяснять не надо, не надо показывать, откуда доставать), шкуры занесла откуда-то

она их выделывать начала, так сильно до пота выделывает (работает не покладая рук) — о, молодец — старается — это хорошо — пусть хоть как, хоть плохо выделанные, хот какие пусть, все вот так разрезала (недовыделала до мягкости, и уже стала резать — не следит за качеством)

ох, полдень, шаги пришли — ага — возле чума (произносит «сверху чума») — ох, вздыхает

ага, дверь, дверь открылась, бедная, старая старуха вошла — а, про нее говорил, наверное (парень), голова седая старуха (старуха с седой головой) — ой, ой — о, что за

она села у двери возле ее (на ее стороне)

ага — ох (старуха устала), девочка, чаю мне вскипяти мне для согрева

— ага — еще чего, для согрева! (возмущается — еще чего!), меня не видишь что я шью (разве не видишь, что я шью) — ой, плохая — не вскипячу ничего

так изо всех сил она шьет, увлеклась шитьем

эй, девочка, моя голова еще чуть чешется, голову мою проверила бы

Тє тахариаиґ химиєґ, ньоней туґуа тєті ньанасаґ

Тєнинты магєлчє боґ — тємабуєтєњу дилситытіагума — тахариаиґ кўsиатудя туґуа, кўsиатудя тахариаиґ

«Мунунту, тєґ кунуњу луче. Оу, мано тахариаиґ неначиґиа карчакаґа тахариаиґ луњыsы маньує дякўўєдяґа тахариаи сєхудюґє тєњєsєарай сєхудюґє, тєтєґ»

Єєґ — лєsиті тахариаи ньойкєгєлчемту мўтўаґ — фафа. Дякўўєsу сегєлюкўагєлче — фа.

«Єй тахариаи тєті, тахариаи тєті тєњўмўнтє нањхомєны соотўрєндуњ тєґ»

Тєтірє тахариаи нињыsы нимилиаґ — тєґ Тєндємту тахариаиґ нимилиєsы бєндиґиа, тахариаи єнды бєнди ньонсєsєasy ємыа ньолягєйтўнатє чейєты — тєґ Сити ньанасаґ, тєкєйчу тахариаиґ ємыа кєйкєґа masадеsудя ситіакєйsє — нўнярањкумыґєа, тєґ

Тєгєтєту тахара ньонєйхинди, ньонейгиали kosуту тєнкуґє.

«Тєґ», бєйкунањку мунунту.

«Оуґ, kosуту тыминіагўмў тєњкуєтє ньонієгиали — ньєsитєгєты — маньує нўєгўмў корсєњутysу бахиа исё. Магєлчє нинты кунягєлчєґ мєґ, єиґ, чотуа нањхотаґа»

«Тєґ дюнтує нюємоу тєнє конынькаань — тє тє тє, курєди или дюнтуєsу — тє дюнтує нюєsы тєґ тєптырбиєра — єи, ха»

Тєптірбиєра ньансє ньахysу куниґиаиху сыты тєптє тєниґиа ичу — тахариаиґ єлютўри тєґ

Тєптє тєніа иниґиа мєркалиє тєптє бакаатєнынты тєндємантє тєптє котураиsє.

«Оуґ, ємтыра ньєнигиали kosуту тєњкуиsє, тє тєминягўмў куниґиа ичебўнўґ, тахариаиґ кокиємєґ тєґ»

«Тєґ, биркиаиґ лапсєкаку нюєкўмўґ конынькауњ, тынsиєта нимє някўєгєйтє натє корсакурє неинсе тєґ нягє ичуєрєку игєту. Њона тєsиєsє тєґ ньондалкаку мєнє игєтуњ тєґ конынькєєњ — єєґ

Тєтірє тахариаиґ, деканылиисє — тєґ

Тахариаиґ тєті дириакуsємту тєті милиґиа.

Тахариаиґ бўютаsє бечикадя.

«Тахариаи тє ємкєи ньахугєйня ємєны коныдиєгєй єку, маньуна тєті хирємиаку нерємє»

Тєндє нии ньомтўиsє ниптўгўсиа, тахариаиґ мануєґ тєтєґ тєтіґиакуґ ньомтуа тєгєту нинті дямакуґ, сиракуґ — єєґ Тахариаиґ тєндє ньуєsє дямакуґ ємыґыа кємиґє. Тєтіґиакумту непсєптыєsы — тєґ, ньатагusуњку —

ой нет, ох эта (старуха) скребок (для выделки) державший скребок вышвырнула, тебя чуть не ударила по голове (девушка старухе говорит), почему мне надоедаешь — о, что за женщина, почему говорит так, голову проверь, еще чай мне вскипяти

почему меня задерживает (мешает работать) — правда женщина плохая женщина — и после куда-куда старуха исчезла — эх, плохая женщина дает (пример, чтобы были плохие женщины — ее поступки такие, что она дает пример будущим плохим женщинам; Мирных подразумевает, что бог дает плохих женщин) — да стемнело, опять приехал тот человек, ничего не говорит — что будет говорить, он сам все слышит — утром пришел, утром говорит, ну, где одежда, огромная твердую парку одежду без верха вытащила, меховые чулки вытащила, вот они (то, что она твердая, стоящая — плохо, значит, она их недовыделала)

ага — не может даже вдеть — фу-фу, одежда без верха даже мала (узкая) — фу, ой, ты оказывается плохо шьешь, он ее выволок (на улицу), ее поволок на улицу, на улицу вывел, два человека, эти половинки вот так прислонил к чуму с двух сторон — тепло стало? (ехидно — она приехала просить тепла, а ее порвали пополам)

и легко так; это преувеличено, просто сказка (это сказка сделала, это преувеличение)

потом дальше, еще больше пурга стала, вот, старик сказал, вот, туда дошла сказка до ее отца, ох, пурга сейчас стала сильнее — правду говорит — у моей девочки характер плохой был, ничего она не сделала, очень плохо, средний мой ребенок, ты иди — ну, ну, посмотрим, какая будет средняя — средняя дочь то же самое — ох, плохо, то же самое, как делала старшая сестра, и она тоже так делает — ну вы плохие!

также старуху прогнала скребком, точно так же ее убили

ох, пурга еще сильнее стала, теперь как будем, наверное, умрем, самая младшая дочь иди, дочь моя, у тебя, чем у твоих сестер, характер лучше как будто бы был, еще ты всегда поступала по-умному, иди — ага, вот, стала собираться, кусочек жира ей дали, она пошла навстречу ветру, мои сестры здесь, наверное, прошли, вон что за горка впереди меня, на нее села, отдыхая, эти садятся на нее, птички, снежинки, она одну птичку поймала, она птичку погладила — вот, снегирек (?) — клювик весь намазала натерла жиром, так всех птичек ловя, всем клювы (восстанавливаем: помазала) — ага — и опять выпускает, о, по сравнению с прежним, ветер стал стихать — да — а поземка все еще

хўдўємту куґ хўтаґа хўsaґa дириакутєны. Тєніґиа бєндикай дямакуй кємўsўсиа бєндяиґ хўдўтўњ — єє — њонеиґ топтыгєтычи.

Тє њонеиґ, охо, нимє мануєгўєгитє бесытєґ кондюлиґє няндыты тєситєгўє — тє тє тє — њанує тонсырбиагўє тєптєра котєраґа — тєњы тєті котєраґа.

Тє, њонєиґ нерєґа биґиайsє, тє, њонеи хирамиаку нии.

Єиґ, мањуна ємты, чирєту. Хианькє миєsу.

«Єи, мањуна ємтыра сатює тыминягўмў — єє — дювылыхиаsындаґ»

Тєндичи тахариаиґ куґ нетєруту, бєндяиґ њано нетєрундачу, куниґиа несўхўєтуњ мантє — ха, ха, несўхўєтуњ мантє — тєндычињ тахариаиґ бєндиґиаґ хўsўўчу, бєндиґиаґ хорўчуњ хўsўтў, диртєнынты, курагўй диремты бєндя сюсюsaґa.

Охо, њано няґє дялы ися… тєгєтє биґиаиsє, няґє дяламоґа тєґ, тєминіагўмў биєsы ломнує куґ тєніа. Дюмунту тєтілиай — ммм — тє њона ма няйдимсиsє няндыты тєґ

Тє ма, теґ нерамє тахариаиґ masурбаґа њєтыныє, тєндє матє чиґє.

Сылыгєлчєґ дянгуґ

Masичу ичењу — сюрўгўачу ємыґыа тухєлиґє, ма гєлчиґ нитеиґдя, гєлчиґ нинты сєњўра.

«Тє, ємныи кusам masасиґе туйхў мєнє хуарутєту».

Тєны тахариаиґ батутєны тємну мусуугиркєту — њолы мусєгирєґ

Тахариаиґ, камкагўє инсюsє туймунучу.

Тєма сылы матєнунтє инў, туйкўємту торєsaґa, кинтєsыкўєты тєґ мам.

Тєє сыты тах. Њоньдиґє. Маагєльче силякањкугєличе кўмаагєличе маагєльче нинты њонсєsу-ґ Тєніґиариаиґ њондиґє, тє тєніґиа кєндєдя конынты. Тє сыты тах. тєті куєдюму тєті кўмаа-мту миди-ґє. Тє силиґиакєsичу тєті куєдюму бєньдей силиґиакєsичу силиґиакєsичу тєsaґa. Тє-тє њємсату њємсату њємсату силиґиакєsєґ Њуґєйкєльчиґ мўндаґкуsємту нигєты њантудя кондуґ Тєніґиа кууґ тах. њємсачу /декиґє/, њємсиґє. Матє серыґичи.

Мунумунучу: «маа нињынь ниинтєґ њуєче»

Њуєчу тєніґиа. Њала хўєті дяsєту буєкєту.

Тєє тєбтє кєрура њансє кўsиатундє мунунту: «Њуґєляа дялы луусине мыєґ хуаймusине мыєґ. Тах. манує дялыты коундерымхиґ немымє туґсюsєґ Немынє курєдиче буєsу бєньде карєбумбєґ»

«Тє тєті тах. … оуґ тах. мыњгўмўнє курєдимєєны канимєлиґ тах. луугўмўй хуаймўгўмўй мечебинє тыминіагўмў?»

такая же сильная — все равно пурга, она пошла дальше, опять на другую горку.

эй, что это, посохом задела, носком подвинула, что это за идолы когда-то — ага — разбросали, наверное, не занесло их на горке, на высокой земле они находились, ветром поддуваемые (скорее, от лица Бенталиевны), она их всех поставила, всех поставила стоя, так же, как они стояли — как стояли — она их всех смазала, всем лица смазала жиром своим, даже жир весь закончился, ого, прямо хороший день (хорошая погода)… она пошла дальше, хороший день стал, сейчас ветер смягчился, только снегопад — ммм — так-то утихнет, кажется (даже снегопад утихает = только снегопад, и тот исчезает), ну вот, впереди показался чум, в этот чум вошла.

Никого нет, зачем они ей (ей никто и не нужен) — снег с себя вытрясла, никуда, ни в какие котлы не смотрит. — Здесь буду (не будет ходить по чуму без спросу), чума хозяин придет, вдруг будет ругаться, у края постели неуверенно сидит (кое-как сидит, ерзает, сидит, боясь, сидя прижимается) — конечно, боится, — когда-то упряжка подъехала, кто в чуме есть, огонь-то разожгла, дым-то идет (дымится) (из чума)

И она тогда вышла. Ни деревянный поднос, ни ножа, ничего не вынесла, так просто и вышла, и только так к санке двинулась.

Он, этот мужчина, дал ей свой нож. И деревянные корыта (мясо класть) этот мужчина этот ей поднес. Деревянные корыта для мяса. Ни разу ни один кусочек к своему рту не поднесла [зачем она будет так делать]. И так она все мясо разделала (на большие куски). В чум занесла.

Говорит: «Почему не обдираешь (твои — в смысле оленя) ноги?» (он) Ноги она обдирает (снимает камус). Только разговор с ней ведет (только словами подсказывает ей, как чего делать). Так, между прочим, опять так же он утром говорит: «За один день сшей мне парки и бокари. Когда настанет полдень, придет моя мать. Любое слово моей матери (любое желание) — все исполни».

«Каким образом так быстро я сошью парки и бокари прямо сейчас?»

Шкуру, одну-то шкуру выделывает, одну шкуру до середины выделала. В то время, когда прямо настал полдень, вошла старуха.

«Что за девочка сидит? Как ты красивая, так же чтобы была добрая душой (лицо повторяя…).

Оу, устала совсем.

Кубу њанує њуґєсє кухугўє нєsуру нєsуркєту дюsы дермєєнынты нєsуґєту. Оуґ тєємыльчтєны тах. няагєиґ дялыты коуњ дерымхиґє чухєны тах. тєті иніґиа чииґє.

«Оухуа маањуна нербиаґку њомтўњўєу, хорааґкумтє тєняриси корсаґкурє неињхиаа. О-єуґ тах. бєнаґинє тєґ Нюкў маа нињынь чаиґкўтємє хириґ хейбиаґкутємє.

Тєндє њусыдимты хуанса тах. иніґиа чаисє хириґє, чаиґкўsємту бєбтаґа.

Тє чаиґкиґє тєндє хує мунумунучу: «Оуґ, нюкў ємты њойбуємє четуа дёкуту, маа нињынь њойбуємє нюкў њєsєґ»

Тє-тє тєндє нєњудиємту кубумту ємыґыа хуануґє нимєєнынты.

«Тє куніґиа коsу њєтєгуsєм њойбуємтє»

Иніґиа њойбує тах. Њєтєуґкиґє.

«Оуґ коуsу тах. ємты коуту тах. хиємє часумє»

Маагєльчегєтє тах. аникаґа коуsу.

Сиєsы хиємє тынъгайчуде.

Тєніґиа ємыґыа кєсаґ ємыґыа качемиґєsу оуґ оуґ тєні тах. њудиґкєхиаsы сяйбє ны. Сяйбє кобтуа. Курєгуиґ њанує лууєй куулюўчуњ хуаймуй хиєдей њусытыґ. Тєґє няагєиґ ємыґыа игєту, тє толыєриамєны тєті маараай лєыркєты њомтуй.

Тє, тє мунумунучу: «кунуњу њамиайле» [єєґ], Хелиє кєитєєрє.

Хелиє кєидя њонєиґ кєњхєбтыґєsы. Хелиє кєидя њансє качемєндутєту тєбтє њансє коуту четуа аникаґа маагєльчегєтє. Тєндє њансє дериамыґєsы. Тєндє њансє сяйбє куєдюму њудиґкєхиаsы кєндєй курєгуиґ њусытыґ Коу њануємєны тєны њанує тєндє нану коу кунсыны њанує њусыґ деркатундуґ њусыди.

«Тє, тє хуєха, тах. њойбуємє нюкў чурабтаґањ тє»

Иніґиарє, тєніґиариай чимситаґа.

Даже нинты њуамєны њонсыгєльче.

Тєніґиариай малкуsиґє, тєндє иніґиа бўўтўндє тах. ємнысюєдеє ємыґыа чабтімєты куху. Кєsиа ємиче маањунаґ тыминіа. Лууґ, хуаймуґ, хиєдеґ куєгуну хуалубєsатєґ кубаґа нану.

Тах. тєляичу ниньы хуанєєґ

Тах. кууґ њурєкуєлиґиsє

Тє са, кууґ тє єрєкєрє њанує хотємєґ лууґ Тє, няагєє, хуаймуґ лууґ

Тє тах. иніґиа, кўsиатундє маа иніґиагўмў, тєті тах. черєsы тууґє тєті.

Тєбтє њансє баби котубату.

Ничекєты мунєґ маай мейњынь кутуґ

Тє тах. кўsиатундє, «тє кунуњу месиєдеиче»

Дочка, почему бы тебе не вскипятить мне чаю горяченького.

Отложив эту работу, девушка вскипятила старухе чай, чай ей налила.

Попила чай, после этого сказала: «Оу, дочка, у меня сильно голова чешется, почему бы тебе не проверить мою голову?»

Она шкуру, которую выделывала, постелила на себя (на колени, видимо).

«Ну где, бабушка, давай проверю твою голову».

И она стала проверять старухину голову

«Ой, ее ухо какое огромное»

Слишком большое у нее ухо.

Отверстие какое глубокое!

И так она украдкой (чуть) глянула в это ухо, а там начали шить (давно уже шьют) семь женщин, семь девушек. Итак, парки некоторые (шьют), другие бокари и сокуи [сейчас-то]. И так она как будто хорошо делает, и она специально щелкает (спец. глагол) (так, как щелкают гнид) вшей (как будто бы). Говорит: «Ну, где второе (ухо), на другой стороне (ухо)?» На другую сторону перевернула (голову старухи). На другую сторону взглянув, опять ее ухо такое огромное, сильно (огромное).

Опять она подглядела. Там опять семь мужчин работают, санки всякие делают. И там они внутри ухо только так работа (то, что делает человек) стучат работая. Ну, сейчас, дочка, ты мою голову освободила (досл. проветрила). Старуха вмиг исчезла [вот это да!].

Даже в дверь не вышла [откуда старуха (обычная) будет-то (он не верит, что это обычная старуха)]. Только так исчезла (мелькнула), после ухода старухи шкуру, которая была (на коленях), она приподняла. О, что это за такие! Парки, бокари и сокуи, оказывается, давно положили под шкуру. О, это хорошо.

И она только эту готовую одежду аккуратно сложила. И она очень хорошо стала отдыхать. Тише (обращаясь к Мирных). Очень красивые расписанные парки, бокари. Итак, старуха, утром о, да не старуха, обитатель чума пришел. Опять убил дикого. Даже не спрашивает, что сделал, да что как.

Итак, утром (спрашивает): «Ну, где твоя работа?» Их она стала вытаскивать. [Ну конечно, старуха] «Ну, ты прямо угодила мне. Ну, теперь вот так делай.

Иди к родителям, на улице так тепло. Так тепло, даже мозгу жарко от солнца

Ну, иди к родителям. Как дойдешь до отца, до родителей, так делай,

Тєндічи тах. Сєбуґтєту. Кууґ њанує хўтєсєтудя њ. Меймыєрєгыґ

«Тє тах. сюєбтіаиґ корсємє дерысыґєњ Тє тах. ємыґыа њуєґ Коныґ десыгєитєдя, кууґ бєнтієзы куєрањку».

Кує хекуты курєгуиґ дятєны курєгуиґ коуѕу хекутыґ

«Тах. коныґ десыгєитєдя. Тах. дедитєты тах. Чуўбўнўнтє. Десыгєитє на чуўбўнўнтє тах. энтыгєњ нилутєрє туйхуату. Тах. десыгєитєдя єнды /єєє/ єнты ємты дяњубалє ємты нитіаґку нєњхє нитіаґку тєичу Ємиаґку кондуґ Њанугўє њамсаґкутєѕу хуанєґ Ємиаґкурє тах. ємты ємты нєњхє нитіаґкурє єнды масє њуа нии койкєбсыѕєрє. Тутыѕє тєніґиа койб(в)ымбиасє. Ниихиаґ десыгєитєдя маагєльче дебтасєґ».

Тєтірє тах. кууґ сємугали њ. хезытыгєты десыгєитў. Оуґ десыгєинє макўмў тє ємынікєрааны ихоаѕу.

«Маадя єхы туйхуахўємє котєраагєтє кунтєгаґа ичуєрєку. Кууґ њ. десыгєине масємті тубєтєтугєй њ. кууґ њ. њуґєйкєльче сємугали. Оуґ хиємє десымє немымє масємті кууґ тубєтєтугєй.

Тєндє тах. нитіаґкумту ємыніє кєитє койґєты масуґ њуа ниикє. Тєгєтє тах. Бўўтасє. Тє матєту тах. кууґ десыгєитў на сєбкўляґа тах. хиємоуґ тах. тє тыњгўмўнтє нюкў маагєльчегєтє тєсиєсє тєґ… Тє тєндє маа десыѕы тєті кєхыѕінєлєхиасє. Њуєлы тєті тылианы тєті нихў… нихў няагєє дяламєґ єхы сыты тєндє лууй маа нихў њусыдеґ. Тєніґиа тах. кєхиаґкураатєны чаиґкиґє быєтєны.

«Єиґ. нендыњыѕы корсаґкурє…, єиґ кунуњугєй њахудяєкєиче».

«Єиґ, њахудяєкєине коугуну котурухуаѕанді».

«Ичету њуєлы нємбўґ корсюті ниидеґ, њуєлыгєй єхы»

«Четє њанасє ися кырумєбтураґагєй».

Єнды кундаґиндєґ Оуґ тах. кўѕўґўаґ кўѕўатундє сыты мунунту: «Оуґ тах. маадя ємты чуўмє хунсєєрєкы. Њонєє маањуна тс. њонєє ємыніє њанасаґ кєдянынє кундату. Єєґ, тєтірє тах».

Минтіагєны тєтірє тах. тєндє чуўне, чуўне чабтіметы, «кєзиа ємтырє маањуна тах. кууґ єрєкєрє масє ману тєґ кууґ сиєбилиаґку исює деисєбтє. Тах. кууґ єрєкєрє масурбаґа Мєнє тах. кууґ матєѕє лууне њ. бєрє ниинінє ичуґ лутіазианьдеґ кууґ малибтіаньдеґ кууґ хуєймане сочаланьдеґ. Тє такєє немынє тах. лууґ тєґ иніґиаиґ лууґ тєбтє матєѕєичу няагєєґ њ. Тєрєдиґ Њадючуњ бинєб(в)уєґ кууґ оуґ тєбтє лутіадеґ кууґ тєбтє єрєкєрє. Десымє тєбтє»

Тє тєнізєту бєнді њоньдиты Бєнді њонсыди њансє «мєнє мыєѕємє бєнсє меньдяде, бєнсє меньдядеґ кунсыбыґыаґ Нясы тєті такєє немынє мыєѕє тєгєтє мануєдеєґ кунсыбыґыаґ. Тах. /масуну/ мануґ нуа ниині

жизнь к тебе идет (богатство). Родителям (унеси), тут есть закопченный плохой котелочек. Его отнеси (родителям). Настоящее мясо положи. Вот этот маленький плохой котелочек оставляй к югу от чума. Поставь котелок дном на земле, чтобы нормально стоял и так его оставь.

Родителям ничего не рассказывай.

Она без шапки так легко идет к родителям. О, родительский чум, оказывается, совсем рядом. Почему когда я шла, может, от пурги как будто бы было далеко. Мои родители обтряхивают снег с чума, даже не надевая шапки. Отец, мать только так обтряхивают чум. Этот свой котелочек она оставила подальше на южной стороне от чума.

И так она пошла.

Вошла в чум, родители сильно начали ее целовать (незакончено) «Ой, доченька, ты

Отец, оказывается, даже добыл куропаток.

Конечно, сразу же погода стала хорошей, она даже парки всякие шила.

И так она пообедала куропаткой и бульончиком.

«Ну, конечно, у тебя характер..., эй, а где же твои сестры?»

Эй, моих сестер, оказывается, давно убили. Ну, конечно, это все из-за их плохих характеров, ну, конечно. В четыре человека их превратили (по две половинки). На четыре человека их разделили. Легли спать.

Проснулись, и она утром думает: «О, а почему мой спальный мешок как будто бы другой?»

И что это за человек спит со мной рядом [о, муж для тебя пришел].

[да тот самый (ваш человек) пришел]

Наверное... Она откинула одеяло и думает: «Ой, это что за такой новый чум, раньше же у нас был такой старенький с дырявыми нюками.

Такой красивый чум.

На моей стороне лежат моя домашняя одежда, вся подремонтированная, и бокари тоже подремонтированные.

И у моей матери домашняя парка, домашняя одежда тоже хорошая».

Между соединениями чуть поблекшие, они заново отороченные такие тоже очень красивые парки [это все проделки старухи]. После этого она вышла на улицу.

Выйдя на улицу, увидела: «О, мой аргиш тоже весь новый, все новые большие грузовые сани». А вон аргиш моей матери состоит из старых грузовых саней.

тах. ситі инсюѕє кєнтє. Њамиай кууґ меньдядиє инсюѕє кєнтє, њамиай тах. мануєдеє. Бєйкаґай инсюѕє кєнтє. Таанюґ кєтутуґ Таањалєй серєбиатымыґ Тах. нилылиємыґ нилугўмў њ. Тандуа»

Кууґ њ. кунсыбіайті кунсыа њєтєукиґєгєй немынты нану. Курєгу тєнині њємсуґ тєичуґ, баби сябыґ инњєєґ, бєньдеґ њ. маањалєґ Тє тах. / тєндє нилы/ тєндє тах. нилылиґитє тс.

Тах. тєті, тєті бєйкаґату дялыдя чимсикєндєґє.

Єєґ, њуєгўмў.

Єєґ, немынтыдя коныніары.

Кањкєгўє тєті тах. бєйкаґаты дялыдяа тєичу.

Тєны /њурє/ њурєкуєты.

Тах. мунунту нынтыдя: «Дильситіґ єнды ємыґыа. Исюѕєњ тєнє, мєнє тыминіа… кањгўчуґ дяњгумхўнўнтє … мєнє тыминіа бўўґкиґинє насєтє. Тах. ситі дякє ны нюєѕєрє туйхуату. Тах. тєкєитє тс. аніґимхў тах. тєнє дяњгумсуѕєњ. Тах. тєнє /дяњгум/ дяњгумсуѕєњ тах. єнты.. бєѕўрбўєдеєтє койрыгыбсиѕињ. Бєѕўрбўєдеєтє десыгєиче тєнє… тєнє койбымбианьєєгєй куєдюму бєѕўрбўє кадя».

Маа тєлиамєны малуракугўмў тєлиамєны малуруњуѕуґ нихианьыґ Тєті тах. куєдюму бєѕўрбўєдеє тєны кунігўєны кадянындыњ ичу њєндяиґ

Тєндє буєѕумту сяѕыґє тах. бєйкаґату хўєті чимсюґє, дяњку.

Єєґ, биаґиѕє.

Тєті тах. кањкєгўє сиѕи дягє нюєдиґє.

Тє тєгєй дегањкучу курєгуиґ аніґимўґєгєй курєгуиґ њуєлы єхы.

Тєкєитў тах. кањгє аніґимхўє чухєны тах. тє чухєны мунунту: «Њойбуємє дярєгимиґє — немыгєитўдя. Тах. мыњгўмўнє тах. њ. сюартєнє контурундєґкиґинє няндыты».

Тєтірє тах. нюєѕи… миайѕєсиѕи кўўґє, /дегањкукєичу/ миайѕєсиѕи тєті кўўґє

Тах. ємынікєрааны тах. /куєдюму/ куєдюму бєѕўрбўє тєихуату. Тєндє тах. бєѕўрбўє кєдя тєндє тах. нюємті хуануґє, хуануґєгєй. Тєндє мыєѕєґамты дюйњєдиєгєй.

Тах. тєгєй дегањкукєичу аніґимўґєгєй тах. њєтымыґєгєй њансє.

Бєнсєгєй њєтымыґєгєй.

Тах. бєнсєгєй таньде сериґєгуй њамиай курєгуиґ таалай немымыґє.

Бєнсєгєй таалааті конаґагєй, њамиай тах. баарби немымыґє.

Тєніґиа бєнсєгєй, єрєкєріґ таньдетіґ миайѕадиґєгєй.

Тах. Њєтымыґєгєй.

Њуєлыгєй њєтымаґа њує нюєгўмўгєй.

Тєндє тах. бєлта.

К югу от чума стоят две мужских легковых санки. Одна новая санка, другая старая.

Стариковская легковая санка (которая старая). Олени наши пасутся.

Даже оленей заимели [мать жизни]. О, зажили, жизнь стала богатой (широкой). Только так они стали проверять вместе с матерью, что внутри в больших грузовых санях. В санях всякая разная еда, и оленье мясо и всякое прочее. [оу, ну это хорошо, зажили]

И так они тут стали жить (хорошо).

Этот ее муж дня исчезал. О, конечно будет исчезать бог. Конечно, бог... К матери уходит (про бога). Да, к матери уходит. Ну и исчезает... говорит... он(а)... Когда-то ее муж днем был. Итак, ничего не делает (днем). Говорит жене: «Слушай, так будешь ты, я сейчас... если ты когда-нибудь умрешь... я сейчас от тебя уйду. К тебе идут (у тебя родятся) две девочки близняшки. Когда они вырастут, тогда ты умрешь. Ты умрешь, пусть тебя оставят на старом захоронении. На старом захоронении твои родители пусть тебя оставят рядом с захоронением мужчины».

Они, наверное, только по этому месту и аргишат и совсем недалеко ставят опять чум. [да, недалеко ходят]. И это захоронение мужчины, наверное, находится, наверное, где-то недалеко от них. [да, так будет]. Кончил говорить, ее муж исчез навсегда, нету его [ушел к матери]. Да, ушел.

Итак, когда-то она родила близнецов. Ну, эти близнецы уже стали большими, конечно. Ну, конечно, вырастут.

Когда они выросли, в то время она говорит: «О, у меня заболела голова — родителям. О, кажется, меня друг мой заберет [заберет, видимо]». Итак, у них дочь, замужняя дочь умерла /близнецы их/, дочь их умерла. Совсем недалеко, оказывается, захоронение мужчины было.

Возле этого захоронения они дочь свою положили. И там они ее аргиш оставили дугой. [муж ее, наверное]. Наверное, он. Эти близняшки выросли, стали шаманами. [конечно, станут]. Обе обзавелись семьями, одна из них стала женой богатого. Обе вышли замуж за богатых, одна из них стала женой главного. Обе они вышли замуж за парней из хорошего рода. Обе стали шаманками. Конечно, станут шаманами дочери бога.

И это все.

СЯЙБЄ КУЄДЯҐА МАНЕ

Тєті нерєбтўкў—ґ тєсиєсє сырайка—ґа куєде бєsуа—хуату, куєде мане—sу сяйбє.

Тєрєди дюsыбтыє мане—мєну ња—лаа—рє кабкusє—са муну—муну—нту:

«Оуґ, єнєґєнєу!»

Сеймы—гєтє тагє—ні—є баагутє дям бєsуа—хуату.

Тєрєди баагusє мєлє тагєдя сяйбє мєлє хурба сєнтusєє—рєгы—ґ.

Тєрєди хурба сєнтusєєрєгыґ матєну, тєсиєsє сяйбє кєндє мєлєтєну сяйбє маґ мелибиасы, масуче њуєчебўтўњ курєгуґ бадяґ толумєєґ масучуњ ихуасуґ, корусучуњ ихуасуґ.

Тєндє сяйбє масєґє бєнтуґі сяйбє хисимде мелибиасыґ, кєsўтў курєгуй хиаитіні, хиаичињ нинды ґ њєsуґ.

Тєті тах. куєдюму њумармунучу:

«Єм—кўма—че тах. нилы—тыє—гўє—ґ масє—ґ. Бєнде—ґ куєбує—ґ и—хуаsу—ґ».

Дюsыбтєи—ґ ма—китє биркиаиґ дютыsы—тыє ма—кєтє нербиа—ґку њєтымы—ґє. Дётўр—ўє—гўє нербиа—ґку.

Нербиа—ґку муну—нту:

«Ма—кўма—не ємє, кўў—ґє—ґ тє няндыты».

Тєті—рє тах. кона—ґа бєрєнікаа масєдя кадядету мєлєтєє, тєнisє тах. њуєsє њадеє тыбыйкиаґку сєхудюґє. Тєтірє тах. ємє хиремєны камучу коныбиасыґ.

Тєті нербиаґку тєндє мєунтє дёрўчеса кєиньелиґє.

Нербиаґку мунунту:

«Њунсыsыґыа сяйбє њунсыsыґыа».

«Курби њунсыsыґыа дюлсы—биаты».

«Њує дюлсыбиаты».

«Бўўґўні њаањкуй бўўгўні тєтілиаиґ мєунтє».

Такєиче куєде манемєны кабкusєса кумєны мымбиті лындіґ мєумєны.

Њуєsуґ бўўґмўєгєтєті сяйбиґ корбиґ њунсыsыґ макитіті, сяйбиґ хебєкєндіті. Тєны хеsытысы мунунту њабубтаґкудюм, кєчи канюґ сяйбиґ дялыґ мыњєє, кєчи хўє бєиньєє.

Куулюны мунунту:

«Њаањкуй ихўтє, њоњхуў\ґині тєґ няндыты».

СЕМЬ ПЕРЕВАЛОВ

Сначала белый хребет появился, у него семь перевалов.

По среднему перевалу забравшись, Рот говорит:

— О, ого-го!

Дальше взгляда (невозможно окинуть взглядом) простирается океан.

За мысом, который вдался в океан, вдаются еще семь мысов, подобных ласточкиным хвостам. На этих семи мысах построены семь жилищ, жилища построены из разных желез, или дома их. От этих семи чумов ввысь поставлены еще семь шестов, упираются в облака, даже их верхушек не видно. Мужчина промолвил:

— Эти жилища жилые или нет? Все вроде бы мертвые.

Из средних домов, из самого среднего дома появилась девочка. Самостоятельная девочка.

Девочка говорит:

— Наши жилища вроде бы мертвые.

Она перешла в другой дом, который рядом на мысу, оттуда вытащила одного израненного мальчика. Он весь истек кровью (почти).

Девочка на этом же месте плача запела:

— Девочка говорит:

— Семь жилищ наших — семью сухостойными шестами — бог с ними расправился (их уничтожил) — пойдем, братик, пойдем — куда глаза глядят.

Они забрались по перевалу, идут, не зная куда, по лайдам. С того времени, как они ушли от своих семи жилищ, семь раз падали.

Когда-то говорит:

«Братик мой, мы выбились из сил».

— Она говорит:

— «Братик, ослабли, — твой ослабший костный мозг — пусть нальется силой (займи силу), — то, который нас мучает, — пусть пытается нас убить».

— Говорит:

— «Братик, впереди видны — 100 чумов — одна сотня чумов. Если до них доберемся, сало, жир съедим».

Мальчик стал ходить бойко, слушая сестру.

Тєсиє мунунту:

«Њаањкуй њєњхуґєми, коймаче њєњхуєтуєґ нигєй серєњєєґ, мии муакучує њує анімєны, мии котєњєє».

Мунунту:

«Њаањкуй њєсутыґ нерєині њєсутыґ дирєґ масєґ њуєсєґ дирєґ масєґ. Такєєй чуўбині чусєй, дирєй њємсусєми?».

Тыбыйкиаґкутє? наркєбсєиркєту нямту дильситіси.

«Тєґ њуєсєґ дирєґ масєґ, — њалаа мунунту, — ємты нербиаґкурє муантуручебўтў сеймыґўачу баабасутєґ, њуєсєґ дирєґ масєґ дебаґмєєрєгуґ малюся, неначиґіче дінєнтундуґ тє».

Мунунту: «Маа куніґиа мечењымыґ, ємыґ масуґ њєсутымынтє њомтєгуні. Матіґ чуўбўні матіґ такєє толутутєні бєндераані котурундєтандєґ њємбєґєґ ихўтўњ».

Тє десыкєєгєй њомтўґєгєй. Њомтєтундєті тєті дєтысытыє макєтє хорє найбєгєє иніґиатєє тууґє тєгєй нюєгєйдяа, неначиґірє дюндытуту.

Тєндє чуўдя тєті иніаґтєрє њєнесєдя кєрбудя мунумунунту:

«Оуґ, тах. маадеєри нюєри, тах. тєњхыбиатыри. Курєгуй мєчубиасыты кунісє имє діри».

Мунунту нербиаґку мунунту:

«Косуєи ихўнўнтє, кутє дёоми ичењуми њунсысыґыа сяйбє њунсысыґыа корби њунсысыґі дюлсыґєты њує дюлсыґєты. Мєнє тах. корби њунсысиґіиґ ниныбтіґійґ дюнтує нюєм, ємты мєнє њилебтўкўґ њадямє. Мєнє десынє њиленикаа сибтіаиґ корби њунсысє дюнтує нює ємты тыбыйкиаґку».

Єиґ, иніґиатєє мунунту: «Њєњхує тєґ, тєндє мантє ичуєгўмў. Њаањкуй ихўті ті масєдя контубаасєєм мыњ масунўґ, мыњ мєунўґ кондучерє сяйбє кондучерє мыњ мєунуґ черє. Кондучериґ дюнтуґує тєњєдеи контєичу, туєбтуса кочетєґє, тєндє тагє туймє кондукєтє. Маантєны тіи њємєтутєњум, тєє њаањкуй ихўті ємкєтє инури, тусюсє њєндіґіиґ. Тыминіа дюнўрўґ».

Нербиаґку кєњхуєрыркєты — оуґ тємєєны ўнсюсєгўмў њўтумыґє, коуту хиимтєґкєндытє.

Неначиґиа сяйбє кондучерєрє кєндўтўњ ниде хурєичундуґ, сибаґ кєндєґ бєндеґ хурєичундуґ.

Кондуґчерўґ тєті дюнтуґує тєрєгу тєніґі хесытындытєты няагєиґ мунунту.

Дясўдяґа нірумує неидесємты серєбиаты, нірумує неидеты сяйбє няагєиґ нірумує чендєґєту анідяґаи кємєгуґ хуааґ њєсулєкы. Тєн-

«Одна сотня чумов, — говорит рот, — у этой девочки, хоть и измучилась, глаза все видят, одна сотня чумов стоят на стоянке, полукругом стоят».

Говорит: «Что мы сделаем, давай сядем невдалеке от этих чумов. Если мы войдем в чумы, смешаемся с ними, вдруг даже души у нас отнимут, если они плохие будут».

Бедные дети сели. Когда они сели, из среднего чума с длинным лицом старуха пришла к этим детям, сутулая старуха. К ним подойдя, эта старуха, удивляясь, говорит:

«О, откуда вы, дети, слишком издалека, видать. Даже исхудали, откуда же вы?»

— Говорит девочка:

— «Тетушка, — откуда мы будем — шестов семь шестов — сухих уничтожил — бог уничтожил. Я дочь среднего после старших брата, это мой собственный (родной) брат. Младшего от моего отца самого среднего брата сын этот мальчик».

Старуха говорит: «Плохо ведь, когда так случается. — Дети, — я бы вас повела к чумам, — но наши чумы — жертвоприносители, семь жертвоприносителей — на нашей земле. Средний брат жертвоприносителей всю свою добычу даже в летнее время считает, и кроме этого, огонь (огниво) с собой забирает. Чем я вас накормлю, дети, будьте здесь, он, наверное, приедет. Сейчас они на охоте с сетями».

Девочка оглядывается кругом, и появились оленьи упряжки, к закату солнца. У Семи жертвоприносителей все сани наполнены до верху, у слуг тоже. Средний жертвоприноситель, наверное, идя вперед, говорит (рот). Кованый медный ремень на нем, у пояса семь медных подвесок подобны большим поваленным деревьям. После него едет еще упряжка, наверное его сын медную парку надел, медная его парка шита зубчатыми (пилообразными) швами, зубья, как сустав большого пальца. Старуха, та, что появилась, видать, его мать, к мужу пошла, он только собирается остановить упряжку.

«Что тебе нужно, ты же никогда не встречала меня (не поступала так)».

«Эй, средний ж., мой муж, отец моего сына, вон там вдали ты не видишь двух детей или не увидел, вон те дети — измученные дети пришли».

«Какие дети?

Семи шестов землю бог уничтожил».

дє хуєнікєны ўнсюзє хезытыты нюєзы єку нірумує луузємту серєбіты, нірумує луузу нерхиазымємєны мелибізыґ, хыаде ньогє мандіґ. Иніґиарбыґі тєті ньєтумсыєдеє немызынь єку, бєйкаґатудя конаґа, таачу ньыєтєты манакўґ нєнсутєтызє.

«Казиау! Маа хуудиньынь, никєдиєнь тєніґі ньуєґ тєґ».

«Єиґ, кондучериґ дюнтує бєбєґкунє черє, нюєкўнє десы, такєє няйбытєєгєй ниньынь качемєґ сизи нює, ниньыгєиче качемєґ, такєєгєиче муантурує нюєгєй тууґуєгєй».

«Казиау! маа нюєгєй? Єиґ, сяйбє корбиґ ньунсызыґє ньує дюлсыґєты ибаху».

Тєніґі нєнтутєсыєдеє иньсюзє бынымты кємиаса хурєйкаґа кєндєту нии кахилебтаґизє. Хотєтыє коудя хианькєичу хуаричалудя ньойбуєзу чалуты.

Сяйбє корби ньунсызє ньує дюлсыгўєбиґ нялымє ньуєґкў нялымє.

Сяйбє ньунсызыґє корби ньунсызыґє баби хоарубўтўнь, дебту хоарубўтўнь, колы хоарубўтўнь, дётўрўєиґ ньанаґсанєґ хоарубўтўнь ньуєиґ хоаньгудеєгиали нярєбтыкєбиамбычиньь.

Тє тєрєди ньанаґсануґ куємугўмў, тє тах. нинтуу нялюґ тєгўмўрє».

Мунунту:

«Бєньўґ нитєєзыси бєньўтє иніґі мындючунь ниньєє тороубтуґ мєтўґ кондучерє. Таачуґ нічибтыґ ниньырыґ нічибтыґ неинті суєхўнўґ неинті. Суєхўнўґ няагєє тєсиєзє суєґкумуґ. Мааньунаґ нюєкўґ нербиаґку ихўтє, маагўє буєзу дильситіченьызы ниньынь? Тымыниіа ємє маадямєныныґ нииґ дётўрєґ. Минтіагєны маадеєтє маагўє мєнуєдяґаку ньєтєбўтє, тєндє тємєкєндєтынь. Тєндє тємєнтєґмыєдяґку ньєтєбўтє кондучерє нимтієрмє нинтуу ньує койкє нинтуу нимтідиєдеє. Мєнє маадеидя тусюзєм тєнє кондулєсузєм. Бєлта».

Тєндє буєзумту сязыґє неначиґєиче ньукєгєє нилымынтынь кєхилесы хоймєгє дермєны симсерылиґє, кумєєны коныбитінь.

Тєґ, нербиаґкурє коуґє мунунту: «Тах. нєньхує тє, анімєны кўўґами».

«Тє, аба, — мунудюєм тє — мазєй ньєзиґєми чузєй диреї ньємсуєми, кунуњу тєгўмаче, казиау!

Суєдюґєґ тєгўмаче маадеєті коирыґині, маадеємєны нинтўбианьхими дізўркєличеґ».

Мунунту нербиаґку нєнсуачесы мунунту: «Ньанькуй бўўгўні баґа ньує кємєрбаґа ньує мии муакуњуґ маадя муакуњуґ ньилиєніні мии ньиленыні ньунсызи дюнтує ніныбтіаньку нює. Тутєхорєзумє. Дётўрєґ нихиазы дётўрєґ корби ньунсызєиґ ньадябтє нює. Хонудюкў Ны нихиазы дётўрєґ Хонудюкў Ны нихиазызє нєнсуґ. Мии тєґ нинтуми буанєґ

— Хозяин, который хотел — остановить упряжку, — обратно на санку— стал забираться. — К понижающемуся солнцу глядя, — в ладоши бьет, головой кивает.

— Если семи шестов — хозяев уничтожил, — спасибо тебе, бог, спасибо. — Хозяева семи шестов — если пойдут охотой — на дикого, — на рыбу — [на рыбу] — войной на людей, — то уничтожали — полностью, все, никого и ничего — не оставляя. Если такие люди погибли, разве это радость?

— Говорит:

— «Старуха, хозяйка котлов — пусть кусок не отведают — шесть жителей. — Оленей не распрягайте — лучше аргишить, — аргишить нам надо, — аргишим. А ты, девочка, кто бы ты ни была, наверное, какие-нибудь слова слышишь и понимаешь? По нашему чумищу ты не ходи. Вдруг найдешь на чумище какое-нибудь заброшенное копытце и начнешь грызть. Если такое копыто найдешь и начнешь грызть, то мое имя Ж. не богом данное и не шайтаном данное. Я вернусь на чумище и тебя отдам в жертву. Все».

Эти слова закончив, все они собрали все свое имущество и исчезли в темноте, куда ушли — неизвестно.

Девочка осталась, говорит:

«Теперь плохо, мы сильно пропали».

«Эх, сестра, ты же говорила, жилище встретили, теперь покушаем и жир, и сало, где это все?

Так они аргишили, нас оставили на чумище, по чумищу, говорят, мы не должны даже ходить».

Говорит девочка, поднимаясь, говорит:

— «Братик, пойдем — что за бог, проклятый бог — нас мучает — зачем мучает? — вместо нас — среднего брата — шестов старший сын — Туты — почему не ходит (не остался живым) — семи шестов — младшего брата дочь — Многокосая дочь почему не жива? почему не выжила? Мы же не годимся ему в пищу (сытную — малы, чтобы богу насытиться), ну, вставай, пойдем, нам не надо ходить по чумищу, а то убьют».

Ушли. С тех пор, как они ушли от чумища жертвоприносителей, три или четыре недели идут спотыкаются (ноги ослабли).

«Ну, братик, стань сильнее немного.

— Впереди нас— около ста чумов— показалось. Сейчас доберемся до этих чумов, поедим сала и жира».

На виду чумов уселись. Как они сели, пришла старуха.

черєгєльчеми, тє нєнсусињ бўўгўми, маадеимєны нинтєбиањхими дётўрєґ котурусюсўні».

Такєичеґ биґігєй.

Тє кондучериґ маґадеєгитє биаґмуєнтєнді накўрє сяйбє дялы, кєчи четє сяйбє дялы коймуругєй.

«Тє, њањку ихўтє никєрє тєњкєњєє. Неруне нииде њуєсєґ дирєґ масєґ њєтымыґе, масєґ њєтымыґе. Тєндіґ макўєтіґ чуўгўєбўні чусєй њємсусєми дирєй њємсусєми».

Масуґ њєсуті њомтўґєгєй. Њомтєтундєті иніґиарбыґі тууґє.

«Казиау! Њаањкури, маањунари нюєри, матє тии серєбиасєєм, сєичи нумєбаасєєри. Тах. мєнє бєбєнє черє ласуґтєриґ дюнтуґ\ує. Сяйбє ласуґтєрє мааче ласуґкєбўнўндўњ нинтуу кує кунтєгєльчи ласуґсутєсуњ. Минтіагєны тии някєличеґ нинтєњыыґ».

Лasуґтєрўґ дюнтує кєндєту нии тєраґисє, њойбуєту чялуты. Бєндеґ куніґіґ кондучериґ буєсуєдеє, тєндє мантє буєту. Тєґ, суєса делсысиґиє нємєриаиґ.

Тєгєтє њонєиґ биґиаґ.

Тєбтєриаґ накўрєґ сисиґ сяйбє дялы койбаґагєй. Такєє неруні дязикў, њуєсєґ дирєґ масєґ њєтымыґєґ. Херы масуґ сињє нииде кєймєны сохєбєтєні».

Тєрєди масуґ мєлєтєтуиґ сєрєй\иґ кырєтумєєны тањакє деитыє маґ мелибиатысє.

Нербиаґкурє хесытысы мунунту:

«Њаањку ихўтє, маадеиґ њєсиґєми. Кинтєсындыґ нерєнікєєныні суєхуasуґ».

Маадеєті чуўдя ны нюєґкў чуймєдюгєту, маагєй лasамаґкуй њєсєкєту.

Тєндєй тємєґкєсы нербиаґку мунунту:

«Тєґ, њаањкуй ихўтє бўўгўні сєдеємєны».

Тєгєтє бўўґкєса, кєндўґ нерєбтєєтіні тєндіче тєсиє дюркєлєбтыкўхуасыґ, таачуњ кємўсўся.

Тєрєди таа кєсудятіні дийкатємуєдеиґ кєитєны мунунту:

«Маами чиндітіњи, салуґкучебў. Дясўйдяґа быныгўмўрє њанує тах. каладеє дядиґлиасы мураsєрєгы таансанєґє сюляту».

Тє, мунунту: «Њаањку ихўтє, ємтырє њимилекуми. Маагўє няагєє њанаґса ихўтў, ми кондачехуаasєє єку».

Тє, неначиґиє быныґыємты њимилиґєsи.

Нербиакурє тєнсиєрикєты быныґыємты њимиаґсы тєє сєрєє кўњгў

«Я бы вас занесла в чум, сердца ваши толкнули бы (едой). Но мой муж — Лазучера средний — если что-нибудь начнут рубить, в одно мгновение сделают. Может, они вас и примут».

Средний на санку вскочил, подпрыгивая, головой кивает. Все, как говорили семь ж., то и говорит. Короче, и они аргишили. Оттуда они опять ушли. Трижды все недели идут, мучаясь.

«Ну, сейчас-то, наверное, поедим жир и сало. Вон там, впереди нас около 100 чумов появились. От шарообразных чумов к северу попали».

Возле строящихся чумов, на развилке дорог построен суконный чум. Девочка идя говорит:

«Братик мой, мы нашли. Очаги еще дымят».

По чумищу девочка склоняясь ходит, кое-какие объедки находит. Объедки грызя, девочка говорит:

«Ну, братик, пойдем по следу».

Отъезжая от чумища, впереди первых санок они, оказывается, делали ограду, ловя оленей. Возле копаниц, где кружились олени, говорит:

«Что там длинное виднеется, о господи!

Кованая веревка лежит, мамонтовая петля его образовала круг, длинный маут лежит».

Ну, говорит: «Ну, братик, давай этот маут потащим. Если вдруг его хозяин хороший, может быть, забрал бы нас с собой».

Ну, она этот огромный маут поволокла.

— Девочка тужится СМ: tɛns'ajri — 'крепко тянет, дергает с силой'— натягивая веревку — по ложбине дороги — упряжка появилась — безрогого оленя — запряг — только постромкой. Хоть он и такой, с той поры, как он был теленком, свинцовая упряжь у него, к его ребрам прибита. Семь кованых подставок (?) для вожжей подобны борющимся борцам. Медного наголовника узоры, как глубокие овраги гор. На санке человек кованую санку без веревки держит. Этот человек кованые одежды надел, кованой одежды у пояса два его излишка (свободных конца), как два крыла большого орла. Голова его, хотя он сидит на санке, видна через голову его оленя. Возле детей остановился:

«Кто вы, дети, откуда вы? Слишком вы исхудали».

— Девочка говорит:

— «Брат будь, хоть кто будь,— кто мы будем такие— семи шестов хозяев— бог уничтожил. Сейчас мы ищем только теплый огонь».

кунсымєны ўнсюзє њєтымыґє сюнєзыґє мєлкє таа сєрєбиаты њуєляа сонтєны

Тєрєдиче њуєчебєтє дязўдяґа кємєрўбтўзўчу дирхиа ихўєту кєизєитў хогутіґ чебимєє.

Сяйбє дязўдяґа быны бєбєзы торўзўґ куєдюмєґ нєндітіакурєгыґ нєндітіаку мандіґ.

Дязўдюґ хўчутў хотўрєґ балюґ* дюгўґ

Кєндєтєнынты њанаґса дязўде кєндємты быныгиали хонты.

Тєті њанаґса дязўдяґа масюзємту серєбиаты, дязўдеє масютў ниєдиґє ситі бєзўтўмўзўґ, анідеай лымбыґ чуєрєкугєй.

Нєнсыанде туймуєрєку њєйбуґуату кєндєту нітє сюнєзыґє мєлкєту њєйбуєгєтє бєзєту.

Нюєкугєй на челимидиґє:

«Маадеє нюєкўри, кунізє имєєри? Тєєсиєзє тойбиатєри».

Нербиаґку мєроуты:

«Єґєй ихунўнтє ичењуми маадеє ичењуми сяйбє корби њуньди дюлсыґєты њує дюлсыґєты. Тыминіа тєсиєзє хекутіаґку тулиазєми хуурыми».

Тєніґиа мунуруса — оу! кємєнсиєй, сяйбє няягєиґ корбиґ њунсызє дебтуруса кєсаґа хоакєбєса чиимиті хозимєны сючалаазу дняряру.

Мунунту:

«Њаањкури ихўті тєрєдіґиа њутє саатєњум сєбулаатєњум њонємє мєумє дигаґкумє њўар дигаґкумє нячегєє нинтуу мєу сиєлаку мєу. Точебтірмє маагєличе дяњку, мєнє сюнєзииґ баарбєм».

Лазуґтєриґ мєугєтє бўўбўґєзи нербиаґку мунсуе: «Њаањкуй ихўтє, анімєны тєњгєґ, оу! салуґкучебўґ, сырањку њўлязє лындыґ мєумєны неначиґиє дирє селу мєлтємєтубату».

Мунунту:

«Нербиаґку чалири њує нюєрса бањ сыранњку њўлязє сизи сеймынтєны њєзутіакудендє мєчутєрутєні њуєзаґагєльче козуґ њємсузєми козуґ. Њуєйкєльче селюґўзєми козуґ. Корбиґ њунсызыґыа идяґамє тє мунуњкєсуе, мааче њулязє баабўбўнўнє ~ маачетємє козукєсуе. Буєзумє нинтыґыа сєбуґлаирє».

Тєны хезытыгєтыгєй.

Оу! Тєны хезытылиаґтєндєты дирє сєњхобиґ сєњхуєбиизє селу камарєй канькаґа.

Тах. неначиґірє, нюлягєчаичу.

«Тє њаањку, тах. такєєрє нинтуу тєґ њўлязє, њанаґса тє ихуазу».

Как только так было сказано, о господи! о хозяевах семи шестов, откинувшись, сквозь зубы присвистнул.— Говорит:

— Ну, дети,— такое горе— к такому горю не буду равнодушен — у меня моя земля — отвесная гора — некрасивая земля— маленькая земля. Собеседника никого нет, я хозяин больших оленей».

От земли Л. когда уходили, девочка сказала:

«Ну, братик, будь сильнее, оу! боже, белый волк по лайдам сто больших хоров гонял».

— Говорит:

— «Девочка головой кивает — бога гончая собака — белый волк— двумя глазами — видными — обижающими нас людьми — хоть единого (оленя) — убей нам на еду. Хоть одного хора нам убей. Мой отец говорил: если я попрошу какого-нибудь волка, что-нибудь мне добывал. Моему слову он не отказывал».

Так они идут. Пока они идут, из 150 хоров 50 хорам он перерезал туловища. Э, этот волк их оленей уложил.

«Эй, братик, вон тот он, оказывается, не волк, он человек. Белое одеяние его не имеет никакого соединения, такому его белому одеянию с задней стороны белый хребет к нему прикрепили. Между ног его сзади навроде хвоста что-то приделали, конец хвоста, о боже, подобен спинному плавнику осетра. В тот момент человек, разделывая оленей, оглянулся.

«Эй, что вы за дети? О боже (о горе), хозяев семи сухостойных шестов бог уничтожил».

Он говорит: «Э, про хозяев семи шестов все говорили: как начнут добывать диких или людей, ни одного живого они, говорят, не оставляли. Ну, дети, если вы из такого крепкого рода, то ни один кусок вы не съедите. Жителей семи земель мучили хозяева семи шестов».

Оттуда уйдя, санки нашли и потерянный маут.

«О, дети, вы, оказывается, из крепкого рода были. Что вы встречали по дороге, идя сюда?» «Эй, брат, что мы встречали… Первый раз мы встретили семь жертвоприносителей. Семь жертвоприносителей нам ничего не хотели дать. Так нас и оставили на своем чумище».

«Оу, — он присвистнул, — на какой-то земле семь жертвоприносителей, говорят, всегда приносят жертву. Ну, так-то у них просто своя земля есть, крепкая земля. После них кого вы встречали?».

Сырайкує масюsу маагєльче хоньдиртў дяњку, тєрєди сырайкаґа масюsу мєкиніє кєимєны сырайкаґа серыбыры чиридеєsєту хонсєдерубаsаґ. Ситі њочу дютыє тєйбурєкуsєты мелибиаsыґ, чуєруту салукучебў анідяґа бакуну чуєрурєгу. Тє тах. дегєтєриади њарсюлюґє.

«Кasиа, маадеє нюєри? Єи, ысаа, сяйбєґ корбиґ њунсы њуєнтє котураґа».

Тє тах. мунунту: «Є, сяйбє корбиґ њунсы. Сяйбє корбиґ њуньдиґ мунуњкєндуґ тєґ: бабиґ хоарубўтўњ, њанаґсанєґ хоарубўтўњ њуєsє коирикиали нярєбтіалыкєбиахыґ. Тє тах. њаањкури тєрєдиєиґ, дянтыє нюєдеє икўєбўті, њуєйкєльчиґ сєити нисыsєри њємєґ. Сяйбє мєу муаґкусює, сяйбє корби њуньди».

Тєгєтє бўўдя кєндєй њєsиґє, таансєнє њєsиґє.

«Њаањкуй ихўті, дянтыє мєугєтє имєдеєри ихуasутєєґ. Маай њєsєкєєри сєдеємєны миґиа туйхуаса?»

«Єиґ, єґє ихўтє, маай њєsєтєњуми, биркиаиґ нерєбтўкўґ сяйбє кондучерє њєтєдюєми. Сяйбє кондучерє маагєльчетєми нинты њучадеґ. Тєніґі маґадеєтє ми коиґиє».

«Оу! Сючелаasы дяниґиє, маа мєунтєны сяйбє кондучерє хўєті кондучерє икєбамбуґ. Тє тєсиє ихуasє кєрутєндуњ мєугўєsуњ тєичу, дянтыє мєusуњ. Тєндє мињи маа њєsєкєри».

«Тах. сюєбтіаиґ тєндє миині њєтєдюєми Лasуґтєри мєу, Лasуґтєри дюнтує. Тєті тах. тєбтє нянту мантє буєту. Лasуґтєритє мєу мунтує муњгєту сырєsаґа дикє тєичу, тєті тах. Лasуґтєритє мєу. Сырєsиґ дигєґ баарбє нинтуу тєтірє Лasуґтєри дюнтує, тєтірє Сырєsє дигє баарбє. Масуґтурса дёsўрсюєњуту нюу?»

«Тєє њаањку тєсиєрє инъєє. Тєндє миґиніикєны њансє маа њєтєбури?»

«Ысєє єхы, єґєй ихўтє њўлязєрєгу њанаґсанє њєтєдюєми. Сымбайкує масюsу бєнтує ніњхўsўтў бакўsєрєку исює, њилеє тєйбusу бакуну чуєрўрєгу исює».

Мунту:

Кєсаґ хоакєбєса сючату дяняґиє «њаањкуй тєсиєsє тєтіри нимтіаремты њаањкуй нимтикєє?»

Њамиадюм мунунту:

«Маа нимкєгєльчемты нисыєм тє тєлибтіґ маа њанаґса ихўтў дерутумє».

Мунунту:

«Њаањкуй, тєтіри маа мєунтєны сяйбє мєу черє тєйкуаґкутє њанаґса. Толбы мєу, мєу Толбы мєу аніде баарбє Њўлязє Тєндубси. Њўлязє Тєндубси тєті нимті ибаху. Тє, њаањкуй тєрєдеиґ њанаґсанді њєsиґ-

Правда, после этого мы встречали Л. земли, Л. среднего. Он тоже так же, как предыдущий, говорил. Л. земля, люди говорят, леденящий яр есть, это и есть Л. земля.

Леденящего яра хозяин, это не средний, а он сам хозяин Леденящего яра. Он, видимо, налегке ездил на охоту».

«Ну, девочка, это пусть будет так. После этого еще кого встречали?»

«О боже, брат, похожего на волка человека встречали. Гладкая одежда его спереди была подобна осетру, внизу хвост был подобен спинному плавнику осетра».

— Говорит:— чуть откинувшись назад— присвистнул и говорит:— девочка, он — он не назвал себя — он не назвал свое имя?» — Другая (она) отвечает: — «Какое его имя — я не спросила, — что за человек, — я не знаю».

— Говорит: — «Девочка, это — на какой-то земле — семи земель жителей — непобедимый человек. — Темной земли — самый главный хозяин — Нгуляза Тандубси. Его зовут Н. Т. Ну, дети, если вас встречали такие люди, которые вас обделяли (обижали), что я с ними сделаю? Я такой бедный, какую силу окажу, конечно, я вас не оставлю. Я, конечно, вам помогу».

— Говорит:— «Дети, слушайте,— хорошо слушайте— я с этого чумища— по дороге этой— я пока жил и живу— у семи Сюназы— я сватался — дети, я сватался. Юназы дочь Н. Н. взял. Ну, дети, я вас сейчас не оставлю. Туда если дойдете, к чумам Сюназы, что хорошего вы найдете, наверное, не найдете. Все равно плохие люди, у них сердца, кажется, плохие. Ну, на всякий случай вас увезу».

Ну, теперь он маут смотал. Посадил детей в мешок для ноги, завязал веревкой, сушеное мясо дал им: «Ну, дети, поешьте». Ну, этот оленя своего погнал по дороге. Так он мчался и когда-то говорит: «Ну, дети, я вас оставлю здесь, вот на этой земле, кажется, наши чумы остались. Он за той горой, этой белой горой, они, кажется, находятся. На этой стороне горки я вас оставлю. Вы не будете идти долго, на этот хребет заберетесь, с него спуститесь. С этого спуска на развилке дорог найдете суконный чум. Это мой чум. Туда приходите, мой кованой санки след, куда бы я не прошел, хоть среди стада оленей пройду, след моей санки все время будет виден. Гоните только мою дорогу, в чужой чум не идите».

Ну, он их оставил. Он доехал домой. Девочка говорит: «Братец, сейчас уже вечер, чумы уже дымят, пойдем-ка». Так они идут. Оленей

ликўєбиті тах. тіи мєчутєтєй куніґі мечеңыне? Тє мєнє десыкаґа ися, маа бенє мечеңым*, ңуєлыкўєм ті каркубтуґ. Тіи каркубтєкўє нилым».

Мунту:

«Ңаанькуй дилситиңири няагєиґ дильситиңири мєнє ємты мєлєкєтє сєдеє ємты сєдеє мєнє эмты сюнєсыґєй сяйбє сюнєсыґє мєунтіні мєнє токутум ңаанькуй токутум. Сюнєсиґ кобтуа Ңабтўбадя Ны някєлєсыєм. Тє ңаанькури тымыніа тіи ниндєтым коиґ. Тєні чуўчебўті Сюнєсиґ маті маа сунсєнє ңєсєсутєри, маа ниндєґкиєри ңєндіаиґ. Тєбтєраа ңємбєґ ңанаґсанєґ маа сєичиң няндыты. Тє—тє, сиси дюсытє тіи контугусєм».

Тє, тах. тансєнєґємту сенидиґє. Ңує бўлебті куньди сиси нюєґкўмтў кєсуґє, ңилимікуй* хоануґє: «Тє, ңаанькуй ихўті, ңємурңури».

Тє, тах. неначиєрє сюнєсыє мєлкємту хуачелєбтаґа сєдеє кунсымєны.

Тє, тєны кєбтіайчигєты, тє куулюны мунуґ\ує: «Ңаанькуй ихўті, тіи коиґкиґєм ємє мєунтє масунюґ малюґўєґ няндыты. Куєде ємєніє, сырайкує куєде тааніє кєитєны ичуєрєгу. Тах. куєдяку хинді тіи коиґкиґєм. Нисысєри кунтєгаиґ хесытыґ, куєде ні таамтіґсюзўті, куєдегєтє нильхоґсиситі. Тах. тєндє нильхиєдеє сюнєсиґ сєдеє таруґкєзўтє тєңєкєє деитыє масє ңєсєґсутєри. Тєті мєнє мамє. Тємєєны туймухуаңури, дязўде кєнтєнє сєдеєдеє, кєчи таа дермєны хобтєбўнє, сєдеєдеємє хўєтє ңєсуґсытє. Сєдеєраамє нянтыгўєри хунсєє масєдя ниңыри коніґ».

Тє, такєичу коиґє. Неначиґиєрє матітў чуўґўє. Нербиаґку нянту нану тєны хуриаґсыгєтыгєй. Нербиаґку мунунту: «Ңаанькуй ихўтє, химтєґкиґє тє няндыты, такєєґ масєґ кинтєсуґ\уєґ, тє мыңкуми».

Тємєєны хесытыгєтыгєй.

Тє, нємєлюкўрій куєде хенсымєны таагўмаче калхуйчундуґ, тєрєди сєдеєдеє кўңгакаґа сєдеє кунсымєны ңуєйкєльче таа хилимиґє нигєты ңєсуґ.

Сєдеє ситіаніє кєириамєні кєтутуґ. Сєдеє кундидя мии мындысыєдеє дязўдяґа кєнтє сырєсєту чубє ңєтємєє.

Тє тах. тєны хесытыгєтыгєй. Тахариабиґ дязўде кєнтєsу мату сыңє ніини икєбату.

«Такєє ми чебтіалыдиєдеє, єґєні кєндєґ няндыты».

Такєгєльче чуўдює ихўні, тєны хесытыгєтыгєй. Тє, дязўде кєндєґ бєлта ногуґлаґагєй тєє мєльчитєны мунунту: Тєє чухўє бєисє масє ніиде кєисє діндаґлаку буєтує.

«Ны Сюнєсыиң Ны качемєтє бєньди качемєтє сєдеєдеинє кунсымєны месиґ ңамтўдюй кобтєґсємє кєрахоам мєрумунє, сюрў мєрумунє».

очень много, они все пасутся по склону горы, и ни одного оленя нет на самой дороге. Оставался след санки человека, который нас вез, и след его разрезал землю до самой мерзлоты. Идут по той дороге. Его санка стоит на северной стороне его чума. «Это санка нашего брата, кажется». Они подошли к чуму.

— В это время — изнутри чума тихий разговор — послышался. — «Жена моя, дочь хозяина Сюназы, — выйди на улицу и посмотри — по моей дороге, по той дороге, где я ехал, — по-моему, я услышал другой звук, — чем олений след. Посмотри, если увидишь кого-нибудь, сразу приведи сюда. Может быть, кто-нибудь заблудился или идет сюда.

Женщина вышла из чума и направилась навстречу детям. «Дети, кто вы такие?» «Наших родителей, хозяев семи шестов, давно покончил бог». «Да, я слышала, мой отец, Сюназы средний, говорил так. Я вас занесу домой, в чум».

Она занесла их домой, покормила, постелила им постели и уложила спать. Как уснули дети, они тоже легли спать, наутро проснулись. После завтрака, а может, еще не завтракали, в это время к их чуму приблизились чьи-то тяжелые шаги. Земля даже дрожит, оу, — в дверь вошел человек. Он одел кованый хрустящий наряд, если к нему притронешься, он сразу зашуршит. Длина его позвоночника подобна длине якутской ветки. Он сел на корточки у двери. Говорит, так потихоньку говорит.

— Говорит — потихоньку говорит: — «Сюназы дочь — мы аргишим — там, за твоим мужем — что виднеется — по-моему, кокуль детский — или что? — пусть это будут — хоть какие-нибудь дети сироты — но вновь — по нашей дороге — вы их с собою — не забирайте. — Накормить-то вы их — конечно, накормите. — Здесь вы их оставьте [и с собою не берите]. Если вы их повезете по нашей дороге, то после этого нам с вами уже будет другое дело. Я аргишу, прямо на свою землю Сюназы».

Как только гость ушел, муж ее полулежал и сел. Хозяин Нюора горы

— Говорит: — «Жена моя, слушай, — меня послушай — твой брат или пусть даже — твой отец, — он злой. — Я хозяин Нюора горы — мою дорогу, вести обо мне — он, наверное, тоже слышал. — Я хозяин Нюора горы — и если кто-нибудь — плохое скажет, — я тоже не против — ответить на это. — Слушай хорошо — Набтюбаса Ны — я сейчас тебе — скажу: пока я буду — ловить оленей — медленно — ты за это время сшей одежду и девочке, — и мальчику.

Кєрухуа сюрў мєрумунє, качемєтє. Мааче качемєґ, бєлта коныґ, тєтугєинењ ємє. Минтіагєны маагўє хоањкєsєндаку тууичењуsуґ нињы. Тє тєтірє конаґа. Ныкиґі баркуsиґє мєту мєльчимєны нюєгєй качемєса сиsи битємты ламбутумєны дебтубату.

«Каsиау, нюкў, маадеєри нюєри?»

«Ысєє, муантуруєби сяйбє њунсыsыє њує дюлсыґичу».

«Тє ненду сюнєsиґ дюнтує десымє тєніґі мунуњкєту. Тє њаањкуй ихўті тіи кондуґкиґєм маsєдяа, матє чиињири».

Њємєкєњури, матє серыди тєндіґікукєиті бєбєsє мелыsыґє.

Кундаґагєй. Такєити кундутундєґ сыті кундаґагєй тєє кўsўґўа.

Чаирсы сяsытындєтыњ ненамаsу нииsє, сєњкутураґ мирєимўґ туймунучуњ, курєгуй мєуsу сєйбуту.

Њуа кунсымєны њанаґса чииґ\иє, њалаа кичебтіалытыты.

Няягєи дяsўдяґа латарує масюsємту серєбиаты, дяsўде латарує масюмту ємыґє месумєбиґ кадюалегєтаsє.

Черидеєты наґйбєsў дякутєsє њєнту суумкунтє.

Сыты кињкєлыты хубаґтєса биантіми.

Оу, неначиґєрє њуєраатє бєsуймєбаґа.

Мунунту њумєру њунєнту њумєру:

«Сюнєsыґиґ кобтуа тымыніа суєґтєґкиґємыґ тааніє нянтє тааніє кєитєє маа њўляйчињў чуй њўляйчињў мааче ињєє нюєче ињєє дійбаруиче ињєє њонєиґ њатуsўймєныныґ њонєиґ нињєєґ туґ нињычи тєsуґ Сєєгўачи њємєдя њуєлычиґ њомєґ. Коињычиґ, ємє коињычиґ. Њує хуањў сєдеиню кунсымєны њонєи нинєгєй нюєкєґ. Сєдеині кунсымєны њонєиґ тєтўбўті хуањкуsєтуєгєй нюєгєй, сиєртємыґ хунсєє. Њонєє суєґтєкиґєм, сибтіай сюнєsыиґ мєунтінє мындым».

Тє, тєндєґєты туйбєтындє нерби њємиай нербітысыєдеє њомтўґиsє. Тєті нюєрє дигє баарбє.

Мунту:

«Сюльмаsуру нибтє сюльмаsуру њонєиґ сюльмаsуру сюнєsиињ Ны тєсиєsє дильситіґ неєняњгуй дильситіґ нинырє няндыты кєчи десырє ињєє няндыты батыкаґа няндыты. Мєнє нюєрє дигє нюєм тєњхує нимтіаркўємє дильситіті, њєндіай дильситіті. Нюєрє дигє баарбєм Бєsатує Ниєде беsатуєм тєндіґікунє дяsикў мааче нємбє дебтурутує дерутум тєбтє дерутум нельхўкўся дерутум. Тєсиє няягєиґ тыминіа дильситіґ Баса ны Њабтўбаса Ны дедитє суєґтєндутє њаsаґсиче таай мєнє кємўsўндєтум дёндаґлаку кємўsўндєтум ємєй нербиаку тыбыйкиаку нюєгєй мибтіsитіґ мыґєґ. Тааґ кємўsўмўнє

— Говорит: — «Если не сделаешь — за это время, я тебя оставлю — я тебя не брал (ведь) — ни за много оленей — ни за ценные вещи. Всю свою жизнь, если кто-то хочет поступать плохо со мною, я тоже всегда отвечаю плохо. Не сделаешь мою просьбу — я тебя оставлю, а сам уеду».

[Женщина отвечает:] «Ведь мы женились немного давненько, но твоя просьба для меня выполнима, пока ты ловишь оленей, я успею сшить одежду детям». Женщина принялась за работу; может, у нее заготовка, может, нет. Она уже сшила одежду и девочке и мальчику. Ну, муж ее в это время зашел, видимо, он уже успел запрячь оленей; [она] говорит: «Ну, все, я уже все зашила, разве я не могу сделать их, ведь ты говорил со мной так плохо. Если я тоже за какую-либо работу возьмусь, то тоже все делаю быстро». — «Ну, теперь еще — меня слушай — конечно, мы детей оставим — чтобы не было ссоры — между твоими родителями — и нами; возле своей — первой грузовой нарты — сделают снежный — домик. Собери снег, из снега сделай маленький чумик. Там внутри спрячь одежду этих детей, еды для них тоже оставь запас». «Мой отец тоже, по-моему, плохой человек, я за него не выйду». — Говорит — хозяин Нюора горы — слезы у него текут — целует детей: — я вас оставлю. Я вас оставлю, но даже если оставлю, то вам посоветую: вот ты, девочка, наверное, больше соображаешь. Вот я сейчас махну рукой на запад. Ты же знаешь, откуда бывает западный ветер, прямо туда все время идите и идите. Будете идти по указанному мною пути. Когда-нибудь я вас найду. Ну, все, мы поехали. И он по дороге погнал своего оленя. Дети остановились на чумище. Они бросили свою старую одежду, переоделись во все новое и двинулись по указанному пути. Они шли так долго, что у них даже запасы еды кончились. И они встретили по дороге высокий трамплин-кочку, на которой прыгают птицы. Пока они спали, ветры с востока и с запада занесли их снегом, так, что даже носков не видно.

Автор сидит возле них — автор говорит: — «Оу, почему-то то — становится ветрено, то — становится опять спокойно». — Вдруг сверху, около кочки — сверху упал человек — остановился около кочки — на уходящий месяц — этот человек похож — хотя он и такой худенький, — он надел очки, — очки из дерева — и семь шляпок гвоздей, — которыми прибиты его очки, — похожи на семь полных лун. — У него есть деревянный посох. Деревянный посох сделан шишковатым [на нем сделано семь шишек]. С нижнего конца у него на этом посохе есть

бєириамєны, нербиаку ныєтєє луусўчу мыыґєґ, тыбыйкиаку куєдюмусєтєє деньхиасичу мыыґєґ».

Мунту:

«Нибининтє мыыґєґ коиґсисєм, тєнє коиґсисєм њукумує нилунє мааче таанє дюкуґмуєнтє мантє Нилымынє бєитє нєњхуємєны буєтакугўє мєнє тєбтє хуурыємє. Ниндєтынє мыыґє тєнє коиґсисєм, мєнє тєбтє бўўсютўнє».

«Таа маа кундаґмуєми тымбыє тє сиси нємбє нюе деньхиасєй њусымы мєбтанєлюмў, тааче кємўсўриатундєтє месисине».

Тє ны њойбєукиґє, маараа чентурує тєињusy ниньы. Нербиаку луусєй мыыґє, тыбыйкиаку тєбтє. Тє, ненєчеґємє чииґє таачу хутуриґ\иє єку, мунунту:

«Мыи ичеє, мыи инеу нєњхуємєны буєтундєтє, њуєлыне мыыґє маамє мєлтырњынь. Мааче њусы мыєкєбинє ныєченє тєйкуамє дяњку».

«Тє-тє, тєсиєсє неєняњгуй дильситіґ њуєлыкєиніє коиґ нємбє буєsy тагє мынтыдеґ никуні мынтыдеґ кунсыбыґыа кєндєтє нереsыты кєндєтє няагєиґ кєитє сюрў масањку нетєруґ. Сюрў масањку нетєруґ, сюрўsєрє њунўґ сюрў масањку мыыґє. Тєндє њилены иньєє луучи нюєкўгєй лууґ, њємсусичи хоанєґ тєбтє, таньде њємсу».

«Тє х\оансуєм њуєлым хоанєґ єхы, десымє тааніє тєбтє нєњхує, десымє тєбтє ныыченє~ нинтымє нясюґидеґ».

Тєтірє тах. сюрў масањку мыыґє.

Тєндє њиле хоануґє нюєгєитў лууй.

Мунунту тє нўєрє дигўґ баарбє кєєлычи нягитєса нюєгєй нюєсычи:

«Њаањкури ихуті тіи коиґкиґєм. Тіи коичебинє: — тєнє њаањку ися корсєгўєрє аніґє някўєгєтєтє. Хиању мындыґкиґєм ємє дяsикў бєєбємбєњанді. Њармўsє куніґі єхы, њармўsє биє икєє, тєндє дяsўґкўляиґ. Тє ємє њиле мибтічи ємєніиґ холаґиндєґ. Канучиґкучены тєніґі мымбиті тіи њєтєгўєдя њєsєґсуsєм. Тє, дяsикў мыњыри, тє, мии бўўгўні».

Сєдеє кунсымєны тєсиєsє Сюнєsыє мєлкєґємты хуasўлмєбтаґа. Тє, тєндє маадеєтє десыкєкєиче нєнсуґєгєй. Тє, нюкў луудеими негуми маasині ичењу, луусині тє коирыґє, баарбєті їиєде бєsатує, кўтўsє мєумєны, тємєєны бииґігєй. Тємєєны њўляйчигєтєгєй.

Курєгундіґ мымбиті кундє њємсаґкучи сюдяґа.

Тє, лурсаґаиґ тєрудемы сусуку њєsиґєгєй, тєлиай нюлабсєиґєгєй, њадямту муњкугєлса. Њармўsў биєті, котusy биєті тєлу—дя хіњкиті хиаигєльче, њєsутымичи дяњку. Њалаа њамиасыгєты тєны.

Мунтуњалааре мунунту: «Биєруєбиєдиракєтуњонєиґсумєњкєтасє».

какие-то крюки. Он наклонился к земле и сам себе говорит: «Как будто бы я на этом месте что-то заметил, а куда оно делось?» Забрался на кочку, вытянул свой носок. Из-под снега откопнул ногой двух детишек.

— Говорит: — «О дети, — из какой далекой — земли вы идете: что вы уже совсем — исхудали, — неужели земля уже вся опустела? — откуда вы идете?»

Говорит девочка: — «Где-то далеко люди — семи шестов — были. — Семи шестов хозяев — бог уничтожил, — только мы остались. — Теперь мы не знаем, куда пойдем и куда доберемся». — Говорит, — услышав это, — сквозь зубы — он присвистнул: — «О дети, — как начнет ходить — по земле бог, который уничтожает такие крепкий племена, — то я, конечно, наверное, тоже — не буду живым, — и мои чумы, наверное, — тоже уничтожат. Но я пока — стою, и у меня, дети, — тоже есть своя — маленькая земля, — моя земля называется Семь Чумов из ивы. — Больше у меня ничего и нигде нет. Я вас спросил потому, что я хочу знать, что вы встречали на дороге сюда. Дети рассказали всю свою историю [все, что они видели и встречали].

Как он услышал про хозяина Нюора земли, он присвистнул и сказал: «И вы ушли от всех этих крепких земель? И этот НТ человек, Толбы его земля, вы и от него ушли. И бог наверное их не накажет за то, что они вам не оказали помощи». — Говорит: — «Дети, я вас — пока оставлю — на две — недели. — А через две недели — я вернусь снова. — И тогда — я вас увезу с собою. На моей земле вы будете жить хорошо. Хозяин земли Нюарє, оказывается, хотел вас взять, но не взял; я сейчас увезу вас, не думаю, что сейчас он нас слышит и видит. Если я вас увезу, то он приедет за вами, и он все мои чумы уничтожит. Он, наверное, приедет за вами, подождем две недели, если через две недели он вас не заберет, я приеду и увезу вас. Меня ждите здесь».

После этого он достал мешок из ровдуги, набитый сушеным мясом, и отдал им: «Ешьте это». И он здесь то ли вверх взлетел, то ли куда, совершенно они не заметили.

С того времени, как он ушел, они питались этим сушеным мясом, придет время — ложились спать, и дошло до того, что у них опять не стало даже еды.

Автор думает: опять этим детям стало худо. Они голодные легли спать, их опять занесло ветром, и видны только носки обуви. Автор не уходит. — Говорит: — Из-за лайд — появилась упряжка, — человек в

Тє, њаларє мунунту Сусуйкиґі кєитє њанаґса сохўґиsє сюєбтўґаку њанує њєтумтытыє кичесєє сюдямуєрєку тєрєдиче њуєчебўтў ходіа сеймыsитємты серєбиаты ходіа сеймыsиті сяйбє чехєsы кєу кичесєи масаутуєрєгы. Ніркує чиреsємты серєбиаты. Ніркує чиреsы дярутуємєны мелибиасыґ. Њиленіє кєитєє тєбўґсянучу бєндуґ\ує дерє кєsатуємєны мелибіsытеґ. Њонєнтє манує неначиґєрє мєудя чуймидюґє: «Оу! комєнсыєй, лынді дерє сусюкў на маачекўє сєєтєине кунуњуґ, маагєльче тєґ нинты њєsуґ».

Сусукў ніи конаґа, хианькє кєрсєбєsаґа. Няагєй манує сиsи нємбє нюєкўмўґ њунядя дюбєдиґє серє ні. Такєиче њомтєтєндіґ.

Мунту: «Њаањкури ихўті куніґиа мєугєтє тахарій муањхуаsаті мєукўкўєри черєгиалимхиаты? Њаањкуй имєєдеєри кутє имєєдеєри?»

Нербиаку кєєлакучу сохуатуґ, ысаґа: «Маа мєунтєну сяйбє корби њунсыsє тєисює. Сяйбє корби њунсыsє њуєнтє дюлсырыґє милиані коуґєми. Сылиаsє маа мєу чуўсютє ихўні».

Мунту тєрєди диньдиси чимиті хоsимєны сючатулиґиsє: «Њаањкури ихўті тєрєдиєй малирєй малирєй кєбтаркучує тєнділиґє њує тєнділиґє, мєнє исиєгўємє кєнду нєндітєњым тєбтє нєндітєњым њаањкуй кєчи нєнсыгуsєм нисиаті дюндіайчуґ њаањкуй мєумє нєњхуєгўє тєныйчу судюнаку сяйбє судюнаку бачабтіртў дяњку. Тіи тєлибтўгўтім тєніґиа ися, тымыніа туйхуахўґєри маа(й) њєsєкєри».

Тє, туйхуамуєдеємті бєнде дебтаґагєй. Оу, нюєрє дигє баарбє нимтіримдитє Њиєде Бєsатує, чимиті сючай дянясулудя хунсєбєса мунунту:

«Њаањкуй ихўті, курєгуй дянтіиґ мєу черєгєльчетіґ нелхєsуруґкєхуаsанді. Њўлясє Тєндў нює Толбы баарбє, анідяґа баарбє. Тє тєрєдиє мыны, тє њуєчегўмў сєњўлетањаґ тєрєдиєиґдя њєндіай ніндєты».

Мунту: «Њаањкуй ихўнўндє тіи коиґкиґєм сиsи сяйбє дялынє чубєтє. Сиsи сяйбє дялы мєльчитєны тусюsєм, њонєиґ тусюsєм. Тєє чухєны тіи кондуґсуsєм. Сяйбє судю матє нилутєри биєдя мантє коныґсытє. Њиєде Бєsатує тіи кєркабталугўєбату, ємє мєугєтє тіи контубўнє нюєрє дигє баарбє мынь њєsўґсютє. Судю масудя нємєликў тусюsє, кєриґємты чириси тусюsє~, сюдю masєй бєньдикай кєхилесыsє тєніґиа тіи сєбулусюsинди. Тєтіри лакариай тучету, нибиті туґ нагємту сяйбє дялыгўєтєны тєбтєріа тіи кондуґсуsєм. Ємкєтє иньури».

Муњкудя дюsєсєтємиґє суєрсанєґє~сєхудюґє: «Тє ємтыри њємсєњури».

Тєндємту мидиґєты бєнтує њонтє бўўтамуєгєльчеты дяњгуйчу, кумєєны бўўбўтў.

свою санку — семирогого оленя — запряг, оказывается. — У его семирогого оленя — его кованый наголовник — узоры на его кованом наголовнике — подобны глубоким ущельям больших гор. — Семирогий олень — везет санку — санка до того огромная, — что похожа на место — от высохшего озера.

Его 14 копыльев похожи на большие глыбы льдов. На санке сидит человек такой высокий, что его голова виднеется повыше кончиков рогов семирогого оленя. Его кованая военная одежда имеет шишки, и самые большие шишки похожи на выпуклости больших котлов.

Говорит: — Надел на себя пояс— и есть у него два конца, — они похожи на крылья орла. — Возле кочки он подтянул — оленя и остановился. Поднялся с санки и встал. — Он как будто знал, из-под снега — и мальчика, и девочку — вытащил.

«О, я, оказывается, нашел вас, дети, наверное, бог хочет, чтобы сын хозяев семи шестов вырос моим помощником! Я выращу тебя для того, чтобы ты мне когда-нибудь помогал. [При этом разговоре у него текут слезы.]

— Говорит — детей целует, — у него текут слезы. Вы меня не узнали, но пояс вы, наверное, не забыли, вот посмотрите на его концы, которые болтаются по земле. А на мне надета одежда моих далеких предков, шишковатая моя одежда. Я надел этот наряд просто так, потому что я готов ко всему. Я вас спрашивать ни о чем не буду, человека, который к вам подходил, я видел.

— Говорит: — «Дети, я все видел, — я все слушал, — все разговоры. — Сюдю чумов хозяин — как полумесяц — он тоже не прочь — по свету — побродить по свету, — и он тоже никого не боится, — поэтому оставил — вас оставил — потому что все обо мне — где я был, что я делал — и что я вернусь — он знал. — Обо мне он все знает. Он сказал, что я приеду через две недели, и я приехал. Я вас увезу — он и это будет знать. От земли Сюнэзы я ушел (ŋ в последнем слове карандашом). Тот олень, на котором я вас вез в прошлый раз, был их олень. Земли Нюар олень — вот этот семирогий олень. Я вас не оставлю, я вас сейчас посажу на санки, завяжу и увезу, а моя жена где-то там осталась одна. А я был на своей земле и уже оттуда вернулся».

— Говорит: — он этих детишек завернул — в свой мешок для ног — и хорошенько их завязал — даже не сев на санку — он стукнул вожжой своего оленя — на сторону спины — олень упал на спину — и сделал

Тєны мєндіайчигєтыгєй кунісє биє туйхўґ тєндємєну кєндєті њємуркєтугєй њємсаґкуті курєгуй чудяґа.

Њалаарє мунунту: Ємкўмўкєиче њонєйґ татуґкиґєгєй тє.

Кундуањусуґ нињєєгєй хианькиаґкураити њєсуты, сюрўтє кєулєрудя.

Њалаарє хуриаґсєикєты. Мунунту:

«Лындыґ мєу такєсє иньсюсє њєтымыґє иньсюсўче ихўтў сяйбє њамтє кобтаґа хутурєхуасуту».

Сяйбє њамтє кобтаґа дясўде хучутў хотўрєґ анідяґаиґ балюґ дигєњ чеилегы. Сяйбє њамтє кобтаґа кєндєм њимилихиасы дясўдяґа кєнтєсу косараґа турку кодюґмўєрєку. Ситі сяйбє тунтырычу кўчуй сыруґ мєрумуєрєгыґ. Кєндєту ніні њанаґса манує сеобтіаґку њамтє дирўґ кобтаґату њойбує бєнтумєны, њойбуґуату бырайчуту. Масюсємту серєбиаты няагєиґ, дяруґтує дясўде масюсу салукучебўґ анідяґа дяручу анідяґиґ таа хоасиґ нитєиґ мандалегуґ.

Дяруґтує їиєдету бєсўтўмў ситі бєсўтўмў чуєрєку лымбыњ чуєрєку сяйбє њамтє кобтаґамту сусуйкиа кєимєны някємиґє. Кєндєту кєитє кєрчимидиґє неначиарє. Нербиаґку тыбыйкиаґку дюрбўґ сюрўґ кунсысє кєлумєбтаґату.

«Оу, комєнсыєй! Њонєнту њєниґтєты ємкєй нюєґкўкєине њєсиґєкєине тєґ няндыты! Нюєґкўкґине њєсиґєм няндыты тєґ тєсиєсє! Нюєґкўкєине њєтєгўєбўнє тє њуєгўмў мунуњусу ниньы. Тєє маагўє хўєгаґакутє кєимитє. Бєсуанагєту њунсыєиґ нює бєсуањєє. Сяйбє мєу њуєнімтє хелизисиаґкутєны нюємє бєтуњусуґтєтумє».

Мунунту, нюєгєй сєбкўґтєса кєєлычи тандєтуґ.

«Њаањкуй ихўті њонє њуєлыри дерудеґ ниєде бєсєтує нимтіаркўємє кондєґ конынтєњы кєчи ниєдемє ємты качемєњури. Бєсўйтўмўчу ємє тєє хирє. Тах. миниє сюєбтіаґку иринінє мибтіаґку хонєитіњ дяруґтує масю. Њўєрє дигє сюєбтіай тагєніє мибті хонєитўњ. Сяйбє мєу черє казаґтулебўґ латўўдя дётўрўм тымыніагўмў. Маамту тєлибтєгўчењым, тусюєдеємті њєсўтўмє».

Мунту: «Њаањкуй њєсўтўмє дяsєті буаґмўўчу бєньдей дильситіндіњ. Судюґ масуґ баарбє кичесєєрєкы тєбтє имунунту сяйбиаґку мєумту дейкубтукєбўтў, дяњгуйчу тєйкуату дяњгуйчу, тєніґиа ися коибиаты тіи коибіты куніґиай кєрсане каркўне туйхўкўчутєнє њєсўтў мєнєнту њўsўтў. Мєнє тєбтєраа њєsўтў тєтірє. Тє њєтідяту сиsи сяйбє дялы мєльчитєны мєнє тууґєм. Тымыніа тіи кондутєндум, бєндяй мыњ њєsўґсютє. Њаањкуй, тіи кондуґкиґєм, сюнєsыиґ мєугєтє мєнє тарумуґєм. Тіи њимиадюємє сюнєsииґ таа исює. Тах. њўарє дигє иньсюsўся

семь кругов (перекувырнулся) — когда поднялся олень — он его ударил семь раз — по самым крепким — мускулам ног.

После того как он погнал ударами оленя, сам сел на санку, и олень помчался и мчался так быстро, что еле касался земли. Олень шел очень быстро и так легко, что даже можно было подумать, что он вообще ничего не везет.

— Говорит: — и он так мчался — целых две недели — без остановки. — Автор говорит: — впереди упряжки появилась — речка, на берегу которой — большие деревья — только слышно, как течет ее быстрое течение. Речка лесистая и быстроводная, и прямо на эту речку олень идет. Не переходя речку, на этом берегу среди деревьев олень остановился. «Ну, дети, на этом месте я вас оставлю. Я вам построю чум и приготовлю еду».

Он вырубил много деревьев, и он их не стал чумить, а положил на землю в ряд. После пошел к своей санке, вытащил большой кованый лук. Вытащил 4 стрелы, их все вместе завязал и построил как будто бы основание большого чума. После этого он опять пошел к своей санке. Вытащил огромную шкуру, этой огромной шкурой покрыл шесты (стрелы) и сказал:

«Вот, я вам построил чум. Топор я вас оставлю; ты уже большая стала, девочка, вот этим топором будешь рубить дрова. Я же вам сказал, что приготовлю еду». Олень мой привязанный. И он то ли взял лук, то ли ничего не взял, поднялся вверх в небо, взвился. Но прежде чем улетать, он им разжег огонь. Они этот огонь подкладывали. Девочка говорит:

«Ну, братик, у нас появился старший брат. [И еда есть], и мы, наверное, теперь не умрем».

Через несколько дней на северной стороне их чума что-то упало очень тяжелое, что даже раскололась земля. Они сидят, боятся даже выглянуть, и вдруг, через некоторое время, в чум заходит их названый брат.

«Эй, что сидите, смотрите, я убил 50 диких оленей. Я уже их освежевал. А сейчас я вам постелю постели из шкур на этих деревьях». [Он все пространство в чуме застелил шкурами.] А на одну показал и сказал:

«Пускай вот эта высушится. Когда она высохнет, вы ею будете укрываться. У вас же нет ничего — ни котла, ни чашек. Ну, вот пока вы этим моим ножом согудайте, но только ничего не кушайте».

сяйбє њамтє кобтаґа. Ті серутєндым, сюнєсии кобтуа кєрутєту лындиґ мєуґ дерєґ малюся коиґє. Мєнє макитінє камкєє тууґєм, нємбє мєугєтєнє».

Мунунту.

Сиси нюєґкў сетєди њуєлаагўтў дерє няагєиґ кєсуґуакєичу кєндєту кєитєны нєнсыди сюамтєдели кобтаґа мєгудяа хуатємєндутєту мєгу ніиде кєитє херылиґє сяйбиґ херылиґє тынтунтєндытєты дясўде кєриґєтєны лакєиґ дерумындє сяйбиґ соњкураґasy.

Тє тах. тє нењкєрєкєрє кєнтєтєты лањўґє њамтєлири кобтаґа нуњкулєндытєты мунунту дясўде кєндєту ситі лєбсує хирєґєиґ дірўбтўсє нясы нєнкусєґєту четє мануємту чуєтує мантє неначиґиа кобтаґа касаґ нигєты мунєґ мааґ кєине мындытињ.

Мунунту.

Њуєсуґ люмўґмўєsy сиsи сяйбє дялы таа нугитіті.

Њалаарє мунунту: ємє иньсюсє нерєє ниркєтаґку бигай бигай буєраasy кулалехуєsasє. Куу ходеє ниркатує, ниркатує бигай бєsуахуату, неначиґі ниркачу аніґеиґ туймєиґ хуааґ мандіґ. Тєлиа сохўся кобтаґа малыру. Ниркарбаиґ дерє, бєрєsўтўиґ дерє хокиалимидиґє таasy.

«Тє њаањкуй ихўті ємє мєунтє тіи коиґкиґєм. Матєми мечетым, њємсусичи чентырысыєм».

Тє тах. неначаґай ниркарбаґай сєтєриґєњыты тобирбаґатєны. Тєндічу аніґє масє хирємєны нятымєнынты тадюґўє. Тє ніисєту кєндємту нерылиґє, неначиґі кєндєтє сулку њилесє неначиґі дясўдяґа нусанє кєлуєбтаґа. Четє дясўде њарўмєтумаґа бирўґтує тєндємту четє таньде масє хирємєны њўєлиґє, четє битисиґє. Тєгєтєту неначиґірє њонєиґ кєндєтудя бииґиа. Неначиґі билиа~ хењкє билиакыґє, тєндємту тємєєны дюйкєлєсы мунунту:

«Тє, мали ємты. Тобєкєє маасємє нанунті икує, маагўє хуааґкўsўчи. Маагўє хуааґкўsўчи чамбиґтєбиті тєнє нербиаку ися тєњкуґсисињ. Ниркўй чамбиґтєсыєм сирўдяйчи. Тєнєкєса мєтумумбанењ. Тє мунудює тєґ њємсусичи хулякусєм».

Тє неначиґиару таамту китіґиє, китіґєты. Тє курєдиче кєчи динде мынтєлємє, нинтыsє мунуруґ. Бєнтує њуєнтє мынєлаasy конаґа.

Мунудює: «Туу ємты торасаґам, тууґкўтідя њомтўњуруґ. Тули чинтєњыри».

Нербиаґку мунунту:

«Тє, њаањкуй ихўтє, єґєsєми њєsиґєми тє. Тымыніакўє њєндіаиґ нисыєми куєґ».

— Говорит: «Дети, я сейчас пойду, — раздобуду всю домашнюю утварь для вас.— Бог, который уничтожил — ваших родителей, — бог пусть видит, — пусть меня видит».

Ну, он опять взвился в небо, [а санка его до сих пор стоит завязанная]. Когда-то он вернулся и принес с собою всю домашнюю утварь. После этого он никуда не уехал и целую неделю был с детьми: кормил их, был в хорошем настроении, только вместе с ними смеялся. Через семь дней он сказал:

«Дети, я вас оставлю. Нож я вам оставлю, когда-нибудь, может быть, я вернусь, если буду живой».

Дети остались одни. Проводят время за разговором. И вдруг когда-то девочка была на улице, зашла в чум и говорит:

«О братик, бог для нас пришел». На нем медный наряд, и головной убор его сделан острым, имеет острие. Пусть он запрягает любых оленей, своих оленей отпустил ли, завязал ли, вошел в чум и сел. Когда-то девочка опять говорит брату: «Братик, еще одна упряжка появилась. Л. средний, кажется, приехал, Л. Л».

«Э, братик, вроде бы человек еще пришел, вошел в чум; на нем белый наряд, как плавник большого осетра». Он тоже сел рядом с теми.

Через семь дней появился горностая хозяин, рода горностай. Он сел не туда, где все, а на другую сторону. Через три или пять дней у дверей опять послышались шаги, не такие тяжелые, легкие. В дверь вошел человек, похожий на уходящий месяц. У него очки из дерева, семь гвоздей которых подобны семи лунным месяцам (как сентябрьская полная луна).

Друг с другом не разговаривают.

— Говорит — человек Х. С. — «Я не знаю, что случилось, — почему такие крепкие люди, как вы, — собрались в этом худеньком чуме — конечно, вы должны были собраться — я-то вот с этими детьми — ничего плохого не делал — по отношению к ним плохо — не поступал — а вы собрались, почему собрались — и остальные, к кому он — обращался, ни слова не говорят. — Те, к кому он обращался, ничего не говорят, как сидели, так и сидят. Когда-то девочка вышла на улицу, с улицы вошла в чум. Она стала целовать братика и говорит: «Братик, пришел наш брат». Приезжий вошел в чум и сел рядом с детьми. Девочка его напоила чаем. — Говорит: — «Девочка, ты вон того, — самого крайнего — к северу человека (падеж?) — покормила или нет? «Нет, я его не кормила».

Тє нинтууче кунтєгу тєє чухєны мані сыњє ніўмєны сєњкутуєраамєны сырєсєты мєрумунєґ. Тєні кує хирєгўєтє игєтугєй нигєтыгєй бигєбтіаиркєльчиґ њонєє муњгєтугєй маарбаґарє єку. Єи, неначиєрє мирєймату туймунє.

«Kasиau! маа єнтыњыри, сєнхобиисє селу коѕаґам. Бєньдяй мєтурўґўне ємыґыє. Тах. хонсусичи татєгуєм».

Њуєсє кубаґа буєдя мунунту:

«Ємтыри бєнтіні кодетєїєє. Косєбўтў нимєєнынті хуамухуањури кунтубўті. Маагєльче нітєичи тє дяњгуґ, китєгєльчи дяњуґ. Тє бахигитє кўмаґантєны соњгучењури, нињыри анімєны соњгучиґ».

Кўмаґамту басаsумєємту коиґ\иє.

Мунунту:

«Њаањкуй нитєєsичи хууляндєґкиґєм. Сяйбє њунсыыґє котєдюєдеє Њує њєsўњєє мєнє њєsўњєє».

Неначиґєрє њансє бєнтує њонтє бўўтємуєгєльчичу дюкуґє. Тє неначиґєрє кує чухєгўєну деѕиґмидиґє нитєє мындыты. Нитєє мындыты, чайнитєє мындыты, киsєй, силякєй, нірумує нитєє мындыты. Њємурсанаґкуй бєньдей тєsаґа. Неначиґєрє сяйбє дялымєны кунтє нисы чимиґ, нюєгєичу њємєбтугуся локєдюмурєє*, хорату. Сяйбє дялы мєльчитєны мунунту:

«Њаањкуй ихўті, тіи коиґкиґєм. Кањгўчи тухўнє кўмаasичи бєньдеґ маasичи тєsуґсуєм».

Тє такєиче тєны игєтугєй. Дюрымырыа хоракєтугєй.

Оу, кує чухєгўєны нербиаґкурє бєнтіні ихуasу, матє чииди мунунту:

«Њаањкуй ихўтє, њуєsєми тууґе, кондучериґ дінтуґє тууґе няндыты».

Нірумує масюsў суњгудету хиремєны хуйрымємєны мелибиасы. Неначиґєрє курєдичей тааґєйчу хонєиньєє, тєндічу нелєгєчаґа masє куньди тійкуѕиґє, хелиsиєтє њомтўґє. Тєтєєрє тєны бєдяйчугєту. Кує чухўгўєны нербиаку бєнтіні исюєдеє матє чииди мунунту:

«Тє, њаањкуй ихўтє, њонєє иньсюsєтєми тууґє. Лasуґтєри дюнтуґ\ує тууґе няндыты, Лasуґтєри Лємдикє».

Тєтірє матє чииґ\иє нянту сыњє ніикє, тєндє њомтўґє.

«Њанаґса сухємунучу, матє чииґе, сырайкує масюsу, анідяй бакуну чуєрурєгу тєйбусєбтўтў».

Неначиґєрє няту сыњє ніикє њомтўґє.

Њонєє сяйбє дялы мєльчитєны хиєsєиґ баарбє тууґе, Хиєsєиґ Лємдікє.

Неначиґєрє няту њоа ніикє њомтўґє.

«Ну, сейчас ты его накорми».

Она его накормила.

«Ну, девочка, оказывается, у тебя много гостей собралось. И я, наверное, тоже не поеду скоро, а может быть, вообще не поеду».

С тех пор, как они вместе собрались, прошло 7 дней.

«Ну, девочка, иди посмотри, что там на улице».

— Говорит: — «С той стороны, откуда мы ехали, — как будто где-то ломается — земля от чьих-то шагов, — где-то вроде бы еще — обваливается земля. — Девочка, посмотри, — кто там еще к нам приехал.

Девочка вышла на улицу и говорит:

«Оу, вот дорога, по которой ехал мой названный брат все еще виднеется, на таком расстоянии, где достает глаз, по этой дороге идет человек, и очень высокий».

— Говорит: — «Он надел наряд, что — на этом его наряде — имеются глаза, его глаза моргают. — В одной руке — он держит мостообразный лук — как будто бы это его посох. Мостообразный лук, как посох, держит. На этом луке тоже есть глаза, на его ногах лыжи, на которых тоже есть глаза».

— Говорит: — «На одной его щеке — выросли — несколько травинок. — Щека его такая — как будто бы его грызли мыши, — идет, сметая все — на своем пути — не оставляя даже кочки. — «О, проклятый бог — передо мною — перед моими глазами — появись. — То, что бог сильнее и — выше человека, — я еще не убедился. — На людские глаза — ты не показываешься. — И поэтому — никто тебя видеть — не может. Когда ты уничтожал мой род, хозяев 7 шестов, то твой прожорливый рот никто не видел. Ты уже их съел, уничтожил, а теперь встань рядом со мною. Руками своими меня уничтожь. Оттуда ушедших, из наших чумов, вроде бы я чуть не обнаружил и опять совсем потерял. Если я не найду своих детей, брата и сестру, которых разыскиваю, то любые чумы, которые попадутся на моем пути, буду всех уничтожать. Ни одного чума оставлять не буду. Если тебе это не нравится, появись передо мной».

Девочка вошла в чум и говорит:

«О, брат, я видела, сейчас какой-то человек пришел, я не знаю, это человек или бог, на нем наряд как будто бы горящий, горит, как огонь».

Этот мужчина, с которым говорила девочка, чуть откинувшись назад, побледнев, сказал:

Тєндіґ тууґмуєґєтє кєчи нагўр дялы, кєчи сєњхєляњкє дялы бєумуєґґєтє њоа лєњкєримєны нинтууче сєњкутуємєны мирєимў сохємунучу.

Тє њоа кунсымєны чииґєњыsы Кичесєє Сюдяґмуєрєку.

Ходюасє сеймиситі њасунучу кєу кичесєє масаутуєрєку.

Няту сињє ніикє њомтўґє.

Нятуњдя нигєты буєґ.

Мунунту Ходяку сеймыsи хиайсєм њўхємєгєту:

«Оу, куніґиаимуґ маа куніґіимуґ няагєиґ њєтємєє буєsай њєтємєє нємбє макўмўндє мадяа њунюњандєґ тєтєє лынды њунюґ њуєлындыґ њунюґ нюєґкўгєй нємбєй нюєгўєй минсиєнє дерутум нємбє буєsутєны сєњкємєсы дерутум тєтєє њуняњуруґ мєнєє кумунтєњум тєндє тагєдяа буєsумє дяњку. Њуняњуруґ».

Тєндє буєsудя њамиайдюмєґ њуєйкєльчиґ нигєтыґ њумсыsєґ, куніґі челькитіњиґ тєніґі чельтітігєтыґ. Кує чубўтєны нербиґєрє бєнтіні ихуasу матє чииґє. Нюєґкўмтў нюєсычи мунунту:

«Њаањкуй ихўтє, єґєми тууґє».

Неначиґєрє матє чииґиє, њомтўґє. Чаибтыґєsы.

Мунту:

«Њаањкуй ихўтє такєє сињє ніиде матє сињє ніиде сєємты нумєњкєє туйхўґєгєтєты».

«Маа нигєты тєґ».

«Тєє такєєрє чаибтытє».

Тє тєндємту њємєбтаґа.

«Тє њукєгєєґ мєу черєґ њунюмхуasуґ – нербыґєтыдя мунунту. Тах. мєнє бўўбсятємє њєндіай дяњку, кунтєгу бўўбсятємє дяњку кањкєгєльчиґ нисисинє бўґ, ємны исюsєм».

Тєндиче њуракуєдємыєсынь ~ сиsи сяйбє дялы њуркуєтыґ. Тє, кує чухєгўєны тєндєєрє мунунту:

«Њаањкуй ихўтє, бєньди качемєсинь. Тє хирєгўєтє сеймыче хомєлюкўмўґєґ њєндіай».

Мунту:

«Нерєиґ туйхуаґмуєдеинюґ ніисє кубтабсануґ ніиде кєитє сырєсє мєруаґтємунєґ, бєнсє ніоњкєту мєу ніањкєту. Њаањкуй sєму туйњу маasємуґ туйњу. Бєнсєтє мєusy лєнентумунє качемєкєєрє».

Нербыґыарє сєњўрся мунунту:

«Оу, няагєиґ њамтє хели~ кобтаґа њыєґтєту сєдеєsєту њыєтєту синьгєбтіґ\ўєsy њєsухиаты, тєрєди кєса кєндіаса сеймы мєльчитєны њанаґса малыру няагєиґ, мунунту «тєніґі малырує туймаґа хуа мандіґ».

«О девочка, мы теперь будем живые или нет? Это пришел твой родной брат Т. Х. Ты же говоришь, что у него мостообразный лук, если он этот лук держит, то никакой человек перед ним не устоит, он любого только так победит».

— После этих слов — он приблизился к огню: — «Этот человек — у которого пояс болтается по земле — хозяин земли Сюназы — твой тесть — когда ты встретил этих детей — и разговаривал с ними — у тебя же было — крепкое сердце — вот теперь иди — и встреть на улице — человека, который пришел. — Сюназы хозяин — стал отнекиваться — и говорит: — «Хозяин семирогого оленя — пока есть, — как же я могу первым — ловить этого человека — это мой зять — и конечно ты должен — первым сразиться с ним». К: «Ну, не хочешь — не надо. Ну, ты, средний семи жертвоприносителей, может, ты выйдешь навстречу этому человеку? — «Ты же есть, и пока ты есть, я, наверное, подожду. Этот пришедший человек — сын хозяина семи шестов, о нем весть шла по всей земле, он, говорят, что руками драться, что луком, одинаково ловок». Все были сидящие опрошены, и всем было предложено сразиться с пришедшим, но никто не хотел. И хозяин Неанюар попросил человека, подобного волку.

— Ему говорят: — «Вот ты многие — земли лишил — возможности видеть солнце — ты, хозяин земли Толбы — Нгюляза Тандубси — самый сильный, не допусти, чтобы он — нас застал он врасплох — ты выйди: или его — успокой или с ним — сразись.

«Я, наверное, зря тебе помешаю, я не буду драться с ним». После этого он обратился к хозяину Сюдю чумов: «Я о тебе тоже слышал, о тебе тоже идет слава. Может быть, ты пойдешь навстречу к этому идущему человеку».

— Говорит — «Я, наверное, если выйду — то, наоборот, тебе помешаю.

— Я слышал о тебе такое,
— что твоя сила равна силе
— этого человека, хозяина
— Семи Шестов.
— Лучше ты с ним иди и с ним сразись.
Ты сразись.
Ты, испытанный».
— Говорит,
— на эти слова его лицо,

Мунту:

«Масюзємту серєбіты сеймызымєє масю лябєты, сеймычи лябєты. Њамиайдюмє дюзўтєнынты хулєтаґа диндє чириґлехиазыты. Хулєтаґа диндє чирилехізыты. Ситі хорасумє тутєзы сеймычи лябєты».

Мунунту:

«Њамиайдюмє дёњхуазєє мынынты нагўр корбиаґку нітє бєзуахуату. Маакўту ичењум сусуй њєтєбўнўнтў сырєзєтуњ чубє каримєтудя сырєлакурєкы чиньдинтілекєтызє њонєнту њєніары банєґєє њує сизи сеймынтєны њєзудя кадяґкўнє сохуазињ. Њує бєзўсягўмў њыыєтє мєтўмаґа хундуймєтумаґам. Сизи сеймынтєнє ниніагєтє сухуєґ. Њуєњуѕу њує тєнє њєзўтємуґсылы њўзўтємуґ. Сяйбє њунсызыґ\ыє кєбтаркўбўєрє, њуєй ися деньказамтє сылы њєзўтєњу. Тах. тымыніа тєндиче њємуґєї, тымыніа кєитєнє сухуґєзињ. Ємє мєунтє тах. дюзаґ мєнє њємєґ. Њємєриаиґ бўўтамуєй кєсадюєм нємтєґ тєгєтє кунігельчиґ дюкўґине. Нюєкўне ниндєтым њєзєґ маатіґ мєу черіґкуй їєтєбўнє бєньдей мєлькўмтўндєтане. Њуєйкєльче мазє ниндєтым котўдеґ. Тєндєдяа сомдирся кєитєнє сохуазињ».

Чииґє нербиаґку тах. мунунту:

«Єґє ихўтє ємєніє маањуна њанаґса сеймызымє масюѕу, сылиґізє хорањгына маа тєніґіриаиґ лєњынты, туу мантє лєњынты».

Тєніґиа мунуруса неначиґєрє кєса кимєлєса мєкиґі хоакєбиґє.

«Њаањку ихўнўнтє тах. нилыњымыґ? Тах. тєтірє сюєбтіаку нинырє Тутє Хорєзумє. Тєті мунунтумтєє хулатаґа динтєѕу, хулатаґа диндємту кємєбўтў, курєдичеґ тєњкєгєєґ њанаґсанєґ хорє дязикў нєнсыди дерутаґаґ, эмыґыариай лиимєсузєту».

Мунту: туу ниикє ликєбиґє:

«Сюзабырє тєті Њиєде бєзатаґа мунунту тєсиєзє сюнєзєиґ баарбє нінъєбаґкудемє сизи нємбє нюєнтє нємбє буєзумтє дебтазабўґєрє сєєрє исює тєє маагєє исює тєтєє ѕукєєрє кємўзўкєкєєрє таане туйхуатує сунькєлєтє».

Тєті мунуруса мєки хоакєбўрў тах. Сюєбтіаку њамтєлиири нює тєны икўмўнтўндє кутуґ кємєнтєњумє нюєкўриаґкўмє биньиаґкўриаґкўмє тєнє бтындєтырє дяндєбтындєтырє. Тє—тє, нибитє часезы куніґиа мєнтєњы. Тє, кондучери баарбє сизи нюєкў туйхуатує кондулєнантусуєњ ибахуњ тєнє, тє тааніє туйхуатує кємўзўкєєзє. Њойбуєзу хоркєбиґє тє тіњ тє ихўндєту куніґиа кємўзўкєтєњумє. Кємєи хирє нинтуу њєндіаиґ. Њунсызєиґ нює буєругєтазє дюзаґ хуаробўґ, диндў хуаробўґ, диндічи, кєзатў њуєй тєњкєди сылы хоарутєњузу,

— которое было бледным,
— стало потихоньку
— краснеть.
— А почему же это маабтату?
— о вас шла такая
— хорошая слава
— за что.
— Ладно, если на жизнь
— или на смерть
— я попытаюсь с пришедшим схватиться.
— А ты, Ходяку Сеймизи,
— хорошенько меня слушай.
— Может быть,
— я его и одолею,
— хорошенько слушай: ты из одной
— костный оленя (конечность)
— Вытащи костный мозг
— но смотри, чтобы ни одного
— даже маленького кусочка
— не осталось на костях, весь его целиком вытаскивай.

Если вдруг ты оставишь хоть маленький кусочек от кости, то после этого это будет для нас с тобой причина.

И если вдруг я его повалю, тогда ты быстро этот костный мозг ко мне принеси вместе с костью.

А если ты половину костного мозга оставишь, то нам с тобою будет несдобровать. Из-за этого костного мозга мы его не воскресим, и он не вернет силу себе».

После этого он вышел из чума. (Палатализация после d зачеркнута.)

К: cundŕki'e vyskoc*ila
и концы его пояса на крылья больших орлов.
— Говорит:
— он пошел навстречу
— идущему человеку
— он, оказывается, уже сам
— подходил к чуму
— на таком расстоянии, на котором должен стоять еще один чум
— когда он стал

сылы кємєнтєњusy. Њамиайдюмєґ бєньдеґ дюрымычињ дяњуґ тах. Њўлясє Тєндубси.

Мунунту, њонєнту њумару:

«Сяйбиґ мєуґ чериґ коу хоруакутє мєу Толбы баарбє Њўлясє Тєндубси тєтєє рурурыны литўрўрўлыны маа нињырє њанаркуґ дяндєбтытє ємтєй дяндєбтытє. Тааніре маалєму дяндєбтытє».

«Маатєнє лачубтўлюњ, —— њамиай мунумунучу. —— Нисыsємє кємєґ».

Тє, сюдю masy нюе masунікўємєны: «Тєґ дюрымырє сєйбукєту. Тє тааніє туйхуатуе њанаґсанє дяндєбтытє».

Мунтут тєті мунуруса нянту ниидяґа сеймычи кичитўґ:

«Єнды лачубтўлюмъ тєнє лачубтылым Њамтєлири нюе бєsєтаґку їиєде бєsатаґку Њусыsєиґ нюе няагєє сєйбукєту дюрымырє сєйбукєту. Тєнєбтіґій дяндєбтытє. Тєнє дяндєбтытє. Мєнє никємє кєєликў тєнє њунсыsєи нюєнє никєрє њуєлєбсєґ. Тєнє њєтємєєњ».

Мунунту, «Тєніґиа мунуруса кєса сиusи кимєйкўсуєдеє њўњгєту хиайтє сельбиґ чуўналиґє. Мєбтату ниusє аніє дюрымычиґ сєйбукєє єнты сєйбукєє. Тєтєє bсаsєтєнє куєbсаsєтєнє мєлтынінтє? мынєґ. Ходяку Сеймиsи неняњгуґ дильситіґ. Минтіа тундєнтумє њонємтундєтумє коньдюе селюґўєнє хўнсюsєґє койму Няагєиґ хўлебтытє бєњкєдюєтєту њуєйкєльче койму чебтє нииґ коиґ. Тах. чебтємты коибитє дялы хуєны мєнє нєњхуєsємє тєті. Нюлєйкаґа койму иньєє, њуєйкєльче койму хелыє нии коиґ. Тах. њомтантўбўнє меригиай миґиа хойкўгињ. Тах. тєніґиа тєндє мантє коимынтє хелыє коитєндыњ дялы хуєны сундятємми дяњку».

Неначиґєрє бєньді чундўкиґє. Неначиґі дярутуе ниєдеты бєsўґтўмўґ, тєухінтыє лымбы чуєрєгыґ. Мунунту. Тєндємту нерылиґі ненамакўєгєтє тєє херхылєтє камкєє туйхуasy суњкєбтундутєнє њуритўтў њонєнту њуритўтў:

«Њємєєдяґку њуе тєсиєsє няндытыњ, тууґєњ няндытыњ. Тєсиє дяндєбтындєтыњ тєнє дяндєбтындєтыњ сюєбтіай бачуґкўмурє њуєче ихўтє бєтєлы маалы бєтєлы. Кадяґкунє тучетуњ миниє хулатаґку динтємє њєsўњўрєє. Эмыґ\ыариай чиридеємтє мєтутєндум. Тєгєтє хобтєбўтє ємиґ дюsўтіні тєнє кємєсуsєм. Тах. нячи суњкєбтаґањытыгєй мєнє качемєса тєњкутєтыєрєгыґ. Сымбиату сыты качемєса тєњкуєсиєриasє», мунунту.

Ногулундутєнє хулатаґа диндєм бєsаґату карибєsаґату кєса њилебтаґа неньдирмўся нохумиґє мєнє нохумиґє. Дюsачу эмыґ\ыаріиґ

— его окружать, то идущий человек говорит сам себе:
— «О прожорливый бог,
— наконец-то, кажется, ты пришел
— ты пришел.
— Теперь-то я с тобою
— обязательно сражусь,
— посмотрим, правда ли
— твоя душа крепкая, чем человеческая, посмотрим, хоть ты и бог.
Подойди только ко мне, видишь мой мостообразный лук?
Этим луком я сломаю твой хребет.
Если луком не одолею, то схвачу вот этими руками.
Вот они начали подходить друг к другу. Тот, кто пришел последним, на него смотрит и становится сильнее.
Тот, что вышел из чума, тоже сам по себе становится сильнее.
— Говорит:
— он, сын хозяина семи шестов, хотел ударить его
— своим мостообразным луком
— в это время второй
— увернулся
— и схватил его за пояс,
— у того только стали дрыгаться ноги.
Они оба только поднялись на ноги, и они оба стали пытаться побороть друг друга.
Так они прошли шесть кругов и остановились на седьмом.
Но у них равны силы, ни один из них не хочет быть побежденным.
— Говорит:
Когда-то вдруг сын семи шестов, хотя товарищ его и держал, он вдруг стал валиться на землю.
Он упал на землю, пора появилась, но глаза у него моргают.
Но в это время хозяин семи шестов подошел к ним и говорит: «Вот, я принес костный мозг.
Ну, теперь иди за детьми, приведи их сюда, если они не смогут идти, подними их сюда».
Он ушел обратно в чумы и вскоре вернулся с детьми.
— Говорит:
— Хозяин Нёар земли стал бить по лицу своего лежащего товарища и говорить:
— Нюар моя земля— никогда не была— людям плохой.— Бог, помоги,—

кєсаґтуру неначиєрє тєті. Няагєи мунунту: мєтўзєґ торамызєґ бєрилигєтындєґ. Няагєи тєнізє сяйбємті торємииґ на дийкубтуґєгєй.

Кудюбтаґкугєльче мєки нінты њуєґ. Тах. неначиєрє тєніґиа кємиаґлаатутєнє кєидя сутаиґє. Сеймыгўачу њусиириґ. Тє, тєніґиа ихўтєнє, Ходяку сеймизи камкєє кадянє туйхуазу: «Тє, тє—тє коймумтє мелызиґємє єнтыєиґ ємты, ємты! Тє тааніє нюєґкўгєй туйњєєгєй, меригиай туйњєєгєй».

Тє, кєбтімидиґє тєгєй нюєгєй бєнсєгєй тууґегєй. Селу кињкєлыґ\ыє камунту њариґ\ўа кєчи кунінњалємєны кєчи њємєєнынты коимаґамту хоаричалудя кондўґтєрє иримє нюєрє дигаґкумє дяњгуйчу бєхиатыты дяњгуйчу.

«Њунсызєиґ нює Тутє Хорєзумє бабийкўмє ирий бабийкўмє нилымынє няагєй нилымынє бєйкємењєєзу ириай нелхозуґ єнтымє нелхозуґ сяйбє мєу черєґ њуєниємўґєґ. Хоањгєтєтуєґ нюєґкўгєй тєєсезє дюрўмє мындыкєтыгєй. Ниныўмты качемєбўті минтіагєны сєєґкўчи маагимтєту, няагимтєтыґ».

Тєніґиа мунуруса неначиємє манує њомтўґє, бачедя њомтўґє, њыєтєндынь сеймычи кайњантундуґ.

«Тє њаањкуй ихўті дізаґкуйњури. Тіи бачемєњєє».

Мунунту:

«Єнтыєй ихўтє, њонсызєи нює Тутє Хорєзумє коуґкўкўаче нињыґ єхы дильситіґ хоањкўрўєгєиче ємкєй нюєкукєиче нємбўче нилутє няагєиче нилутє хоануґєкўєгєине бєнаатєґ нисятє бєнаатєґ нюєкўкєиче ємкєй накєлєкєине».

Тєє чухєны тах. нюєгєй качемиґє, нюєзыґегєичу.

«Тє, њаањкуй ихўті њуєне тєє хирєгєльче макўане нокуєтуґ».

«Тє, маа єхы маагўєй тозаґмўся чуўґсютєрє. Ходеє Сеймизи хелиє кєигєтє кємєзєґ, мазєдя контугуми».

Неначиґємті бєтєлиєњытугєй, неначиєрє хоанєдюту хоањкудюєдеє мантє. Матєтуњ тєндємту њємєбтаґа сеймычи няагєиґ њєтымыґє єку:

«Њаањкуй ихўтє, — кєчи някурє дялы бєумєє, кєчи сењхєляњкє, — нињырє чяизы тєиню, маадя нињынь бытємтє хуудеґ, нитєєрє тєичу тєґ. Нињырє њємурњєє, хўєті њємурњєє».

Мунунту, нербиаґку хойкаґа ниркатує бигайчету:

«Ємты ниныгўмўмє нитєємє сюўтєнагєнє дебийчине камкєє мейхиазы».

Њилиґиа тыњгайкаґа ихуазу. Тєндє дебиємєнынты кизамту сєтємиґє бызєдяа. Тєнизєты мєкиґиа хоагўрмидюґє.

Мунунту:

отпусти жизнь — этого человека — у меня нету на моей — земле ни одного товарища.

— Пусть он сейчас, съев этот костный мозг, вернет себе силу.

— Бог, отпусти— вот этого моего товарища отпусти,

— жители семи земель,

— по-моему, хотят объединиться вместе.

Детишки, которые скитаются, увидев их, мне становится жаль и даже хочется плакать.

Дети, увидев своего брата живым, может быть, им станет легче на сердце и на душе.

После этих слов лежащий человек сел, хотя у него был еще помутневший взгляд. И товарищ говорит:

«Ну, дети, подойдите к нему, пусть он вас поцелует».

— Говорит:

— Тута Хоразума — твои уши — наверное, нас слышат — хоть ты почти и не видишь?

— но вот твои дети — которые скитаются — плохой или хорошей жизни, — как мог, я им все-таки помог,

— чтобы ты на меня не был в обиде — этих детей твоих — возьми».

После этих слов тот, что был без сознания, взглянул на детей и стал их целовать.

«О, — говорит, — у меня, наверное, нет сил, я очень ослаб.

Может быть, я даже не дойду до чума».

«Ну, ты дойдешь, — говорит товарищ, — мы тебе поможем».

С двух сторон они подхватили его, вошли в чум, и они его посадили на место, где постель.

Они его покормили, у него стало возвращаться сознание.

Говорит девочке через 3-4 дня: «Чай есть для твоего брата, если нет воды, то сходи за водой, вот же у тебя есть ведро».

— Говорит: — девочка побежала — к речке —

«О, брат мой, — оказывается, — чтобы мне было легко

— воду таскать, давно сделал ступеньки к речке».

Она хотела зачерпнуть воды и вдруг отпрянула назад.

— Говорит:

— «О, боже мой, — лесистая наша речка — почему-то вся — стала кровавой.

Речка катит кровавые воды и даже выходит из берегов».

«Оу, комєнсымє ниркатєє бигаймєє демємбуєлєса куняру. Ниркатує бигаймєє демєрє буєса куняру».

Няагєиґ хењкуsутуємєны њєнєрєхиасыґ тєрєди бикаа бытумтыsє ненсириалыди хоньдяґ бєриsиаґмыєґ, лочаґ мєруґмуєґ, тууґєґлаиґ бєриsиаґмыєґ бытубтытурубиасытєґ. Тєндємту дюбиалмєбтыґє матєту.

«Тє, њаањку былє кунуњу?»

«Оу, єґє ихўтє, ысєє ниркаґтує бигаймуґ хоньдяґ бєриsиаґмыєй тууґєґ бєриsиаґмыєй, лочяґ мєруґмуєй бытубтыхіsычи».

Демєрєє ися конаґа. Мунту тєніґі мунуруса мєкиґі хоакиримися хорєsу кўхўнамуґє:

«Оу, маа куніґі мейњыґ. тєсиє нєнсуґкиґє сиєр нєнсуґкиґє њуєsє ниныґыєрє коймусєкєгєльчету. Тыбыйкиґиаку нює бєsуатєњу кањгє бєsуатєњу. Нёарєм дигаґкунє нєндиґмыєдеє бєлтаsу ичету минтіагєны».

Тєніґі мунуруса хеїиайсиасыњ кєсаґ сарсєбєса мунунту:

«Эмтырє маа буєїу? Маasу куніґі ињу?»

Тутє Хорєsумє:

«Єи, ысєє, єнты ихўтє, ниркатує бигаймуґ нялыгемымыґ демєрєє буєлиє ибаху».

«Оу, комєнсыєй, маа тєгўмўрє нєњхує тє».

Мунту тєсиєsєњ нербиадяа њойбує дирєбєsаґа Туsєњ Хорєsуњу кобтуа:

«Њаањкуй ихўтє, тєчиєм тєсиєsє ємкє нераґа хуурыємє сиєр њєндіай њєтымтєкиґє мєу хоймєны туйхуаґмумєныны сєєдюмумєнынтє коныдиєдеє куніґіґ њанаґсанєґ маа њонєиґ њанаґсанєґ њєтєбасуњ».

«Тє, єґє ихўтє, такєє њуаниєдеєкўєsуњ єґєнє тє њинєбє няндыты». Њинєбиче њуєчебўтў ємєніє нянтудя мунудює:

«Маадеєті, коигуєгєичи».

Такєє кондўґчериґ баарбє мунудює:

«Маадеємєнынє ниґ дётўрєґ, маагєльче латєєґку ниґ тємєґ, тєніґиа ихўтє тєнє бабитіґ кондуґлєсуsєм».

Лasуґтєриґ дюнтує тєбтє тєніґі исює, тєндє миинікєє Њўляsє Тєндубси икєбањху. Сєњхєбиисє селу котудює, мунудює:

«Чяйбє селыґыакукєгєльче њантєтє хуантєтуњ тєнє сєњхєбиисє селуне њойбуті кондуґлєсуsєњ».

Єґє, такєє сынєнієsўндаґку сєєгўєsу няагєє исюsє исює, сюєбтіаку ємєніє нинымн тусятє ченыди мии коикиґє, мии нисыє кондуґ. Імєнієгўєрє њєндіай сєєsу тєныйчу.

«Тєє, њањкуй ихўтє, бєлтє дюрымымє тааніє кєитєи њомтўтўєй бєньдей њєsўтане».

И на своем течении несет то обрывки шкур, то постелей, то обломки досок — все, что принадлежит человеческому жилью.

Она бросила ведро и пошла домой.

«О брат, наша речка вся кровавая, и по ней плывут вниз по течению обломки шестов, обрывки нюков, постелей…»

— Говорит — О, что случилось? — сейчас, наверное, — начнутся дела, — единственный брат — и то истощен. — И твой маленький брат — когда вырастет — еще когда вырастет.

— Нёар моя земля — может быть, и ей — скоро придет конец.

Услышав это, лежащий человек говорит:

«О чем это ты говоришь? Что случилось?»

Тута Хоразума (говорит):

«О, еще что, вон девочка пришла и говорит, что речка, из которой мы берем воду, вся кровавая.

«О, это плохо».

— Говорит — вот наконец-то он— повернул свою голову на сторону — своей сестры:

— «Ну, моя сестра, — дочь семи шестов— вот сейчас-то в будущем — дело, которое я ищу, — наверное, скоро будет, — расскажи мне, что это — за люди сидят — напротив нас — может, когда ты их встречала — что это за люди, — какие еще люди.

«Вот тот, что сидит ближе к двери, это тесть моего названого брата.

При встрече с нами он велел нашему названому брату, чтобы он оставил нас на чумище и не взял с собой.

С ним средний из рода жертвоприносителей, он сказал: «Вы к нашему чумищу даже не подходите, если найдете хоть какую-нибудь кость».

Лазутари тоже так говорил, а вон тот, в белом, подобный волку, он убил 50 хоров и нам: «Если вы тронете хоть кусочек рубца оленя, то я вас дам в жертву за головы моих 50 оленей, которых я убил».

А вон тот, самый крайний, у него вроде бы сердце доброе, но он нас не взял, потому что знал, что наш названый брат придет за нами.

У него, кажется, сердце доброе есть.

Ну, вот и весь мой рассказ, всех на той стороне сидящих я вижу и всех знаю».

ПАРИЖДЯ

Мынь ава ємкєтє Аваму-гєтє бўў-дўє-нюґ июля-тєну Дудинкадя. Дудинкє-ндє чуў-ґє-муґ, тах. тє-тє, Дудинкє-ндє чуў-тў-тєну муну-раґи-нюґ: «Кўзиахўґ выступаирсютєруґ, кєйњиґсютєруґ».

Бєньдеґ тууґєґ Усть-Енисейский районє-гєтє, Хатєнга-гєтє, Хантайский озерє, Левински пески, бєньдеґ тєндєґ адяґ, дюракєґ, няаґ, нагўр тансє. А, Диксєнє-гєтє њонєє ту-сює-ґ. Єндыґ ибахуґ кєзаки ибахуґ кєзак иніґиатєґ.

Тє кўзиатундє выступаиґкиґємуґ. Тєніґиа кўзиатундє выступайкєтєнуґ сязыґємыґ каньгўчекўє бєньдеґ бєньдикаамуґ выступаирся кєйњиґся сязыґємыґ. Мынь нињыныґ хулерыґ єндыдяа тєті, мєбтањуна сылиґиа такєє аникаґа сетєгєиґ корузаґадя.

«Усть-Авам черєуґ сетєгєиґ корузаґадя ху-ли-ты-ндыґ». Тє мынь маагєльче дерутумуґ, тє-тє дембиґкўнёуґ хулибиањхынєиґ. «Њўкўґ єиґ, дембитєбиахыныґ», тє, бєньдикаамуґ дењхидиґємыґ. Тєті сетєгєинуґ корузаґадя конаґамуґ, тєні серыры-ґє-мыґ. Тах. нињыныґ мунуруґ єхы тыњгўмўндўґ Францидя бўўґкиґеруґ. Тє-тє выступаирамўєдеєчуґ четуа няагєємєну няагєиґ кєйњитўрўґ.

Тє мынь мунунтумуґ: «Маа Бєлєчанка черєґ куніґиа ихуаґ нибиаґ хезытыґ?»

«Нибиахыґ». Абаму черєрєґ ибахуґ. Канє мєтўґ њанаґсаруґ тылятыґ някєлє-ры-ґкиґи-тўґ ибаху.

Тєґє, каньгє тєутєхиа-ныґ?

Маа, биизє числотєны тєута-биахы-ндыґ.

«Єм-кєтє, Нєрилискє-гитє. Кўзиахўґ тєуґкиґєрыґ».

Тє, тє иньєє.

Мынь мунунтумуґ: «Тє-тє куніґиа кєчи тєу-гу-нуґ тагаґа».

Бєнсє латўґємуґ тахариаиґ кўзиатаґкудяариаиґ њамиайчумє часєтєну норбу-бту-ра-ґа-муґ.

«Тє меригиаиґ дембиґњиндіґ, тє-тє нємбєґ дембиачиґ коиньырыґ, няадезє дембиа-риа-тіґ мынды-њырыґ, тє-тє няадезє урубаакўчуґ серє-њы-рыґ».

Тє мынь деньхидиґємыґ.

«Тє куніґиа ичењумуґ нинтыњымыґ лабкудя коныґ?»

ПОЕЗДКА В ПАРИЖ

Мы из Усть-Авама поехали восьмого числа июля в Дудинку.

В Дудинку прилетели, ну вот, когда прилетели в Дудинку, нам говорят: «Будете выступать, будете петь».

Все прилетели из Усть-Енисейского района, из Хатанги, с Хантайского озера, Левинские Пески — все, кто долгане, ненцы, нганасане, три национальности (три рода)

А, из Диксона еще приехали.

Это, говорят, казахи, казахские старухи.

Ну вот, назавтра стали выступать.

Так назавтра выступать закончили, когда-то, все мы выступать и петь закончили.

Вот нас позвали, туда в белый дом, в желтый дом, в который из них, вон в большой начальников дом.

Жители Усть-Авама, вас зовут в дом начальников.

Вот мы ничего не знаем, ну что, будем одеваться, говорят, зовут.

Девочки, сказали одеться, вот все мы оделись.

Вот в начальников дом пошли, нас туда завели.

Сказали нам, вот вы-то во Францию поедете.

Вот песни эти, ваши выступления очень хорошо вышли, хорошо поете.

Ну мы говорим: «Что жители Волочанки, что с ними, разве не едут?»

«Нет».

Житель Усть-Авама, говорят, только.

Сколько — шесть человек вас только, говорят, возьмут.

Ну, когда будем улетать (улетим)?

Ну, десятого числа, говорят, будем улетать.

Отсюда, из Норильска.

Завтра улетаете».

Ну, пусть.

Мы говорим: «Ну как, пусть улетим».

Всё собрали, рано утречком в девять часов нас подняли. «Ну, быстрее одевайтесь, плохую одежду оставьте, нганасанскую одежду только везите, вот нганасанские рубашки наденьте».

Вот мы и оделись.

«Ну, что будем делать, что, в магазин даже не пойдем?»

«Тоиньєєґ лабкачу. Ньємнєбталу-ру-сюсў-тўґ, дорогємєну ньємсусў-чуґ бєньдеґ маараасўчуґ тєтураґаґ».

Тє тах. тєуґкиґинюґ, нясы тєніґиа ньануємыны ньуєлы бєну-дўў-нўґ, четуа бєнуњкатануґ тєбтє, нясы деньхидиґинўґ бииґиамуґ.

Неначаґа культотделовский тєті єндыґыа тє… сылыњуна, машинаґа мєбтабта, тє тб. ємты такєє Норилискєті чуўґємуґ Алыкелиндє. Алыкелиндє чуўчутєнуґ няагєиґ ньансє: «Норбубтураґамуґ кучемєны тє меригиаиґ, такєє тєириє-рыґ нєньдиты». Мєскваєдя тєуґкиґерыґ ибаху.

Тє тєніґиайхуаху ысє, куніґиагєльче нинтыныґ ньучалуґ. Ньємсусинюґ бєлта тєтураґаґ ньємєкиґємуґ. Тєніґиариаиґ ньємєґкиґємуґ мааче чайгєличекали маагєличекали. Ысыєбўє суєкєкєличе маагєльче някидемінтєґнигєтыныґ ньучалуґ. Тєніґиа тє тах Юрий Иванович Гєрадинаров тєті сетєгєємєиґ, культоделиґ сетєгєє.

Тє неначаґку тах. тєириєгўмўрє ньомтўґиsє. Тєндє тєириєтє ньомтўґємуґ чиґиніґ. «Чиєгуныґ». Тб хезытыгєтымєиґ.

Манакўґ минсиєныґ ньомтєдўўнўґ тєрєді анікаґа тєириєтє. Сюаркўане тєирсиєдеєгўмў каньгўчекўє ману дедитынь нилыбиґєґ. Ми ємєніє, Хоніаґку Лємкаибичи на тєті тєирсянє дерутуми тєніґиаися хылєдятєди тєны, ньомтўкєтумі.

Тєндє миинині… тє, канькєгўєу няагєиґ дийку-ли-ґи-нўґ мунураґинўґ: «Тє ниєдичиґ сарєњуруґ». Тах. кунуњуґ ниєдегўманюґ теґ дерутумуґ тєндє маа деру минсиєнє деру-њusу-ту-м.

Тб Сидоринємє мунуґє дятєнє Њийкўймўмє: «Сюаму ємты меригиаиґ ємыґыа ниєдерє сарєґ». Тє ниєдемє сарўґєм.

Бєньдикаамуґ ниєденюґ сарўґўнўґ нянудя кичебтіаиркєтымыґ, ємєнієрє сарєњу маању ниєдемту.

Тб. маскватє чуўґємуґ. Серементьевєтєны ибахумуґ. Тєндє чуўґємуґ, серырыґиніґ. Тє мунураґамуґ: «єнтєsєрыґ абтобусє ту-чеґкиґє ибаху тынь хуудитыє». Эиґ, тах. кундє дюбєє-ры-тєбиниґ ньансє! Тах. тєті деревня Свотня тєніхуаньху. Мєсква кадякўнў под Москвой ли Мєсква кадякўнў Тєні контураґамуґ, афтобусємуґ тєні нєнсуґиsє. Тєгєтєны мунураґинюґ: «Ємєніє Мєгєданє черєґ куєгуну тусюєґ, талуриаиґ тусюєґ, тєбтє Париждя хезысыєґ». Тєбтє ньонєє хунсєє тансє.

Тє, тєндыґеинюґ тах. чииґкиґемыґ неначаґаґкєу ньанує коруѕаґа часукўнє часумє. Тєтірє тах. ньагўр банўґўє нєньдиты-ґ, єєєиґ ньагўр банўґўє нєньдитыґ єиґ, ньмєли логиаґты-ґ. Тєгєтєны мунураґамуґ «Єґ нєнсы-ньы-рыґ!» Ємтырє ємтыsы, тєндє ємє корusє муунтуєґ

«Не надо в магазины. Будут вас кормить», на дорогу продуктов всякое разное дали.

Вот теперь улетаем, еле кое-как, очень устали, очень устаем тоже, еле оделись, пошли. Огромный культотделовский, ну кто, машина или что ли, доехал до Норильска, в Алыкель.

Когда доехали до Алыкели, опять нас дергают (торопят): «Давайте уже быстрей, вон самолет ваш стоит». В Москву, говорят, полетите.

Вот опять никуда не отпускают. Еду вот только принесли. Только так покушали, без всего, даже без чая, даже без всего. [Возмущение] Даже соки покупать не пускали. Вот так теперь Юрий Иванович Градинаров, наш начальник, начальник культотдела.

Вот огромный самолет сел. В этот самолет вошли и сели. «Сядем» (предлагает кто-то из группы). Теперь мы летим! Впервые мы-то сели в такой большой самолет. А друзья мои раньше летали, когда был жив отец. (Дуся с Ниной.)

Мы вон с Хоняку Ламкаевичем вот не летали никогда, поэтому боимся там, сидим.

После этого когда-то хорошо покружились (дали круг), говорят нам: «Пристегните ремни».

Вот теперь где ремни-то, не знаем, я-то вообще не знаю.

Теперь Сидорина сказала мне: «Нийкюмю* (двоюродная сестра по матери), вот быстрее, вот так пристегни ремень».

Вот так пристегнула ремень.

Все мы пристегнули ремни, друг на друга поглядывая, другой пристегнул ремни или нет. Вот теперь прилетели в Москву. Говорят, в Шереметьево.

Туда прилетели, /заходим/ нас туда завели. Вот нам сказали: автобус приедет, говорят, за вами. Ох, куда же нас опять забросят!

Там у вас, говорят, есть деревня Сходня. Около Москвы. Туда повезли, автобус наш там остановился. Потом нам сказали: «Жители Магадана давно приехали, вчера только приехали, тоже едут в Париж. Тоже другая национальность. Вот теперь эти (наши товарищи) стали заходить в такой домище большой-пребольшущий. Там теперь три собаки стоят, вот так здорово лают. Потом нам сказали: «О, стойте!». Вот это вот, этого дома сторожей (собак) чтобы боялись, если кто другой зайдет

---

* *Ньийкӯмӯ* – жизнь, чтобы дальше жить.

ємитіа хикєбтісє хунсєй маараай чиибиґєсє дя. Тєті корусє муунтуєрє тах. банаґкучу тєндє банўґўўчу неначаґку банурбаґа неначаґай бєдяґ бынінтіні сарўўчу. Тєндєґєичу хуануґє маачекўє корусє куньди.

Тєґє мунураґ, мунуґє ємыче: «Таймырє черєґ»?

Єєґ.

Гєрдинаров мунуґє: «Таймєрє черєґ».

Тємєєны серырыґємыґ, номертінюґ тєтураґаґ.

Дятєнуґ тах. мунунтуґ: «Тыминіа њємурасусєруґ». Ммґ, тєґє њємєкиґємуґ тєндє Свотнятєны. Њємєкиґємуґ њємурса сятєди тах: «Мунураґинюґ тє кунту-њандуґ».

Оуґ куніґиа кундутањануґ? Мыњгўмўнюґ тє четуа бєнаґамуґ.

Тє сетєгєємуґ Гєрдиноров мунунту тєті конаґа Мєсквадя мунуґє: «мєнє масквaєтєну ѕнакомыне тєныйчуґ хелине тєныйчуґ ємны и-њу-руґ».

Тєндє мынь муунтує люєґсањкудя бануґ, бануґ тєті банєй кємиатує люєґсадяа мунунту: «ємыче куінґиагєличи нине нёльхўкўґ»

Тє Гєрдинарєвємуґ бииґиа сетєгєємуґ бииґє бєнсєгєй бииґиагєй.

Селищев њонєє исює њонєє люґєса сетєгєє, сетєгыґыањыsы. Биталиа исює нимті отчествамты њанабтаиґєм. Тє ињєє, тб. кундутудя биисє часєтєны биисє часєтєны мынь мунунтумуґ: «хиємєу тєндє люєґсањгудяа «Мынь тє четуа лабкудя кєрбутумуґ». Нихиаsємыґ лабкудя коныґ єхы. Ємты тынь њамсачуґ тє нинтєрєгыґ мєнелюґ, ристоранєтєну њємсачуґ». Тєніґиаихўнўґ бытініґ дёњєsичитімиґ. Былиайниґ дяњгуґ бєнугўмўдя єхы.

Тє, мєнє тб. Сидоринєнє нану нёлхєsураґами. Тєті Дюходовичимиґ куніґиагўє єндыкєты, єєґ, кылмургєту. Тєндє нымты нинты њучадеґ Сєндимиакумты, куніґиагєличи нинтыsы њучадеґ, тє ми куєбтўsaґа ися коныгуми.

Конаґами, маа лєрёєкањгує-тє чииґєми тєлианы ихуаѕу ларёєкањку. Тєніґиа чиитітєні тах. мунуґє тєті ларёєкє тамтуси: «куніsє имєруґ маа националєруґ ємтырыґ няаруґ няндытырыґ».

Ми мунунтуми: «тє тєнє куніsє имєњ?»

«Мєнє Норильскєгитє имєм, Норильскитіні њойбєудюєм, Норильскє моумє исює ємєдя тусюєм, куєдюмуsємє њєтєдя. Єндычиґ, хорўчуґ дяариай тє тынь мыњгўмўнє тумтўєм тє маа хуйњіри».

Ми сиsи бысиаґкутєми някєли-ґє-ми Сидоринєнє нану.

Тє чииґкиґєми, єиґ тє-тє банюґўєгўмане њансє няагєиґ локылєбтіґиндєуґ.

(сторожевые собаки). Вот сторож этого дома собаки, огромных псов на большие цепи привязывает. Вот этих собак увел (положил) в какое-то помещение. (Он их закрыл в домик.)

Ну, сказали, спросил: «Что, жители Таймыра?» Да. Градинаров сказал: «Жители Таймыра». Так нас привели, дали нам номера. Нам теперь говорят: «Сейчас пойдете кушать» Вот, мы стали кушать в Сходне. Сели есть, после еды нам говорят: «Идите спать». О, как будем спать? Мы ведь совсем устали.

Вот наш начальник Градинаров поехал в Москву, сказал: «У меня в Москве есть знакомые, есть и родня, будьте здесь». К сторожу русскому, хозяину собак — говорит: «Этих никуда не отпускай». Вот Градинаров уехал, начальник уехал, и оба (с напарником) уехали. Селищев еще был (русский) начальник, большой начальник. Виталием звали, отечество его забыла.

Ну, пусть, теперь вечером, в десять часов, мы говорим этому русскому: «Мы очень хотим идти в магазин. В магазин пошли бы. Вот эта ваша еда не нравится в ресторане, где мы кушаем». Мы себе хотим кое-что купить. Такого не хватает, потому что уставшие. Вот нас с Сидориной вместе отпустили (пропустили). Вот наш Дюходоевич как-то недоволен, притворяется (хочет серьезным казаться). Вот жену не отпускает Сєндимяку, никуда не пускает, мы вдвоем ушли, была не была, пойдем. Пошли, в какой-то ларечек зашли, тут же, оказывается, был ларечек.

Как мы зашли, говорит это продавщица ларька: «Откуда вы, националы, нганасаны, кажется». Мы говорим: «Ты откуда?». «Я из Норильска, в Норильске работала, земля моя — Норильск, сюда приехала, найдя мужа. По лицу только я догадалась. Ну, что вам надо?». Мы две пачки чая купили вместе с Сидориной.

Вот, заходим (обратно), ну вот эти собаки опять начали лаять.

Ну, мы говорим этому сторожу дома: «Это мы, которые только вышедшие».

Вот этот любителем чая оказался тоже. Говорит: «Налейте мне чашечку, у меня голова болит. Если вы не нальете мне чашку чая, я вас не пущу».

Я совсем испугалась. Вот, говорю, Нийкюмю такая же шустрая, этому налила чашку чая.

Даже на пороге вон за те двери даже нас не отпускает. Тут я говорю: «Эй, деточка, может нас он убьет». (Опять) большую чашку чая она налила, тогда только этот наш русский нас отпустил. К своим зашли.

Тє ми мунунтуми тєндє корусє муунтакудя: «Тє ми ємтєиґ њонсыдиєдеєми».

Тє тєтіаґкумє тах. хуањкугусањку ихоasy тєбтє.

Мунунту єсє: «Китасємє бобтуњури мєнє њойбуємє дяриті. Китасємє нибиті бобтуґ ті нисыsєм нёлхosуґ».

Тах. мєнє маагєличегєтє нињым хыымєґ єхы. Єиґ, тє тєті — мєнє ємтымє — Њийкўмўмє єнтыњыты єбєйдяґкуњыты тєтірє тєндєґєты китасє бобтаґа. Курєгўй порогє нариаиґ такєє њуа тане кєитє, курєгўй нинты ми нёльхўкўґ.

Тєны мєнє мунунтум: «Єиґ, нюкўєиґ, минтіагєны ми kosутєту».

Тє кisаґasємту бобтаґа, тє чухєну тах. тєті люєґсањкуми ми нёлхуasаґа

Няндіні чииґєми. Тєніґиайхўни сторожємуґ тєті мунунту: «Тє меригиаиґ кунтуњандуґ. Коныґкиґєрыґ Париждя кўsўахў».

Њамиайчумє часє њуєляй кўsиатуньде. Тє мынь мунунтумуґ тє-тє: «Кунуњу аптобусємуґ тах. афтобусємуґ тєті серементьевєнуґ афтобсє нињы тууґ єхы». Тыніґиа њансє няєгєиґ њ. лунсубтырыґємыґ. Ємєніє сюамумє дюsымиаку њонєє исює. Тєніґиа лунсубтырыґємєиґ тєґє нинтымыґ чиигєличе ысєєбўє такєє єндытє аэропортєндє.

Мунураґамуґ: «ємєніє єнты париж тєті /туунєнту/ тєириґиаруґ њуєляй нєньдиты тынь барєту».

Тєніґиалятутєну тєириґиа кадя конаґамуґ. Оуґ тєтірє тах. тамтўґтєбса-кўмў-sў њонєнту ни-њы desимидеґ. Тє муну-ра-ґа-муґ: «Кунуњуґ тєтєґ єнды дембиачиґ маараичуґ?». «Ємєніні ичуґ дембианиґ». «Дембиачиґ нисыєрыґ нєsўкєльче нисыsичиґ тынь хоантєґ.

Тєті єндяґкучиґ суњгаґкураичуґ някєлєњырыґ, Є-є, Тєириєтє чиинњырыґ».

Тєґє тєириє-тє чии-ґє-мыґ. Маањуна тєириєгўмўрє тєтыґичуґ нагўр, нагўр риад њомтўсянучу. Тєні њомтўґємуґ. Тєні њомтєдя тах. четуа њукєгєикиаґ њанаґсанєґ тєґє мунунтумуґ: «ємє магаданє черєґ кунуњуґ?»

Тєніґиалиатутєну тах. нумайка кадяґкўнўґ тууґє.

«Тынь Таймырєгєтє имєєруґ?»

«Єєґ, мынь тєбтє Таймырєгєтє имєємуґ. Мынь талу тынь диньдисиємыґ нисыємыґ тынь качемєкєличеґ». Тыніґиаґєилиатутєну тах. њансє тєуинеуґ.

Тєті тєириґиамыґ маагєльче дели-sинигєты сєйбуґ.

Вот так наш сторож (которому наливали) говорит: «Ну, быстрее ложитесь спать. Поедете в Париж завтра в девять часов. Девять часов, уже утро».

Мы говорим: «Где наш автобус? Автобус шереметьевский вот пришел».

Хорошенько нас подняли (заторопили).

Вот это двоюродная сестра Дюзымяку (Евдокия Демнимеевна) еще была. Так заторопили, что даже не зашли в аэропорт. Нам говорят: «Вон, это парижский /пароход/ самолет уже стоит вас ждет». Так мы к /пар(оходу)/, к самолету уже пошли. Оу, вот теперь его трап сам по себе опустился. Вот, нам говорят: «Где ваши вот эти, одежда, еще что». «Вот тут наши вещи».

«Вещи свои даже видеть не будете и сами класть не будете. Только сумочки берите. Заходите в самолет».

Вот в самолет зашли.

Что это за самолет, даже в три ряда сиденья. Туда сели.

Туда сев, очень много людей, ну вот говорим: «Эти жители Магадана, где они?»

Вот так юноша подошел к нам.

«Вы с Таймыра?» «Да, мы тоже с Таймыра».

«Мы вчера про вас услышали, но даже не видели вас».

Юноша… Теперь опять полетели.

Вот у нашего большого самолета совсем не слышно гул.

Люди там ходят.

Наши самолеты не такие, чтобы еще ходить.

Когда летели в Москву, наш самолет был.

Вот боясь, впервые летя, мы не ходили (по самолету).

Вот теперь наш самолет полетел.

Тут же официантки вот это, еду разносящие, говорят.

Вот сказали (официантки): «Покушайте».

Оу, вот так я сижу, стол передо мной раскрылся сам по себе.

Ох, уж очень удивительный, ну вот официантки пришли, еду принесли.

Ну, говорят они (передразнивает французских официанток): «Сок, сок, белый, белый».

Ой, что это значит: сок.

Говорю, говорят (опять передразнивает): «Красный, красный, белый, белый, сок, сок».

Ну, вот мы все так удивились, конечно, Сидорина раньше летала вместе с сестрой, с моей двоюродной сестрой вместе.

Тє-тє тах. њанаґсанєґ њанує дёсўркєндєуґ. Тах. мыњ [маа, маантє… маа куніґиа] мыњ тєириинюґ тє нинтуґ тєрєдиґ ысє дёsурся.

Такєє Масквaтєныгўєныґ мыњ тєириємыґ исює.

Тєґє хылєдятєди манакў тєуґинўґ нигєтымыґ дётўрєґ.

Тєтірє тах. тєириєґамуґ тєуґисє. Тєніґиалиатутєну тєтє маањунаґ офисанткєґ тєтєґ єндыґ њємсуй тасєтєтуєґ ибаху. Нињыґ мунєґ: «Њємурунуруґ». Оуґ, ємыґыа њомтўлиатутєнуґ тб., няагєиґ њємурсатємє нињыsє татєґ ємє њонєраату. Єиґ тах. ємкўмўрє тах. толымыґыа тєґ, тє-тє тах. офисанткинюґ туєґєґ туєґєґ њємсуsинюґ тasаґаґ.

Тє мунуњкєндуґ тє: «Биски, биски, белий, белий».

Єиґ, маањуна ихўтў тєті бискигўмў.

Тах. мунунтум, мунуњкєндуґ: «Клясный, клясный, белий, белий, биски, биски».

Тєґє бєньдикаамуґ њєнєрилиґємєуґ ага, тєті тєті Сидоринамуґ њуєлы тєирсиєдеєгўмў њабуту нану ємєніє сюамунє нану. Мунунту дятєнє «Коху, ємкўмўрє єsєґ иностранный ємєґ єндыґ парижиґ тє ми тєирхининіґ бысыркєтымыґ». «Єиґ, маадя єхы мыњ хоруалукєинюґ тєрєдигєтє?» Нигєтыґ бытініґ сылыгєльче тєніґиа. Тах. няагєиґ нињыґ єхы намєруєбтуґ тєндє њємурсануґ нимєєны тыніґиариай њануємєны тєтєґ ємєґ кисаґкўґ тєніґиариаиґ туйкєтуґ. Тах. тєтірє њуєлымы єхы, мыњ маа няагєємыґ њанаґсамуґ ысыєбўє.

Бысыґкиґємыґ њємуркєтумуґ.

Канькєгўє бєньдикаамуґ кунтубатануґ. Бєньдикаамуґ кунтубатануґ. Оуґ, тє єуґ, њуєлы бысыґкєгўмўси.

Тє тєтірє тах. канькєгўє китєкараґамуґ.

«Є, такєє люєґсисє буєту». Париждя коныґкиґємуґ, чуўкиґємуґ ибаху.

Такєє буєтаґа тєті єнды неначаґа буєту.

Тєґє, њансє ремниинюґ сарўґємуґ.

Сылиаґ маагєльче њанusуту дяњку.

Сылиаґ диикатєбўнюґ нихииниґ тєириємыґ њанує њуґєля моунтєну ичуєрєку игєту. Тє єуґ нєнсуґємуґ.

Нєнсутытєны тах. мунураґамуґ ємты тааніє нисыsєрыґ моугєльче дебадеґ њансє переводчицємуґ мунуґє. Ага, тєґє мыњ њансє мун (ураґамуґ) єиґ тах. нисыsємыґ ибаху њ. єнтыгєльче дёsўркєличе.

Тєніґиалиатутєну њануємєны єєє њ. тєндє тамтўтєбсануґ ниле њануємєны тєті афтобусє њуasу лябиальмидиґє. Оуґ, маањуна ємкўмўрє

Говорит мне: «Коху (сирота), этот же, как иностранцы (но тут не очень понятно), когда мы в Париж летим, мы пьем сок».

Почему же нам это запрещают (пить)? Никто же нам не дает так.

Теперь и стали разливать прямо на столе в стаканчики, стаканчики сами к нам приходят (сами двигаются).

Конечно, ну что поделаешь, мы хотим хорошими быть (но стаканчики-то едут, больше такого шанса не будет).

Выпили, кушаем.

Когда-то мы все, оказывается, уснули. Все уснули.

Конечно, когда уже выпили.

Когда-то начали нас будить.

«Приближаемся к Парижу», — там по-русски говорит.

К Парижу подлетаем, говорят.

Ну, они, это, по-русски говорят: «Наденьте ремни».

Вон объявляющий, что за такое огромное говорит (откуда голос слышно).

Вот опять ремни пристегнули.

Не знаю, ничего не известно.

Не знаю, кружимся или нет, самолет как-будто на одном месте стоит.

Ну вот, сели (приземлились).

Когда сели, нам сказали: вот даже на землю не наступите, опять переводчица сказала.

«Вы даже, — говорит — пешком не пойдете, прямо у порога будет стоять это автобус».

Переводчица говорит по-русски.

Нам опять говорит, эй, не будем даже опять ходить.

Вот сразу, прямо к порогу остановился автобус, двери раскрылись.

О, что это такое, два даже этажа (двухъярусный).

Ну, зашли.

Войдя, нам сказала: в автобусе есть громкоговоритель, коробка.

Этот громкоговоритель говорит.

Переводчица говорит: в гостиницу идем.

Нет, она по-русски говорит.

Она говорит (кто-то говорит: говори по-нганасански). Ээ, все время по-нганасански.

Эта, которая говорит по-русски, сказала: «Вот сейчас мы это, доезжаете до гостиницы».

По скольку человек будем в этой одной гостинице будет, неизвестно.

Ну, мы говорим: «Ну как, ну куда поселят (бросят)».

ситі тєґ тєтыичу хорыєбтутєтыє. Тє чиґємыґ. Чииди тах. дятєну мунуґє тєті переводчицамуґ опять говорит: тєті афтобусє кунсыны њонєє њансє буєбсанєґє неначиґиа тєті тамнуичу корысы. Тєті кораґа мунунту. Нитнтуу сыты по-русски буєту. Єєґ, тєті мунунту: «Єє няадетємєну хўєтє». Тєті тах. єнтымыґ Люєґсисє буєтуємуґ мунунту: «Тыминіа єндыкиємыґ, гостиницатє чуўґкиєруґ»

Тб. канє њанаґса канє єндытєны њуґєсє гостиницєтєну исюсє њанusуту дяњку. Тєґє мынь мунутумуґ «Тє куніґиариаиґ икуємуґ, кунічи дюбєрыкуныґ. Чуўгєличекунуґ».

Маа четуамє њануємєны минсиєнє сєємє ларкатугєту. Маа, сылы тєрєди ченыњы? Тєгєтєны мунуњкєндум: «Оуґ ємкўмўрє њанує ситєбырєгы». Бєньдикаамуґ њынинаркєтумуґ нянуґ дя.

Тє, гостиницєтє дюбєрыґемыґ. Тєні чуґємуґ, тєті тах. бєбўнюґ њ. куґ єрєкєрє курєгўй лочачуњ дяњхытыґ, бєбєзинюґ. Тєны ємыґыа њунебўґўнє ємє бєбєнє бєнтудя. Оуґ, маањунаґ тб. тєтєґ єндыґыаґ койкўрбаґаґ мабтањунаґ лыркатундуґ бєбєнє бєнтуну. Ємыґыа манує чебимєґ дюзачуњ чебимиґєґ тєтєґ.

Тєтірє хўнсерєєдеє церковь ибаху. Тєті кєйкўґ мадеє ибаху хўнсерєєнунту.

Тах. ємєніє сюамумє Дюзымиаку сюамумє мунунту: Ємє нюкўєиґ мыњгўмўнє нисыsєм няндыты кундуаґ ємты маањуна койкўрбаґа бєнтунунє лыркатуњу. Коху нюкў кундуакумеиґ»

«Тє-тє, кундуакуми». Сюаркўани нигєтыґ єндыґ хылєдятєґ хылодятєґ куніґиабта.

Тє њонєиґ њансєє њємєґкиґємуґ ристораиєндє.

Тєніґиаиґ чуўтєну мунураґинюґ єнты тамну њонєє Парижє ємыніє хиайтєны тусюєдеєиґ гостиница тєнычу. Тєніґиа контурундє києруґ тєні тах. њуєйбўўчуґ кирбитєрєсюsўтєґ њонєє нёбтєґсюsўтўґ. Њонєє ємє њойбўўчуґ красиирўтєбємбатєґ дюєралутєбахуандєґ њуєйбўўчуґ. Кєsачуґ дюєралутєбахандєґ, бєньдеґ тєніґиа куніґиариаиґ мелитєбиахыныґ.

Тє-тє иньєє тєндє гостиницадя конаґамуґ. Тє ми єнды сюамунє нану нагўлюнюґ тє Хоняку Ламкаевич мунураґинюґ «тє-тє њуєйбўўчу красиньўрўґ». Њонє чимиsичиґ тохєњуруґ. Єиґ тах. ємты сюамумє мунуґє: «нюкў єиґ, тє тоиньєєґ. Маа неньгиркитєди тах.] бєньдеґ тєніґиа дюєралутєнантєґ њонєє тах. чимиsиниґ тохєрутєњандєґ њонєє нуєйбўнюґ кирбирўтєњандєґ. Єнты Дудинкараатєну ихўґємуґ њойбўнюґ кирбирўсюўтєґ. Тєтєґ њонєиґ њойбўнюґ кирбитєбахуґ, тє-тє туєйньєєґ та-

Главное, доехать. Сильно у меня билось сердце.
Кто такое знает? (Откуда было известно, что так будет?)
Я думаю: «Ох, это как в сказке».
Мы все удивленно поглядывали друг на друга.
В гостиницу забросили (привели).
Туда дошли, кровати такие красивые, а полы даже блестят в месте для нас.
Так наверх голову закинула, поверх кровати посмотрела.
Вон двоюродная сестра Дюзымяку говорит: «Нюкю (детишки), я-то, наверное, не усну, надо мной шайтан какой-то распятый висит.
Коху, дитя, (вместе) будем спать».
«Ну, давай будем (вместе) спать», — отвечает Е. С.
Друзья наши не это, не боятся, не боятся так-то.
Ну, вот еще раз поели в ресторане.
В это время нам говорят: «Вот там еще, в конце Парижа, есть гостиница для приезжих. (17:46)
Туда вас повезут, там теперь будут вас подстригать, еще мыться будете.
Вот еще головы ваши покрасят. Ногти покрасят, еще всякое сделают».
Ну, пусть, в эту гостиницу пошли.
Нам с двоюродной сестрой, втроем, с Хоняку Ламкаевичем, говорит: «Покрасьте головы». Еще вставьте зубы.
Ох, теперь двоюродная сестра сказала: «Ох, детка, не надо.
Ой, какой грех, на чужой земле еще будут красить головы, и еще зубы вставлять, и еще головы подстригать».
Когда были в Дудинке, нас уже постригли.
Вот теперь опять хотят нас постричь, да ладно, не надо, к черту (совсем).
Но на этот-то мы-то пойдем (мыться). Мыться-то пойдём.
Ну, мыться-то мы пошли.
Вот теперь это Сындимяку Чайхореевна, вот эти отдельные кабинки, где моются, вот так.
Общая комната, отдельно моются.
Каждый по отдельности.
Оу, когда-то кто-то один из нас закричал:
«Эй, что случилось?
Вон старуха поскользнулась, голову разбила».
Ох, это Сындимяку оказалась.
Вот так вот, пока мы с ней возились, скорая и всякие врачи приехали.
Эх, эту бедную на целые сутки увезли в больницу.
Ну, когда-то ее привезли, голова перевязана.

гаґаsи. Тє єнты дяагўє нёбтєгўєдя коныгумуґ». Тє нёбтєхуањкўєдя конаґамуґ.

Тєті тах. ємты Сєндимиакумыґ, Сєндимиаку Чайхореевна ємєґ миинієґ нёбтєбсанакуґ ємєґ бєsє корусаґкуґ, єндыґ. Њуєляґ ємты корусаґкуґ, бєsє нёбтєтандєґ. Њуґєсаґкуґмєны.

Оуґ, кањкєгўє няагєиґ сылычекўємуґ кирамєбтумунучаsє: «Эиґ маа куніґиайњєу!» Маа иніґиа ємєніє єнды сыбальмўдюґє њойбуємту кырумєбтаґа. Оуґ тах. тє ємты Сындимиаґкумыґ ихуаsу. Тєніґиайчутєнуґ тах. маањуна њануємєны тє-тє скорыйњалєґ маањалєґ лекырєґ нињыґ тууґ. Єиґ тєті десыкаґамуґ њануємєны целый сутки контураґа лекуруґ ниині. Кањкєгўє тєтураґа њойбуєsу кєsуту.

Тє маа кањкєнунту десыкаґа ченыњы тє-тє душ маарай. Деруту мєльчитєту сыбальмўґхуаsу.

Тєгєтєты бєйкаґату мунунту «хиємєу» иніґиарбєтыдя: «минтіагєны нењкєрєгыґыа єку.

Мыњгўмўнюґ хунсєиґ моу нињымыґ дябадеґ... Маадя тєгєтє тылиатє мєнєгєйњањ?» - иніґиантыдя мунунту. Тє ињєє, конаґамуґ masунуґ дя. Тєніґиа хўєтє тєті бєйкаґа тєніґиа кєндяйчугєту нимєґкў єнды тєндє њємєкєбўнўнўґ єнды бызыкєбининіґ. Тє тєті тах. Парижкєтє контураґамєуґ тєті ангорадя. Ангорєндє чуўґємуґ, Ангорєндє чуўтўтєну тах. мунураґинюґ тє выступаиґкєњуруґ. Кєйњися кєйњєлєњантуґ. Тєндє тах. Выступаиґкиґємуґ. Тєніґиайчутєнєу тєті мєр Ангорє мунунту: «Тыњ кондуґкиґєм тамну туркаґа тєнычу аникаґа туркаґа, туркаґа дя».

Ємєніє њуґєиґ њанаґса тууґе. Мунунту єsєєґ: «Маањунаґ ємиче њанаґсанєґ, њєsєґ ибахуґ». Тє тєті тб. тєті мыњ кондаґа. Неначиґиа абтобусєгўмўрє њануємєны њанує ситєбырєгы. Њанує тєніґиариаиґ дяњхыты њанує єнтыгитє сылиаґasє солєту ихўґтє маа ихўґтє. Куґ бєньдеґ маарааґ њєsутыґ. Тє тєндє, єєґ солєту єку. Может, стекло. Нинтуґ чањхоатєтыєґ. Тєндє туркутє чуўґємуґ. Тєґє, тб. бєнсє тєндє моу ни маараа њємсуsинюґ сыты нанту оуґ тах. ємты...

Тєті мэр, мэр города ибаху мунунту: «Куніґиайњуґ «иніґиакурєиґ бызыркєєрыґ?»

«Бызыркєтымыґ»

Тєтірє куґ њанує чуўнєй бызєй њанує тєндє моу нимєєны неначаґа кєбўєраґа татєраґа тєндє нимєєны холаґиндєґ.

Ємєніє тб. њанаґса дятєнуґ тууґе люєґса, париж черє. Ангорє черє, мунунту єsєє «Нюємє дюгусує талу. Тєнтємє хуулєњєє тєті сылы њєґ њєґ тєихуаньху.

Ну, когда она, бедная, знала про душ и всякое такое.
Совсем не знает — и поскользнулась.
А потом муж говорит жене: «Может быть, это грех.
Мы-то ведь наступили на чужую землю.
Почему ты только одна упала? — Жене говорит:
Ну, пусть, пошли домой».

Вот все время этот старик (Борис Дюходоевич) повторяет, во время еды и когда начинаем пить чай (то, что раньше было про грех, про то, что поскользнулась, — не положено).

Ну, вот теперь из Парижа нас повезли, в это, в Ангору.

До Ангоры доехали, когда доехали до Ангоры, нам сказали: «Ну, выступайте».

Петь, запойте!

Тут теперь стали выступать.

В это время мэр Ангоры говорит: «Вас увезу, там есть озеро, большое озеро, к озеру».

Вон один человек пришел.

Говорит: «Что это за люди, шаманы, говорят».

Вот этот мэр города нас увез.

Большой автобус, прямо как сказка.

Вот так только блестит, не знаю, стекло ли или что.

Все через него видно. Может, стекло. Неломающееся (не ломаются).

К этому озеру подъехали.

Ну вот, прямо на землю теперь, все на эту землю, еду всякое, от него (от мэра, сам собрал).

«Ну что ж, старухи, любите чай?» «Любим».

Разных сортов чая вот на эту землю, (потом) большой ковер постелили, на него положили (все).

Вон теперь человек к нам подошел, русский, житель Парижа.

Житель Ангоры говорит: «У меня ребенок потерялся вчера.

Его пусть поищет, кто шаман. Шаман, говорят, есть.

Этот вот пошаманил все-таки.

Это Нийкюмю наша (Нина Сидорина).

Шаманить начала, ну, потом говорит: «Завтра утром все-таки, хоть тогда-то». Ну, тогда-то, сказала, этому мэру сказала: «Этому товарищу скажи, что завтра утром твой ребенок сам придет».

Сказав уже эти слова, так сидим, выступаем, вокруг этого озера.

Настал вечер, там ночи темные.

Неначаґкєу дигє нині ичу њ. Курєгуй єндычи казаркєбтўсўчу курєгунді њанує кунсынынты ињуґ маањуґ хииньдягєльчи њєсукєты, нює камиату. Тє мунураґинюґ: такєєдя. Мињ мунунтумуґ: «такєєдя никєґ њанаґсанєґ дётўрєґ?»

Тєны тах. лесницєґ тєнычєуґ, таба-ґа хўєтє бондуґуа. Тє мунураґинюґ нисизиндіґ чуґ. Касаґ мињ кєрбудюємуґ.

Тєніґиа мунураґинўґ тах. ємєніє канатємєны коникиґерыґ ибаху бондуґуа. Њанує Париж такєє єнды франциґ биркиаиґ хирўдяґа моу дя. Тєґє бєндикаамуґ тах. тє-тє магаданє черєґ њумайкаинўґ сылыніґ тєбтє мињ єнды хелысыгєтыґ. Тє коныгумуґ бабки, иніґиаґкурєиґ коныгумуґ. Тєны неначаґку тах. корysaґа куньди чииґємыґ. Тєндє неначаґа корysaґа кунсыны быныґыєґ ємыґыа ичуґ, тєндєй быный камиатєбахумуґ.

Оуґ кањкєгўє няагєиґ нињы тєті корysaґамуґ бєндуґуа њануємєны єндыґыа њусыємынычи. Єєґ, тєґє хезитыгєтымєиґ хезитыгєтымыґ њансє тєті переводчицємыґ њансє мунуґє: «Тыминіа хезытындєтымыґ тєні чуў-тє-та-нуґ тєсиєгєтє мыєдисы конысытєрыґ нимєґкў њиляґа сєњўрњўрўґ».

Мєнє тах. сюамунєдя мунуґєм Хуєне сюамунєдя мунуґєм «сюамєиґ ниляаґа сєњўртєбахумуґ качемєтєбањхумуґ тааніє Ангорємуґ

«Њєсуњы»?

Оуґ њиляаґа качемиґинўґ.

Ниляаґа качемєндутєну маањуна њануємєны чиєсунўґ тєніґиариаиґ дизиатындыґ сюрў мантє њилену. Маагєльче ниндыґ њєсуґ.

Тє кањкєгўє няагєиґ њансє дюрўмўдўґємуґ. Нєнсуґўнўґ єку. Переводчицємуґ њансє мунуґє: «Нєнсуґинўґ». Тєндєґ бынычиґ камиањуруґ, нєнсуґинюґ. Тєгєтєну њоньдиґємыґ. Лестницємєны њансє бєндуґуа конаґамєуґ мыєдисы. Єєґ тєніні тб. сюрўє. Њанує чесити. Єєґ, тєніґиа такєєґ чеириаґкуче њанує бєньдеґ сюрў ися дизиатындыґ. Тєндє тах. єнды єнды бєрєњаґкуґ бєнтуєраичуњ єндытыґ сюрўгали ичуґ. Тєндє бєрєњањкутєну тах. корysaґа ичу. Тєндє корysaґатє чииґємыґ. Мунураґинўґ.

Тєндє отдыхаиркєтумуґ тонтіаиркєтымыґ. Дяњгуґ бєбєґ. Тєті корysaґарє ємыґыа бєнсє њануємєны куґ єрєкєрєґ тєтєґ тонтіаир-сянучуњ тєнычуґ єєґ, лочаґ њилианы.

Тєґє, мињ бўўґкиґємуґ ибаху.

Настал вечер, и нас опять увезли, вон в Ангору.
Нет, не утром, а на время обеда этот мэр, их мэр приехал.
Значит, Нюйкюмю он говорит: «Который говорил человек, его сын сам пришел». Ну вот, пришел; вообще-то тогда предсказала верно.
Говорят, этот ребенок пришел.
Ну, пусть, ну вот там, в Париже, есть Святая Мария.
На очень высокой горе стоит.
Даже этот свет (во мн. числе), не знаю внутри или где, даже ночью видно, ребенка держит.
/Ну, нам сказали: туда,/ — мы говорим: туда люди разве не ходят?
Там теперь лестницы есть, туда все время вверх.
Нам говорят, что не дойдете.
Мы так-то хотели бы.
Нам говорят, что по канату будем подниматься наверх.
В Париже, на самую высокую возвышенность.
Ну, мы все, юноши — жители Магадана и прочие — нам тоже помогали.
«Ну, пойдемте, бабки».
Мы вошли в большой дом
В этом большом доме есть канаты, за эти веревки будем, говорят, держаться.
Когда-то вот этот дом зашевелился, чтобы подняться вверх.
Едем-едем, наша переводчица сказала: «Сейчас будем ехать, туда доедем, оттуда-то пойдете пешком немножко, смотрите вниз».
Я двоюродному брату сказала, Хоняку сказала: «Хоне <обращение к двоюродному брату>, вниз, говорят, будем смотреть, на вон Ангору».
«Видно», — переводчица говорит.
Оу, вниз посмотрели.
Когда вниз посмотрели, будто облака белеют, как снег, внизу.
Ничего не видно.
Ну вот, когда-то приземлились (воткнулись).
Остановились, наверное.
Переводчица сказала: «Остановились.
За эти веревки держитесь». Мы остановились.
Потом мы вышли.
По лестнице мы пошли опять наверх пешком.
А там зима. Еще холодно. Вон обрыв, все в снегу белеет.
У этих гор на верхушках только нет снега (а вокруг везде снег).
На этой горе стоит дом.

Тєндє мунураґинюґ кай тєґє качемањантуґ тагаґа хиндіґиа, тєніни кєруєбаґаґ кєтутуґ дюньдюґўаґ. Корузаґкуґ тєбтє тєныйчу. Тє, тєґє мунураґинюґ тє њиляґа бўўґкиґєруґ.

Њонєиґ њансє нўльхўґємєуґ канатаґануґ єндыґыєныґ корузаґануґ куньди. Тєндє маа ичењу... Тєндє чии-ґє-муґ тєгєтє тах. њилиґиа хеты-ли-ґє-мыґ њ. Чуў-ґє-муґ тєндє Ангорє-тє-нуґ тах. хекукўнўґ хеку. Бєнтує, чиира-не њанує-мєны бєнту-нє конаґаґ.

Тєгєтє тб. тєті хињхиґ кичезєєрє хотєдииче четуа ногєликаґкуґ. Ємє мыњ нињыґ њєняйчиґ няйбизиа-ґку-тіні. Тыніні ногєлика-ґку-ґ. Є-єиґ тах. маагєльчегєтє њонимаґа-њыты тах. њонимаґа моу.

Тєгєтє маа ичењу. Нагўрбиґ сизи деревня єнты-диє-мыґ њєзи-ґє-муґ тєніні выступаир-сює-муґ тєндє нагўрбиґ ситі исює ибаху. Записная книга-ґку-мє тєный-сює тєті-мє дюку-ґє-мє. Тєгєтєу уже выступаирся сязы-ґє-мыґ сязы-ґє-мыґ, муну-ра-ґи-нўґ париж-дя бўў-ґки-ґє-руґю Тєніґиа њансє њонєи нагўрбиґ накўрє/ нагўрбиґ ситі деревня єнты-ди Париж-дя њонєиґ бииґиамуґ.

Тє тб. Мєсєква-ту-дя тєу-ґки-ґє-рыґ. Тє няаги-ми-ґє-мыґ тєґ, четуа бєна-ґа-муґ. Њ. селый кичезєє-мєны

Єиґ мєли нялымы-ґє-мыґ, тах. куні кай манує тєті Ангорє-нуґ мэр бўў-ґкє-нду-тє-нуґ прощальны-мыґ исює. Єндыґємыґ няагєиґ мыњ њансє њонєиґ бызы-бты-сыє-ґ куніґиа-риаиґ подаркє-зи-нюґ тєтудюєуґ бєньдеґ маарааґ. Баса-зи-нюґ тєту-дює-ґ. Тєтєґ силингєґ ибахуґ мааґ.

Парижєгєтє тєу-ґє-мыґ тб. масква дя чере5 Москву Токио черєґ сюарутумуґ, корейцєґ њонєє китайцєґ.

Єєґ, Мєскватє чуўґємуґ тах. тєтєґ корейцаґкунюґ њ. курєгуй њ. ємыґыа дюзачуњ тєзўтєгєтуґ тєбтє выступаирсюєдеєґ исюєґ. Ємыґыа дюзачуњ тєзўтєгєту, ємыґыа дюзанюґ нюєсыгєтыґ. Тєті тах. переводчицамуґ мунуґє ємиче прощаются. Єєґ тыњ њ. курєгуй мыњ њ. нюєсыгєтыґ. Сюардеєгўманюґ. Тє мыњ на-раганюґ тєбтє єлєгакуґ, єрєкєраґку хорўчуњ.

Тєгєтє маа ичењу, мєскватє чуўґємуґ. Мунураґинўґ конињырыґ њонєиґ свотня тудя контурундєґкиґєруґ. Тах. мыњ мунунтумуґ єзєє: «тє никумыґ єзєє мыњгўмўнўґ коныґ ємє аэропортєтєну ємты сењкєгумуґ. Мыњ такєє Дудинкатєнунуґ ихўґнўнўґ єєґ, нокєзўдя четуа банаґамуґ тєґ. Њонєиґ свотня дя конынтєтымыґ мєскватєну ичує њонєє

В этот дом мы вошли. «Отдохните», — нам говорят.

Там мы отдыхали, лежали. Нет кроватей.

В этом доме очень красивые эти лежанки, прямо на полу.

Ну, говорят, уезжаем.

Ой, нам сказали же: посмотрите туда назад, там пасутся коровы и лошади. Домики тоже есть. Нам сказали: вниз будете спускаться.

Вот опять спустились, в канатку, в этот, в дом (кабинку канатки).

Ну, что сказать… Туда вошли, а потом вниз покатились.

Вот мы дошли до Ангоры, а там такая теплынь (жарко да жарко).

Наверху облака оказались, надо мной.

Вечером теперь луна и звезды очень на близком расстоянии.

Это у нас луна и звезды находятся далеко. Там совсем близко.

Теперь от всего удивительный, удивительная земля.

Ну, теперь что…

В тридцати двух деревнях выступали, тридцать две, говорят, было.

Была у меня записная книжечка и ту потеряла.

Потом уже выступать закончили, сказали: возвращаетесь в Париж.

Выступив во всех этих деревнях, мы уже возвращаемся в Париж.

«Ну, теперь улетаете в Москву», — переводчица говорит.

Ну вот, теперь хорошо стало, мы очень устали.

Ну, прямо целый месяц.

Ой, очень обрадовались, ну как, ой, он, мэр Ангоры, когда собрались уезжать, был у нас прощальный вечер.

Ну вот, нас опять напоили и всякие подарки вручили. Деньги дали.

Эти шиллинги, говорят, или что.

Из Парижа вылетели в Москву, через Москву жители Токио с нами летят, корейцы и еще китайцы

Ну, в Москву прилетели, ну, теперь эти корейцы вот так руки протягивают, тоже выступали. Вот так руки подают, руки наши целуют.

Переводчица сказала, что они прощаются. /Вас/, нас даже целуют.

Конечно, друзьями были же с нами (ездили тоже по тридцати трем деревням, просто в другом автобусе).

Такие же, как мы, тоже маленькие, красивые лица.

Ну, чего там, в Москву приехали. Нам сказали: «Пойдете, опять вас в Сходню увезут». Мы говорим: «Совсем мы не пойдем обратно, тут в аэропорту будем ночевать.

Когда мы бываем в Дудинке (мы тоже ночуем в аэропорту), поближе (в аэропорту давайте ночевать), очень устали (уговаривают переводчицу).

хиємє найбумє. Четуа кунтагаґа тєті Серементьево мєсквагєтє. Њ. мєли бєнуњкатануґ, тєті тах. мунураґинўґ уже тєуґкиґєруґ Дудинкєнду дя Норильскю Тєті тєсиєтєну тах.

Норилискині дя тєуґємуґ. Дудинкєндє туґємуґ. Кўsўалаатундє тах. Абамундє дюбєрыґємыґ.

Тєті бєлта.

Тє њ. ситєбиаґкурєкынъыты-єиґ њ ситєбырєгы.

Опять в Сходню пойдем, возле Москвы, очень далеко.
Это очень далеко: Шереметьево от Москвы.
Очень устаем». Ну, и нам говорят: «Уже вылетает в Дудинку».
Вот тут же улетели в Норильск.
В Дудинку приехали.
Назавтра же нас подбросили в Усть-Авам.
Это прямо как в сказке.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Ненецкие сказки
Девочка-сиротка 6
Три Нохо 9
Сестра семи братьев 12

Долганские сказки
Аталамии-богатырь 17
Брат и сестра 24
Три девушки родные сестры 34

Нганасанские сказки
Три девушки и пурга 48
Семь перевалов 55
Как нганасаны в Париж ездили 68

Приложение

Ненецкие сказки

Евако-Не-Ӈацекы 76
Девочка-сиротка 77
Няхар˝Нохо 80
Три-Нохо 81
Си˝ив-Пяльси˝-Нябако 92
Сестра-Семи-Пяльсяя 93

Долганский героический эпос

1. Ат уола Аталамии букатыыр 112
1. Сын лошади Аталамии-богатырь 113
2. Убай-балыс 150
2. Брат и сестра 151
3. Ус эдьий-балыс кыргыттар 186
3. Три девушки родные сестры 187

Нганасанские сказки

Три девушки и пурга 230
Три девушки и пурга 231
Сяйбє куєдяґа мане 246
Семь перевалов 247
Париждя 282
Поездка в Париж 283

Для старшего школьного возраста

ДОРОГА К СОЛНЦУ

Ненецкие, долганские,
нганасанские сказки

Авторы-составители: Копцева Наталья Петровна,
Резникова Ксения Вячеславовна, Пименова Наталья Николаевна,
Ситникова Александра Александровна, Бахтина Ирина Анатольевна

Подписано в печать 16.11.2018 г. Формат 84х100/16.
Тираж 5000 экз.